

Торквемада и испанская инквизиция. История

Рафаэль Сабатини

Torquemada
and
the Spanish Inquisition:
a history

by
Rafael Sabatini

Cover created by transcriber and placed i the public domain.

Электронная книга проекта Гутенберга о Торквемаде и испанской инквизиции: история

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Торквемада и испанская инквизиция: История

Автор: Рафаэль Сабатини

Дата выхода: 9 сентября 2016 г. [Электронная книга № 53021]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джозеп Коулс Кэннелз, Уэйн Хэммонд и команда онлайн-распространяемой корректуры на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТОРКВЕМАДА И ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ: ИСТОРИЯ" ***

Примечание переписчика:

В этом проекте используются символы в кодировке utf-8. Если некоторые символы не читаются, проверьте настройки вашего браузера, чтобы убедиться, что у вас установлен шрифт по умолчанию, который может отображать символы utf-8.

TORQUEMADA

Foto Lacoste.

FREY TOMÁS DE TORQUEMADA.

С картины, приписываемой Мигелю Зиттосу.

[Фронтиспис.

ТОРКВЕМАДА И ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ ИСТОРИЯ

РАФАЭЛЯ САБАТИНИ,
*автора книг “Жизнь Чезаре Борджиа”,
“Странствующий
святой” и др.*

*‘El fuego está encendido; quemará fasta que falle cabo al
seco de la leña’*

*Andrés Bernaldez, Historia de los Reyes Católicos, cap.
XIV.*

*С шестнадцатью полуголовыми иллюстрациями,
включая карту*

ЛОНДОНА

STANLEY PAUL & CO

8 ENDSLEIGH GARDENS

UPPER WOBURN PLACE, W.C.1

*, напечатанную в Великобритании издательством
Hazell, Watson & Viney, Ltd., Лондон и Эйлсбери.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Фрея Томаса де Торквемады - это история создания Современной инквизиции. Это история не столько человека, сколько абстрактного гения, управляющего гигантским и жестоким механизмом собственного совершенствования. Сегодня мы можем сами изучить детали этого сложного механизма. По сохранившимся записям мы можем наблюдать его холодное, плавное действие и проследить в этом ужасающий интеллект его архитектора. Но о самом этом архитекторе нам позволено уловить не более чем случайный и мимолетный проблеск. Только в самые редкие и краткие моменты он ясно предстает перед нами, раскрываясь как человек из плоти и крови.

Мы видим его, то горячо призывающего сопротивляющуюся королеву исполнить свой долг перед Богом и обнажить меч преследования, то сурово угрожающего своим государям гневом Небес, когда им грозит опасность смягчиться в обращении с тем же самым мечом. Но в основном его нужно изучать не по его действиям, а по его установлениям — по эманациям его неумолимого духа. В них можно увидеть, как он преданно уничтожает зло в предельном стремлении к добру.

Не тронутый мирскими амбициями, он кажется одновременно сверхчеловеком и недочеловеком. Бесстрашный среди проклятий, равнодушный к похвалам, высокомерно пренебрегающий мирскими благами, ни в чем он не вызывает такого восхищения, как в непоколебимом самоотречении, с которым он посвящает себя служению своему Богу, ни в чем столь ужасном и трагически прискорбном, как в самом служении, которое он оказывает.

“Можно считать, что его история, - говорит Прескотт, - доказывает, что из всех человеческих немощей ни одна не приносит обществу большего вреда, чем фанатизм”.

По сей день — спустя четыре столетия после его кончины — Испания все еще несет на себе отпечаток его безжалостной работы, и никто не может отрицать правду о Россее Св. Обвинение Илера в том, что после Филиппа II Торквемада был человеком, причинившим больше всего вреда земле, которая его породила.

Материалы для этой истории были собраны из источников, указанных в прилагаемой библиографии, и автор признает, что всем им он глубоко обязан. Однако особой благодарности он заслуживает — как и все люди, занимающиеся изучением испанской инквизиции, — за объемистые, сжатые и чрезвычайно всеобъемлющие работы Хуана Антонио Льоренте, историка неоспоримой честности и авторитета, писавшего в исключительно благоприятных обстоятельствах и обладавшего исключительно полной квалификацией.

Хуан Антонио Льоренте родился в Логроньо в 1756 году, и он был рукоположен в священники в 1779 году после университетского курса римского и канонического права, который позволил ему получить место среди юристов Верховного совета Кастилии — *то есть* Совета инквизиции. Получив степень доктора канонического права, он исполнял обязанности генерального викария епископа Калахорры, а позже стал комиссаром Святой канцелярии в Логроньо, для чего ему было необходимо доказать, что он “чистой крови”, не запятнанной примесью еврея, мавра или еретика.

В 1789 году он был назначен генеральным секретарем Святой канцелярии, и это назначение привело его в Мадрид, где он был хорошо принят королем, который присвоил ему звание каноника Калаорры.

Глубоко изучавший социологические вопросы, склонный к рационализму, он вызывал определенную степень недоверия, и когда Либеральная партия пала у власти и увлекла за собой многих из тех, кто занимал важные посты, молодой священник оказался не только свергнутым, но и вынужденным отвечать по некоторым незначительным обвинениям, в результате чего его отправили в монастырь на месяц в качестве епитимьи.

После этого он занимался вопросами образования вплоть до прихода "орлов Бонапарта" в Испанию. Когда это вторжение произошло, он приветствовал французов как спасителей своей страны и, как следствие, оказался членом Собрания знати, созванного Мюратом для реформирования испанского правительства. Но самым важным из всего, с нашей точки зрения, является тот факт, что, когда инквизиция была упразднена в 1809 году, он взял на себя обязанность просмотреть ее обширные архивы и потратил два года, используя ряд вспомогательных средств для копирования или извлечения всего, что, по его мнению, имело значение.

Он занимал различные важные должности при французском правительстве, так что, когда его окончательно выдворили из Испании, он тоже был вынужден уехать. Он нашел убежище в Париже и там написал свою знаменитую "Критическую историю испанской инквизиции", ставшую обобщением его обширных исследований.

Это был очень смелый поступок, и благодаря роялистскому и клерикальному правительству ему не пришлось долго оставаться безнаказанным. Ему запретили исповедоваться или служить мессу — практически лишили сана - и запретили преподавать кастильский язык в частных школах. Он нанес ответный удар, опубликовав "Политический портрет пап", за что получил приказ немедленно покинуть Францию. Он отправился в декабре 1822 года, чтобы вернуться в Испанию, и умер через несколько дней после прибытия в Мадрид, убитый тяготами путешествия в своем преклонном возрасте.

Хотя его "Критическая история" временами демонстрирует определенную горячность, в основном она касается трезвой расшифровки заплесневелых записей, с которыми ему выпала честь ознакомиться.

Испанская инквизиция была предметом множества безудержных и преувеличенных публикаций, выражающих диаметрально противоположные точки зрения. От таких авторов, как Гарсия Родриго, которые восхваляют его работу по очищению, искажают ее масштабы и сожалеют (в наше время) об исчезновении этого ужасного трибунала, ему действительно далеко до таких авторов, как доктор Рул, которые макают свои перья в желчь нетерпимости, столь же яростной, как и та, на которую они нападают.

Автор стремился здесь придерживаться курса, не обремененного религиозной пристрастностью, рассматривая исключительно как этап истории институт, за который Торквемада нес столь значительную ответственность. Он писал не в интересах католиков, или протестантов, или евреев. Он придерживается точки зрения, что из-за нетерпимости не подобает христианам бросать камень в евреев, ни евреям в христиан, ни тем более христианам одной секты в христиан другой. Каждый найдет в своей собственной истории более чем достаточно того, за что может ответить перед судом Человечества. И когда достижения будут измеряться возможностями, каждый обнаружит, что он имеет право не бросать другим никаких упреков, которых другие не имеют права бросать ему.

Если испанская инквизиция показана здесь как безжалостная машина разрушения, с колес которой капает кровь искалеченных поколений, все же это далеко не означает, что религиозные преследования являются преступлением, присущим Римской церкви.

“Она преследовала в полную меру власти своего духовенства, и эта власть была очень велика. Преследования, в которых была повинна каждая протестантская церковь, измерялись по тому же правилу, но влияние клерикальных структур в протестантских странах было сравнительно слабым”.

Таким образом, Леки, которого мы цитируем, чтобы у кого-нибудь не возникло соблазна использовать что-либо на этих страницах в качестве оружия нехристианской христианской пристрастности. Пусть любой такой человек вспомнит, что против Торквемады, которому, к сожалению, благоприятствовал случай, может быть настроен кровожадный Джон Нокс, который, к счастью для человечества, им не был; пусть он поразмыслит над убийством пресвитериан, пуритан и римских католиков при Елизавете; пусть он вспомнит преследования анабаптистов при Эдуарде VI и собственные требования анабаптистов о крови всех, кто не был перекрещен.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. РАННИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	17
II. ИНКВИЗИЦИЯ, КАНОНИЧЕСКИ УСТАНОВЛЕННАЯ	29
III. ОРДЕН СВЯТОГО ДОМИНИКА	37
IV ИЗАБЕЛЛА КАТОЛИЧКА	51
СТЕПЕНИ	
Против ЕВРЕИ В ИСПАНИИ	71
VI. НОВОХРИСТИАНЕ	89
VII. НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА СВЯТОГО КРЕСТА	104
VIII. СВЯТАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ В СЕВИЛЬЕ	114
IX. ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ	130
X. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПЕРВЫЕ “НАСТАВЛЕНИЯ” ТОРКВЕМАДЫ	139
XI. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СВЯЩЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ—ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА	168
XII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ—АУДИЕНЦИЯ МУЧЕНИЙ	184
XIII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ —СВЕТСКОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ	194
XIV. ПЕДРО АРБУЭС ДЕ ЭПИЛА	213
XV. ДАЛЬНЕЙШИЕ “ИНСТРУКЦИИ” ТОРКВЕМАДЫ	231
XVI. ИНКВИЗИЦИЯ В ТОЛЕДО	239
XVII. AUTOS DE FÉ	247
XVIII. ТОРКВЕМАДА И ЕВРЕИ	256
XIX. ЛЕГЕНДА О САНТО-НИНЬО	271
XX. АРЕСТ ЮСЕ ФРАНКО	282
XXI. СУД НАД ЮСЕ ФРАНКО	294

XXII.	СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС Над ЮСЕ ФРАНКО (продолжение)	317
XXIII.	СУД Над ЮСЕ ФРАНКО (завершен)	331
XXIV.	ЭПИЛОГ К ДЕЛУ САНТО-НИНЬО	346
XXV.	ЭДИКТ ОБ ИЗГНАНИИ	356
XXVI.	ИСХОД ИЗ ИСПАНИИ	367
XXVII.	ПОСЛЕДНИЕ “НАСТАВЛЕНИЯ” ТОРКВЕМАДЫ	377
	БИБЛИОГРАФИЯ	395
	УКАЗАТЕЛЬ	397

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФРЕЙ ТОМАС ДЕ ТОРКВЕМАДА	Фронтиспис
С картины, приписываемой Мигелю Зиттосу.	
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА	
ST. ПРОПОВЕДЬ МУЧЕНИКА ПЕТРА	32
С картины Берругете.	
СВЯТОЙ ДОМИНИК	48
С картины в галерее Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.	
ПАПА ИННОКЕНТИЙ III. И СВЯТОЙ Доминик,	64
С фрески в церкви Сакро Спекко, Субьяко.	
ИЗАБЕЛЛА КАТОЛИЧЕСКАЯ	80
С картины в галерее Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.	
СЕВИЛЬЯ	96
Из картины Кольменара “Девушки Испании”.	
ФЕРДИНАНД АРАГОНСКИЙ И ИНФАНТ ДОН ЖУАН	128
С картины в галерее Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.	
ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ “НАСТАВЛЕНИЙ” ТОРКВЕМАДЫ	144
ТОЛЕДО	176
Из “Деяний Испании” Кольменара.	
ШЕСТВИЕ К АУТОДАФЕ	208
Из “Истории инквизиции” Лимборха.	
АУТОДАФЕ	240
Из “Истории инквизиции” Лимборха.	
ЗНАМЯ ИНКВИЗИЦИИ	272

Из “Истории инквизиции” Лимборха.	
САНБЕНИТО Из “КАЮЩЕГОСЯ” ПРИЗНАЛ ПРИМИРЕНИЕ.	304
Из “Истории инквизиции” Лимборха.	
САНБЕНИТО Из “КАЮЩЕГОСЯ” СОВЕРШИЛ РЕЦИДИВ.	336
Из “Истории инквизиции” Лимборха.	
САНБЕНИТО Из "НЕРАСКАЯВШЕГОСЯ"	368
Из "Истории инквизиции" Лимборха.	
ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ	384
Из "Истории Испании" Кольменара.	

TORQUEMADA

ГЛАВА I РАННИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В попытке проследить инквизицию до ее истоков нет необходимости уходить так далеко в древность, как это сделал Парамо; и все же невозможно согласиться с ним в том, что сам Бог был первым инквизитором, что первый “Акт веры” был совершен над Адамом и Евой и что их изгнание из Эдема является надлежащим прецедентом конфискации имущества еретиков.¹

Тем не менее, необходимо вернуться действительно очень далеко назад; ибо именно на самой заре христианства следует обнаружить зачатки этой организации.

Нет более прискорбного урока, который можно извлечь из истории, чем тот, который содержится в ее неспособности привести хоть один пример религии, принятой с беспрекословной искренностью и рвением, которая в силу именно этих качеств не породила нетерпимости. Казалось бы, только когда вера была ослаблена определенными общими элементами сомнения, только когда в соблюдение господствующего культа вкралась определенная степень безразличия, для членов этого культа становится возможным вести себя самодовольно по отношению к членам другого. Пока этого не произошло, нетерпимость является самым дыханием религии, и — когда присутствует власть — эта нетерпимость никогда не перестает выражаться в преследованиях.

Как ни прискорбно это во всех религиях, ни в одной из них это не является такой крайней аномалией, как в христианстве, которое основано на принципах милосердия, терпения и снисходительности и главным руководством которого является возвышенное наставление его Основателя — “Любите друг друга!”

С самых ранних дней своей истории преследования неизменно свидетельствовали о распространении христианства, пока вдумчивому наблюдателю христианство не стало представлять собой самый мрачный, печальный — и даже трагический — из всех парадоксов, составляющих историю цивилизованного человека.

Его благое евангелие любви было провозглашено со злобной ненавистью; его божественный урок терпения преподан с убийственным нетерпением и кровожадной нетерпимостью; его

мягкие принципы милосердия и сострадания были свирепо разъяснены огнем, мечом и дыбой; его заповеди смирения были привиты с гордостью и высокомерием, самыми суровыми из всех, которые когда-либо знал мир.

Невозможно отрицать, что почти в любой момент истории христианства просвещенный язычник второго века был бы оправдан за свою язвительную насмешку: “Смотрите, как эти христиане любят друг друга!”

О первых христианах можно даже сказать, что в значительной степени именно из-за их собственной нетерпимости к мнениям и верованиям других они навлекли на себя преследования, которым периодически подвергались на протяжении трех столетий. Несомненно то, что они были первыми, кто нарушил терпимость, которая в политеистическом Риме была свойственна всем религиям. Они могли бы беспрепятственно следовать своему культу до тех пор, пока предоставляли такую же свободу другим. Но яростью, с которой они обличали ложные все вероучения, кроме своего собственного, они оскорбляли ревностных почитателей других богов и тем самым нарушали покой общины; отказываясь повиноваться государству, в котором они жили, отказываясь носить оружие во имя Империи под предлогом “*Nolo militare; militia mea est ad Dominum!*”, они вызвали негодование закона. Когда начавшиеся преследования вынудили их собираться и совершать свои обряды в тайне, сама эта секретность стала причиной дальнейших и более резких разбирательств против них. Их таинственность вызвала подозрение, и возникла догадка, объясняющая это. Очень скоро против них было выдвинуто обвинение, от которого вряд ли был освобожден какой-либо культ, совершающий тайные богослужения. Было распространено мнение, что они совершали мерзости и что они занимались ритуальным убийством младенцев. Общественное мнение, всегда легковерное там, где речь шла о зле, еще больше вспыхнуло против них, и результатом стали новые и более масштабные беспорядки. Таким образом, их стали обвинять в атеизме, неподчинении субординации и подрыве общественного порядка.

Суровость, проявленная к ним государством, до сих пор безразличным — из—за преобладающего в правящих классах агностицизма - к религиозным взглядам своих граждан, была продиктована желанием подавить элемент, который стал социально возмущающим, а не какой-либо мстительностью или нетерпимостью к этому новому культу из Сирии.

При Клавдии мы видим назарян, изгнанных из Рима как нарушителей общественного спокойствия; при Нероне и Домициане мы видим, как они, объявленные *публичными хозяевами*, подвергаются своим первым великим преследованиям. Но то, что преследование по чисто религиозным мотивам было противно римлянину, доказывается поведением Нервы, который запретил обман и притеснения на почве веры и отозвал христиан, которые были изгнаны. Его преемник, справедливый и мудрый Траян, спровоцированный, возможно, ожесточенным восстанием евреев, произошедшим в его правление, сначала выступил против назарян, но позже проявил к ним полную терпимость. Точно так же им не мешал опытный Адриан, который, действительно, до такой степени одобрял их вероучение, что задумал включить Христа в римский пантеон; и они были оставлены в покое его преемником Антонином, несмотря на то, что последний был настолько привязан к вере своей страны и служению богам, что заслужил себе фамилию Пий.

С восшествием на престол императора-философа Марка Аврелия, который был настроен враждебно к новой доктрине не только из-за своих собственных стоических убеждений, но и

потому, что политически он относился к христианам с неприязнью, начались следующие великие гонения; и с тех пор они подвергались преследованиям в течение примерно шестидесяти лет, при четырех правлениях, вплоть до восшествия на престол Александра Севера в третьем десятилетии третьего века христианской эры.

Считается, что мать Александра, Юлия Маннеа, была обучена новому учению александрийцем Оригеном, хотя ее обращение в христианство и ее представления о нем, по-видимому, не сильно опережают идеи Адриана, поскольку, как говорят, она включила изображение Христа в группу благотворных божеств, установленных в ее *ларарии*.²

В течение двадцати лет христиане жили в мире и пользовались полнейшей свободой. За этим последовал период жестоких притеснений, начатый Децием, продолженный Валерианом и Аврелианом и достигший своего рода кульминации при Диоклетиане, на заре четвертого века, когда христиане подверглись самому жестокому из всех этих преследований. Но конец их страданиям был близок, и с восшествием на престол Константина в 312 году для христианства началась новая эра. Константин, которого христиане считали своим спасителем, признавая неизбежное преобладание, которого новая религия достигла менее чем за триста лет, был вынужден признать права ее приверженцев не только на существование, но и на власть.

Историю этого императора окружают легенды. Наиболее популярное повествует о том, как, когда он шел против Максенция, своего соперника за трон, отчаявшись в сознании собственной ничтожной силы, на закате в небесах появился огненный крест с надписью **ΕΝ ΤΟΥΤΩ ΝΙΚΑ - В ЭТОМ ЗНАКЕ ТЫ ПОБЕЖДАЕШЬ**. И утверждается, что как следствие этого знамения, предписанию которого он подчинился, он искал наставления в христианстве, был крещен и публично признался в этой вере. Другие утверждают, что он был воспитан в христианстве своей матерью Святой Еленой — той, которая совершила экспедицию в Святую Землю, чтобы вернуть истинный крест, и которая, как говорят, построила церковь Гроба Господня в Иерусалиме; в то время как другие все еще утверждают, что Константин принял крещение только перед смертью и что на протяжении всей своей жизни, несомненно благоволя христианам, он продолжал придерживаться языческой религии, в которой его воспитал его отец.

Истина, вероятно, лежит на полпути. В первые годы своего правления Константин не только придерживался среднего курса, предоставляя религиозную свободу всем сектам, но и сам, хотя и сильно склонялся к христианству, сохранил свое императорское достоинство первосвященника политеистического римского культа и титул “Большого понтифика”, который позже — вместе со многим другим языческого происхождения — был присвоен христианами и пожалован их главному епископу. Но в 313-14 годах он отказался праздновать *ludi seculares*, а в 330 году издал эдикт, запрещающий храмовое богослужение, в то время как христианский собор в Никее в 325 году, несомненно, проходил под его эгидой.

С того самого момента, как новая религия оказалась признанной и облеченной не только гражданскими правами, но и фактической властью, с того самого момента, когда христианин смог поднять голову и открыто и без страха отправиться за границу, с того самого момента мы обнаруживаем, что он участвует в преследованиях приверженцев других культов — язычников, иудеев и еретиков. Ибо, хотя христианство находилось всего лишь в начале четвертого века своего существования, оно не только неудержимо и мощно распространилось, несмотря на репрессивные меры против него, но и уже начало испытывать расчленение и раскол в своем

собственном теле. Действительно, было подсчитано, что число расколов в четвертом веке составляло не менее девяноста.

Из них наиболее известным является имя Ария, александрийского священника, который отрицал, что Христос был Воплощенным Богом, считая Его не более чем боговдохновенным, первым и высочайшим из сынов человеческих. Хотя это учение уже было осуждено Синодом, собравшимся в Александрии в 321 году, распространение его было настолько велико, что Никейский Вселенский собор был созван специально для рассмотрения этого вопроса. Затем это было осуждено как еретическое, а Символы веры были определены и изложены в Никейском символе веры, который читается по сей день.

Другими известными ересями были манихейская, гностическая, адамитская, североанская и донатистская; и к ним вскоре должны были добавиться, среди прочих, пелагианская и пресциллиантская.

Возможно, главная претензия манихеев на известность заключается в том факте, что великий святой Августин Тагастский, когда он отказался от беспорядков своей юности, принял христианство через эту секту, которая исповедовала его форму, искаженную солнцепоклонничеством и буддизмом.

Другие ереси — за исключением Пелагианской — были, в основном, столь же фантастическими. Гностическая ересь, с ее многочисленными подразделениями, состояла из мистицизма и магии и основывалась на зороастрийских представлениях о дуализме, о двух силах добра и зла, свете и тьме. Силе зла оно приписывало все творение, кроме человека, душа которого состояла из божественной субстанции. Адамиты утверждали, что пребывали в состоянии изначальной невинности Адама до грехопадения; они требовали чистоты от своих последователей, отвергали брак, который, по их убеждению, никогда не мог бы возникнуть, если бы не грехопадение, и они изгоняли из своей Церкви всех грешников, идущих против их догматов, подобно тому, как Адам и Ева были изгнаны из Эдема. Североанцы отрицали воскресение плоти, не принимали деяния апостолов и доводили чистоту до фантастических пределов. Солдаты Флорина отрицали Страшный суд и считали неоспоримой истиной то, что воскресение плоти полностью зависит от размножения.

Пелагиане были последователями Пелагия, британского монаха, поселившегося в Риме ближе к 400 году, и его ересь, по крайней мере, была основана на рациональных основаниях. Он отрицал доктрину первородного греха, утверждал, что каждое человеческое существо рождается в состоянии невинности и что его стойкость в добродетели зависит от него самого. Он нашел множество последователей, и в течение двадцати лет между пелагианами и Церковью бушевал конфликт, пока папа Зосима не выступил против них и не изгнал Пелагия из Рима.

Начиная с Константина, христианство неуклонно сохраняет свое господство, и ее первое утверждение своей силы заключается в том, что она обнажает меч преследования, не обращая внимания на возвышенные протесты против этого, которые она сама произносила, на широкую и благородную защиту терпимости, к которой она призывала в дни своего собственного горя. Мы находим Оптата, призывающего к расправе с донатистами, которые утверждали, что именно они являются истинной Церковью, и Константина, угрожающего костром любому еврею, который оскорбит христианина, и любому христианину, который станет евреем. Мы видим, как

он разрушает церкви ариан и донатистов, изгоняет их священников и запрещает под страхом смерти распространение их доктрин.

Впоследствии могущество христианства подверглось небольшому испытанию при терпимом правлении Юлиана Отступника, который вновь открыл языческие храмы и восстановил культ старых богов; но оно снова поднялось и окончательно утвердилось при Феодосии в 380 году.

Теперь мы видим, что языческие храмы не только закрыты, но и разрушены до основания, изображения разбиты и унесены, поклонение им и даже частные жертвоприношения запрещены под страхом смерти. От Либания мы можем почерпнуть кое-что об опустошении, которое это распространило среди языческих крестьян. Проживая вдали от великих центров, где излагались доктрины, они оказались лишенными старых богов и не знали о новых. Их положение гораздо более жалкое, чем у ариан, манихеев, донатистов и всех других еретиков, против которых был принят аналогичный закон.

Именно сейчас, в столь ранний период, мы впервые встречаем титул “Инквизитор веры” в первом законе³, обнародованном для вынесения смертного приговора за ересь. Именно сейчас мы обнаруживаем, что великий Августин Тагастский — самый могущественный гений, которого породила Церковь, — осуждает религиозную свободу вопросом: “Что значит “Смерть” животным”*libertas erroris*?”⁴ и настойчиво призывает к смерти еретиков на том основании, что это милосердная мера, поскольку она должна привести к спасению других от проклятия, которое последует за тем, что они будут введены в заблуждение. Точно так же он приветствовал эти указы о смертной казни любого, кто придерживается политеизма, который всего несколькими поколениями ранее был официальной религией Римской империи.

Именно Августин— о котором справедливо сказано, что “ни один человек со времен Апостолов не вкладывал в Церковь большей доли своего духа”, с его огромным рвением и неопровержимыми аргументами, вдохновленными его колоссальным интеллектом, сформулировал принципы, которыми руководствовались гонители, и которые цитировались в их оправдание почти 1500 лет спустя после его смерти. “Он был, - говорит Лекки, - самым стойким и восторженным защитником всех тех доктрин, которые вырастают из привычек ума, ведущих к преследованиям”.⁵

До сих пор, какие бы сильные преследования ни были инспирированы Церковью, их фактическое осуществление целиком и исключительно возлагалось на гражданские власти; и к этой отчужденности, действительно, призывает духовенство св. Августин. Но уже до конца четвертого века мы обнаруживаем, что церковники сами непосредственно участвовали в смерти еретиков.

Присциллиана, испанского богослова, слова святого Павла “Разве вы не знаете, что вы храм Божий?” побудили его стремиться превратить себя в чистоте достойное жилище. Он проповедовал на основе этого текста доктрину сурового аскетизма и запрещал браки духовенства. В то время это было необязательным,⁶ и, провозгласив это законом Христа, он навлек на себя обвинение в ереси. Он был обвинен в магии и распущенности, отлучен от церкви в 380 году и сожжен заживо вместе с несколькими своими товарищами по приказу двух христианских епископов. Он был описан как первый мученик, сожженный испанской инквизицией.⁷

Следует добавить, что этот поступок вызвал глубочайшее негодование со стороны духовенства против тех епископов, которые были ответственны за это, и святой Мартин Турский горячо осудил этот поступок. Но это возмущение было вызвано не тем фактом, что люди понесли смерть за ересь, а тем обстоятельством, что церковники добились казни. Ибо частью чистого учения ранней Церкви было то, что ни при каких обстоятельствах — ни в качестве судьи, ни в качестве солдата, ни в качестве палача — христианин не должен становиться орудием смерти ближнего; и, как мы видели, отчасти именно благодаря своему строгому следованию этому предписанию христиане впервые привлекли к себе внимание и вызвали негодование римского правительства. И хотя ни разу после прихода Церкви к власти это учение не соблюдалось с какой-либо степенью строгости, все же существовали пределы, до которых им можно было пренебрегать, и считалось, что этот предел был превышен теми прелатами, которые были ответственны за смерть присциллиантистов.

На этом моменте, кажущемся в настоящее время тривиальным, здесь настаивали ввиду той важной и любопытной роли, которую ему было суждено сыграть в процедуре инквизиции.

Теперь Церковь стала отождествлять себя с государством. Она укрепила свои организации; она пропитала государство своим влиянием до тех пор, пока можно было почти сказать, что государство утратило способность к независимому существованию и стало ее инструментом. Гражданские законы были основаны на ее духовных законах; стандарты морали были основаны на ее доктринах; развитие искусств — живописи, скульптуры, литературы и музыки — стало таким, которое лучше всего подходило для ее служения, и, будучи из-за этого заключено в слишком узкие рамки, было частично приостановлено на время; науки и ремесла стимулировались только ее потребностями и ограничивались ее принципами; сам отдых людей управлялся ее духом.

И все же, оказывая влияние на государство во всех его проявлениях настолько глубокое, что государство и Церковь казались спаянными в одно распадающееся целое, она сохраняла независимость, раскрепощенность и автономию. Так что, когда великая Империя Запада, на которую она, казалось, опиралась, была разрушена вторгшимися варварами, она продолжала стоять на ногах, непоколебимая этим ужасным катаклизмом. Она осталась, чтобы покорить варвара гораздо более тонко и полно, чем победил он. Ее победа заключалась в том, что она заставила его смотреть на нее как на естественную наследницу павшего Рима. Вскоре она вступила в права на это великолепное наследие, заявив о своем собственном мировом господстве, которым хвастался Рим, и установив господство над новыми нациями, которые строились на руинах разрушенной империи.

ГЛАВА II

КАНОНИЧЕСКИ УСТАНОВЛЕННАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

В течение примерно семи столетий после падения Римской империи преследования за ересь были очень редкими и очень незначительными. Это, однако, нельзя отнести на счет милосердия. Хотя некоторые из старых ересей сохранились, все же они настолько утратили свою жизнеспособность, что их больше не выставляли напоказ вопреки матери-Церкви, а практиковали в такой безвестности, что, в основном, они были незаметны.

С другой стороны, новых расколов, по-видимому, за это время не возникло. В значительной степени это было бы связано с четкой формулировкой католического богословия различными

вселенскими соборами, проводившимися в годы, следовавшие за христианской эмансипацией, и интеллектуальной широтой этих доктрин, которые были полностью адекватны интеллектуальным возможностям того времени. Но такое положение вещей могло сохраниться только ценой остановки интеллектуального прогресса человека. Несомненно, были применены определенные ограничения, но определенно обуздать творческие и рассуждающие способности человека никогда не было под силу ни одному вероучению и никогда не сможет быть. Напрасно Церковь пыталась принудить мысль и задушить учение, которое ударило по самым ее основам и обнаружило ошибочность космических и исторических концепций, на которых основывалось ее богословие; напрасно она замыкалась в своих доктринах и жестко придерживалась принятой формы.

На эту бескомпромиссную жесткость католической церкви было обрушено много порицаний. Настоящая цель - холодный обзор определенных аспектов истории, и при выполнении такой задачи следует избегать любых полемических вопросов. Тем не менее, возможно, здесь допустимо сказать несколько слов, чтобы прояснить, а не защитить позицию, которая подверглась неоправданному злоупотреблению.

Признается, что непреклонная политика Церкви серьезно препятствовала интеллектуальной эволюции, и по этой причине она заслуживает сожаления. Но пусть непредвзятый разум на мгновение рассмотрит альтернативу. Признание ошибки - это начало разрушения. Там, где допущена одна ошибка, нить вытягивается из утка, нити которого взаимозависимы для стабильности всего изделия. Тот, кто уступил однажды, создал прецедент, который будет направлен против него, чтобы заставить его уступать снова и снова, пока он не уступит все и, не оставшись ни с чем, не будет незаметно стерт.

Если все взвесить, то есть неоспоримое достоинство в позиции Церкви, которая, утверждая, что то, чему она учит, основано не на человеческом знании, а на божественном вдохновении, отказывается уступить ни йоты из своих доктрин открытиям человека; утверждая — и неоспоримо, пока принимается предпосылка, — что какими бы несомненными ни казались истины, раскрытые человеческой проницательностью, какими бы ложными ни казались доктрины, которым она обязана своим существованием, все равно остается, что первые человеческого, а вторые божественного происхождения. Между ними двумя она с гордостью утверждает, что спорить не о чем; что ошибка, возможная для человека, невозможна для божества; что восприятие человеком ошибки в божественных догматах Церкви - не более чем проявление его собственной склонности ошибаться.

Римская церковь поняла, что либо она должна быть полностью, либо полностью прекратить свое существование. И это вопрос для непредвзятого рассмотрения, не является ли зрелище ее неподвижности более достойным, чем было бы зрелище того, как она уступает свои божества одно за другим расширяющимся гуманитарным наукам и, таким образом, постепенно проходит курс расчленения, который в конце концов должен лишить ее последних притязаний на существование. В той позе, которую она принимала, она оставалась абсолютной хозяйкой своих приверженцев; если бы она отошла от нее, то, должно быть, превратилась бы в их жалкую служанку.

Д-р Рул призывает своих читателей внимательно обратить внимание на то, что “ни в одной Церкви, кроме Римской, никогда не было инквизиции”.⁸ Но он забывает довести рассмотрение до логического завершения и добавить, что ни в одной христианской церкви, кроме Римской,

инквизиция была бы невозможна. Ибо было бы невозможно еретически оскорблять какую-либо Церковь, которая приспосабливается к новым привычкам мышления в той мере, в какой они возникают, и шаг за шагом уступает натиску науки.⁹

Римская церковь представила миру свои неизменные формулы, свои неизменные доктрины. “Это, - объявила она, - мое учение. Я придерживаюсь этого. Ты должен принять это без оговорок, во всей полноте, или ты больше не мой ребенок”.

К этому не могло быть никаких придилок. Если бы она только добавила признание свободы человека принимать или отвергать ее учение, если бы она только оставила человеку свободу исповедовать или не исповедовать ее доктрины в соответствии с указаниями его совести и разума, все было бы хорошо. К сожалению, она считала своим долгом пойти дальше; она использовала принуждение до такой степени, что пропитала своих детей духом якобинцев восемнадцатого века, восклицая: “Будь моим братом, или я убью тебя!”

Будучи не в состоянии интеллектуальными средствами остановить интеллектуальный раскол в своих рядах, она прибегла к физическим мерам и возродила жестокие методы принуждения первых веков.

Серьезная вспышка еретичества произошла на Юге Франции. Там, казалось бы, были собраны воедино все расколы, которые беспокоили Церковь с момента ее основания — ариане, манихеи и гностики, — к которым добавились некоторые более поздние секты, такие как катары, вальденсы и Boni Homines, или Хорошие люди.

Эти новички заслуживают небольшого объяснения.

Катары, как и гностики, были дуалистами; на самом деле, их вероучение было немногим большим, чем развитием гностицизма. Они верили, что земля была единственным адом или чистилищем, что она была отдана во власть дьявола и что человеческие тела были не более чем тюрьмами для духов-ангелов, павших вместе с Люцифером. На небесах их все еще ждали небесные тела, но они не могли возобновить их до тех пор, пока не совершат свое искупление. Чтобы достичь этого, человек должен умереть примиренным с Богом; в противном случае его ожидало другое земное существование в теле человека или животного, в зависимости от его заслуг. Будет видно, что, за исключением многочисленных христианских элементов, привнесенных в эту веру, это было немногим больше, чем возрождение метемпсихоза, старейшего и наиболее увлекательного из интеллектуальных верований.

Вальденсы, или водуа, с которыми были в союзе "Добрые люди", были самыми ранними протестантами, как мы понимаем этот термин. Они требовали для каждого человека права толковать Библию и совершать таинства Церкви без необходимости быть в священном сане. Кроме того, они отрицали, что Римская церковь была Церковью Христа.

Эти секты были известны под общим названием альбигойцы, названные так потому, что Ломберский собор, созданный для вынесения их осуждения, состоялся в епархии Альби в 1165 году.

Фото Андерсона.

ПРОПОВЕДЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ПЕТРА.

С картины Берругете.

Папа Иннокентий III предпринял попытку обратить их в свою веру; с этой целью он послал двух монахов, Питера де Кастельно и некоего Рудольфа, восстановить порядок среди них и побудить их вернуться к повиновению. Но когда они убили одного из его легатов, Святой Отец прибегнул к другим, менее законным мерам борьбы со свободой совести. Он приказал королю Франции, знати и духовенству королевства принять крест крестоносца и приступить к истреблению альбигойских еретиков, которых он назвал большей опасностью для христианского мира, чем сарацины; и он вооружил их для борьбы тем же духовным оружием, которым Иоанн VIII наградил

тех, кто отправлялся на войну в Палестину в девятом веке. Всем, кто мог умереть на службе Церкви, он объявил полную индульгенцию.

В наши задачи не входит проследить историю последовавшей за этим ужасной борьбы — массовых убийств, грабежей, поджогов, имевших место в ходе войны между альбигойцами под предводительством Раймонда Тулузского и крестоносцами под предводительством Симона де Монфора. Эта война продолжалась более двадцати лет, и в ходе нее первоначальные причины раздора были забыты; она перешла в борьбу за господство между Севером и Югом и, таким образом,, собственно говоря, исчезла из истории инквизиции.¹⁰

Итак, несмотря на то, что титул “Инквизитор веры” был впервые присвоен Кодексом Феодосия, и несмотря на то, что преследования еретиков и других лиц велись с еще более ранних времен, чем при Феодосии, Иннокентия III следует считать основателем Святой Инквизиции как неотъемлемой части Церкви. Ибо именно под его юрисдикцией право преследовать еретиков, которое до сих пор полностью принадлежало светской власти, теперь передано духовенству. Он отправил двух цистерцианских монахов в качестве инквизиторов во Францию и Испанию для участия в работе по искоренению еретиков; и он строго предписал всем князьям, знати и прелатам оказывать всяческую помощь этим эмиссарам и всячески содействовать им в работе, для выполнения которой они были посланы.¹¹

Лично папа Иннокентий обратил свое внимание на патерини — секту, восставшую против навязанного духовенству безбрачия, — которые набирали силу в Италии. Он призвал светскую власть помочь ему в их задержании, заключении в тюрьму и изгнании, в конфискации их имущества, которое было конфисковано, и в разрушении их домов до основания.

В 1209 году он собрал собор в Авиньоне под председательством своих легатов, на котором по его указанию было предписано, чтобы каждый епископ выбирал таких своих подданных, графов, кастелянов и рыцарей, которые могли бы показаться ему подходящими, и давал им клятву предпринять истребление всех отлученных от церкви еретиков.

“И для того, чтобы епископу было легче очистить свою епархию от еретической правды, пусть он поклянется одному священнику и двум, трем или более мирянам с хорошей репутацией в каждом приходе сообщать самому епископу и губернаторам городов или лордам и судебным исполнителям мест о существовании любых еретиков или подстрекателей к ереси, где бы они ни были обнаружены, с тем, чтобы они могли быть наказаны в соответствии с каноническими и правовыми установлениями, во всех случаях подвергаясь конфискации имущества. И если упомянутые губернаторы и другие лица проявят небрежность или нежелание совершать это богослужение, пусть их лица будут отдельно отлучены от церкви, а их территории будут поставлены под церковный запрет”.¹²

В 1215 году папа Иннокентий провел еще один собор в Латеране, на котором он расширил сферу церковной деятельности в условиях гонений. Он издал предписание всем правителям, “поскольку они хотели считаться верующими, принести публичную клятву в том, что они будут ревностно трудиться над истреблением из своих владений всех тех, кто был осужден Церковью как еретики”.¹³

Это предписание было подкреплено буллой, которая угрожала отлучением от церкви и лишением юрисдикции любому князю, который не сумеет искоренить еретиков из своих владений, — так что папа одним махом утвердил свою власть до такой степени, что лишил людей свободы совести и независимости князей.

А тем временем всякий еретик, выступающий против Святой католической и православной веры, как это было принято отцами церкви, собравшимися в Церкви Святого Иоанна, был отлучен от церкви, и за этим последовали следующие положения:

“При осуждении в присутствии светских властей или их представителей они должны быть переданы им для наказания, при этом священнослужители предварительно лишаются своих орденов. Имущество мирян должно быть конфисковано; имущество священнослужителей передано их церквям. Лица, отмеченные только подозрением, должны, если они не смогут оправдаться, быть поражены мечом анафемы и всеми избегаться. Если они продержатся в течение года в отлучении от церкви, они будут осуждены как еретики.

“Светские власти должны быть склонены или ведомы, или, при необходимости, принуждены церковным осуждением к публичной присяге в защиту веры, поскольку они сами желают считаться верующими, обязуясь прилагать все свои силы для искоренения из своих владений тех, кого Церковь объявит еретиками”.¹⁴

Отлучение от церкви, которое должно было последовать за непослушанием, не было пустой угрозой, и все же оно касалось не только духовной части человека. Анафема папы налагала на тех, против кого она была направлена, те же наказания, что и проклятие друидов в древности.¹⁵

Лица, находящиеся под запретом Церкви, не могут ни занимать никаких должностей, ни претендовать на какие-либо обычные права гражданства или, более того, на существование. В болезни или бедственном положении никто не должен проявлять к ним милосердия под страхом навлечь на себя такое же проклятие, а после смерти их тела не должны быть преданы христианскому погребению.

Можно сказать, что благодаря этим положениям и предписаниям инквизиция вступила во вторую стадию своего развития и приобрела строго церковный характер — короче говоря, была канонически установлена.

Именно папа Иннокентий III вложил в руки Церкви это ужасное оружие преследований и который, благодаря ужасающей суровости своего отношения к свободе совести, мысли и самовыражения, подал фанатизму и религиозной нетерпимости пример, который должен был стать их безжалостным проводником в последующие столетия.

ГЛАВА III

ОРДЕН СВЯТОГО ДОМИНИКА

“Если ты хочешь быть совершенным, пойди и продай то, что у тебя есть, и раздай бедным, и ты будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной!”

Контраст между условиями, предписанными таким образом Основателем христианства, и мирским положением, занимаемым Его Наместником на земле, теперь быстро приближался к кульминации, которая должна была стать абсолютной с эпохой Возрождения.

От простого народа, собравшегося в Риме в середине первого века, чтобы обсудить и направлять друг друга в практике нового учения о любви и смирении, передаваемого из уст в уста с Востока, во всей его первозданной простоте, еще не обремененного богословскими сложностями, не стесненного формулами, до гордых христиан-куриалов Рима времен папы Иннокентия III действительно далеко.

Преемник Петра, бедный рыбак из Галилеи, был возведен на престол с великолепием, превосходящим великолепие любого другого земного властителя. Временно он был владыкой значительных владений; духовно он заявлял о своих притязаниях на империю над всем христианским миром и поддерживал свое превосходство громовыми ударами анафемы, которые он сам выковал. Его сверкающий двор был переполнен шуршащими алыми одежданиями прелатов, патрициями в золотых и серебряных одеждах, капитанами в стальных доспехах, жеманными щеголями и величественными сенаторами. Он был облачен в одежды, сотканые из тончайшего руна, и увенчан тройной диадемой из белых павлиньих перьев в трех пылающих венцах из драгоценных камней. Во время его коронации короли прислуживали ему, стоя на коленях за столом; на протяжении всего его правления принцы и патриции были его лакеями.

Со ступеней Латеранского собора в день своего восшествия на престол он бросал пригоршню денег римской толпе, восклицая: “Золото и серебро не для меня. Все, что у меня есть, я отдаю тебе”.

Однако его богатства были огромны, а их источники почти неисчерпаемы. Роскошь, в которой он жил и передвигался, была самой роскошной, какую только могло создать богатство и искусство.

Это церковное великолепие не ограничивалось только Римом и Папским двором. Постепенно это стало проникать во все духовенство, пока не затронуло даже монашеские ордена. Из-за простоты своего зарождения эти ордена превратились в баронские учреждения. Отцы руководили в благородных аббатствах обширными участками пахотной земли и виноградников, которыми они владели и обрабатывали, а также сельскими округами и приходами, которыми они управляли и облагали налогами как феодалы, а не служили священниками.

Дух духовенства, чьей миссией было проповедовать самые возвышенные и идеальные из демократических доктрин, стал настолько высокомерным и аристократичным, что Церковь, казалось, больше не была доступна плебеям и крестьянам. Это быстро превращалось в институт патрициев для патрициев.

Как долго могло сохраниться такое положение вещей, к каким результатам могло привести его сохранение, возможно, было бы бесполезно строить догадки. То, что произошла перемена, что были созданы условия для скромных и неимущих, объясняется появлением двух людей, столь же похожих во многом, сколь и во многом другом они были непохожи. Они встретились в Риме у подножия папского трона.

Любой из них мог бы стать основателем религии, если бы он уже не нашел в мире идеальную религию, которой он мог бы служить. Оба были людьми, родившимися в легких жизненных

обстоятельствах; один, Франческо Бернардоне, был сыном богатого купца из Ассизи; другой, Доминго де Гусман из Калаорры, был испанским дворянином.

Сегодня Церковь включает их в свой Календарь как святого Франциска Ассизского и святого Доминика. Они - блистательная пара, которую Данте созерцал вместе в своем “Раю”:

“L’un fu tutto serafico in ardore,
L’altro per sapienza in terra fue
Di cherubica luce un splendore.”¹⁶

Святой Франциск — благодаря мягкости и нежности, которые исходили от его поэтической, мистической натуры, самого привлекательного из всех святых — приехал из своего родного Ассизи, чтобы умолять Отца Отцов разрешить ему объединить в орден босоногих товарищей, которых он уже приобрел, с целью, чтобы они практиковали заповедь Христа о бедности и самоотречении и служили страждущим.

Святой Доминик — а он нас больше интересует — был выбран за его красноречие и ученость сопровождать епископа Осмы в инквизиционном путешествии по Южной Франции. Там он стал свидетелем жестокой резни, которая предстояла. Он проповедовал еретикам в Тулузе, и жгучее, страстное красноречие его ораторского искусства обратило в свою веру многих из тех, кто был готов противостоять жестоким аргументам огня и стали.

В пылу своего рвения он отбросил свое звание и ту легкость и достоинство, которые оно ему давало. Подобно святому Франциску, он ходил босиком, принимая бедность и самоотречение; и все же, менее мистический, менее нежный, полностью практичный в том, что касалось распространения Веры, он радовался кровавым победам, которые Симон де Монфор одержал над еретиками-альбигойцами.

И все же, если он гордился достигнутой целью — считая ее высшей из всех человеческих целей, — он, должно быть, испытывал сожаление по поводу использованных средств.

Его называли свирепым фанатиком. Но свирепость и жестокость не идут рука об руку с таким низким смирением, каким, несомненно, был он. И сама цель его миссии в Рим допускает, если не указывает, совсем иной вывод. Он отправился туда, сожалея о кровопролитии, свидетелем которого стал, как бы высоко он ни ценил его плоды. Вдохновленный успехом, сопутствовавшим его ораторскому искусству, он стремился найти другие, более мягкие средства, с помощью которых в первую очередь можно было бы добиваться достижения тех же целей. Он отправился умолять папу Иннокентия разрешить ему основать орден проповедников, которые в бедности и смирении должны были отправиться за границу, чтобы вернуть в римское стадо овец, забредших на еретические пастбища.

Папа Иннокентий рассмотрел одновременные просьбы обоих этих людей — просьбы, которые, проистекая из одинакового страстного рвения обоих, все же пришли разными, хотя и схожими путями к некоему единству в конце концов.

Он понимал, какие услуги могли бы оказать Церкви подобные люди, наделенные магнетической силой привлекать последователей, воспламенять сердца и пополнять мерцающий светильник общественного рвения.

Он не обнаружил ни ереси, ни иронии в культе бедности, который они собирались проповедовать с санкции и хартии роскошного, аристократического куриального двора.

Но существовало еще одно препятствие для того, чтобы он даровал им их молитвы. Монашеские ордена были уже настолько многочисленны, что Латеранский собор постановил, что больше их создавать не следует. Однако, оказывая поддержку этим просителям, он прилагал все усилия к преодолению трудности, когда его забрала смерть.

Таким образом, бремя решения этой проблемы было возложено на его преемника Гонория III. И говорят, что нового папу подтолкнул к поиску решения сон, ставший сюжетом фрески Бенноццо Гоццолли, в котором он увидел эту святую пару, поддерживающую руками шатающийся Латеранский собор.

Поскольку он не мог утвердить их и их последователей в качестве отцов-монахов, он прибегнул к созданию братств для них. Эти братства он присоединил к ордену Св. Августин, доминиканцы как братья-проповедники (*fratres predicatorum*) и францисканцы как младшие братья (*fratres minores*).

Так были основаны эти два нищенствующих ордена, которым благодаря огромному числу последователей, которые они так скоро завоевали, было суждено стать одним из величайших средств укрепления власти Римской церкви.

При жизни их основателей фундаментальные законы бедности соблюдались во всей их предполагаемой чистоте. Но вскоре после этого, будучи людьми со своими грубыми привычками и восприимчивыми к присущим мужчинам амбициям, за приобретением власти последовало приобретение богатства. Их основатели совершили возрождение первоначального духа христианства. Но вскоре это начало претерпевать изменения и реагировать на мирские влияния, пока история монахов-нищенствующих не повторила и не отразила историю самого христианства. В какой-то мере по мере распространения по христианскому миру они приобретали монастыри, земли и собственность. Личная бедность каждого брата, правда, сохранялась; они по-прежнему ходили за границу босиком и в грубой одежде, “без посоха, или сумки, или хлеба, или денег”, как предписывало их правило. По отдельности они соблюдали обет лишений, но в совокупности считали, что их бедность “осталась за монастырскими воротами”, как говорит Грегоровиус, повторяя то, что до него сказал Данте.¹⁷

Для служения Церкви нищенствующие монахи превратились в великолепную армию, и, более того, содержание армии не налагало никаких расходов на папскую казну, поскольку в силу своего нищенства ордена полностью обеспечивали себя сами. И в то время как оба ордена, великолепно организованные, становились чрезвычайно могущественными, доминиканцы стали грозными благодаря своему контролю над инквизицией, первые шаги которой вдохновили святого Доминика на выполнение его задачи.

Его целью было основать проповеднический орден, особой миссией которого должно было стать ниспровержение ереси, где бы она ни обнаруживалась. Братья должны были бороться с

этим, используя свое красноречие, с одной стороны, чтобы побудить еретика отречься от своего заблуждения, с другой - чтобы воспламенить против него верующих, чтобы террор совершил то, что было невозможно убедить.

Возможно, что эта миссия, которую они сделали своей собственной, как предписал их основатель, особенно подходила доминиканцам для того, чтобы взять на себя управление церковным учреждением, цель которого была идентичной. Именно этому ордену Святого Доминика предстояло воздвигнуть мрачное здание Святой Канцелярии, развить и взять под полный контроль ужасный механизм инквизиции. Их убеждение должно было стать ужасным убеждением дыбы; их красноречие должно было стать жгучим красноречием языков материального пламени, которые должны были стереть с лица земли их агонизирующие жертвы. И все это из любви к Христу!

Хотя может быть трудно доказать — как уже было предпринято — что сам Доминго де Гусман на самом деле был первым рукоположенным инквизитором, тем не менее уже в 1224 году, в течение трех лет после его смерти, инквизиция в Италии и других местах уже была полностью в руках доминиканцев. Об этом свидетельствует конституция, обнародованная в Падуе в феврале того же года императором Фредериком II. В ней содержится следующее объявление:

Да будет известно всем, что мы приняли под нашу особую защиту монахов—проповедников ордена проповедников, посланных в нашу Империю по делам Веры против еретиков, а также всех, кто может оказать им помощь — как в поездке, так и в пребывании и возвращении - за исключением тех, которые уже предписаны; и мы желаем, чтобы все оказывали им благосклонность и помощь; поэтому мы приказываем нашим подданным благосклонно принимать любого из упомянутых монахов, когда и куда бы они ни прибыли, оберегая их от вражды еретиков, всячески помогая им в выполнении их обязанностей. служение, касающееся дел Веры.... И мы не сомневаемся, что вы воздадите должное Богу и нашей Империи, сотрудничая с упомянутыми монахами, чтобы избавить нашу Империю от нового и необычного позора еретической правды”.¹⁸

Конституция постановила, что еретики, осужденные Церковью и переданные в руки светских властей, должны быть достойно наказаны; что если кто—либо из-за страха смерти пожелает вернуться к вере, он должен понести епитимью, которая может быть наложена канонически, и быть заключен в тюрьму пожизненно; что если в какой-либо части Империи инквизиторы или другие ревностные католики обнаружат еретиков, гражданские власти должны быть обязаны произвести их арест по просьбе указанных инквизиторов или других католиков и содержать их под надежной стражей до тех пор, пока отлученных от Церкви, когда они должны быть сожжены; что такое же наказание должны понести *фавориты-то есть* те, кто виновен в укрывательстве или защите еретиков; что беглецов следует разыскивать и что для их обнаружения привлекаются новообращенные из той же ереси.

Каким бы отвратительным ни был этот последний акт, в конституции императора содержалось нечто еще худшее. Было постановлено, что “поскольку грех *лжесвидетельства* божественного больше, чем грех *лжесвидетельства* человеческого, а Бог является

мстителем за грехи отцов детям, то, чтобы они не повторили грехи тех, потомки еретиков во втором поколении должны считаться неспособными к почестям или занимать какие-либо государственные должности - *за исключением невинных детей, которые будут осуждать беззакония своих отцов*".¹⁹

Варварское положение, выделенное здесь курсивом, не требует комментариев.

В течение четырех лет после издания этой суровой прокламации против всех мятежников против власти Рима самому Фредерику, восставшему против мирской власти понтифика, пришлось испытать на себе удар отлучения от церкви. Но нас это не касается. После своего примирения с папой он обновил конституцию 1224 года, добавив положение, касающееся богохульников, которые, как и еретики любой секты, должны быть преданы смерти на костре; однако, если епископы пожелают спасти кого-либо из таких, это может быть сделано только при условии лишения преступника языка, чтобы он никогда больше не хулил Бога.

В 1227 году Уголино Конти, который был другом Доминика и Франциска, взошел на папский престол под именем Григория IX.

Именно этот понтифик, продолжая работу, предпринятую в этом направлении Иннокентием III, придал инквизиции стабильную форму. Он определенно передал контроль над ним в руки монахов-доминиканцев, оказывая им, при необходимости, помощь францисканцев. Но участие последнего в делах этого ужасного трибунала настолько незначительно, что кажется незначительным.

Булла Григория, приведенная в "Райнальде",²⁰ - булла об отлучении от церкви всех еретиков.

Далее, он предписывает, что все осужденные Церковью должны быть переданы светским властям для наказания, причем все доставленные таким образом священнослужители сначала лишаются своих орденов; что, если кто-либо пожелает отречься от своей ереси и вернуться в Церковь, на него должна быть наложена епитимья, и он должен понести пожизненное заключение. Подстрекатели, укрыватели и защитники еретиков также подлежат отлучению от церкви; и если кто-либо из таких пренебрегает получением отпущения грехов в течение одного года, он будет считаться *позорными* не будет иметь права ни занимать какую-либо государственную должность, ни избирать кого-либо другого, ни выступать в качестве свидетеля, завещателя, наследника, ни иметь права добиваться правосудия в случае причинения вреда. Если судья, перед ним не должно быть возбуждено никакого дела, и его приговоры, в случае их вынесения, являются недействительными; если адвокат, он не должен иметь права выступать в суде; если нотариус, его дела недействительны; если священнослужитель, он должен быть отстранен от должности и бенефиций.

Аналогичным образом, запрет на отлучение от церкви распространяется на тех, кто поддерживает связь с кем-либо из отлученных, и в дальнейшем они должны быть наказаны другими мерами наказания.

Те, кто находится под подозрением в ереси, если они не позаботятся о том, чтобы преодолеть подозрение либо путем канонического очищения, либо иным образом, в зависимости от качеств личности и мотивов подозрения, должны быть отлучены от церкви, и если они не

принесут достойного удовлетворения в течение одного года, они будут считаться еретиками. После этого их требования или апелляции не должны приниматься, и судьи, адвокаты или нотариусы не должны выполнять свои функции в их пользу; священники должны отказываться совершать для них таинства и принимать их милостыню или пожертвования, как и тамплиеры, госпитальеры и другие регулярные ордена под страхом потери должности, от которой их ничто не может спасти, кроме мандата Святого Престола.

Если кто-либо похоронит по-христиански того, кто умер при отлучении от церкви, он сам навлечет на себя отлучение, от которого он не будет освобожден, пока собственными руками не эксгумирует труп и не распорядится им так, чтобы это место никогда больше не могло использоваться для погребения.

Если кто-либо узнает о существовании еретиков или любых лиц, практикующих тайные собрания, или чей образ жизни необычен, они обязаны под страхом отлучения от церкви сообщить об этом своему духовнику или другому лицу, от которого, по их мнению, это станет известно их прелату.

Дети еретиков и подстрекателей или укрывателей еретиков должны быть лишены права занимать какие-либо государственные должности или получать пособия до второго поколения.

Гражданский губернатор Рима внес дополнения в положения этой буллы, представляя светскую власть, чьей заботой было бы налагать наказания, в отношении которых Церковь воздержалась от явного выражения, ограничившись обещанием, что они будут “снисходительными”.

Он постановил, что: арестованные должны содержаться в тюрьме до тех пор, пока Церковь не осудит их, когда по истечении восьми дней они должны быть наказаны.

Их имущество должно быть конфисковано, причем одна треть достанется обвинителю, одна треть - судье, который должен вынести приговор, и одна треть - на ремонт стен Рима или на что-то другое, что может быть рассмотрено.

Жилища еретиков или любого, кто сознательно принимал еретиков, должны быть стерты с лица земли.

Если кто-либо узнает о существовании еретиков и не осудит их, он должен быть оштрафован на сумму в 20 ливров. Если у него не хватало средств заплатить, он должен был быть изгнан до тех пор, пока не найдет их.

Подстрекатели и укрыватели еретиков должны за первое преступление подвергнуться конфискации одной трети своего имущества, которое будет направлено на поддержание в порядке стен Рима. Если преступление было совершено повторно, то они должны быть изгнаны навсегда.

Все, кто был избран сенатором, должны поклясться перед вступлением в должность, что они будут соблюдать все законы против еретиков; и если кто-либо откажется от этой клятвы, его действия как сенатора будут недействительными, и никто не будет обязан следовать за ним или повиноваться ему, в то время как те, кто мог бы поклясться в повиновении ему, будут освобождены от своей клятвы. Если сенатор принимает эту присягу, но впоследствии отказывается или пренебрегает соблюдением ее условий, он должен понести наказание за

лжесвидетельство, понести штраф в размере 200 марок серебром, который будет направлен на ремонт стен, и лишиться права занимать какие-либо государственные должности.

Два года спустя — в 1233 году — на соборе, состоявшемся в Безье, папский легат Готье Турнейский доработал эти каноны следующими положениями:

“Все магистраты, дворяне, вассалы и другие лица должны усердно стремиться обнаружить, задержать и наказать еретиков, где бы они ни были обнаружены. Каждый приход, в котором обнаружен еретик, должен выплатить в качестве штрафа за укрывательство его одну серебряную марку лицу, которое его обнаружит. Все дома, в которых еретики могли проповедовать, должны быть разрушены, имущество конфисковано, а все пещеры и другие укрытия, где предположительно скрываются еретики, должны быть преданы огню. Все имущество еретиков должно быть конфисковано, и их дети ничего не должны наследовать. С их подстрекателями, укрывателями или защитниками должны поступить таким же образом. Любые лица, подозреваемые в ереси, должны публично исповедовать веру под присягой, под страхом наказания как еретики; они должны быть вынуждены посещать богослужение в каждый праздничный день, и все, кто *примирился* с Церковью, должны носить в качестве отличительного знака два креста снаружи на своей одежде - один на груди, другой на спине — оба из желтой ткани, шириной в три пальца, вертикальная конечность размером в 2½ ладони, горизонтальная — в 2 ладони.²¹ Если надевается капюшон, на нем должен быть изображен третий крест — и все это под страхом того, что его сочтут еретиком и подвергнут конфискации имущества”.²²

Эти постановления своей бескомпромиссной суровостью наглядно показывают, до какой степени еретики были прокляты Церковью в ее нетерпимости и твердой решимости искоренить их. Они также раскрывают кое-что о далеко идущей, безжалостной, жреческой тонкости и коварстве, которые должны были сделать столь ужасным этот трибунал.

Положения о наказании тех, кого христианское милосердие должно побудить прийти на помощь кому-либо из преследуемых, были разработаны с той целью, чтобы террор заглушил всякое такое сострадание; в то время как указ о том, что дети осужденных еретиков должны быть лишены наследства и не иметь права на какое-либо почетное назначение, был введен намеренно, чтобы выковать еще одно оружие из родительской любви. Там, где человек сам мог бы с готовностью принять мученическую смерть за свои убеждения, его заставили бы остановиться, прежде чем приобщать своих детей к той же жертве, прежде чем позволить им остаться обездоленными и клейменными.

В глазах Церкви поставленная цель не могла не оправдать любые средства, которые могли быть применены. Искоренение ереси было столь желанным завершением, что любые шаги — почти любой грех — были бы оправданны, если бы способствовали достижению этой цели.

Утверждалось, что этот крестовый поход против ереси был политическим, кампанией, которую вела Церковь, чтобы защитить себя от натиска свободомыслия, угрожавшего ей свержением. Так, без сомнения, было в прежние века; но теперь это было не так. Римский католицизм рос и ширился подобно могучему дереву, пока его тень не легла на лицо Европы, а его корни не пустили далеко и широко в почву. Они слишком крепко прижились, были слишком полны

энергии, чтобы допустить, чтобы увядание случайной ветки заставляло ее беспокоиться о жизнеспособности самого растения. У нее не было такого беспокойства. Каким бы отвратительным, диким и даже нехристианским ни был институт Святой Канцелярии, трудно думать, что дух, в котором он был основан, отличался от чистоты и бескорыстия.

Фотом Лакосте.

СВЯТОЙ ДОМИНИК.

С картины в галерее Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.

Может показаться горькой иронией, что нашлись люди, которые во имя кроткого и сострадательного Христа безжалостно мучили и сжигали своих ближних. Это было горько,

прискорбно, трагически иронично. Но они не осознавали иронии. В том, что они делали, они были искренни - так же искренни, как св. Августин, когда призывал к истреблению еретиков; и никто не может поставить под сомнение его искренность или чистоту его мотивов.

Чтобы понять их позицию, необходимо лишь принять во внимание абсолютную веру католиков в то, что Леки называет “доктриной исключительного спасения”. Исходя из предпосылки, что Римская церковь является истинной и единственной Церковью Христа, они считали, что никакое спасение невозможно для любого человека, который не был ее членом. Также нельзя ссылаться на незнание — каким бы абсолютным — истинной веры в качестве оправдания заблуждения, как нельзя ссылаться на незнание закона в сегодняшних мирских судах. Таким образом, они считали безвозвратно проклятыми не только тех, кто раскольнически дезертировал из Церкви, и тех, кто, подобно евреям и мусульманам, намеренно оставался за ее стенами, но и точно так же — таково было равнодушно лестное представление человека о божественной справедливости и божественном разуме — дикарей, которые никогда даже не слышали имени Христа, и самого младенца, который умер прежде, чем его наследие Первородного греха могло быть смыто водами крещения. Действительно, отцы Церкви вели ожесточенные споры относительно точного момента, в который начинается внутриутробная жизнь, и, следовательно, душа плода подвергается проклятию, если она погибает в утробе матери.

Если учесть, что подобные доктрины придерживались догматически, то станет понятно, что в глазах Церкви, чьим делом было спасение душ, не могло быть греха более невыносимого, более отвратительного, чем ересь. Станет понятно, как случилось, что Церковь могла рассматривать тех из своих детей, которые были виновны в таких преступлениях, как убийство, изнасилование, прелюбодеяние и грех городов Равнины, с терпимостью снисходительного родителя, в то же время поднимаясь в нетерпимом гневе, чтобы покарать еретика, чья жизнь могла бы быть образцом чистого поведения. Первые были виновны только в грехах слабого человечества; и грешники, имеющие веру, могут искать прощения и находить его в раскаянии. Но ересь была не просто худшим из грехов, как некоторые считали. В глазах Церкви это выходило за рамки греха — это было бесконечно хуже греха, потому что представляло собой состояние, которое было совершенно безнадежным, состояние, которое нельзя было искупить или смягчить добрыми поступками или чистотой жизни.

Принимая такой взгляд на ересь, Церковь считала своим долгом искоренить эту ужасную душевную язву, чтобы предотвратить ее распространение; и у нее был святой По словам Августина, было милосердно быть безжалостным в достижении этой цели. Если смотреть, так сказать, изнутри, то в отношении Церкви к ереси нет ничего нелогичного. Что нелогично, так это концепция Бога, включенная в доктрину исключительного спасения.

Даже если мы рассмотрим дело Галилея — одного из самых выдающихся заключенных, когда-либо привлекавшихся к суду трибуналом Святой Канцелярии, — у нас нет достаточных оснований предполагать, что, требуя от него опровержения теории движения земли вокруг Солнца, инквизиторы руководствовались какими-либо мотивами, помимо страха, как бы распространение идеи, которую они искренне считали иллюзией, не подорвало веру человека в библейское учение, с которым оно вступало в конфликт.

ГЛАВА IV

ИЗАБЕЛЛА КАТОЛИЧКА

Льоренте согласен с более ранними авторами по этому вопросу в рассмотрении испанской инквизиции как института, отличного от того, который был создан для борьбы с альбигойцами и их ровесниками в ереси. Она отличается только тем, что представляет собой дальнейшее развитие организации, начатой Иннокентием III и доведенной до совершенства Григорием IX.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой современной инквизиции, как ее называют, возможно, будет полезно сделать обзор Испании католических государей — Фердинанда и Изабеллы, — в правление которых этот трибунал был учрежден в Кастилии.

В течение семисот лет, с разной удачей и в разной степени, сарацины господствовали на полуострове.

Первым пришел берберский Тарик в 711 году, чтобы свергнуть вестготское королевство Родерика и распространить мусульманское владычество до гор на севере, востоке и западе от моря до моря. Когда берберское племя, сирийцы и арабы перешли к спорам между собой, Абдуррахман Омейядский перебрался из Африки и основал независимый эмират, который в десятом веке стал Кордовским халифатом.

Тем временем христиане укрепляли свои силы в горных твердынях севера, в которые их загнали, и при Альфонсо I они основали Королевство Галисия. Оттуда, постепенно, но неудержимо, выступая смелым фронтом перед мавританским завоевателем, они проложили себе путь на равнины Леона и Кастилии, так что к следующему столетию они вытеснили сарацин к югу от Тежу. Развивая свое преимущество, они продолжали давить на них, намереваясь сбросить в море, и, возможно, добились бы успеха, если бы не приход Юсуфа бен Техуфина, который остановил христианское завоевание, отбросил их обратно за Тахо и, став хозяином страны к югу от нее, основал там Империю Альморавидов.

После них пришли Альмохады — последователи Махди, — и полвека земля гремела битвами между Крестом и Полумесяцем, Кастилией, Леоном, Арагоном и новорожденным Королевством Португалия, сражавшимися бок о бок, чтобы сокрушить общего врага при Навас-де-Толоса.

В 1236 году Леон и Кастилия — ныне объединенные в одно королевство — в союзе с Арагоном отвоевали Кордову у мавров; в 1248 году была завоевана Севилья, а в 1265 году Диего Арагонский изгнал сарацин из Мурсии и тем самым сократил мусульманскую оккупацию Гранады и линии средиземноморского побережья вокруг Кадиса, в котором они оставались до тех пор, пока Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская, в силу своего брака, не объединили две короны после смерти (в 1474 году) Генриха IV, брата Изабеллы.

Фердинанд захватил вместе с Арагоном Сицилию, Сардинию и Неаполь; Изабелла захватила Кастилию, Леон и остальную территорию Испании, сохранив Гранаду и ту часть побережья, которая все еще находилась в руках мавров. И так было основано, путем объединения этих

нескольких княжеств в единое государство, то могущественное Испанское королевство, которое Колумбу так скоро предстояло обогатить новым светом.

Но, хотя это королевство и было основано этим браком, оно все еще нуждалось в консолидации и подчинении. Поколения жестокого правления в Кастилии, кульминацией которого стали вялые правления Иоанна II и Генриха IV, позволили распространиться беззаконию настолько крайнему, что подобного ему не было ни в одном другом государстве того времени. Анархия была верховной хозяйкой страны, и Пулгар оставил нам поразительную картину тех невозможных условий, которые там царили.

“В те дни, ” пишет он, “ правосудие страдало, и его нельзя было свершить над преступниками, которые грабили и тиранствовали в городах и на больших дорогах. Никто не платил долги из тех, кто не хотел этого делать; никого не удерживали от совершения какого-либо преступления, и никто не мечтал о послушании вышестоящему начальству. Из-за нынешних и прошлых войн люди настолько привыкли к беспорядкам, что тот, кто не причинял насилия другим, считался никчемным человеком.

Граждане, крестьяне и мирные жители не были хозяевами своей собственной собственности и не могли ни к кому обратиться за возмещением вреда, причиненного им комендантами крепостей и другими ворами и разбойничьими. Каждый мужчина с радостью согласился бы отдать половину своего имущества, если бы такой ценой он мог приобрести безопасность и покой для себя и своей семьи. В городах и деревнях часто поговаривали о создании братств, чтобы исправить все это зло. Но не хватало лидера, который в глубине души был бы сторонником справедливости и спокойствия в Королевстве”.²³

Дворянство, насколько можно себе представить — и, действительно, как ясно указывает Пулгар, — было не только запятнано всеобщим беззаконием, но и само было главными нарушителями, каждый сам себе закон, тиранический, грабительский правитель своих вассалов, властелин жизни и смерти, бессовестно злоупотреблявший своей властью, немногим лучше разбойника с большой дороги, нисколько не заботящийся о монархии, пока монархия оставляла его в покое, готовый восстать против нее, если она попытается обуздать его разбойничий промысел.

Сокрушить эти и другие неуправляемые элементы в государстве, навести порядок в хаосе, охватившем каждую четверть королевства, было задачей, которая с самого начала ожидала ее, как понимала молодая королева, — задачей, которая, должно быть, устрасила бы любой менее мужественный ум, любой менее энергичный дух.

И были другие, более неотложные дела, требовавшие ее немедленного внимания, если она хотела сохранить свое место на этом почти обанкротившемся троне Кастилии, который она унаследовала от своего брата.

Король Португалии Альфонсо V с оружием в руках вторгся в ее границы, чтобы оспорить от имени своей племянницы Хуаны права Изабеллы.

Генрих IV не оставил законного потомства, но его жена Хуана Португальская родила в законном браке дочь, отцом которой она притворялась, что он был ее отцом, в то время как король Португалии, руководствуясь собственными интересами, признал девочку своей законной племянницей. Общественное мнение, однако, так мало колебалось, объявляя ее

незаконнорожденной, что назвало ее Ла Бельтранеха в честь Бельтрана де ла Куэва, который, как известно, был любовником ее матери. А что думал по этому поводу сам Бельтран де ла Куэва, можно понять из того обстоятельства, что в последовавшей схватке он сражался за честь Кастилии под знаменем королевы Изабеллы.

Война потребовала всего внимания и ресурсов католических монархов, и собственная доля Изабеллы в этих трудах была заметна. Они привели к разгрому португальских сторонников претендента при Торо в 1476 году. Благодаря этой победе Изабелла прочно воссела на свой трон и стала совместным правителем с Фердинандом Кастильским и Арагонским.

В то время ей было двадцать пять лет, это была белокурая, стройная женщина среднего роста, с чистым цветом лица, глазами от зеленого до голубого, и милым, обаятельным выражением лица, примечательным своей обычной безмятежностью. Пулгар рассказывает нам, что ее самоконтроль был таков, что она не только тщательно скрывала свой гнев, когда он проявлялся, но даже во время родов умела “скрывать свои чувства, ничем не выдавая боли, которой подвержены все женщины”. Он добавляет, что она была очень церемонна в одежде и снаряжении, что она была обдуманна в жестах, сообразительна и красноречива, и что в разгар работы правительства - и очень тяжелой работы, как мы увидим, — она нашла время выучить латынь, чтобы понимать все, что говорилось на этом языке.

Она была ревностной католичкой и очень милосердной, но в своих суждениях склонялась скорее к строгости, чем к милосердию. Она прислушивалась к советам, но действовала в основном на основании собственного мнения. Обладая редкой верностью своему слову, она никогда не отказывалась выполнить то, на что поклялась, за исключением тех случаев, когда к этому вынуждали стрессовые обстоятельства. Ее вместе с мужем упрекали в недостатке щедрости, потому что, видя, как королевское достояние уменьшается из-за отчуждения феодальных владений и замков, она всегда очень осторожно относилась к подобным уступкам.

“Короли, - обычно говорила она, - должны бережно сохранять свои владения, потому что, отчуждая их, они сразу теряют деньги, необходимые для того, чтобы их любили, и власть, чтобы их боялись”.²⁴

Таков портрет, который оставил нам Пулгар, и, учитывая, что он пишет о монархе, было бы не более чем разумно заподозрить лесть и тот любопытный, неискоренимый энтузиазм, который всегда вызывает панегиристов, когда речь заходит о том, чтобы изобразить принца, каким бы неумелым, перед его современниками. Но если Пулгар и допустил ошибку в данном случае, то она была на стороне умеренности в его изображении этой одаренной, энергичной женщины.

Ее поступки красноречивее говорят о ее характере, чем перо любого летописца, и именно в поступках принцев мы должны искать их истинную природу, а не в том, что могло быть написано о них в их собственное время. Подвиги Изабеллы — за одного мрачного исключения, которое является предметом этой истории, — более чем подтверждают все, что Пулгар и другие восхваляли ее.

Как только она свергла тех, кто приехал из-за границы, чтобы оспорить ее право на корону, она обратила свое внимание на порабощение тех, кто оспаривал ее власть дома. В этом титаническом труде ей помогали Алонсо де Кинтанилья, ее канцлер, и Хуан Ортега, королевский ризничий. Эти люди предложили организовать на свой страх и риск одно из тех братств, о которых Пулгар упоминает как о столь горячо желанных стране для защиты от тех, кто на нее

охотился. Этот *эрмандад* должен был действовать с королевской санкции и под руководством с целью обеспечения мира и защиты собственности в королевстве. Изабелла с готовностью одобрила это предложение, и братство было немедленно основано, налог на его содержание взимался с тех, в чьих интересах оно было создано, и они очень охотно платили его.

Великолепно организованная, эта ассоциация, наполовину военная, наполовину гражданская, настолько эффективно выполняла функции, для которых была создана, что двадцать лет спустя — в 1498 году — ее удалось упразднить и заменить гораздо более простой и менее дорогостоящей системой полиции, которой тогда было достаточно для сохранения восстановленного порядка.

В дальнейшем, чтобы подчинить буйную и непокорную знать, Изабелла использовала методы, аналогичные тем, которые были приняты в аналогичном случае ее соседом, королем Франции Людовиком XI. Она назначала на государственные должности достойных людей независимо от происхождения, которое до сих пор считалось единственным критерием. Карьера юриста была открыта для бюргерских классов, и все должности при короне были доступны юристам, которые, таким образом, стали верными друзьями государя.

Если дворяне и не осмелились восстать, то, по крайней мере, они самым решительным образом протестовали против этих двух нововведений, которые так существенно повлияли на их престиж и ослабили его. Они утверждали, в частности, что учреждение *эрмандада* было проявлением недостатка доверия к “верной знати”, и они умоляли, чтобы католические монархи назначили четырех членов их ордена для формирования совета высшего руководства государственными делами, как при покойном короле Генрихе IV.

На это католические монархи ответили, что *эрмандад* является опекунским учреждением, которое очень приветствуется в стране и которое они с удовольствием поддерживают. Что касается государственных должностей, то монархи должны были назначать таких людей, которых они считали наиболее подходящими для их занятия. Знать, добавляли они, вольна оставаться при Дворе или удаляться в свои владения, как они сочтут нужным; но что касается самих монархов, то, пока Богу будет угодно сохранять их в том высоком положении, в которое Он соизволил их поставить, они должны заботиться о том, чтобы не подражать монарху, которого приводили им в пример, и не становиться марионетками в руках своей “верной знати”.

Этот ответ заставил дворян задуматься. Он заставил их осознать, что произошли перемены и что незаконные дни Генриха IV подошли к концу. Заставить их понять, что это было нечто особенное. Но еще многое предстояло сделать, прежде чем они поймут, что должны подчиниться изменившимся условиям, и Изабелла с непоколебимой прямоотой проводила принятую ею политику, о чем свидетельствует следующая история из “Хроник Пулгара”:

Во дворце королевы в Вальядолиде вспыхнула ссора между доном Фадрике Энрикесом (сыном адмирала Кастилии) и доном Рамиро де Гусманом. Известие об этом дошло до королевы, и она приказала обоим спорщикам держать себя под арестом в их собственных покоях до тех пор, пока она не распорядится, чтобы Суд вынес решение между ними. Фадрике, однако, продемонстрировал свое презрение к королевскому указу, послушавшись его и оставаясь на свободе. Узнав об этом, Изабелла дала более послушному Гусману свободу и заверила его своим словом, что ему не причинят вреда.

Несколько дней спустя он мирно ехал по улице, уверенный в безопасности королевы, когда на него напали трое всадников в масках из двора Фадрике и жестоко избили. Как только королева услышала об этом еще большем оскорблении ее власти, она села на лошадь и под проливным дождем поехала из Вальядолида в замок адмирала в Симанкасе. На самом деле она отправилась в путь в такой спешке, что поехала одна, не дожидаясь сопровождения. Это, однако, вскоре последовало, но дошло до нее только под самыми стенами адмиральской крепости.

Она вызвала адмирала и приказала ему предать своего непокорного сына ее правосудию, а когда дон Алонсо Энрикес возразил, что его сына там нет, она приказала своим последователям обыскать замок от зубчатых стен до подземелий. Поиски, однако, оказались безрезультатными, и Изабелла вернулась в Вальядолид с пустыми руками и возмущенная. Прибыв туда, она слегла в постель, и тем, кто приходил узнать новости о ее здоровье, она отвечала: “Мое тело болит от ударов, нанесенных вчера доном Фадрике моему охранному удостоверению”.

Адмирал, трепеща перед королевским гневом, решил выдать своего сына и отдать его на милость королевы. Итак, констебль Кастилии — дядя Фадрике - взял на себя обязанности ходатая. Он отправился с доном Фадрике в Вальядолид и, умоляя Изабеллу учесть, что молодому человеку было всего двадцать лет и что он согрешил по молодости опрометчивости, умолял ее проявить к нему правосудие, которого она могла бы пожелать, или милосердие, которого следовало ожидать.

Королеву, однако, нельзя было склонить к милосердию за преступления, которые подрывали ее королевскую власть. Она была неумолима. Она отказалась встретиться с преступником и подвергла его такому унижению, как то, что алькальд повел его в тюрьму по улицам города. После недолгого заточения там она сослала его на Сицилию, запретив возвращаться в Испанию под страхом самого сурового наказания.

Однако случилось так, что дон Рамиро де Гусман не счел свою честь достаточно отомщенной изгнанием своего врага. Однажды ночью, когда Двор находился в Медина-дель-Кампо, он, в свою очередь, устроил засаду с несколькими своими сторонниками и напал на адмирала, чтобы ответить ему ударами, полученными от его сына. От этого унижения адмирала спас его эскорт. Но когда Изабелла услышала об этом деле, она обошлась с Гусманом как с мятежником, захватив его замки в Леоне и Кастилии, как она захватила бы его самого, но, спасаясь от ее гнева, он бежал в Португалию в поисках убежища.²⁵

Не менее решительным было ее поведение в вопросе о Великом магистерстве Сантьяго.

В Испании существовало три военно-религиозных ордена: рыцари Алькантары, давшие обет безбрачия рыцари Калатравы, которые были преемниками рыцарей—тамплиеров, и рыцари Сантьяго. Этот последний орден был основан с целью обеспечения защиты паломников, которые приезжали в Испанию, чтобы посетить святыню святого апостола Иакова в Компостелле, который, как утверждается, был первым, кто принес послание христианства на Пиренейский полуостров.²⁶ Эти паломничества, главным образом из Франции, были большим источником дохода для страны, и стало важно обеспечить их неприкосновенность от

хищнических орд, наводнивших дороги. Кроме того, рыцари Сантьяго нашли применение своему оружию в крестовом походе, который велся на испанской земле против мавров, в знак чего они носили красный крест крестоносца на своих белых плащах. Они приобрели огромную власть и богатство, владея замками и монастырями во всех частях Испании, так что должность великого магистра ордена имела большой вес и важность — слишком большую, по мнению Изабеллы, чтобы находиться в руках подданного.

Это мнение она смело высказала в 1476 году, когда смерть дона Родриго Манрике оставила должность вакантной. Она, по своему обыкновению, села на лошадь и поехала в Уэте, где Капитул Ордена собрался по делу о необходимых выборах, и она откровенно настаивала на том, что на столь высокий пост не подобает избирать никого, кроме короля.

Это предложение не было воспринято с удовлетворением. Фердинанд был арагонцем, и, несмотря на объединение двух королевств, которое должно было завершиться, когда он унаследует трон Арагона, кастильцы по-прежнему смотрели на него как на иностранца. Однако по настоянию Изабеллы был достигнут компромисс. Капитул согласился избрать Фердинанда на должность великого магистра при условии, что он назначит джентльмена из Кастилии своим заместителем для исполнения обязанностей, связанных с этой должностью. Это было сделано, и Алонсо де Карденас — верный слуга монархов — был избран королевским наместником. Таким образом, Изабелла установила, что назначение великого магистра ордена Сантьяго должно быть королевской прерогативой.

Еще более поразительно, чем в любом из приведенных примеров, решительный, энергичный характер королевы проявляется в ее манере подавлять восстание, произошедшее в Сеговии в начале ее правления.

Во время войны с Португалией католические монархи доверили свою старшую дочь, принцессу Изабеллу, заботам Андреса де Кабреры, сенешаля замка Сеговия, и его жены Беатрис де Бобадила.

Кабрера, человек суровый и непреклонно справедливый, имел случай отстранить от должности своего лейтенанта Алонсо Мальдонадо, поручив это своему шурина Педро де Бобадила. Мальдонадо устроил заговор, чтобы отомстить за себя. Он попросил разрешения Бобадила убрать несколько камней, находившихся в замке, под предлогом того, что они нужны ему для собственного дома, и послал за ними нескольких своих людей. Эти люди, которые были тайно вооружены, проникнув внутрь, закололи часового и схватили Бобадила, в то время как Мальдонадо с другими своими людьми овладел самим замком. Обитатели Алькасара, услышав шум, бежали в башню Хоменахе, забрав с собой Инфанту, которой в то время было пять лет. Укрепленные в этом, они бросили вызов Мальдонадо, когда он атаковал их. Сочтя его неприступным, мятежник приказал вывести Бобадила вперед и пригрозил осажденным, что, если они не впустят его, он предаст пленника смерти.

На эту угрозу Кабрера с достоинством ответил, что Мальдонадо может поступать, как ему заблагорассудится, но ворота перед ним не откроются.

К этому времени там собралось множество горожан, встревоженных беспорядками и вооруженных на всякий случай. Этим людям Мальдонадо хитро объяснил, что то, что он

задумал, делается в их интересах против властной тирании губернатора, и пригласил их объединить с ним усилия во имя свободы, чтобы завершить работу, которую он так превосходно начал. Население в основном встало на его сторону, так что Сеговия оказалась в состоянии войны. На улицах шли постоянные бои, и ворота были в руках повстанцев, за исключением ворот Святого Иоанна, которые были удержаны для Кабреры.

Считается, что именно Мария де Бобадилья, незамеченная из Алькасара, сбежала из Сеговии и сообщила королеве весть о происходящем и, как следствие, об опасности, грозящей королевскому ребенку.

Узнав об этом, Изабелла немедленно отправилась в Сеговию. Лидеры восстания получили известие о ее приближении, но не осмелились довести свое неповиновение до того, чтобы закрыть перед ней ворота. Однако они зашли так далеко, что выехали ей навстречу и попытались отказать во въезде ее последователям; и ее советники, видя настроение народа, убеждали ее быть благоразумной и согласиться с их пожеланиями. Но ее гордый дух воспылал от этого осторожного совета.

“Знайте,” воскликнула она, “что я королева Кастилии, что этот город мой и что никакие условия не могут быть предъявлены мне до того, как я войду в него. Тогда я войду, и со мной все те, кого я сочту необходимыми для моей службы.

С этими словами она приказала своему эскورتу выдвигаться вперед и вошла в город через ворота, которые удерживали ее сторонники, и таким образом добралась до Алькасара.

Туда стекалась разъяренная толпа и барабанила в ворота, требуя впуска.

Королева, несмотря на протесты кардинала Испанского и графа Бенаvente, которые были с ней, приказала распахнуть ворота и впустить столько народу, сколько могло вместиться. Толпа хлынула во двор, требуя сенешаля. Навстречу им вышла стройная, прекрасная молодая королева, одинокая и бесстрашная, и когда они в изумлении замолчали...

“Жители Сеговии, - спокойно обратилась она к ним, - чего вы ищете?”

Находясь во власти ее безмятежности, благоговевая перед ее величием, они утратили ярость. Теперь они смиренно выражали свою обиду на Кабреру, обвиняя его в притеснениях и умоляя королеву о милости его отставки.

Она тут же пообещала им, что их просьба будет удовлетворена; после чего отвращение стало полным, и толпа, которая всего несколько мгновений назад выкрикивала угрозы и проклятия, теперь преданно возвысила свои голоса, приветствуя ее.

Она приказала им возвращаться к своим домам и своим трудам и оставить отправление правосудия в ее руках, отправив к ней своих послов с просьбой передать их жалобу на Кабреру, которую она расследует.

Как она приказала, так и было сделано, и когда она рассмотрела обвинения против сенешаля и убедилась, что они беспочвенны, она объявила его невиновным и восстановила в должности, покоренный народ покорно подчинился ее решению.²⁷

В 1477 году Изабелла переехала в Андалусию, в этой провинции, как и везде, закон и порядок перестали существовать. Она вошла в Севилью с объявленным намерением потребовать отчета от виновных. Но при одном только слухе о ее приближении и о деле, по которому она приехала, несколько тысяч жителей, чья совесть была неспокойна, поспешили покинуть город.

Встревоженные таким сокращением населения, севильцы умоляли королеву вложить в ножны меч правосудия, заявляя, что после кровавых столкновений, которые годами терзали округ, едва ли найдется семья, в которой кто-то из членов не отвечал бы перед законом.

Изабелла, кроткая и милосердная по натуре, что делает ее связь с инквизицией еще более прискорбной, прислушалась к этим заявлениям и даровала амнистию за все преступления, совершенные после смерти Генриха IV. Но она не была столь снисходительна к тем, кто протестировал правосудие, которое они вершили от ее имени. Проинформированная о судьях, которые занимались торговлей и вымогательством своих решений, она наказала их снятием с себя показаний и сама установила размер судебных издержек, которые будут соблюдаться в будущем.

Обнаружив массу надвигающихся судебных процессов, которым провинция подверглась из-за плохого правления последних лет, она обратила свое внимание на расчистку этой авгиевой конюшни. Каждую пятницу в присутствии своего Совета она заседала в большом зале севильского Алькасара, выслушивая жалобы самых смиренных из своих подданных; и она так усердно приступала к работе, что за два месяца разрешила судебные процессы, которые могли бы затянуться на годы.

После своего восшествия на престол она обнаружила, что королевская казна истощена неумелым управлением в течение двух последних царствований и расточительными, безрассудными пожалованиями, которые Генрих IV и Хуан II раздавали знати. Такое положение вещей серьезно смущало католических монархов, и они были вынуждены прибегать к различным уловкам, чтобы собрать необходимые средства для войны с Португалией. Теперь, когда война подошла к концу, они оказались без средств, необходимых для поддержания королевского государства.

Изабелла тщательно изучила субсидии, предоставленные ее братом и отцом, и отменила все те, которые были плодом каприза и распутства, вернув короне доходы, которые были безрассудно отчуждены, и налоги, которые страна до сих пор платила только бандитам, которые ее угнетали.

Точно так же она обнаружила, что общественный кредит полностью подорван. При покойном короле царила такая распущенность, что за три года было разрешено выпускать не менее 150 государственных монетных дворов, и это допускало такие злоупотребления, что была достигнута точка, когда почти казалось, что каждый испанец чеканит свои собственные деньги, или что, как сказал Росси Св. По словам Илера, “чеканка монет была главной отраслью промышленности страны”.

Фото Алиари.

ПАПА ИННОКЕНТИЙ III. И СВЯТОЙ ДОМИНИК.

С фрески в церкви Сакро Спеко, Субьяко.

Она сократила количество мятных конфет до пяти и осуществляла строжайший контроль за их выпуском, тем самым освободив торговлю от страха перед мошенничеством, который ее душил. Возросшее и неуклонно растущее благосостояние стало почти непосредственным результатом этой мудрой меры.

Восстановив порядок в стране, она обратила свое внимание на Двор, занялась очищением его нравов и приступила к тому, чтобы избавить его от отвратительной распущенности, царившей во времена ее брата.

Сама отличавшаяся строгим целомудрием, она требовала такой же чистоты поведения от всех женщин, которые к ней обращались, и подвергала благородных девиц, воспитанных при ее Дворе, строжайшему надзору. Искренне любя короля, она была печально известна своей склонностью к ревности: стоило ему только слишком усердно присмотреться к какой-нибудь даме из ее свиты, и Изабелла находила способ удалить ее от Двора. Она позаботилась о том, чтобы пажи, которые прислуживали ей, получили хорошее образование, чтобы таким образом они могли избежать праздности, которая неизменно ведет к расточительству характера и безнравственности. Наконец, согласно Бернальдесу,²⁸ она распространила свои моральные реформы на монастыри, которые нуждались в них не меньше, чем Двор, и она исправляла и наказывала великую порочность, которая была пронизана всеми монастырскими порядками.²⁹

Нет ни одного летописца ее правления, который не распространялся бы о ее великом благочестии. Бернальдес сравнивает ее со Святой Еленой, матерью ^{30-летнего} императора Константина, и описывает ее как очень преданную Святой Вере и очень послушную Святой Церкви. Бернальдес, конечно, писал после учреждения инквизиции, которую он, как и другие современные и последующие хронисты, очень горячо одобрял; и, возможно, на него в значительной степени повлияло соображение о поддержке, которую она, к сожалению, оказала ее внедрению в Кастилии. Но о том, что ее набожность была чрезвычайной и искренней, мы делаем вывод с того момента, как видим ее после битвы при Торо, которая определенно принесла ей корону, идущей босиком в церковь на благодарственную службу.

Однако, каким бы пламенным ни было ее благочестие, оно не позволило бы ей признать в папе римского временного правителя Кастилии.

С тринадцатого века власть Церкви в Испании возрастала в соответствии с догмой о духовном суверенитете Рима над всеми католическими церквями мира. Духовенство накопило огромное состояние с присущей ему легкостью, когда предоставлялся случай, и с этой целью злоупотребляло безрассудной щедростью предшественников Изабеллы.

Луций Мариней сообщает нам, что доходы четырех архиепископств — Толедо, Сантьяго, Севильи и Гранады — составляли 134 000 дукатов,³¹ в то время как доходы двадцати епископств составляли около 250 000 дукатов.

Окруженная советниками-священниками, которых она уважала, она, тем не менее, явно демонстрировала свое нетерпение по поводу узурпации клерикальных прав короны. Главным из этих злоупотреблений, без сомнения, было то, которое практиковал сам понтифик, предоставляя иностранцам высшие и богатейшие бенефиции Испанской церкви, игнорируя тот факт, что назначение епископов было прерогативой короны — всегда при условии папского утверждения. То, что Изабелла, набожная и окруженная священниками, осмелилась выступить против Святого Престола и ужасного папы Сикста IV так же бесстрашно, как она выступала против своей хищной знати, является, пожалуй, высшим доказательством силы ее характера, какое только может дать история.

Ее тлеющее негодование выплеснулось наружу, когда папа, проигнорировав назначение ее капеллана Алонсо де Бургоса на вакантный епископский пост Куэнки, назначил на этот вакантный престол своего собственного племянника Раффаэле Риарио, кардинала Сан-Систо.

Она уже дважды обращалась к понтифику с просьбой утвердить ее кандидатуры на другие бенефиции — архиепископство Сарагосы и епископство Таррагоны, — и каждый раз ее кандидатура отклонялась в пользу креатуры папы. Но это третье презрительное пренебрежение к ее прерогативам было выше ее терпения. Католические монархи отказались утвердить назначение Риарио и умоляли папу — поначалу покорно — отменить его.

Но суровый, властный Сикстус дал ответ, характерный для его высокомерной натуры. Он объявил, что ему принадлежит право распределять по своему усмотрению все блага христианского мира; и он снизошел до объяснения, что власть, которой Богу было угодно наделить его на земле, не может быть ограничена ничьей волей, кроме его собственной, и что она руководствуется только интересами католической веры, единственным арбитром которой он является.

Но его упрямство столкнулось с упрямством столь же великим. Католические монархи в ответ отозвали своего посла от папского двора и издали предписание всем испанским подданным покинуть Рим.

Ситуация становилась все более напряженной; надвигался открытый разрыв между Испанией и Ватиканом. Но монархи уведомили папу о своем намерении созвать генеральный совет Церкви для разрешения спорного вопроса, и ни один папа в те дни не мог хладнокровно рассматривать генеральный совет, собранный с целью вынесения решения по его указам. Каким бы ни был результат, поскольку на этих соборах папская власть была поставлена под сомнение, из этого должно следовать, что впоследствии эта власть будет ослаблена. Следовательно, это была обычная угроза, использованная для того, чтобы привести непокорного понтифика в разумное расположение духа.

Это заставило Сикста осознать силу цели, которая была ему противопоставлена; и, зная, что эта решимость подкрепляет неоспоримое право, которое он нарушил, он понял, что не осмеливается настаивать дальше. Итак, несмотря на его более раннее утверждение, что власть, которой он обладает от Бога, не может быть ограничена никакой другой волей, кроме его собственной, и управляться исключительно интересами Веры, он полностью уступил.

Три королевских кандидата были должным образом утверждены на вакантных кафедрах, и Сикст дал обязательство, что в будущем он не будет назначать в бенефиции Испании других священнослужителей, кроме тех, кого назначат католические монархи.³²

Следует добавить, что, руководствуясь этой знаменательной победой, которую она одержала, Изабелла использовала данные ей способности с такой благочестивой мудростью, искренностью и осмотрительностью, что, если бы папа последовал ее примеру при назначении высокопоставленных лиц, это способствовало бы большей чести и славе Церкви. Ибо она решительно выступала против предоставления льгот на любых основаниях, кроме тех, которые основаны на абсолютных заслугах.

Добившись своего в этом, она смогла лучше обуздать хищнические привычки своего духовенства с помощью эдиктов, ограничивавших их власть надлежащими клерикальными рамками.

“Удивительно, - комментирует Пулгар, - что женщина смогла в одиночку и за такое короткое время, благодаря своему здравому смыслу и настойчивости добиться того, чего многие мужчины и великие короли не могли сделать за многие годы”.

“Правильно оценивать заметные улучшения”, - говорит Росси Сент. Илер,³³ “что это правление произвело в промышленности и сельском хозяйстве, необходимо было бы год за годом следовать таблице постановлений, издаваемых католическими монархами. Можно было бы увидеть, что во многих вещах гений основателей Кастильской монархии предвосхитил многовековую работу. Счастливые результаты этих реформ вскоре ощутили на себе повсюду: шоссе были очищены от злоумышленников, были открыты новые пути сообщения, через реки были наведены мосты, консульские трибуналы были учреждены в торговых центрах, консульства были открыты во Фландрии, Англии, Франции и Италии; по мере того как морская торговля расширялась с каждым днем и в определенной мере с развитием промышленности, в каждом городе возникали новые здания, и население быстро увеличивалось. Все они провозгласили новую эру возрождения Кастилии. Современные писатели, пораженные этими чудесами, в один голос превозносят это славное правление, которое открывает Испании новые судьбы”.

Несомненно, что ни в одной другой стране Европы в то время законы не соблюдались так хорошо, а права личности не были так хорошо защищены. Правосудие было строго восстановлено, больше не было произвольных тюремных заключений и секвестров, в то время как неравномерное и капризное налогообложение прошлого было отменено навсегда.

“Такова, - говорит Мариней, - была строгая справедливость, отмеренная каждому в это счастливое правление, что со всеми людьми, дворянами и рыцарями, торговцами и земледельцами, богатыми и бедными, хозяевами и слугами, обращались одинаково и получали равную долю”.

Там, где было так много хорошего, где так много верных заслуг было оказано делу прогресса и цивилизации, тем более прискорбно обнаружить в этом правлении единственное зло, которое сейчас следует рассматривать, — такое зло, что оно должно служить противовесом и сводить на нет все достоинства правления Изабеллы.

Особая похвала, которую до сих пор мы слышали от их современников в адрес католических монархов, - это похвала, которую должен повторять каждый человек в любую эпоху.

Но столь же громкая похвала прозвучала и по другому поводу, ее повсеместно высказывали все современники и многие последующие историки, одни, без сомнения, потому, что они были

искренни в смертельном фанатизме, который вдохновлял их, другие потому, что не осмеливались выражаться в других терминах.

“Ею, - восклицает Бернальдес в завершение своего перечисления ее многочисленных добродетелей и мудрых положений, - была сожжена и уничтожена самая злая и отвратительная моисеева, талмудическая, еврейская ересь”.

А историк Мариана считает введение инквизиции в Испании самой славной чертой правления Фердинанда и Изабеллы. Он ставит это выше всего морального великолепия того дня, когда восклицает:

“Еще лучшей и счастливой удачей для Испании было учреждение в Кастилии примерно в это время нового и святого трибунала из суровых судей с целью расследования еретической правды и отступничества и наказания за них...”³⁴

Было бы несправедливо предполагать, что сегодня в Римской церкви, прискорбной и неотъемлемой частью которой была испанская инквизиция, можно найти человека, который может обратиться к нам без сожаления, чтобы рассмотреть эту черную тень, лежащую на одной из самых ярких страниц истории.

ГЛАВА V ЕВРЕИ В ИСПАНИИ

Вы видели католических монархов, наводящих порядок на этой обезумевшей земле Испании, добивающихся подчинения закону, учреждающих полицейскую систему для пресечения разбоя, ограничивающих грабежи знати, пресекающих злоупотребления и узурпации духовенства, восстанавливающих общественный кредит и в целом подавляющих все элементы беспорядков, от которых страдало государство.

Но один крайне тревожный элемент все еще оставался в ожесточенной вражде, царящей между христианами и иудеями.

“Некоторые священнослужители и многие миряне, - говорит Пулгар,³⁵ - сообщили суверенам, что в Королевстве есть много христиан еврейского происхождения, которые снова принимают иудаизм³⁶ и проводят еврейские обряды в своих домах, и которые не верят в католическую веру и не выполняют католические обязанности. Они умоляли суверенов, поскольку они были христианскими князьями, наказать это отвратительное заблуждение, потому что, если оставить его безнаказанным, оно может распространиться настолько, что нашей Святой католической вере будет нанесен большой ущерб”.

Чтобы точно осознать тогдашнюю позицию и силу аргументов, использовавшихся для того, чтобы побудить католических монархов завершить упорядочение королевства путем подавления реиудаизации, или отступничества, новохристиан - как называли крещеных евреев и их потомков, - необходимо сделать хотя бы краткий ретроспективный обзор истории израильтян в Испании.

В какой период евреи впервые появились на полуострове, с точностью определить нелегко.

Салазар де Мендоса и другие историки древности, которые основывают свои труды на работах Томаса Тамайо де Варгаса, выдвигают взгляды на этот предмет, которые скорее любопытны, чем важны.

Они утверждают, что Королевство Испания было основано Тубалом, сыном Иафета, который получил в свое распоряжение Европу, когда был произведен раздел между сыновьями Ноя. Поэтому он был назван Тубалией, а позже евреями Сефарадом, а греками Гесперидой. Они считают, что первыми евреями на Пиренейском полуострове, вероятно, были те, кто пришел с Навуходоносором II, царем Халдеи, и что он привел с собой, помимо халдеев и персов, десять колен Израиля, которые населили Толедо,³⁷ и построили там самую красивую синагогу, которая принадлежала им со времен храма Соломона. Эта синагога, утверждает Мендоса, впоследствии стала монастырем Санта-Мария-ла-Бланка (утверждение, которому архитектура Санта-Мария-ла-Бланка категорически противоречит). Далее он сообщает нам, что они построили еще одну синагогу в Саморе, и что те, кто молился там, всегда гордились собой — его точка зрения, конечно, сугубо христианская, — что к ним было обращено Послание святого Павла к евреям.

Они основали университет в Лусене (недалеко от Кордовы) и школы, где преподавался закон, так что святая еврейская религия быстро распространилась и соблюдалась по всей Испании вплоть до пришествия Нашего Господа в мир. Затем, в 37 году нашей эры, апостол Святой Иаков прибыл проповедовать новое Евангелие в Иберию, “так что Испания была первой землей после Иудеи, принявшей святой закон благодати”. Следуя трудам Варгаса, он заходит так далеко, что говорит: “и хотя многим показалось апокрифическим, что толедские евреи писали, осуждая Страсти Господни, это утверждение не лишено веских оснований”.³⁸

Амадор де лос Риос, вероятно, прав, полагая, что евреи впервые появились в Испании во времена владычества вестготов, после падения Иерусалима; и едва они обосновались на полуострове, как начали испытывать горечь преследований. Но после того, как они были избавлены от этого сарацинскими захватчиками, которым по расе и вероисповеданию они вполне симпатизировали, они наслаждались — как при мусульманском, так и при христианском правлении — периодом процветания в Испании, который продолжался до конца XIII века. И это несмотря на скрытое взаимное презрение и ненависть христиан к евреям и евреев к христианам, которые были непобедимы в эпоху сильных религиозных чувств.

Для христианина каждый еврей, с которым он сталкивался, был его естественным и наследственным врагом, потомком тех, кто распял Спасителя; поэтому он был объектом проклятия, человеком, которому должно быть достойно отомстить за величайшее преступление в мире, совершенное его предками.

Еврей, с другой стороны, столь же основательно презирал христианина. С точки зрения своего собственного чистого монотеизма он презрительно смотрел на религию, которая должна казаться ему не более чем адаптацией политеизма, разработанной на основе доктрин того, кого евреи отвергли как самозванца, пытавшегося узурпировать место обещанного Мессии. Для настоящего набожного еврея тех дней христианская религия была немногим лучше богохульства. И это был не единственный источник его презрения. Оглядываясь на своих великолепных предков, на древность своей расы и высокий уровень ее культуры — плод

многовековой интеллектуальной эволюции, — что, кроме презрения, мог он испытывать к этим вчерашним испанцам, которые только вылуплялись из трясины варварства?

Ясно, что о взаимном уважении между расами не могло быть и речи в эпоху сильных религиозных предрассудков. Терпимость, однако, была возможна, и еврей приложил все усилия, чтобы добиться ее. С этой целью он использовал сразу пороки и добродетели несчастных, которые столетия невзгод сделали присущими ему.

Вооруженный почти жалким стоицизмом, он надел маску безразличия, чтобы противостоять выражаемой ненависти и презрению; насилию он противопоставил хитрость и долготерпеливое терпение, столь присущее ему, — терпение, связанное с высоким уровнем интеллекта; терпение, которое, интерпретируемое как “бесконечная способность принимать боль”, выдвигалось в качестве определения гениальности и является секретом успеха еврея, где бы он ни обосновался.

В сплоченности на чужбине этого народа, который не может держаться вместе как нация, и в их необычайной коммерческой проницательности заключается сила евреев. Они разбогатели благодаря своему трудолюбию и бережливости, пока не оказались в состоянии приобрести те привилегии, которые в христианском мире являются правом каждого христианина по рождению. Из-за их численности в Испании также было трудно относиться к ним пренебрежительно, поскольку, по обоснованной оценке Амадора де лос Риоса, [39](#) в конце XIII века в Кастилии проживало около миллиона евреев.

Своей солидарностью они образовали — как они всегда делают — *imperium in imperio*, собственное государство внутри государства; у них были свой собственный язык и обычаи; они руководствовались своими собственными законами, которые приводились в исполнение их раввинами и вождями, и они беспрепятственно придерживались своей собственной религии, поскольку кастильцы уважали даже соблюдение субботы. Таким образом, они пришли, чтобы создать для себя в чужой стране подобие своей собственной родины.

Это правда, что время от времени они подвергались спорадическим местным преследованиям; но в основном они пользовались терпимостью и религиозной свободой, которым могли бы позавидовать бедные измученные альбигойцы за Пиренеями. Ибо Церковь, которая уже учредила Инквизицию, была очень далека — по причинам, которые будут рассмотрены в следующей главе, — от подстрекательства к какому-либо преследованию Детей Израиля. Таким образом, Гонорий III, продолжая политику Иннокентия III и предписывая искоренять еретиков на Юге Франции и в других местах, подтвердил (7 ноября 1217 г.) привилегии, предоставленные евреям его предшественниками на троне Святого Петра. Они заключались в том, что ни один еврей не должен принуждаться к принятию крещения; что, если он склоняется к принятию христианской веры, он должен быть принят в нее с любовью и благожелательностью; что христиане должны уважать его праздники и религиозные церемонии; что битье евреев кнутом или побивание их камнями должно быть запрещено и наказываться; что места их захоронения должны почитаться священными.

И когда король Фердинанд III, впоследствии канонизированный, отвоевал Севилью у мавров (1224), он отдал евреям один из лучших районов города и подарил им четыре находящиеся в нем мечети, чтобы они могли превратить их в синагоги.

Единственным ограничением, наложенным на них законом, было то, что они должны были воздерживаться под страхом смерти от попыток обращения в свою веру среди христиан и что они должны проявлять уважение к христианской религии.

Это были безмятежные дни процветания евреев в Испании. Их выдающиеся способности были признаны, и они заняли многие важные посты в правительстве. Финансы королевства находились под их контролем, и Кастилия процветала под их умелым управлением своей торговлей. Альфонсо VIII, в правление которого, по оценкам, только в Толедо проживало 12 000 евреев, нанял еврея своим казначеем и не побрезговал взять еврейку в любовницы — интересный маленький факт в свете закона, который так скоро должен был быть обнародован по этому вопросу.

Едва ли меньшей ценностью для национальной торговли были их заслуги перед наукой, искусством и литературой. Они особенно преуспели в медицине и химии, и самыми искусными врачами и хирургами средневековья были люди их расы.

В середине XIII века, к сожалению, произошли перемены, и эта внешняя гармония, с таким трудом установленная, была нарушена ростом реальных чувств, которые никогда не переставали лежать в ее основе. Во многом евреи были сами виноваты. Введенные в заблуждение предоставленной им религиозной свободой, достоинством, которого достигли люди их веры, и процветанием, которого они достигли, они не смогли понять, что накопленное ими богатство само по себе представляет угрозу их безопасности.

Ободренные проявленным к ним вниманием, они совершили неосторожность, дав волю своему восточному пристрастию к великолепию; они окружили себя роскошью и позволили себе показное великолепие в своих одеждах и экипировках и таким образом провозгласили богатство, которое они копили поколениями, живя в сравнительной безвестности.

Если бы они ограничились этой сугубо личной демонстрацией, все еще могло бы быть хорошо. Но, будучи одетыми и размещенными по-королевски, они вели себя по-королевски. Они становились надменными с ужасающим высокомерием богатства. Они позволили своему презрению к менее богатым христианам проявиться в их презрительном отношении к ним, и, будучи неконтролируемыми в этом, это был всего лишь еще один шаг к злоупотреблению привилегиями, которыми они пользовались.

Их демонстрация богатства вызвала зависть — самую опасную и пагубную из страстей, зародившихся в человеческом сердце. Их высокомерие и бесцеремонная осанка пробудили эту зависть к действию.

Возникли вопросы, касающиеся источников их богатства. Против них выдвигалось обвинение в том, что их ростовщическая практика разорила многих христиан, которых они теперь осмеливались отвергнуть. И хотя ростовщичество было санкционировано и для них было объявлено законным взимать проценты до 40 процентов, внезапно вспомнили, что ростовщичество во все времена бескомпромиссно осуждалось Церковью — и под термином "ростовщичество" Церковь тогда понимала любые проценты, какими бы незначительными они ни были, выплачиваемые на взятые займы деньги.

Фанатизм начал беспокойно шевелиться во сне, и вскоре, подгоняемый алчностью, он пробудился и поднял свою ужасную голову. Общественное мнение против израильтян усилилось из-за того факта, что они практически получили контроль над всегда непопулярными офисами по сбору налогов.

Население стало угрожающим. О них ходили злые слухи, и их обвиняли, среди прочих ритуальных мерзостей, в том, что они практиковали человеческие жертвоприношения.

Были ли какие-либо реальные основания для обвинения - одна из тех исторических загадок, которые ставят в тупик студента. С одной стороны, представляется невозможным собрать достаточные данные для подтверждения какого-либо одного из множества выдвинутых конкретных обвинений; в то время как, с другой стороны, ввиду настойчивости, с которой обвинение всплывает в разных странах и в разные эпохи,⁴⁰ было бы самонадеянно отвергать его как необоснованное.

Первое официальное признание обвинения содержится в кодексе, известном как *Partidas*, обнародованном Альфонсо XI (1256-1263), который содержит следующий пункт:

“Поскольку мы слышим, что в некоторых местах евреи в Страстную пятницу насмеются над Страстями Господа Нашего Иисуса Христа, крадут мальчиков и распинают их, или делают восковые статуи и распинают их, когда мальчиков невозможно достать, мы приказываем, чтобы, если станет известно, что впоследствии в любой части нашего королевства совершается подобное, все те, установлено, что они связаны с этим деянием, должны быть арестованы и предстать перед королем. И когда он убедится в истинности обвинения, он прикажет предать их смерти, сколько бы их ни было”.⁴¹

Льоренте упоминает четыре конкретных случая ритуального убийства, которым он, по-видимому, приписывает заслугу:

1250. — Мальчик из хора столичной церкви Сарагосы по имени Доминго де Валь, распят евреями. Впоследствии он был канонизирован и почитался в Сарагосе как мученик.

1452. — Мальчик, распятый евреями в Вальядолиде.

1454. — Распят мальчик из поместья маркиза Альмарзы, близ Саморы. Впоследствии его сердце было сожжено, а пепел был разбавлен вином евреями, присутствовавшими на церемонии. Тело впоследствии было обнаружено собакой, и это привело к аресту виновных и их осуждению.

1468. — В Сепульведе, в епископстве Сеговия, в четверг Страстной недели похитили мальчика, а в Страстную пятницу его увенчали терновником, били кнутом и, наконец, распяли. Епископ Д. Хуан Ариас, получив сведения об этом преступлении, возбудил расследование, в результате которого были арестованы несколько человек, которые, будучи осужденными, были приговорены к смертной казни.

Льоренте приводит в качестве своего авторитета по третьему и четвертому делам “*Fortalicium Fidei*” Эспины — ни в коем случае не авторитет, который следует принимать безоговорочно. Что

касается второго, то он не упоминает никаких авторитетных источников; в то время как для получения более полной информации о первом он отправляет своих читателей к “Истории Санто-Доминго-де-Валь”, которая имеет не больше авторитета, чем большинство работ этого класса.⁴² Но канонизация этой жертвы наводит на размышления; ибо Римская церковь никогда не действовала опрометчиво и без должных доказательств в подобных вопросах. Однако, даже если бы это было так, в данном случае было бы необходимо указать мотив для такого безрассудства. Единственным возможным мотивом было бы желание создать оправдание для преследования евреев. Но, как уже было сказано — и как сейчас будет совершенно ясно — целью Римской церкви никогда не было участвовать в подобных преследованиях или подстрекать к ним.

Знаменитое дело о распятии “Святого Младенца” из Ла Гардии, судебным процессом над которым руководил сам Торквемада, должно быть рассмотрено в надлежащем месте.

Как хорошо известно, практика человеческих жертвоприношений чрезвычайно стара; и в различных формах она была связана со многими совершенно разными культами. Самым ранним абсолютно историческим примером обращения евреев к нему, вероятно, является цитата доктора Дж. Г. Фрейзера (в “Золотой ветви”) из “Истории церковной жизни” Сократа. Схолиаст рассказывает, как в 416 году в Имнестаре в Сирии группа евреев во время одного из своих праздников опустилась до того, что стала высмеивать христиан и их Христа. На пике своего безумия они схватили мальчика, привязали его к кресту и повесили. Результатом стала драка, и власти вмешались, чтобы заставить евреев дорого заплатить за свое преступление.

Амадор де лос Риос, рассматривая распространение этого обвинения против испанских евреев в XIII веке, объясняет это тем, что этот предмет стал темой чрезвычайно драматической повествовательной поэмы Гонсало де Берсео “Милагрос де Нуэстра Сеньора”. В то же время он не заходит так далеко, чтобы настаивать на том, что история, на которой основана баллада, возможно, на самом деле не имела своих корней. Напротив, он предполагает, что так могло быть, и, зафиксировав настойчивость обвинения, воздерживается от выражения какого-либо определенного мнения по этому вопросу, не решаясь либо принять, либо отклонить как пустую клевету эти обвинения в ритуальном убийстве.

Из убедительных аргументов, которые были выдвинуты по этому же вопросу Фрейзером и Вендландом, следует заключить, что в любом случае христиане ошибались, предполагая, что эти предполагаемые распятия на празднике Пурим — будь то людей или изображений — были задуманы как насмешка над Страстями Исккупителя. Их происхождение гораздо более древнее и связано с обрядом, частью которого, возможно, само по себе было жертвоприношение на Голгофе — празднование повешения Амана, — которое, опять же, было продолжением ритуала, практиковавшегося вавилонянами и перенятого у них евреями во время их пленения.⁴³

Фото Lacoste.

ИЗАБЕЛЛА КАТОЛИЧКА.

С картины из галереи Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.

Какой бы ни была правда об этом ритуальном убийстве, нет никаких сомнений в том, что эти слухи старательно распространялись, чтобы настроить общественное мнение против евреев.

Монахи—фанатики, игнорируя папские предписания о снисходительности и веротерпимости по отношению к детям Израиля, разъезжали по Кастилии, проповедуя беззаконие евреев и Божий гнев, который обрушится на землю, приютившую их. Подстрекаемые таким образом и видящие выгоду в этом деле, верующие восстали, чтобы уничтожить их. Массовые убийства и

мародерство были неизбежным результатом, хотя, как правило, власти оперативно вмешивались и подавляли фанатизм населения в сочетании с жадой грабежа.

Но когда в 1342 году Черная смерть распространилась по Европе, доминиканцы и другие возобновили свои обвинения и заставили людей поверить, что евреи ответственны за эпидемию, поразившую страну. В Германии им безжалостно поставили перед выбором между смертью и крещением, и они ужасно страдали, пока папа Климент VI не вмешался, чтобы спасти их. Он умолял императора обуздать своих убийц; и, обнаружив, что его мольбы не возымели действия, он обрушил громовые удары отлучения от церкви на всех, кто будет продолжать преследовать евреев.

Пораженные ужасом перед этой ужасной угрозой Церкви, верующие приостановили резню, и голос осуждения умолк.

Таким образом, на какой-то сезон они добились небольшого спокойствия. Но на протяжении всего четырнадцатого века то тут, то там вспыхивали вспышки преследований, и массовые убийства происходили в Кастилии, Арагоне и Наварре. Власти также, имея перед собой прецедент Partidas, не прибегая к санкционированию или даже разрешению насилия там, где они могли его подавить, все же применяли по отношению к евреям самую вопиющую и жестокую несправедливость. Наихудшим примером из них является налог в размере 20 000 золотых доблей, взимаемый с альджамов Толедо Генрихом II при его восшествии на престол в 1369 году. Чтобы реализовать эту сумму, он приказал публично продать не только имущество евреев, но фактически их самих в рабство, как следует из его указа.⁴⁴

Преследования, которым они подверглись, были вызваны главным образом монахами, которые отправились за границу с проповедями против них, разжигая ненависть христиан к людям, которые в значительной степени были их кредиторами. Даже там, где религиозный стимул был недостаточен, легкий способ погашения долгов, который давало это удовлетворение их благочестия, оказался непреодолимым для людей, чья вопиющая безнравственность — во всех смыслах этого слова — шла рука об руку с их беззаветной набожностью.

Эти преследования, как мы уже говорили, власти поспешили пресечь. Но вскоре появился бешеный фанатик, который оказался совершенно неудержимым. Его звали Эрнандо Мартинес. Он был монахом-доминиканцем и каноником Экии. В его искренности не может быть никаких сомнений; а их искренность — самое ужасное в таких людях, ослепляющее их до состояния полного безумия. Он был готов скорее принять любую мученическую смерть, чем молчать в деле, в котором считал своим священным долгом высказаться. Ради этого священного долга он выступил вперед, выкрикивая свои обличения евреев, неистово подстрекая толпу восстать и уничтожить эту проклятую расу, этих врагов Бога, этих распятых Спасителя. В самом деле, он не смог бы проявить к ним более яростной ненависти, если бы они были теми самыми людьми, которые у трона Пилата требовали крови Христа — и о прощении которых кроткий Искупитель молился в последние минуты Своей жизни: этот вопрос ускользнул от внимания архидьякона Экии, который, как и многие другие, был слишком полон благочестия, чтобы в его душе нашлось место христианству.

Апелляции против него были поданы архиепископу Севильи, официальным лицом или представителем которого он был. Архиепископ приказал ему воздержаться, и когда в вопиющем неповиновении своему настоятелю он продолжил проповедовать свое евангелие крови и ненависти, были поданы апелляции к королю и даже Папе; и король и папа приказали ему прекратить свои подстрекательские проповеди.

Но он бросал вызов им всем одинаково. В своей фанатичной ярости он зашел в своем упрямстве так далеко, что поставил под сомнение папскую власть и объявил незаконным разрешение, данное папами на возведение и сохранение синагог. Это было опасно сродни ереси. Людей отправляли на костер и за меньшее, и Эрнандо Мартинес, должно быть, был совершенно безумен, если полагал, что Церковь позволит ему продолжать распространять подобные доктрины.

Он предстал перед епископальным судом, чтобы ответить за свои слова. Он ответил вызывающе — сказал им, что дыхание Божье было в нем, и что не дело людей затыкать ему рот.

Вслед за этим дон Педро Баррозу — архиепископ — распорядился, чтобы он предстал перед судом за неповиновение и ересь, а тем временем отстранил его от всякой юрисдикции и всех обязанностей архиепископского чиновника.

Однако вскоре после этого случилось так, что Баррозу скончался, прежде чем смог состояться судебный процесс; и Мартинесу удалось добиться избрания Капитулом на должность одного из провизоров епархии в ожидании назначения преемника Баррозу. Таким образом, он вернул себе власть и способность проповедовать; и он использовал это так безжалостно, что в декабре 1390 года толпа, действовавшая по его подстрекательству, превратила в руины несколько синагог в Севилье.

Евреи обратились к королю за защитой, и власти, теперь окончательно встревоженные, приказали отстранить Мартинеса от должности и запретить проповедовать, а также восстановить разрушенные синагоги силами Капитула, который взял на себя ответственность, избрав его.

Но Мартинес, всегда непокорный, пренебрег и королем, и Капитулом. Он преследовал свою кровожадную миссию, возбуждая население, которое было слишком готово воспринять — благодаря его аргументам — способ совершения поступка, который должен быть угоден Богу и в то же время обогащать само себя. Какое население могло бы опровергнуть такие рассуждения?

Наконец, летом 1391 года вся страна была охвачена фанатичными преследованиями. Яростное пламя вспыхнуло сначала в Севилье, усердно раздуваемое низложенным архидьяконом.

Тремя годами ранее, ввиду того вреда, который, как утверждалось, евреи наносят религии своим свободным смешением с христианами, король Иоанн I приказал им жить отдельно в отведенных для них районах, которые стали известны как иудеирии (еврейские или гетто). Было повелено, чтобы христиане не входили туда, и чтобы евреи в целях торговли приходили на общественные рынки и ставили там палатки, но у них не должно было быть ни дома, ни местожительства за пределами Иудеирий, и они должны были удаляться туда с наступлением темноты.

Теперь толпа проникла в севильскую Джудерию, доведенная Мартинесом до исступления, почти равного его собственному. Они пришли вооруженные и подвергли это место разграблению и бойне, вырезав каждого его обитателя без какой-либо дискриминации или жалости по возрасту или полу. Число убитых оценивается примерно в четыре тысячи человек - мужчин, женщин и детей.⁴⁵

Из Севильи пожар перекинулся на другие города Испании, и то, что произошло там, произошло в Бургосе, Валенсии, Толедо и Кордове, а затем в Арагоне, Каталонии и Наварре, в то время как улицы Барселоны, как говорят, были залиты кровью зарезанных евреев.

Разъяренная толпа устремлялась в еврейство каждого города, чтобы навязать жителям Христа — как эти христиане Его понимали — предложить охваченным ужасом евреям выбор между сталью и водой - смертью и крещением.

Вспышка была настолько мощной и жестокой, что власти были бессильны подавить ее, и там, где они пытались сделать это с какой-либо степенью решимости, они сами попадали в ловушку ярости населения. Резня не прекращалась до тех пор, пока христиане не насытились и не погибло около пятидесяти тысяч евреев.

Церкви теперь были заполнены евреями, которые пришли, требуя крещения, поняв, что через его воды лежит путь как к мирской, так и к духовной жизни, и в большинстве случаев — в том ужасном состоянии, до которого они были доведены, — больше беспокоились о первом, чем о втором. Льоренте оценивает число крещеных более чем в миллион, и это число было значительно увеличено благодаря обращению, совершенному святым Винсентом Феррером, который выступил со своей миссией к евреям в первые годы пятнадцатого века и который своим красноречием и чудесами, которые, как говорят, он творил, побудил тысячи людей перейти в лоно христианства.

Ярость толпы утихла, мир постепенно был восстановлен, и мало-помалу те евреи, которые остались верны своей религии и все же выжили, начали выходить из своих укрытий, собираться и с удивительным, непобедимым терпением и упорством, свойственными их расе, заново отстраивать разрушенное здание.

Но если меч преследований был вложен в ножны, дух, который руководил им, все еще находился за границей, и евреям пришлось испытать на себе дальнейшие репрессивные меры. Согласно указам 1412-13 годов, они потеряли большую часть тех немногих привилегий, которые оставил им покойный король.

Ими было предписано, что отныне ни один еврей не должен занимать должность судьи даже в еврейском суде, и ни одному еврею не должно быть позволено выступать свидетелем. Все синагоги должны были быть закрыты или преобразованы в христианские храмы, за исключением одной в каждом городе, в котором должны были поселиться евреи. Им было запрещено продолжать заниматься такими профессиями, как медицина, хирургия и химия, в которых они специализировались с такими хорошими результатами для общества. Они больше не должны были занимать должности сборщиков налогов, и им была запрещена всякая торговля с христианами. Они не должны ни покупать, ни продавать в торговле с христианами, ни есть с ними, ни пользоваться их банями, ни отправлять своих детей в одни и те же школы. Гетто

было приказано обнести стеной, чтобы оно было огорожено и отрезано от остальной части города, и им было запрещено выходить из него. Половой акт между евреем и христианкой был запрещен под страхом смертной казни через сожжение, даже если эта женщина была проституткой. Им запретили бриться и вынудили отрастить бороды и волосы, вдобавок к этому им было приказано носить в качестве отличительного знака круг из красной ткани на плече своих габардинов. Кроме того, они были вынуждены ежегодно выслушивать три проповеди от христианского проповедника, целью которого было осыпать их бранью, поносить их проклятую расу и вероисповедание, заверить их в неизбежности ожидающего их проклятия и превозносить перед ними достоинства католической религии (основанной, напомним, чтобы мы могли в полной мере оценить иронию, на Вере, Надежде и милосердии).⁴⁶

Когда король Иоанн I учредил Иудерию в 1388 году, одновременно ограничив привилегии, которыми до тех пор пользовались евреи, — по крайней мере, заплатив за них, — было много таких, кто, сочтя наложенные на них ограничения совершенно невыносимыми, отказались от веры своих отцов и приняли христианство. Те, кто с уважением относился к делам этого мира, стремились к крещению, и в то время как многие при этом полностью порвали с прошлым — и часто, как это свойственно новообращенным, становились фанатиками в соблюдении принятой веры, — многие другие, внешне соблюдая обязательства христианской религии, продолжали втайне соблюдать закон Моисея и свои еврейские обряды. Точно так же эти дальнейшие указы, направленные против их свободы, привели к еще большему числу обращений в христианство.

Испанцы называли этих новообращенных “новыми христианами”. Те из их собственной расы, кто оставался верным, называли их “марранос” — презрительный эпитет, происходящий от *Маран-атха* (“Господь грядет”), но христиане предполагали, что он означает “проклятый”. Очень скоро он вошел во всеобщее употребление.

Эти новохристиане в результате своего обращения обрели не только привилегии, недавно утраченные ими как евреями, но и оказались на почве абсолютного равенства со старыми христианами; для них были открыты все профессии, и, прилагая к ним всю свою энергию и интеллект, они вскоре оказались обладателями некоторых из самых высоких должностей в стране.

Но тем временем строгость указов 1412 года была значительно смягчена; евреям была разрешена определенная степень свободы и общения с христианами, и многие должности, которые они занимали раньше, снова перешли под их контроль, главным образом те, которые касались торговли, финансов и распределения налогов. При прискорбном правлении Генриха IV дворяне, чьим рабом он был, потребовали, чтобы он “изгнал со своей службы и из штатов евреев, которые, пользуясь общественной нищетой, ухитрились вернуться на должности сборщиков налогов”.

Слабый король согласился, но пренебрег исполнением своего обещания; вскоре оно было забыто, и еврейской части общины было позволено продолжать существование на описанных нами льготных условиях. В таких условиях это было установлено Фердинандом и Изабеллой при их восшествии на престол, и не похоже, что они обращали на это какое-либо особое внимание, пока их не пригласили сделать это “священнослужители и миряне”, которые, как сообщает нам Пулгар⁴⁷, объяснили им, что происходившее переиудайзирование относится к их юрисдикции.

ГЛАВА VI

НОВОХРИСТИАНЕ

Следует четко понимать, что до сих пор инквизиция, которая уже около трех столетий была очень активна в Италии и Южной Франции, не добралась до Кастилии.

Даже совсем недавно, в 1474 году, когда папа Сикст IV приказал доминиканцам учредить инквизицию в Испании, и хотя в соответствии с этим приказом инквизиторы были назначены в Арагоне, Валенсии, Каталонии и Наварре, не считалось необходимым назначать кого-либо в Кастилии, где никакая ересь не могла быть воспринята. Судебные процессы по таким преступлениям против Веры, которые могли иметь место, проводились епископами, которые были полностью уполномочены разбираться с ними; и поскольку такие преступления были редкостью, необходимость в специальном трибунале не возникала сама собой, и папа не настаивал на этом вопросе, хотя и желал повсеместного установления инквизиции.

На полуострове, конечно, было большое еврейское население, а также значительное количество мусульман. Но они не попадали под юрисдикцию какого-либо церковного суда. Сама инквизиция не могла привлечь к ним никакого внимания, поскольку они не противоречили Вере.

Возможно, необходимо объяснение. Здесь мы касаемся вопроса, по которому религиозное преследование, известное как инквизиция, выгодно отличается от любого другого религиозного преследования в истории, и по справедливости этот вопрос не должен — как это слишком часто случалось — замалчиваться. Слишком мало аргументов в пользу этого трибунала, практика которого настолько чудовищно несправедлива, что мы можем позволить себе замалчивать единственную особенность его устава, в которой заложена определенная степень справедливости.

Что бы ни происходило в ходе гражданских и народных преследований, что бы ни предпринимало обезумевшее население по наущению странных фанатичных проповедников, действовавших без авторитета своих начальников, чтобы обуздать свирепый фанатизм, который они взращивали в своих душах, сама Церковь, это нужно четко понимать, не поощряла и не санкционировала преследование тех, кто родился в какой-либо религии, которая сама по себе не была ересью римской веры. Трибунал инквизиции был учрежден исключительно — и действовал исключительно — для того, чтобы иметь дело с теми, кто отступил или вышел из рядов Римской Церкви, точно так же, как армия имеет дело с дезертировавшими солдатами. Фанатичные, ужасно ограниченные, безжалостно фанатичные, какими бы ни были духи инквизиции, инквизиторы ограничили свои преследования отступниками, прелюбодеями веры, поддерживать чистоту и неподкупность которой они считали своей миссией.

Если Церковь подавляла свободу совести, если она душила рационализм и подавляла независимость мышления, она делала это только в том, что касалось ее собственных детей — тех, кто родился в католической вере или принял ее в результате обращения. С теми, кто родился в какой-либо другой независимой религии, ей было наплевать. Евреям, мусульманам, буддистам и язычникам, а также дикарям Нового Света, когда его вскоре открыли, она предоставила самую полную свободу вероисповедания.

Чтобы оценить это, необходимо лишь рассмотреть такие постановления, как постановления Гонория III о защите евреев, Климента VI, который угрожал их преследователям отлучением от церкви, и действия папы и архиепископа в связи с подстрекательскими проповедями Эрнандо Мартинеса. Достаточно учесть, что когда евреи были изгнаны из Испании — как мы сейчас увидим — они фактически нашли убежище в самом Риме и были с добротой приняты папой Александром VI (Родриго Борджиа), что само по себе является одной из самых странных ироний, которые может предложить церковная история.

И если этого недостаточно, давайте на мгновение задумаемся о неприкосновенности и сравнительном покое, которыми пользовались евреи, жившие в самом Риме, в их районе Трастевере.

Они были признанной частью общины Папского города. Во время своей коронационной процессии каждый папа останавливался возле Кампо де'Фиори, чтобы принять группу евреев, которые приходили во главе с раввином, чтобы отдать дань уважения своему суверену — точно так же, как их предки приходили отдать дань уважения императору.

Теперь раввин протягивал наместнику Христа свитки Пятикнижия, завернутые в ткань. Папа брал их в свои руки, чтобы показать, что он уважает закон, содержащийся в них, а затем оставлял их позади, чтобы показать, что этот закон теперь принадлежит прошлому. Из-за спины понтифика раввин получал обратно свои священные писания и удалялся со своим эскортом, обычно сопровождаемый насмешками, оскорблениями и бранью римского населения.⁴⁸

Таким образом, следует понимать, что создание инквизиции в Испании не было направлено на преследование евреев. Это не имело никакого отношения к евреям, если мы ограничим этот термин чисто его религиозным значением, обозначающим соблюдающих закон Моисея. Его забота была полностью связана с отступничеством тех, кто, хотя и принадлежал к еврейской расе, стал христианином путем обращения. В результате последующего тайного переиудаизации, или возвращения этих новохристиан к религии своих отцов (которую они оставили из материальных соображений), они попали под юрисдикцию инквизиции и стали объектом судебного преследования как еретики, преследования, которое никогда не достигло бы их, если бы они продолжали придерживаться своей первоначальной веры.

Нельзя отрицать, что многие из тех, кто был крещен против своей воли, как единственное средство спасти свою жизнь, когда ярость христианской толпы обрушилась на них, в душе оставались евреями, продолжали тайно исполнять еврейские обряды и прилагали усилия, чтобы вернуть в лоно Израиля своих братьев-отступников. Другие, однако, приняв крещение, возможно, решили соблюдать закон, которому они теперь поклялись, и честно упорствовать в христианстве. Тем не менее, многие из старых еврейских обрядов стали для них привычными: выработанное — почти наследственное — отвращение к определенному мясу, соблюдение определенных праздничных дней и несколько второстепенных домашних законов, являющихся частью еврейского кодекса, были слишком глубоко укоренившимися в них, чтобы их можно было вырвать с корнем с первой попытки. Требовалось время, чтобы они могли привыкнуть к христианским привычкам; в некоторых семьях могло потребоваться два или три поколения, прежде чем эти привычки были усвоены в совершенстве, а старые были полностью искоренены. Если бы те, кто убеждал монархов ввести инквизицию в Кастилии, или если бы сами Монархи осознали это и проявили необходимое и разумное терпение в этом вопросе, Испания могла бы быть избавлена от ужасов, которые пустили корни на ее земле и подорвали

силу и интеллектуальную энергию ее детей, так что в ее случае упадок быстро наступил на пятки высшим достижениям.

Как ни отвратительна память об инквизиции для всего мира, ни для кого она не должна быть столь отвратительной, как для Испании, поскольку зло, которое она причинила, полностью коснулось ее самой.

Именно по случаю первого визита Изабеллы в Севилью — того карательного визита, о котором уже упоминалось, — ей впервые было предложено учредить Святую Канцелярию в Испании. Король в это время находился в Эстремадуре по делу укрепления своих границ против Португалии.

Предложение поступило от Алонсо де Охеда, приора доминиканцев Севильи, человека, пользовавшегося большим авторитетом и считавшегося святым (*“vir pius ac sanctus”*, как называет его Парамо).

Видя ее рвение покончить с беззаконием, очистить и восстановить порядок в стране, Охеда обратил ее внимание на распространение отвратительного иудаизирующего движения, которое приближалось. Он подчеркнул лицемерие, которое лежало в основе столь многих обращений евреев. Он указал — с некоторой долей справедливости, — что эти люди высмеяли Святую Церковь, осквернили ее таинства и совершили самое отвратительное святотатство, якобы приняв христианскую веру. Он настаивал на том, что не только это должно быть наказано, но и что опустошение, которое эти иудействующие сеяли среди наиболее верующих новохристиан, и обращение в свою веру, которое они зашли так далеко, что пытались проводить среди старохристиан, должны быть остановлены.

Чтобы осуществить это неотложное очищение, он умолял королеву учредить инквизицию.⁴⁹

В его доводах была убедительность и даже справедливость, которые, должно быть, произвели впечатление на эту набожную леди. Но ее благочестие, каким бы сильным оно ни было, не довело ее до того, чего требовал от нее ее духовный советник. Уравновешенность ее великолепного ума была на редкость верной. Она поняла, что здесь дело, требующее решения; но она также заметила фанатизм, вдохновляющий монаха, стоявшего перед ней, и поняла, как его фанатизм, должно быть, преувеличивает зло.

Она также знала о крайней недоброжелательности, объектом которой были новохристиане. Своим обращением они могли бы смягчить религиозную враждебность кастильцев, но более глубоко укоренившийся расовый антагонизм остался. Оно не только сохранилось, но и усилилось из-за зависти, которую возбуждали эти новохристиане. Энергия и интеллект, присущие людям их расы, служили им сейчас, как они служили им раньше, к их гибели. Не было ни одного высокого поста, на котором не было бы новых христиан; не было ни одного, где они не превосходили бы по численности старых христиан - чистокровных кастильцев.

Королева знала это, потому что сама была окружена новообращенными и потомками новообращенных. Несколько ее советников, три секретаря — одним из которых был тот летописец Пулгар, отчет которого о ситуации был процитирован, — и сам ее казначей были новохристианами.⁵⁰

Этих людей Изабелла близко знала и уважала. Судя о новохристианах в целом по тем, кто состоял на ее непосредственном служении, она, естественно, не принимала во внимание обвинения Охеды в их адрес. Она понимала источник этих обвинений и, должно быть, принимала во внимание неискоренимую горечь народных чувств по отношению к евреям и силу предубеждения, которое распространилось — как мы уже говорили — на новохристиан до такой степени, что их продолжали называть “иудеями”, несмотря на их обращение, так что часто в современных хрониках трудно определить, к какому классу относится автор.

Мы уже говорили, что, несмотря на обращение в другую веру, расовая враждебность сохранялась. Отношение христиан к евреям не изменилось за сто лет, прошедших с тех пор, как подстрекаемая архидьяконом Экии толпа восстала и устроила им резню. Они всегда были потомками распинающих.

Отголоски этого чувства сохранились на полуострове и по сей день. В лексиконе португальцев низших слоев общества и даже мало образованных нет такого слова, как “жестокий”. “Еврей” — это термин, который полностью узурпировал свои функции, и в качестве запрета на жестокое обращение с человеком или животным “Не будь евреем!” (*Не будь евреем!*) по-прежнему используется единственная фраза.

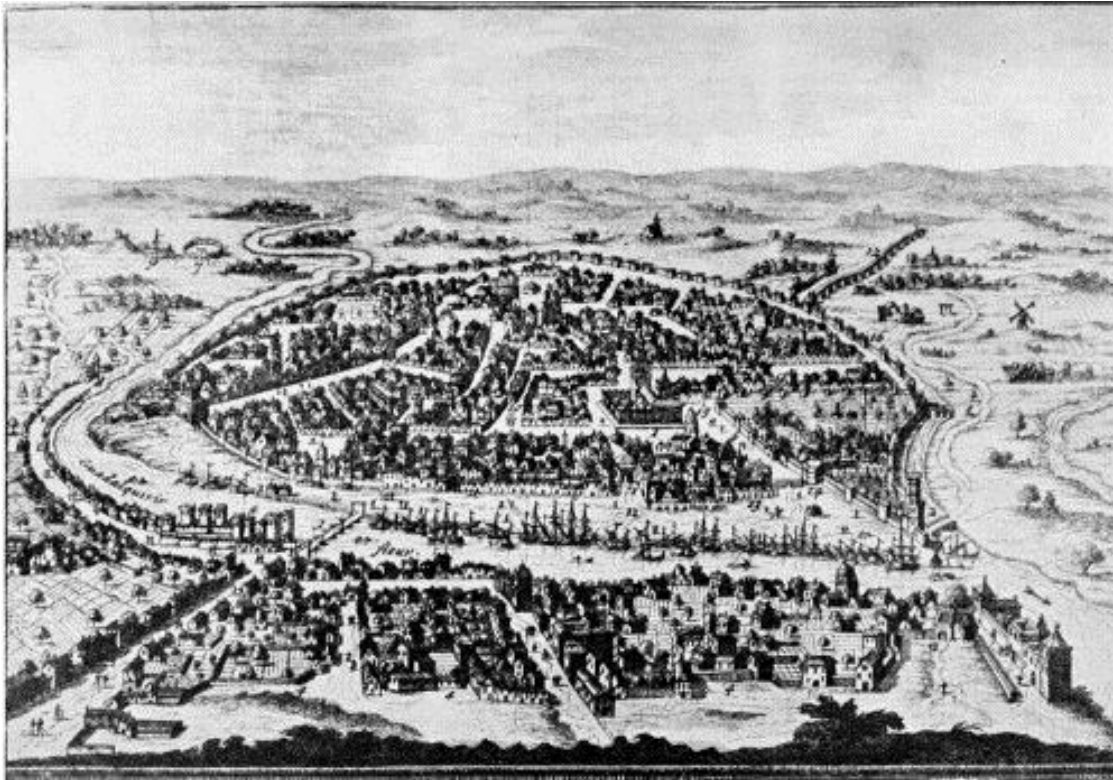
Никакое представление о том, каковы были народные чувства в то время, не может быть передано более адекватно, чем переводом отрывка из Бернальдеса, касающегося манер и обычаев евреев. Бернальдес был священником и, следовательно, в какой—то степени образованным человеком — о чем в основном свидетельствует его история, — однако сочинение, столь смехотворно глупое и отвратительно злобное, как этот отрывок, могло исходить только от ума, в котором фанатизм уничтожил всякое чувство меры.

Единственная историческая ценность этого отрывка заключается в том прискорбном факте, что, несомненно, его можно принять за верное отражение предрассудков, существовавших во времена Изабеллы.

Он гласит:

“Точно так же, как еретики и евреи всегда бежали от христианских доктрин, они всегда бежали и от христианских обычаев. Они большие любители выпить и обжоры, которые никогда не теряют еврейской привычки есть отбросы из лука и чеснока, обжаренных в масле, и тушеное в масле мясо, которое они используют вместо сала; а масло с мясом — это вещь, которая очень плохо пахнет, так что их дома и подъезды отвратительно воняют этим отбросом; и у них специфический запах евреев из-за их пищи и того факта, что они некрещеные. И хотя некоторые были крещены, однако достоинство крещения было аннулировано их доверчивостью [*т.е. Их приверженностью к своей собственной вере*] и их иудаизмом, они воняют как евреи. Они будут есть свинину только по принуждению. Они едят мясо в Великий пост и накануне праздничных дней.... Они соблюдают Пасху и субботу, как только могут. Они посылают масло в синагоги для ламп. Евреи тайно приходят проповедовать к ним в дома — особенно к женщинам, очень тайно. У них есть раввины, которые забивают их скот и домашнюю птицу. Они едят пресный хлеб в еврейский сезон. Они выполняют все свои еврейские обряды настолько тайно, насколько это возможно, и женщины, так же как и мужчины, стремятся по возможности избегать таинств Святой Церкви.... Они никогда не исповедуются правдиво, и случилось так, что священник, однажды исповедовавший одного из них, отрезал лоскуток ткани от его одежды, сказав:

‘Поскольку ты никогда не грешил, позволь мне взять это как реликвию для исцеления больных’.... Недаром Наш Господь назвал их *порождением права и прелюбодеяния*. Они не верят, что Бог вознаграждает девственность и целомудрие, и все их усилия направлены на то, чтобы размножаться. И во времена могущества этой ереси многие монастыри подвергались насилию со стороны их купцов и богатых людей, и многие монахини, называвшие себя монахинями, подвергались насилию и насмешкам, они не верили в отлучение от церкви и не боялись его, а скорее делали это, чтобы очернить Иисуса Христа и Церковь. Обычно обманывая людей с помощью множества уловок и обманов, например, при покупке и продаже, они не имеют совести там, где дело касается христиан. Никогда бы они не занялись сельским хозяйством, пахотой, пашней или разведением скота, и никогда бы не научили своих детей ничему другому, кроме как сидеть и зарабатывать себе на пропитание как можно меньшим трудом. Многие из них за несколько лет подняли большие состояния, не щадя своего воровства и ростовщичества, утверждая, что они зарабатывают это у своих врагов....”⁵¹

Фотография Дональда Макбета.

СЕВИЛЬЯ.

From Colmenar's "Délices d'Espagne."

Эта чудовищная система искажений была бы совершенно незначительной и достойной презрения, если бы не тот факт, как уже было сказано, что она была написана добросовестно (добросовестность фанатика) и отражает то, во что верили в настоящее время, питаемое завистью, которая ясно проявляется, когда Бернальдес ссылается на занятия евреев и

новохристиан — всех из которых он считает ложными по отношению к той вере, которую они приняли.

Изабелла, должно быть, осознавала это чувство и оценивала его по достоинству. В 1474 году она получила очень жалкое повествовательное стихотворение новохристианина Антона Монторо, в котором с ужасающей живостью изображалась резня *конверсос* и взывалось к правосудию над убийцами, заявляя о невиновности новохристиан и искренности их обращения. Ее кроткая натура, должно быть, прониклась состраданием к этому плачу, а ее острый ум, должно быть, уловил злые страсти и зависть, которые бушевали под светлым покровом святого рвения.

Взвесив все эти соображения, она воспротивилась заявлениям Охеда.

Но более весомым, чем любое другое, могло быть отражение власти, которую трибунал инквизиции должен передать в руки духовенства. Она уже очень смело выразила свое возмущение клерикальной узурпацией королевских прав в Испании и, чтобы подавить это возмущение, без колебаний обратилась к самому Папе Римскому. Если бы она сейчас согласилась на просьбу Охеда, то разрешила бы духовенству учредить суд, который, не подчиняясь никаким мирским законам, должен был бы отчуждать от нее часть того суверенитета, который она так ревностно охраняла.

Таким образом, она отклонила ходатайство доминиканца, и при рассмотрении всех обстоятельств — а они вскоре будут, — не может быть никаких сомнений в том, что в этом она пользовалась полной поддержкой кардинала Испании дона Педро Гонсалеса де Мендосы, архиепископа Севильи, который был с ней в то время.

Охеда удалился, сбитый с толку, но ни в коем случае не смирившийся. Он ждал более благоприятного сезона, в течение которого поддерживал народные настроения в состоянии брожения. И как только Фердинанд вернулся, чтобы воссоединиться со своей королевой в Севилье, доминиканец возобновил свои приставания.

Он надеялся найти союзника в лице короля. Более того, теперь его поддерживал отец. Филиппо де Барбери, сицилийский инквизитор. Последний недавно прибыл в Испанию, куда он прибыл, чтобы добиться от католических монархов, которые были правителями Сицилии, подтверждения древнего указа, обнародованного в 1223 году императором Фредериком II. В силу этого указа треть конфискованного имущества еретиков стала прерогативой инквизиции; и он также предписывал, чтобы губернаторы всех округов обеспечивали защиту инквизиторов и оказывали им помощь в их работе по судебному преследованию еретиков и любого еврея, который мог вступить в брак с христианином.

Эти привилегии монархи должным образом подтвердили, считая своим долгом сделать это, поскольку они имели отношение к инквизиции, учрежденной Гонорием III. Но не по этой причине Изабелла все еще склонялась к введению трибунала в Кастилии.

Однако случилось так, что к аргументам Охеда и Барбери добавились убеждения папского легата, *позже* находившегося при кастильском дворе, — Николао Франко, епископа Тревизского, — который, без сомнения, полагал, что учреждение инквизиции здесь было бы приятно папе Сиксту IV, поскольку это должно повысить авторитет Церкви в Испании.

Для Фердинанда, вероятно, это предложение было не лишено соблазна, поскольку оно должно было предложить ему способ одновременно удовлетворить присущее ему благочестие и — за счет конфискаций, которые должны были последовать в результате судебного преследования столь богатой части общества, — пополнить почти истощенную казну. Когда путь совести является также путем получения прибыли, следовать по нему нетрудно. Но, в конце концов, хотя Фердинанд был единовластным правителем Испании и верховным правителем Арагона, он не обладал в Кастилии властью Изабеллы. В конце концов, это было ее королевство, и хотя его положение там ни в коем случае не было положением простого принца-консорта, все же закон и политика обязывали его оставаться покорным ее воле. Принимая во внимание ее позицию, он мог сделать немногим больше, чем добавить свои собственные доводы к убеждениям трех священнослужителей-защитников, и среди них они так настаивали на Изабелле, что она уступила до степени компромисса.

Она согласилась, что следует предпринять шаги не только для сдерживания иудаизации новохристиан, но и для обращения в другую веру самих евреев; и она возложила трудную задачу обеспечения соблюдения христианской веры и католических догм на кардинала Испании, более желанного человека, чем он, с христианской и гуманитарной точки зрения, не могло быть человека его времени, что равносильно утверждению, что с точки зрения его современников-католиков ни один человек не мог быть менее желанным.

Заявление Изабеллы о своей решимости в этом вопросе, должно быть, стало чем-то вроде шока для Охеды, который считал, что находится на пути к тому, чтобы одержать над ней верх. Эта уступка его желаниям была далека от той уступки, которой он добивался, поскольку она прошла мимо голов монахов—проповедников, которые сделали такую работу — своими собственными методами - своей особой миссией.

Однако королева приняла решение, и больше говорить было не о чем. Кардинал Испании выполнял свою задачу в том искреннем христианском духе и с тем рвением к истине и справедливости, которое ассоциируется с его именем. Для целей своей миссии он составил *инструкцию*, которая не сохранилась, но, как сообщают нам Ортис де Суньига⁵² и Пулгар⁵³, была в форме катехизиса.

В этом “он указывает, - говорит Пулгар, - на обязанности истинного христианина со дня его рождения в таинстве крещения, как и во всех других таинствах, которые он обязан принять, а также на то, чему его следует учить, во что верить и что выполнять как верного христианина всегда и во все дни до дня своей смерти”.

Мариана, Зурита и другие историки, основываясь на словах Парамо⁵⁴ и Салазара де Мендосы, осмелились приписать создание инквизиции в Кастилии кардиналу Испании. Их целью при этом было воздать честь и прославление его имени и памяти; ибо, по их мнению, он не мог бы иметь большего права, чем это, на благодарность и почитание человечества. Но справедливость менее фанатичного века требует, чтобы в этом отношении восторжествовала правда и чтобы его память была лишена этой весьма сомнительной чести. Современники кардинала не оправдывают того, что Парамо заявляет о нем. И, чтобы свести аргумент к самому низкому уровню, было бы крайне маловероятно, чтобы кардинал Мендоса выступал за

учреждение суда, который должен был лишить его и других испанских епископов юрисдикции в отношении *причин Смерти*, которые до сих пор принадлежали им самим.

Таким образом, примас выполнил возложенную на него задачу, добившись того, чтобы его “катехизис” был разъяснен и преподавался всеми приходскими священниками на всех кафедрах и в школах.

Но какими бы ревностными ни были его методы, это были не те методы, которых желали Охеда и папский легат. Доминиканец, раздосадованный таким поворотом событий и полный решимости вернуться к штурму, как только представится случай, стал искать новые аргументы, которые могли бы убедить монархов.

А затем в Севилье произошел инцидент, который удовлетворил его фанатичные потребности и дал в его руки то самое оружие, которое он искал.

Молодой дворянин из знаменитого дома Гусманов завязал любовную интригу с дочерью новохристианина. В погоне за этой любовью он тайно отправился в дом ее отца в ночь на четверг Страстной недели того 1478 года, и девушка впустила его. Но влюбленных потревожили голоса в доме, и Гусман был вынужден спрятаться. Из своего укрытия он подслушал разговор нескольких иудействующих, которых развлекал отец его любовницы. Он слышал, как они яростно отрицали божественность Христа и столь же яростно хулили Его имя и Святую Веру.

Выйдя из дома, он направился прямо к приору доминиканцев, чтобы рассказать о том, что он подслушал, и осудить богохульников.

Этот молодой кастилец представляет собой настолько интересный типаж, что можно позволить себе небольшое отступление, чтобы рассмотреть его поближе. Полезно понять ментальный настрой, грубое самодовольство фанатика. Он знал, что высшая добродетель, которую христианин может практиковать, - это добродетель целомудрия, и, наоборот, что худшее преступление против Бога, в которое он мог впасть, - это нецеломудрие. Или, по крайней мере, его учили этим вещам, и он принимал их подсознательно, автоматически. И все же, поскольку грех был его собственным, его не беспокоило, что он совершил его, что он прокрался, как вор, в дом этого новохристианина, чтобы развратить его дочь. Но пусть он услышит, как этот новохристианин или его друзья выражают мнение о неверии в этого Бога, в которого он верил и которого — по его собственному мнению — оскорбили, и увидит, как он возмущен всеми своими чувствами к этим невыразимым людям. Представьте себе, как он со всех ног бежит к приору Охеде, чтобы с ужасом рассказать историю об этой мерзости, которую он подслушал, настолько мало заботясь о мерзости, благодаря которой он сам приобрел свои знания, что даже не пытается скрыть это. И, по-видимому, доминиканец, в подобном ужасе от оскорбления новохристиан Богом, в которого они не верят, рассказывает о незначительном оскорблении кастильца Богом, в которого он верит.

Это прекрасное освещение контраста между теорией и практикой христианства.

По информации молодого человека, Охеда возбудил расследование, и шестеро иудействующих были арестованы. Они признали свою вину и просили примирить их с Церковью. Поскольку

инквизиция еще не была учреждена с ее ужасным декретом против “релапсов”,⁵⁵ их молитва была удовлетворена после исполнения наложенной епитимьи.⁵⁶

С рассказом об этом “отвратительном злодеянии” Охеда немедленно отправился в Кордову, куда к этому времени удалились монархи. История ничего не потеряла бы, если бы ее повторил этот благочестивый и святой человек, и он был в состоянии добавить к ней, что добрые жители Севильи были почти в бунте от негодования по поводу того, что происходило в их среде.

Показав таким образом, насколько срочно это было необходимо, он еще раз умолял монархов учредить инквизицию. И не подлежит сомнению, что его ходатайство было бы поддержано легатом Франко, который присутствовал при Дворе.

Однако Изабелла все еще выказывала отвращение, все еще колебалась, соглашаться ли на пропагандируемый крайний курс.

Но в этот момент, по словам Льоренте,⁵⁷ на сцене появляется другой защитник, защищающий дело Веры, — фигура в белой рясе и черном плаще Доминиканского братства, мужчина пятидесяти восьми лет, высокий, худощавый, слегка сутулый в плечах, с кроткими глазами, с мягким, благородным и милосердным выражением лица.

Это Фрей Томас де Торквемада, настоятель Доминиканского монастыря Святого Креста в Сеговии, племянник покойного прославленного Хуана де Торквемады, кардинала Сан-Систо.

Его влияние на королеву огромно; его красноречие пламенно; его умственная энергия неотразима. Охеда смотрит на это, и его надежды наконец обретают уверенность.

ГЛАВА VII ПРИОР СВЯТОГО КРЕСТА

Если когда-либо имя было предзнаменованием жизни человека, то это имя - Торквемада. До такой невероятной степени это напоминает о механизме огня и пыток, которым ему было суждено руководить, что кажется, что это почти вымышленное имя, *боевой псевдоним*, мрачное изобретение, составленное из латинского *torque* и испанского *quemada*, подходящее человеку, который должен был занять должность великого инквизитора.

Он был родом из северного города Торквемада (римская Крематская башня), где зародилась знаменитая семья. Эта семья впервые получила историческое признание после посвящения Альфонсо XI Лопе Алонсо де Торквемады в рыцари (*Hijodalgo a los Fueros de Castilla*), а затем пользовалась известностью благодаря нескольким членам, занимавшим более или менее выдающиеся должности. Но самым выдающимся носителем этого имени был образованный доминиканец Хуан де Торквемада (правнук Лопе Алонсо), который был возведен в сан кардинала Сан-Систо. Он был одним из самых образованных, выдающихся и уважаемых богословов своего времени, сторонником догмы Непорочного зачатия и самым ярким поборником доктрины папской непогрешимости со времен Фомы Аквинского. Он обогатил богословскую литературу несколькими произведениями, наиболее известным из которых являются его “Размышления”.

FR. Томас де Торквемада был сыном единственного брата кардинала Перо Фернандеса де Торквемады. Он родился в Вальядолиде в 1420 году и после довольно выдающейся

схоластической карьеры — если верить Гарсии Родриго в данном конкретном случае⁵⁸ — пошел по стопам своего дяди, приняв облачение ордена Святого Доминика, которое он принял в монастыре Святого Павла в Вальядолиде после завершения изучения философии и богословия и получения степени доктора.

Он с отличием занимал кафедру канонического права и теологии, а со временем был избран настоятелем монастыря Санта-Крус в Сеговии. Он настолько отличился при исполнении обязанностей этой должности своим благочестием, ученостью и рвением, что неоднократно переизбирался, и в то время в ордене не существовало никаких правил, препятствующих этому. Его характер был таков, что он никогда не ел мяса и не использовал льняную ткань ни в своей одежде, ни на постели.⁵⁹ Он так строго соблюдал правило бедности, установленное его орденом, что не мог обеспечить свою единственную сестру средствами, соответствующими ее положению, и мог позволить ей не больше, чем позволить ей жить монахиней под властью высшего ордена Святого Доминика.

В какую эпоху приор Святого Креста впервые стал духовником инфанты Изабеллы, сейчас установить невозможно. Хайме Бледа рассказывает нам, что при исполнении этого долга он добился от нее, во время ее юности при дворе ее брата короля Генриха IV, обещания, что если она когда-нибудь взойдет на трон, то посвятит свою жизнь искоренению ереси в своем королевстве.⁶⁰

Это можно отбросить как одну из тех популярных выдумок, которые возникают относительно интимных дел принцев, поскольку нельзя сказать, что это подтверждается рассматриваемыми обстоятельствами.

Нежелание Изабеллы прибегать к крайним — или даже энергичным — мерам против тех из ее подданных, кого обвиняли в иудаизации, признается каждым серьезным исследователем ее правления, однако мнения могут разниться относительно мотивов, побудивших ее пойти таким путем.

Однако в анекдоте Бледы остается тот факт, что Торквемада в ранние годы был духовником Изабеллы, что само по себе подтверждает утверждение о том, что доминиканец добился отличия. Из того, что он занимал этот пост, следует, что он, должно быть, приобрел над разумом столь набожной женщины значительное влияние в вопросах, связанных с Верой.

Это влияние он и пришел теперь оказывать.

В подтверждение этого он принес несомненную искренность и бескорыстие мотивов; он принес репутацию святости, проистекающую из суровой чистоты его жизни и сурового аскетизма, который он практиковал, — репутацию, которая не могла не подействовать на воображение женщины с таким благочестивым темпераментом, как у Изабеллы; и, наконец, он принес с собой доминирующую, властную личность и пламенное красноречие, которые были его собственными.

Когда все это принимается во внимание, неудивительно, что сопротивление королевы, уже ослабленное нападениями Охеды и его сподвижников, короля и папского легата, наконец-то было сломлено; и что под убедительными уговорами приора Святого Креста она неохотно согласилась на учреждение Святой Канцелярии в своих владениях.

Таким образом, случилось так, что по приказу католических монархов их Оратор при Папском дворе Д. Франсиско де Сантьяна обратился к Сиксту IV за буллой, которая должна была уполномочить Фердинанда и Изабеллу учредить трибунал инквизиции в Кастилии, чтобы позволить им, как выразился Бернальдес, приступить к искоренению ереси “путем огня” — *по виа дель фуэго*.

Эта булла была должным образом дарована 7 ноября 1478 года.

Это давало монархам право избирать трех епископов или архиепископов или других богобоязненных и честных священников, обычных или светских, старше сорока лет, которые должны быть магистрами или бакалаврами богословия и докторами или лиценциатами канонического права, для проведения инквизиции по всему королевству против еретиков, отступников и их пособников.

Его Святейшество предоставил избранным таким образом лицам необходимую юрисдикцию для того, чтобы действовать в соответствии с законом и обычаями, и он также уполномочил суверенов отменять любые кандидатуры, которые они могли бы выдвинуть, и заменять своих кандидатов по своему усмотрению.⁶¹

Монархи находились в Кордове, когда булла дошла до них в декабре следующего месяца. Но они не сразу приступили к ее исполнению. Прежде чем сделать это, Изабелла предприняла последнюю попытку подавить движение иудаизации и вероотступничества более мягкими мерами, согласованными с кардиналом Испании в 1477 году.

Для более энергичного продолжения учения “катехизиса”, составленного Мендосой, она назначила Диего Алонсо де Солиса, епископа Кадисского, Д. Диего де Мерло, коадьютора Севильи, и Алонсо де Охеду, для которых эти королевские приказы, должно быть, стали новым источником разочарования и огорчения.

Мы должны предположить, что Торквемада снова удалился в свой монастырь в Сеговии, и, возможно, отсутствие его сурового влияния позволило королеве предпринять эту последнюю попытку избежать курса, к которому он ее практически принудил.

Завершив эти приготовления, монархи отправились в Толедо. Там весной 1480 года собрались кортесы, чтобы принести присягу на верность малолетнему принцу Астурийскому, которого Изабелла родила в июне 1478 года. Хотя эта клятва была главным мотивом собрания, это ни в коем случае не было единственным делом, с которым ему приходилось иметь дело. Внимание привлекли многие другие вопросы; среди них серьезно рассматривалась необходимость устранения зла, проистекающего из торговли между христианами и евреями.

Было постановлено, что старые законы, касающиеся евреев, которые в последнее время частично утрачивали силу, должны быть восстановлены, особенно те, которые предписывали, чтобы все евреи носили отличительный знак в виде красного матерчатого обруча на плечах своих габардинов; что они должны строго придерживаться своих Джудерий, всегда удаляясь в них с наступлением темноты; что стены для ограждения этих Джудерий должны быть возведены везде, где в них все еще может быть недостаток, и что ни один еврей не должен практиковать в качестве врача, хирурга, аптекаря или трактирщика.

Однако дальше этого кортесы не пошли; и институт инквизиции для борьбы с иудействующими даже не упоминался, и это обстоятельство Льюренте принимает как еще одно доказательство антипатии королевы к Святой Канцелярии.

Поскольку это произошло в то время, когда евреи снова начинали вкушать сладости свободы, не может быть никаких сомнений в том, что эти положения, которые снова ввергли их в рабство и позор, должны были быть для них чрезвычайно неприятными. Вполне возможно, что эти меры против представителей его расы подтолкнули новохристианина к опрометчивому шагу - публикации брошюры, в которой он критиковал и порицал действия короля в этом вопросе. Увлеченный своими чувствами, писатель — намеренно или нет — впал в ересь в ходе своих сочинений, на что монах-иеронимит Эрнандо де Талавера опубликовал ответ.

Родриго⁶² предполагает, что этот еретический памфлет положил конец терпению королевы. Вполне возможно, что так оно и было, или, по крайней мере, это могло дать Фердинанду и другим, кто добивался инквизиции, последний аргумент, позволяющий преодолеть то нежелание, которое все еще оставалось у нее.

Как бы то ни было, очень скоро после этого — 27 сентября 1480 г. — монархи, которые в то время находились в Медина-дель-Кампо, наконец-то выполнили папскую буллу, которая к тому времени находилась в их руках почти два года, и делегировали полномочия по отправке инквизиторов в Кастилию кардиналу Испании и о. Tomás de Torquemada.

Мендоса и Торквемада немедленно приступили к выполнению возложенной на них задачи и назначили инквизиторами веры Севильи, где иудаизация была представлена наиболее вопиющим образом, доминиканских монахов Хуана де Сан Мартино и Мигеля Морильо. Последний был провинциалом доминиканцев Арагона и уже имел опыт в подобных делах, поскольку исполнял обязанности инквизитора в Руссильоне. Чтобы помочь им в исполнении их обязанностей, были назначены светский священник Хуан Руис де Медина, доктор канонического права, и Хуан Лопес де Барко, один из капелланов королевы, первый на должность ассессора, второй - фискала.

Ввиду большого количества написанного и, несмотря на опасность углубления в этот вопрос, необходимо более внимательно изучить отношение монархов к трибуналу, который они теперь санкционировали.

Рвение Изабеллы, как благочестивое, так и политическое, побудило ее, как уже было сказано, действовать таким образом, чтобы положить конец волнениям, вызванным общественным настроением против иудействующих и вероотступнических мориско (крещеных мавров). Фердинанд не только разделял ее чувства, но и благочестивое рвение в нем доходило до фанатизма, и он, по сути, стремился к политическому единству, которое должно быть неразрывно связано с религиозным единством.

Изабелла работала бы медленно, предпочитая, даже ценой потери времени, добиваться своих целей мягкими средствами и проявлять то терпение, которое было так необходимо для достижения хороших результатов. Фердинанд, возможно, менее жалкий, возможно — надо отдать ему полную справедливость — менее надеющийся на силу аргументации и идеологической обработки, прислушиваясь к утверждению священника “contra negantes

veritatis nulla est disputatio”, сразу же приступил бы к введению в Кастилии суровых репрессивных мер, которые уже применяются в его родном Арагоне.

Из-за своих различных взглядов монархи могли бы оказаться в конфликте, но в этом вопросе у них были общие интересы. Оба были согласны с тем, что Испания ни в коем случае не должна быть поставлена под церковное влияние, которое должно быть установлено установлением обычной формы инквизиции. Если бы это дело находилось — как обычно до сих пор — под папским контролем, его должностные лица назначались бы папой римским или, опосредованно, доминиканскими провинциалами, и часть конфискаций, полученных в результате осуждения, поступала бы в папскую казну.

Несмотря на весь свой фанатизм и желание видеть Святую Канцелярию учрежденной в Кастилии, Фердинанд, как и Изабелла, был против ее введения в форме, которая должна была восстановить узурпацию власти клерикалами, которую они с таким трудом подавляли.

Если Изабелла признала инквизицию в качестве последнего средства подавления мятежных элементов в своем королевстве, то это должна быть Инквизиция на принципах, совершенно отличных от тех, которые до сих пор применялись в других местах. Назначение его должностных лиц должно зависеть от папы не больше, чем распределение испанских бенефиций. Это должно быть прерогативой самих Монархов, и оно должно нести в себе право смещать и заменять, при необходимости, таких инквизиторов, каких они могли бы назначить. Кроме того, Рим не должен иметь доли в имуществе, конфискованном у испанских подданных, распоряжение которым полностью контролируется суверенами.

Утверждалось, что именно это было причиной всех колебаний Изабеллы: что жадность и государственная мудрость были главными движущими силами ее поведения в этом вопросе, и что гуманитарные соображения не имели к этому никакого отношения; что булла была подана раньше, чемобычно предполагалось, и что задержка была вызвана нежеланием папы выдвигать какие-либо условия, которые были запрошены.

Последнее утверждение, возможно, не лишено оснований. Но сознательно утверждать, что никакие гуманитарные соображения не руководили поведением королевы, значит сказать гораздо больше, чем того требуют обстоятельства. Чтобы подтвердить эту гипотезу, необходимо было бы привести какую-нибудь адекватную причину ее нежелания воздействовать на быка, когда он однажды оказался у нее в руках. Ибо булла от ноября 1478 года признавала все, чего требовали Монархи, все, чего они желали. И все же Изабелла позволила пройти почти двум годам, прежде чем приступить к осуществлению дарованных ею способностей, и в течение этого времени кардинал Мендоса и его помощники усердно продолжали работу по обращению в христианство с помощью его “катехизиса”.

Вывод о том, что это было продиктовано гуманными соображениями со стороны королевы, является единственным, который представляется разумным, и не выдвигается никакой альтернативы для объяснения задержки почти на два года.

Когда кардинал Испании и приор Святого Креста, действуя совместно от имени монархов, назначили первых инквизиторов Кастилии, они поручили им учредить трибунал в Севилье, в

которой из всех городов Испании, как утверждалось, иудаизация проводилась наиболее вопиющим образом.⁶³

9 октября монархи издали приказ всем верноподданным оказывать двум инквизиторам любую помощь, которая им может потребоваться в их путешествии в Севилью, и создавать там все условия для выполнения их миссии.

Подданные, однако, проявили так мало лояльности в этом случае, что по прибытии инквизиторов в Севилью они обнаружили ожидавший их прием со всей торжественностью и оказанное им всяческое уважение, но никакой помощи. Это было утаено до такой степени, что они сочли совершенно невозможным приступить к делу, ради которого пришли. Они пожаловались на такое положение вещей королю, и в результате 27 декабря он направил специальные приказы коадьютору Севильи и гражданским властям округа, приказывая им оказывать инквизиторам всяческую поддержку.

Вследствие этого они, наконец, получили возможность основать свой суд и приступить к делу, ради которого пришли.⁶⁴

Сам слух об их приближении наполнил новохристиан тревогой, и одного взгляда на мрачное похоронное представление - инквизиторов в белых одеждах и черных капюшонах, сопровождавших их приближенных и босоногих монахов, процессию, возглавляемую доминиканцем, несущим белый крест, — направлявшуюся к монастырю Святого Павла, где они разместились, было достаточно, чтобы обратить в бегство несколько тысяч тех, у кого были причины опасаться, что они могут стать объектами внимания этого наводящего страх суда.

Эти беглецы искали убежища у феодалов герцога Медина Сидония, грозного Родриго Понсе де Леона, маркиза Кадисского, и графа Аркос.

Но во все века инквизиция не только охотно подозревала, но и позволяла подозрениям узурпировать место, которое в других местах отведено доказательствам. И вот они начали истолковывать это бегство робких как доказательство вины, как показывает эдикт, опубликованный ими 2 января 1481 года.

В этом—имея изложены назначение их Властелины, и сроки быка, при которых такое назначение было сделано—они объявили, что, поскольку он пришел к их знаниям, что многие люди уехали из Севильи в страхе уголовного преследования по основаниям еретических порочность очевидна, им командовал Маркиз Кадис, графа АРКОСа, и другие дворяне Королевства Кастилии, что течение пятнадцати дней со дня издания настоящего Указа, они должны произвести точный учет лиц обоего пола, которые искали убежища в их светлости и юрисдикциях; что они должны арестовать всех этих и благополучно привести их в тюрьму инквизиции в Севилье, конфисковал их имущество и размещения вместе с описью в руках у доверенного лица, который будет проведен ими в распоряжение инквизиторов; чтобы никто не осмелился приютить любого беглеца, но выполнять в точности с условиями настоящего Указа под страхом больше, отлучение от церкви и другие наказания законом, установленными в отношении пособников еретиков, среди которых штрафы было то, что об их достоинствах и офисов, их подданные и вассалы, будучи освобожден от всех вассальную зависимость и подчинение; и инквизиторов, зарезервированных для себя и своих начальников власть индульгенцию от церковной цензуры, понесенные всем, кто может не соблюдать условия настоящего Указа.

ГЛАВА VIII

СВЯТАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ В СЕВИЛЬЕ

Суровая цель инквизиторов и суровость, с которой они намеревались действовать, были ясно продемонстрированы этим эдиктом от 2 января 1481 года. Вопиющая несправедливость, заключавшаяся в его призыве к властям арестовывать мужчин и женщин только за то, что они уехали из Севильи до того, как отъезд был каким-либо образом запрещен, типична для вопиюще произвольных методов инквизиции. То, что это должно было вселить ужас в новохристиан, оставшихся в Севилье, и что это должно было побудить их принять меры для защиты от суда, в котором, казалось, вряд ли соблюдалось правосудие и чьей жестокой милости в любой момент мог подвергнуться самый невинный, неудивительно, особенно если учесть, как велико было число новохристиан, занимавших высокие посты в Севилье.

Группа этих выдающихся граждан собралась по приглашению Диего де Сусана, одного из самых богатых и влиятельных людей Севильи, чье состояние оценивалось в десять миллионов мараведи. Они собрались вместе, чтобы рассмотреть, какие меры следует принять для защиты себя, своей личности и имущества от недобросовестной деятельности этого трибунала, и они решили, что в случае необходимости они прибегнут к силе.

Среди тех, кто вступил в этот заговор, были некоторые священнослужители и несколько лиц, занимавших должности при короне, таких как губернатор Трианы Хуан Фернандес Аболафио, капитан юстиции и фермер королевской таможни, его брат Фернандес лицензиат Бартоломе Торральба и богатый и с хорошими связями Мануэль Саули.

К ним обратилась Сьюзен. Он напомнил им, что они были главными гражданами Севильи, что они были богаты не только имуществом, но и доброй волей народа, и что с их стороны лишь требовались решимость и солидарность, чтобы дать им возможность победить инквизиторов в случае, если эти монахи предпримут на них какое-либо покушение.

Все согласились, и было решено, что каждый из заговорщиков должен взять на себя обязательство предоставить определенную долю людей, оружия, денег и всего остального, что может понадобиться для их целей.

Но у Сьюзен, к его гибели, родилась дочь. Эта девушка, чья красота была настолько необычайна, что ее прозвали *ла эрмоса фембра*, завела любовника-кастильца. Какие мотивы могли ею руководить, какую роль в этом мог сыграть любовник, не выясняется. Все, что известно, это то, что она выдала заговор инквизиторам, “нечестиво нарушив естественные законы, начертанные перстом Божиим в человеческом сердце”.

Сьюзен и его несчастные сообщники были схвачены в результате этого печально известного дела; они были помещены в камеры монастыря Святого Павла, который тем временем выполнял функции тюрьмы, и предстали перед Судом Святой Канцелярии, заседавшим в монастыре.⁶⁵

Разумеется, их судили за ересь и отступничество, поскольку ни на каких других основаниях Святая Канцелярия не могла иметь с ними дела. К сожалению, Льоренте не удалось раскопать никаких записей об этом судебном процессе — одном из первых, проведенных инквизицией в Кастилии, — и о том, что произошло, ничего не известно, кроме того факта, что Сьюзен, Саули,

Бартоломе Торральба и братья Фернандес были признаны виновными в предполагаемом преступлении вероотступничества и переданы светским властям для наказания.

Гарсия Родриго посвятил пару страниц своей “Истории веры” тщательно продуманному художественному произведению, в котором он утверждает, что эти люди упорствовали в своих заблуждениях, несмотря на напряженные усилия, предпринятые для их спасения. Он наделяет фанатичного Охеду характером ангела милосердия и представляет его парящим над осужденными, почти со слезами увещывая их отречься от своего заблуждения, и уверяет нас, что, хотя доминиканец упорствовал в своих благотворительных усилиях до последнего момента, все было напрасно.

Нет ни малейших доказательств в поддержку этого заявления, и Гарсия Родриго не претендует на то, чтобы выдвигать какие-либо из них. На самом деле, Бернальдес, единственный доступный источник, который упоминает о кончине Сьюзен, конкретно сообщает нам, что он умер христианином. И если учесть, что Бернальдес является горячим поклонником и поборником инквизиции, такого заявления из-под его пера достаточно, чтобы обвинить инквизиторов Морильо и Сан-Мартина в том, что они действовали мстительно *и ultra vires*. Ибо в ту эпоху еще не было постановлено, что те, кто совершил рецидив (*relapsos*), должны понести смертную казнь, если только они не будут упорствовать в своем отступничестве — как Родриго, очевидно, с целью оправдания инквизиторов, необоснованно утверждает, что это сделали Сьюзен и его сообщники.

Льоренте считает, что жажда крови инквизиторов была вызвана этими безжалостными приговорами, настаивая на том, что невероятно, чтобы все заключенные отказались отречься и понести епитимью - даже если предположить, что они действительно были виновны в вероотступничестве, как предполагалось. Ибо, если все взвесить, должно оставаться крайне сомнительным, обращались ли они вообще в иудаизм, и не исключено — из того, что мы видим о духе, который двигал инквизиторами, — что Морильо и Сан-Мартин могли истолковать действия этих людей как преступление против Веры с целью привлечения их под юрисдикцию Святой Канцелярии.

Им было суждено стать главными действующими лицами первого аутодафе, которое состоялось в Севилье. Это произошло 6 февраля.⁶⁶

В этом Автомобиле было сравнительно мало той помпезности и церемониальности, той жуткой театральности, которая в настоящее время должна была отличать эти мероприятия. Но главное уже присутствовало.

Сьюзен и ее товарищей вывели босиком, в позорном желтом мешке для покаяния, у каждого в руке было по свече. Окруженные алебардчиками, они прошли парадом по улицам города, в котором завоевали всеобщее расположение и уважение, на них смотрели люди, глаза которых, должно быть, были полны ужаса и смятения. Возглавлял процессию доминиканец в черном одеянии, высоко держащий зеленый крест инквизиции, теперь завернутый в креповую вуаль; за ним, шагая по двое, шли приближенные Святой Канцелярии, члены Братства Святого Петра Мученика; затем следовали обреченные люди в окружении своей охраны; и последними шли инквизиторы со своими слугами и значительная группа доминиканцев из монастыря Святого Павла во главе со своим настоятелем, фанатичным Охедой.

Процессия направилась к кафедральному собору, куда страдальцев отвели на мессу и заставили прослушать специально подготовленную к этому случаю проповедь, которую произнес Охеда, и которая, должно быть, усилила изысканную муку их затянувшейся агонии. Оттуда их провели — еще раз в торжественной обстановке — из города на луга Таблады. Там их привязали к воздвигнутым кольям, подожгли хворост, и таким образом они трагически погибли, к вящей чести и славе Католической Апостольской церкви.⁶⁷

Охеда, возможно, с удовлетворением смотрел на этот холокост, на то жестокое пламя, разжиганию которого он способствовал больше, чем кто-либо другой в Испании, и которое, будучи разожженным, продолжало отбрасывать свои зловещие отблески на эту прекрасную землю в течение почти четырех столетий. Это было первое сожжение, свидетелем которого стал Охеда, и последнее. Его собственный час был близок. Его миссия, каким бы целям она ни служила в вечном порядке вещей, была завершена там, на лугах Таблады, и теперь он мог отправляться. Несколько дней спустя он лежал мертвый, пораженный чумой, которая опустошала юг Испании, и разыскал его как одну из первых своих жертв.

И с кафедр Севильи доминиканцы громко заявляли, что эта эпидемия была Божьим посещением неверного города. Они никогда не задумывались о том, что если это действительно так, то либо Божья цель должна быть совершенно неверной, поскольку стрелы Его гнева настигли таких верных слуг, как Охеда, либо...

Но неспособность довести свои рассуждения до логического завершения и полное отсутствие какого-либо чувства меры являются основными факторами любого фанатизма.

Чтобы они сами не были поражены этими смертоносными разрядами, выпущенными против неверных, смотрите, как инквизиторы убегают из Севильи! Они отправляются на поиски более здоровых районов, и, предположительно, исходя из предположения, что они — поскольку остаются здоровыми — ускользают от божественного внимания, доминиканцы ревностно продолжают зажигать свои костры, чтобы исправить эту небесную оплошность.⁶⁸

Но эта их *villegiatura* не состоялась до тех пор, пока они не провернули еще кое-что из своих ужасных делишек в Севилье. Великими были результаты указа от 2 января. Дворяне, не осмеливаясь подвергнуться риску церковного порицания, приступили к осуществлению требуемых арестов, и в город ежедневно привозили банды связанных пленников из окрестных сельских районов, где они искали убежища. А в самом городе приближенные Святой Канцелярии усердно занимались поимкой подозреваемых и тех, против кого, либо из фанатизма, либо по злему умыслу, были возбуждены дела.

Аресты были столь многочисленными, что уже к середине января вместимость монастыря Святого Павла была доведена до предела, и инквизиторы были вынуждены переместиться вместе со своим трибуналом и тюрьмой в более просторные помещения замка Триана, предоставленные им монархами в ответ на их просьбу об этом.⁶⁹

Вскоре за эдиктом от 2 января последовал второй, известный как “Эдикт благодати”. Это призывало всех, кто был виновен в отступничестве, добровольно выступить в установленный срок, исповедаться в своих грехах и примириться с Церковью. Он заверил их, что если они сделают это с искренним раскаянием и твердой целью исправиться, то получают отпущение грехов и не понесут конфискации имущества. И завершалось оно предупреждением, что если

они допустят истечение срока отсрочки, не воспользовавшись им, и впоследствии будут обвинены другими, они будут привлечены к ответственности по всей строгости закона.

Амадор де лос Риос придерживается мнения, что кардинал Мендоса “сыграл важную роль” в опубликовании этого эдикта, и в этом случае вряд ли было бы преувеличением предположить, что он был орудием Изабеллы в этом вопросе. Не будет преувеличением предположить, что вдохновение было чисто милосердным и что ни у королевы, ни у кардинала не было и мысли о том, что эдикт был обращен, как это было, в предательские целях.

Ответ последовал незамедлительно. Подсчитано, что не менее 20 000 *конверсос*, которые были виновны в иудаизации, вышли вперед, чтобы воспользоваться обещанием амнистии и получить отпущение грехов за свою неверность религии, которую они приняли. К своему ужасу, они обнаружили, что попали в ловушку, самую жестокую из всех, которые когда-либо изобретало это гладколицее жречество с добродушным голосом.

Инквизиторы хорошо подумали, снабдив обещанное отпущение грехов и иммунитет от наказания условием, которое они не опубликовали, условием, которое они тайно приберегли, чтобы теперь обрушить его на этих самоосужденных отступников, оказавшихся в их власти. Они указывали с дьявольской тонкостью, что эдикт предусматривает, что раскаяние самообвиняемого должно быть искренним, и что в подтверждение этой искренности кающиеся должны привести единственно возможное доказательство, раскрыв имена всех известных им иудействующих.

Это требование было позором, ибо даже под печатью частной исповеди священник не уполномочен предъявлять кающемуся в качестве условия отпущения грехов требование разглашать имя даже сообщника или соучастника преступления. И все же здесь от них требовалось, чтобы они пошли гораздо дальше и осудили таких грешников, каких они знали; и требование было сформулировано в таких благовидных выражениях — как единственное доказательство, которое они могли предложить в искренности своего собственного раскаяния, — что никто не осмелился обвинить инквизиторов в халатности или в подрыве целей этого эдикта, который они были вынуждены опубликовать.

Несчастные отступники оказались между мечом и стеной. Либо они должны совершить позорное предательство тех представителей своей расы, которых они знали как иудействующих, либо они должны подвергнуться не только жестокой смерти на костре, но и лишению своих детей в результате конфискации их имущества. Большинство из них уступили и купили свое примирение ценой предательства. И были люди, подобные Бернальдесу, приходскому священнику Паласиоса, которые аплодировали этой процедуре Священной Канцелярии. “Очень славным делом” (*моя хазанья* *коза*), восклицает он, “было примирение этих людей, поскольку таким образом благодаря их признаниям были обнаружены все иудействующие, и в Севилье были получены сведения об иудействующих в Толедо, Кордове и Бургосе”.⁷⁰

По истечении срока отсрочки Морильо и Сан-Мартин опубликовали еще один эдикт, в котором теперь они предписывали под страхом смертной казни и еще большего отлучения от церкви с

сопутствующими наказаниями выявлять всех лиц, которые, как известно, были вовлечены в иудаизацию.

И чтобы никто не мог найти оправдания по причине незнания подобной практики, они были опубликованы в тридцати семи статьях, приложенных к указу, статьях, пагубная полнота которых никого не оставляла в безопасности.

Они выдвигают следующие признаки, по которым можно было бы признать новых христиан виновными в иудаизации:

I. Все, кто ожидают Мессию или говорят, что он еще не пришел, и что он придет, чтобы вывести их из плена в землю обетованную.

II. Любой, кто после крещения решительно вернулся к вере Моисея.

III. Любой, кто заявляет, что закон Моисея так же хорош, как закон Иисуса Христа, и так же эффективен для спасения.

IV. Все, кто соблюдает субботу в соответствии с законом Моисея, доказательством чего является то, что они надевают чистые рубашки и более приличную одежду, чем в другие дни, и чистые скатерти на стол, а также то, что они воздерживаются от разжигания огня и от участия в любой работе с вечера пятницы.

V. Любой, кто снимает жир с мяса, которое он собирается употреблять в пищу, и очищает его, промывая в воде, выпуская кровь или извлекая железки из голени ягнят или других животных, забитых для употребления в пищу.

VI. Любой, кто перерезает горло животным или домашней птице, предназначенным в пищу, сначала проверяет нож на своем пальце, покрывая кровь землей и произнося определенные слова, которые приняты среди евреев.

VII. Все, кто ест мясо в Великий пост и в другие дни, в которые это запрещено Святой Церковью.

VIII. Любой, кто соблюдает великий еврейский пост, известный под разными именами, или пост *Чифурум* или *Кипур* в десятый еврейский месяц, доказательством чего будет то, что они ходили босиком в период указанного поста, как это принято у евреев, произносили еврейские молитвы или просили прощения друг у друга, или отцы возлагали руки на головы своих детей, не осеняя себя Крестным знамением и не говоря ничего, кроме “Богом и мной да будешь ты благословен”.

IX и X. Любой, кто соблюдает пост царицы Есфири, который евреи соблюдают в память и подражание тому, что они делали в плену в царствование Артаксеркса, или пост *Ребазо*.

XI. Любой, кто соблюдает другие посты, характерные для евреев, такие как посты понедельника и четверга, доказательством которых должны быть: их отказ от еды в эти дни до появления первой вечерней звезды; их воздержание от мяса; их умывание накануне или обрезание ногтей или кончиков волос, сохранение или сожжение их; их чтение определенных еврейских молитв, поднятие или опускание головы лицом к стене после омовения рук водой или землей; их облачение во вретище и подпоясывание веревками или полосками кожи.

XII, XIII и XIV касаются всех, кто соблюдает пасхальные сезоны; об этом можно узнать по тому, как они расставляют зеленые ветки, приглашают к столу и присылают съестные припасы, а также по соблюдению праздника свечей.

XV-XIX касаются всех, кто соблюдает еврейские застольные обычаи: благословляют ли они свои яства в соответствии с еврейским обычаем, пьют ли “законное” вино —*то есть* вино, отжатое евреями, — и едят ли мясо, зарезанное евреями.

XX. Любой, кто читает Псалмы Давида, не заканчивая стихотворением “Gloria Patri et Filio et Spiritu Sancto”.

XXI. Любая женщина, которая воздерживается от посещения церкви в течение сорока дней после рождения ребенка из почтения к закону Моисея.

XXII-XXVI касаются всех, кто делает обрезание своим детям, дает им еврейские имена или после крещения обривает им головы, помазанные священным маслом, или тех, кто заставляет своих детей мыться на седьмой день после рождения в тазу, в который, помимо воды, они положили золото и серебро, жемчуг, пшеницу, ячмень и другие вещи.

XXVII. Все, кто женат по еврейскому обычаю.

XXVIII. Любой, у кого есть *Руайя*— прощальный ужин перед отправлением в долгое путешествие.

XXIX и XXX. Любой, кто носит еврейские реликвии или совершает всесожжения из хлеба.

XXXI. Любой, кто *in articulo mortis* повернулся или был повернут лицом к стене, чтобы умереть в такой позе.

XXXII. Любой, кто моет труп теплой водой или бреет его в соответствии с еврейским обычаем, и иным образом одевает его для погребения, как предписано законом Моисея.

XXXIII- XXXVI касаются еврейских выражений скорби, таких как воздержание от мяса, проливание воды из кувшинов в жилище умершего и т.д.

XXXVII. Любой, кто хоронит своих умерших на девственной земле или на еврейском кладбище.⁷¹

Уже упоминалось о неотъемлемом характере многих еврейских обычаев, которые даже самые искренние из новохристиан сохраняли вопреки себе; эти обычаи, будучи скорее расовыми, чем религиозными, были очень далеки от того, чтобы означать иудейское отступничество, поскольку в них не содержалось ничего, что прямо противоречило бы христианскому учению. В списке, опубликованном севильскими инквизиторами, видно, что такие обычаи были намеренно включены в качестве доказательств отступничества.

Рассмотрим статьи IV, V и VII, касающиеся ношения чистого белья по субботам и удаления жира с говядины и баранины, которые ни в коем случае не противоречат христианской вере и вполне могут быть продолжением обычаев, приобретенных до принятия крещения.

Еще более вопиющей является статья XXXI, которая устанавливает в качестве доказательства иудаизма, что человек при смерти должен повернуться лицом к стене; но наиболее вопиющей из всех является статья XXVIII, касающаяся прощальной трапезы перед отправлением в путешествие, поскольку этот обычай во все времена был в такой же моде среди христиан, как и среди людей любой другой религии.

Очевидно, ни один новообращенный христианин в Севилье не был застрахован от происков недоброжелателей, поскольку трибунал выдвинул такие смехотворно незначительные основания для подозрений. Некоторые из этих статей настолько экстравагантны и абсурдны, что приходится согласиться с Льоренте в том, что инквизиторы, формулируя их, действовали с преднамеренной злобой. Он утверждает, что они намеренно раскинули широкую сеть, чтобы своей тяжелой уловкой убедить королеву в том, что она слышала не более чем правду о масштабах распространения иудаизма в Кастилии и о настоятельной необходимости введения инквизиции.

Неизвестно, действовали ли они при этом в соответствии с инструкциями, полученными от Торквемады или Охеды, но не может быть никаких сомнений в том, что полученные результаты соответствовали желаниям обоих, поскольку они оправдали перед королевой представления, которые эти монахи так настойчиво ей делали.

И система шпионажа, которую инквизиторы создали, чтобы увеличить число своих жертв, была такой же хитрой, как и все остальное в истории шпионажа. Представьте себе проницательность монаха, который субботним утром забирался на крышу монастыря Святого Павла, чтобы понаблюдать за домами новохристиан, из труб которых не было видно дыма, чтобы он мог представить полученную таким образом информацию суду, который приступил бы к аресту жителей по серьезному подозрению в том, что они иудаисты, которые не стали бы осквернять субботу разжиганием костров.⁷²

“Чего, ” спрашивает Льоренте, - можно было ожидать от трибунала, который начался таким образом?” И он тут же дает ответ: “То, что произошло, — ни больше, ни меньше”.

Нам не нужно сейчас беспокоиться о процедурных методах, которые были применены в ходе судебных процессов, проводимых этими инквизиторами. На данный момент достаточно сказать, что к порокам, присущим такой судебной системе, следует добавить, в случае с первыми инквизиторами Севильи, рвение — не только к осуждению, но и к сожжению еретиков — настолько свирепо чрезмерное, что можно заявить, что они удовлетворяли свою ненависть к этим евреям.

Это со слов того трезвого хрониста Пулгара, который, хотя в общих чертах одобряет введение инквизиции, как было замечено, в следующих конкретных выражениях осуждает практику Морильо и Сан-Мартина: “То, как они вели свои разбирательства, показывало, что они ненавидели этих людей”.⁷³

За терактом 6 февраля последовал другой, 26 марта, в ходе которого семнадцать жертв были сожжены на полях Таблады. И теперь, когда костры были разожжены, инквизиторы позаботились о том, чтобы они были хорошо снабжены человеческим топливом. Поджоги следовали один за другим с такой скоростью, что к ноябрю — по словам Льоренте — 298 осужденных были отправлены на костер только в городе Севилья, в то время как 79 других, примирившись с Церковью, добились замены своего приговора на пожизненное заключение.

Историк Мариана, возблагодарившая Бога за введение инквизиции в Кастилии, с поразительным спокойствием сообщает нам, что число иудействующих, сожженных в архиепископстве в течение 1481 года, составило 8000 человек, в то время как около 17 000 были подвергнуты епитимье.

В дополнение к тем, кто был сожжен заживо, многие бежавшие из страны были сожжены в виде чучел, поскольку их судили и признали виновными во время отсутствия, описанного как упрямство. И точно так же суд разыграл ужасный фарс, рассудив многих умерших, и, признав их виновными, выкопал их кости и бросил в огонь.

Такова была грандиозная деятельность Святой Канцелярии, и ее холокосты обещали продолжаться до такой степени, что губернатор Севильи приказал возвести на полях Таблады постоянную каменную платформу огромных размеров, известную как Кемадеро, или место сожжения. Он был украшен фигурами четырех Пророков. В каждом из его четырех углов возвышалось по одной из этих колоссальных гипсовых статуй, и Льоренте говорит нам, что они служили не просто для украшения. Он говорит, что они были полыми и сделаны так искусно, что в каждую можно было поместить осужденного и таким образом умертвить на медленном огне.⁷⁴

Этот Кемадеро оставался памятником религиозной нетерпимости и фанатичной жестокости, пока солдаты Наполеона не разрушили его в девятнадцатом веке.⁷⁵

Морильо и Сан—Мартин были настолько безжалостны и настолько пренебрегали справедливостью или даже соблюдением обычных правил судебной процедуры, что в конце концов мы обнаруживаем, что сам папа — в январе 1482 года - направил монархам письмо протеста.

Первый указ, предписывающий знати арестовывать всех тех, кто бежал из Севильи, привел к тому, что многие из этих беглых новохристиан уехали еще дальше в поисках безопасности. Некоторые бежали в Португалию, другие пересекли Средиземное море и искали убежища в Марокко, в то время как другие все же собрали все свое мужество в кулак и искали убежища в самом Риме, у самых ног понтифика. Вскоре за ними последовали другие беглецы, когда трибунал уже приступил к своей ужасной работе; и они пришли, выкрикивая свои жалобы и протестуя против того, что, несмотря на свою невиновность, они не осмеливались больше оставаться в Государстве, где ни один новохристианин не был защищен от ненависти и несправедливости, проявленных инквизиторами к людям их расы. Поэтому они были вынуждены искать у Наместника Христа защиты, на которую имели право все христиане и истинные католики в его руках.

Foto Lacoste.

ФЕРДИНАНД АРАГОНСКИЙ И ИНФАНТ ДОН ХУАН.

С картины в галерее Прадо, приписываемой Мигелю Зиттосу.

Они проинформировали понтифика о методах, которые применялись; они изложили, как инквизиторы в своем стремлении добиться вынесения обвинительного приговора действовали полностью по своей собственной инициативе и без согласия ассессора и ординарца епархии, как было предписано; как они отходили от всех юридических форм, несправедливо заключали в тюрьму, жестоко и неоправданно пытали и ложно клеймили невинных людей как официальных еретиков, после чего передавали их светским властям для наказания, в дополнение к конфискации их имущества, так что их дети оставались в нужде и под маркой "еретиков". позор.

Папа прислушался к этим жалобам, убедился в их правдивости и выразил свой протест Фердинанду и Изабелле. В своей записке он объявил, что лишил бы инквизиторов их должности, но его удерживало уважение к Монархам, которые их назначили; тем не менее, он посылал им краткое предостережение, и если они снова дадут повод для жалобы, он будет вынужден сместить их. Тем временем он отменил предоставленное суверенам право назначать инквизиторов, протестуя против того, что, признавая это, он недостаточно учел, что во владениях Суверенов уже есть инквизиторы и что генерал доминиканцев и испанские провинциалы этого ордена имели право производить такие назначения. Следовательно, булла, которую он предоставил, противоречила этому праву и никогда бы не была предоставлена, если бы вопрос был достаточно тщательно рассмотрен.⁷⁶

ГЛАВА IX ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Монархи, по-видимому, без протеста подчинились этому папскому вмешательству и лишению их права назначать инквизиторов в их королевстве. Такого подчинения вряд ли можно было ожидать от их прежнего отношения, но есть две причины, одна или обе из которых, возможно, объясняют это.

Следует помнить, что при Дворе находилось значительное количество новохристиан, непосредственно сопровождавших королеву, одним из которых был ее секретарь Пулгар. Какого мнения придерживался Пулгар о севильском процессе, мы знаем, и не будет преувеличением предположить, что его точка зрения была точкой зрения всех христиан еврейского происхождения. Эти новохристиане и другие вполне могли обратить внимание монархов на жестокость и несправедливость, которые практиковались, обратив их внимание на указ, заставляющий невинных детей страдать за преступления, в которых были осуждены их родители, - указ, который, достаточно отвратительный, когда родители были действительно виновны, становился невыразимо отвратительным, когда эта вина была не более чем предполагаемой.

Ввиду таких заявлений монархи, возможно, сочли папский упрек неопровержимым, а действия папы оправданными.

Затем, опять же, они, возможно, приняли во внимание планируемую войну с Гранадой, последней провинцией полуострова, оставшейся в руках мавров. Для этой кампании срочно требовались средства, и конфискации, которые ежедневно производила Святая канцелярия, быстро пополняли их, поскольку первыми жертвами инквизиции, как мы знаем, были люди очень богатые и выдающиеся.⁷⁷

Итак, папский отчет, хотя и отменил королевскую прерогативу назначать инквизиторов, не пытался изменить направление этого потока конфискованного имущества и, более того, ни разу не упомянул об этом вопросе. Так что они, возможно, не решались противопоставить себя мерам, которые они признавали справедливыми и которые продолжали снабжать их средствами для того, что они считали праведным крестовым походом.

Фанатизм и стяжательство снова объединили силы, и, объединившись, они должны были оказаться, как всегда, непреодолимыми.

Но 11 февраля 1482 года Римская курия опубликовала еще одно обращение к суверенам, в котором — полностью игнорируя то, что уже было написано — было объявлено, что генерал доминиканцев о. Алонсо де Себриан, представив Папе необходимость увеличения числа инквизиторов в Испании, его Святейшество решил назначить указанного о. Алонсо де Себриана. Алонсо и семи другим доминиканцам для ведения дел Святой Канцелярии в этом королевстве, приказав им осуществлять свое служение совместно с ординариями епархии и в соответствии с условиями, изложенными в адресованных им записках.⁷⁸

Одним из восьми доминиканцев, упомянутых папой, был отец Томас де Торквемада, который к настоящему времени стал духовником короля и кардинала Испании.

Это краткое сообщение, столь быстро последовавшее за тем, которое лишило монархов власти, возможно, заставило Фердинанда и Изабеллу рассматривать его как второй ход в интриге, целью которой было укрепление церковной власти в Испании в ущерб королевской власти.

17 апреля Сикст отправил обещанные инструкции инквизиторам Арагона, Каталонии, Валенсии и Майорки. Они указывали на процедуру в вопросах веры, настолько противоречащую общему праву, что как только инквизиторы попытались привести их в исполнение, поднялся шум, который дал Фердинанду основания заявить протест Святому Отцу.

Ответ пришел в октябре следующего года. Сикст писал, что протоколы от апреля прошлого года были составлены после совещания с несколькими членами Священной коллегии; что эти кардиналы сейчас отсутствуют в Риме, но по их возвращении этот вопрос следует рассмотреть подробнее. Между тем, однако, ввиду результатов, которые были получены в ходе этих разбирательств, он информировал инквизиторов о том, что они освобождены от выполнения изложенных в них условий, и инструктировал их действовать, как и раньше, в сотрудничестве с ординариями епархии.

Но тем временем, несмотря на все протесты папы против чрезмерной суровости севильского трибунала, эта суровость продолжала оставаться настолько неизменной не только в Севилье, но и в округах, находящихся под юрисдикцией других инквизиторов, что из Испании продолжалась эмиграция богатых новохристианских семей. Многие из них отправились в Рим, чтобы обратиться в папские суды и добиться там отпущения грехов, которое должно было предоставить им иммунитет от испанских судов Святой канцелярии.

Но даже когда это отпущение грехов было получено, большое количество этих эмигрантов никогда не думали о возвращении в Испанию, считая более разумным поселиться в стране, где им меньше угрожали преследования.

Хотя несомненно, что монархи не могли предвидеть, что на самом деле должно было произойти в результате — хотя ни в их дни, ни в течение некоторого времени после — хотя они, возможно, были очень далеки от предвидения того, что, изгоняя этих энергичных, трудолюбивых, умных людей, они лишали страну финансово способного, приносящего богатство элемента общества, - все же они, несомненно, понимали, что находилось непосредственно перед ними; и они начали опасаться возможности того, что их страна лишится своего нынешнего богатства, если эти эмиграции продолжатся.

Поэтому Изабелла написала папе римскому, умоляя его учредить апелляционный суд в Испании и таким образом распорядиться, чтобы разбирательство, начатое в королевстве, могло быть

доведено там до завершения без необходимости обращаться с апелляциями в Рим. На это папа ответил в нежных выражениях 23 февраля 1483 года, пообещав уделить этому вопросу самое пристальное внимание.⁷⁹

Вскоре после этого он провел конференцию испанских кардиналов, главным из которых по богатству, значимости и отличиям был Родриго Борджиа, кардинал Валенсии. На этой конференции было согласовано несколько положений, которые были отражены в сводках, отправленных из Ватикана 25 мая следующего года.

Первое из них было адресовано Государям. В нем содержалось милостивое согласие на их прошение и призыв к ним быть ревностными в этом вопросе Веры, напоминая им, что Ииуй укрепил свое королевство уничтожением идолопоклонства и что монархов ждет такая же удача, поскольку Бог уже даровал им множество побед над маврами в награду за их благочестие и чистоту их веры.

Второе было адресовано Иньиго Манрике, архиепископу Севильи (сменившему на этом престоле кардинала Испании, который теперь был архиепископом Толедо), назначив его апелляционным судьей по *делам о Фе*.

Остальные записки были адресованы архиепископу Толедскому и другим испанским архиепископам, в которых им предписывалось добросовестно выполнять функции инквизиции, а в случае, если в их церковных провинциях есть епископы еврейского происхождения, они должны вежливо увещевать их не вмешиваться лично в дела Святой Канцелярии, но позволить представлять себя своим главным должностным лицам, провизорам и главным епархиальным викариям - всегда при условии, что ни в ком из них нет еврейской крови.

Этот указ был достаточно естественным, и для него был определенный повод, учитывая количество испанских семей еврейского кровного родства в результате браков между христианами и *conversos* - многие из этих браков были заключены между кастильцами хорошего происхождения и дочерьми богатых крещеных евреев. Этот указ полностью противоречит утверждению Пулгара о том, что Торквемада был еврейского происхождения.

Назначение Манрике апелляционным судьей было очень кратким, и оно не принесло удовлетворительных результатов и не достигло того, чего желала королева. В следующем августе вышло еще одно папское сообщение, в котором говорилось, что, несмотря на это назначение, беглые новохристиане из архиепископства Севильи продолжали прибывать в Рим и подавать свои апелляции в Апостольские суды, протестуя против того, что они не осмеливаются обращаться с ними в назначенный трибунал в Севилье, опасаясь чрезмерной строгости.

Многие заявили, что в силу запрета, наложенного на них за то, что они покинули город, они боялись, что их бросят в тюрьму, не выслушав. Многих, опять же, уже судили за время их отсутствия и сожгли в виде чучел, и они опасались, что, если они вернутся, их апелляциям будет отказано в рассмотрении, и они сразу же будут отправлены на костер во исполнение уже вынесенного им приговора.

Поэтому папа теперь приказал Манрике допустить к примирению всех, кто мог бы этого добиваться, несмотря на любое судебное решение или приговор, уже вынесенный им.

Если бы эти приказы возобладали, разрушений, причиненных инквизицией, было бы значительно меньше, поскольку никто не мог пострадать, кроме упорствующего отступника. Однако, судя по всему, резюме даже не было отправлено. Как только было опубликовано его милосердное постановление, о нем пожалели и отозвали. Одиннадцать дней спустя Сикст написал Фердинанду, ознакомив его с условиями брифинга, который предназначался для Манрике, но объяснив, что они не были в достаточной степени рассмотрены, и что, следовательно, он придерживается его, пока обсуждаются новые меры.

Положение, должно быть, становилось невыносимым для монархов, поскольку Святая канцелярия в Испании, руководимая таким образом из Рима, управлялась нестабильными и постоянно меняющимися элементами, которые в высшей степени беспокоили государство — особенно теперь, когда значение инквизиции быстро росло. Поэтому Изабелла снова написала, умоляя Святого Отца придать этому учреждению устоявшуюся форму. Папа согласился, возможно, сам осознавая необходимость запрошенного. Для консолидированного института, который теперь предлагалось сформировать, был необходим глава, и Фрей Томас де Торквемада, исходя из того, что было известно о его жизни, характере и способностях, был признан человеком, подходящим для занятия этого важного поста. Соответственно, монархи рекомендовали его Сиксту, и он получил свое назначение от папы римского, сначала великим инквизитором Кастилии, а вскоре после этого (буллой от 17 октября 1483 г.) его юрисдикция была расширена и включала Арагон; так что он оказался во главе Святой канцелярии в Испании и облечен всей полнотой полномочий. Он мог избирать, смещать и заменять младших инквизиторов по своей воле, и юрисдикция всех тех, кого он назначал, подчинялась ему и зависела от него самого.⁸⁰

Льоренте говорит о нем: “Результат подтвердил выборы. Казалось почти невозможным, что найдется другой человек, столь способный воплотить в жизнь намерения короля Фердинанда увеличить количество конфискаций, намерения Римской курии распространить свою юрисдикцию и денежные принципы, а также намерения провокаторов инквизиции и ее Верховной власти внушать ужас”.⁸¹

С его возвышением на этот важный пост — пост, значение которого его собственная энергия и решительность должны были возрастать до тех пор, пока его власть в стране не стала почти соперничать с властью самих монархов, — испанская инквизиция вступает в новую фазу. Под юрисдикцией и контролем этого сурового аскета с кроткими глазами преобразуется весь характер Священной Канцелярии.

Сразу же после своего назначения он приступил к его перестройке таким образом, чтобы оно соответствовало пожеланиям монархов. Чтобы помочь ему, он назначил своими асессорами юристов Хуана Гутьерреса де Лашавеса и Тристана де Медину и приступил к созданию четырех постоянных трибуналов: по одному в Севилье под руководством Морильо и Сан-Мартина, которых он оставил без помех в их офисе, но с соблюдением новых правил, которые он установил для ведения дел; один в Кордове под руководством Педро Мартинеса де Баррио и Антона Руиса Моралеса с о. Мартином де Касо в качестве асессора; один в Хаэне под руководством Хуана Гарсии де Каньяса и о. Хуана де Ярзы; и один на Вилле Реал,⁸² который вскоре после этого был переведен в Толедо под руководством Франсиско Санчеса де ла Фуэнте и Педро Диаса де Костаны.

В дополнение к ним он назначил других инквизиторов, которые, не будучи прикреплены к какому-либо постоянному трибуналу, должны были действовать везде, куда он им укажет, когда возникнет возможность учредить временные суды.

В Толедо, Вальядолиде, Авиле, Сеговии и других городах уже были инквизиторы, назначенные папой. Некоторые из них не смогли продемонстрировать полное подчинение его приказам, которого требовал Торквемада, в результате чего они были быстро смещены, а их места заняли другие, кого он назначил. Тех, кто проявлял послушание его правлению, он утверждал при их назначениях, но обычно он посылал своего кандидата, чтобы действовать совместно с ними.

Сам Торквемада остался при Дворе; ибо теперь, когда инквизиция утвердилась на своей новой основе, стало необходимо, чтобы он находился в постоянном общении с монархами, от имени которых он действовал. Были необходимы консультации по поводу мер, которые необходимо было принять для управления тем, что быстро превратилось в корпорацию, имеющую огромное значение в королевстве. Из этого вскоре вытекло, что к четырем королевским советам, уже существующим для ведения дел королевства, был добавлен пятый, специально предназначенный для решения вопросов инквизиции. Исходило ли это предложение от Монархов или от Торквемады, установить невозможно, да это и не имеет большого значения.

Этот Высший совет инквизиции был учрежден в 1484 году. Он состоял из трех королевских советников: Алонсо Карильо, епископа Маццары, Санчо Веласкеса де Куэльяра и Понсио де Валенсии, докторов юридических наук, и двух ассессоров Торквемады. Председательствовать на этом “Верховном совете” — так стали называть совет — был назначен Торквемада, что значительно увеличило власть и влияние, которыми он уже обладал.

Три королевских советника имели определенный голос во всех вопросах, относящихся к юрисдикции Суверенов; но во всех вопросах духовной юрисдикции, которая папской буллой была полностью возложена на Великого инквизитора, их голоса носили чисто совещательный характер, являясь не более чем выражением мнения.

Торквемада хотел, чтобы его подчиненные действовали абсолютно единообразно при исполнении возложенных на них обязанностей и чтобы суды Святой канцелярии по всей Испании были идентичны в своих методах судопроизводства, инструментах выражения его воли и концепций. С этой целью он вызвал инквизиторов, назначенных им в трибуналы Севильи, Кордовы, Хаэна и Вилья-Реаля, для совещания с ним, его ассессорами и королевскими советниками.

Собрание состоялось в Севилье 29 октября, и его задачей было выработка первых инструкций Торквемады для руководства всеми инквизиторами.

В библиотеке Британского музея хранится копия издания этого кодекса в пергаментном переплете, которое впоследствии было опубликовано в Мадриде в 1576 году.⁸³ В нем содержатся, помимо статей Торквемады 1484 и последующих годов, другие, добавленные его преемниками, и на полях есть пометки, указывающие авторство каждой из них. Работа частично напечатана, частично находится в рукописи, и значительное количество страниц остается незаполненным, так что дальнейшие инструкции могут быть заполнены по мере необходимости. Печатный материал часто подчеркнут пером того или иного инквизитора, через руки которого этот экземпляр проходил во время своего активного существования.

Двадцать восемь статей, составленных Торквемадой на ассамблее 1484 года и составляющих его первые “Инструкции по управлению Святой канцелярией”, требуют отдельной главы.

ГЛАВА X ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ — ПЕРВЫЕ “ИНСТРУКЦИИ” ТОРКВЕМАДЫ

Первое руководство по использованию инквизиторов, вероятно, было написано где-то около 1320 года. Это была работа доминиканского монаха Бернарда Ги — “Практика инквизиции правоверных еретиков — Бернардо Гвидониса, Ордин Братства предсказателей” — и в ней был обобщен опыт, накопленный за сто лет инквизиторами Южной Франции.

Он разделен на пять частей. Первые три непосредственно связаны с процедурой, и формулы даны для каждого случая — привлечения к ответственности, ареста, помилования, смягчения наказания и вынесения приговора — с полнейшими подробностями для руководства инквизиторами. В четвертой части говорится о полномочиях, которыми наделен трибунал инквизиции, и приводятся авторитеты — *то есть* постановления понтификов и соборов. Пятая часть рассматривает и определяет различные еретические секты времен Гуи, дает подробные сведения о доктринах, обрядах и церемониях, с помощью которых можно узнать каждую из них, и излагает методы, с помощью которых еретическое коварство может быть обойдено при рассмотрении.

Этот труд использовался французскими инквизиторами в целом и инквизиторами Тулузы в частности, и более чем вероятно, что он вдохновил Николауса Эймерика на составление своего объемистого “Directorium Inquisitorum” ближе к середине четырнадцатого века.

Николай Эймерик был великим инквизитором Арагона, и он подготовил свой справочник, или руководство по процедурам, в качестве руководства для своих собратьев в деле судебного преследования виновных в еретической правоте.

Эта работа свободно распространялась в рукописном виде и была одной из первых, напечатанных в Барселоне после появления печатного станка, так что во времена Торквемады экземпляры были широко распространены и находились в руках всех инквизиторов мира.

Основная часть “Directorium” представляет собой не более чем компиляцию. Она разделена на три части. В первом излагаются основные положения христианской веры; во втором собраны декреты, буллы и краткие записки пап по вопросу еретиков и ересей, а также решения различных соборов, созывавшихся для решения вопросов, связанных с еретиками и их пособниками, колдунами, отлученными от церкви, евреями и неверными; в третьей части, которая является собственным вкладом Эймерика в эту тему, рассматривается порядок проведения судебных процессов и дается подробный список преступлений, подпадающих под юрисдикцию Святой Канцелярии.

Прежде чем продолжить, было бы неплохо кратко изложить основания, на которых инквизиция возбудила дело, как указано в “Директории”.

Все еретики в целом подлежат преследованиям Святой Канцелярии; но, кроме того, есть определенные преступники, которые, хотя и не совсем виновны в ереси, тем не менее подлежат суду инквизиции. Это:

Богохульники, которые, богохульствуя, говорят то, что противоречит христианской вере. Таким образом, тот, кто говорит: “Время года настолько плохое, что Сам Бог не мог дать нам хорошую погоду”, грешит в вопросе веры.

Колдуны и Прорицатели, когда в своем колдовстве они совершают то, что по своей природе является ересью — например, перекрещивают младенцев, воскуривают благовония перед черепом и т.д. Но если они ограничивают свое колдовство предсказанием будущего с помощью хиромантии, вытягивания короткой соломинки или обращения к астрологии, они виновны в простом колдовстве, и преследовать их должны светские суды.

К числу последних следует отнести тех, кто угощает женщин любовными напитками.

Дьяволопоклонники: Те, кто призывает дьяволов. Их следует разделить на три класса:

(a) Те, кто поклоняются дьяволу, приносят ему жертвы, падают ниц, поют молитвы и постятся, воскуривают благовония или зажигают свечи в его честь.

(b) Те, кто ограничивается поклонением сатане в культе *Дули* или *Гипердули*, вводя имена дьяволов в литании.

(c) Те, кто вызывает дьявола, рисуя магические фигуры, помещая младенца в круг, используя меч, кровать или зеркало и т.д.

В общем, легко узнать тех, кто имеет дело с дьяволами, по их свирепому виду и ужасному виду.

Призыв в любом из трех приведенных способов всегда является ересью. Но если дьявола следует просить только о том, что входит в его обязанности — например, соблазнить женщину на грех роскоши, — при условии, что это делается без поклонения или молитвы, но с точки зрения приказа, есть авторы, которые считают, что в таких случаях человек, поступающий таким образом, не виновен в ереси.

Среди тех, кто призывает дьяволов, есть астрологи и алхимики, которые, когда им не удастся совершить открытия, к которым они стремятся, никогда не упускают случая обратиться к дьяволу, принося ему жертвы и призывая его явно или молчаливо.

Евреи и неверные: первое, когда они грешат против своей религии в любом из символов веры, которые у них такие же, как и у нас, — *т.е.* Которые одинаково присущи как евреям, так и христианам, — или когда они нападают на догмы, которые одинаково присущи обоим верованиям.

Что касается неверующих, Церковь и Папа, а следовательно, инквизиция, могут наказывать их, когда они грешат против законов природы — единственных законов, которые они знают.

Евреи и неверные, которые пытаются извратить христиан, также считаются подстрекателями или *фаворитами*.

Несмотря на запрет помогать еретику, человек, давший пищу умирающему от голода еретику, не будет рассматриваться как подстрекатель, поскольку возможно, что, если его пощадить, последний все же обратится.

Отлученные, которые остаются в отлучении в течение целого года, под которыми следует понимать не только тех, кто отлучен от церкви как еретики или пособники еретиков, но и отлученных по каким бы то ни было основаниям. Фактически, безразличие к отлучению от церкви заставляет их подозревать в ереси.

Отступники.—Христиане-отступники, которые становятся евреями или мусульманами (эти религии не являются ересями), даже если они должны были отступить из-за страха смерти. Поскольку страх пыток или смерти не может затронуть человека, твердого в Вере, никакое отступничество не может быть оправдано на таких основаниях.⁸⁴

Имея перед собой "Директорию" Эймерика, Торквемада приступил к составлению первых статей своего знаменитого кодекса. Дополнения должны были быть внесены в него позже, поскольку необходимость таких дополнений была доказана опытом; но ни одно последующее дополнение не имело значения для этих первоначальных двадцати восьми статей. Можно сказать, что они придали юриспруденции испанской инквизиции устоявшуюся форму, которая оставалась практически неизменной более трехсот лет после смерти Торквемады.

Обзор этих статей и отрывков из Эймерика, имеющих к ним отношение, вместе с некоторыми комментариями схолиаста Франческо Пеньи,⁸⁵ должен послужить для передачи некоторого представления о юриспруденции Святой Канцелярии и о необыкновенном духе, который вдохновлял и управлял ею — духе одновременно хитром и глупом, утонченном и очевидном, святом и дьявольском, не последовательном ни в чем — даже в жестокости, ибо своим извращенным и ужасным образом она считала себя милосердной и не только представляла, но и верила, что ее цели были благотворительными. . Оно практиковало свои мерзости жестокости из любви к роду человеческому, чтобы спасти род человеческий от вечного проклятия; и в то время как оно, с одной стороны, оплакивало несчастного еретика, которого оно бросило в огонь, с другой стороны, оно ликовало при мысли, что, сжигая того, кто был поражен мором ереси, оно спасло, возможно, сотню человек от заражения и от очищения от этой заразы в вечности адского огня.

Опрометчивы те, кто видит лицемерие в священническом кодексе, которому надлежит следовать. Лицемеры могли быть, и должны были быть, и много; такая система была настоящим рассадником лицемерия. Однако сама система не была лицемерной. Это было искренне, ужасно, трагично, пламенно искренне, с самой безнадежной, невыносимой и глупой из всех искренностей — искренностью фанатизма, которая разрушает всякое чувство меры и искажает интеллектуальное видение человека до тех пор, пока он со спокойной совестью не превратит хитрость, коварство и ложь в принципы, которые позволят ему выполнять то, что он считает своим долгом перед ближними.

Доктрина исключительного спасения была источником всего этого зла. Но этой доктрины придерживались твердо и искренне. Торквемада или любой другой инквизитор мог бы произнести слова, которые вдохновленный поэт заставил сорваться с уст Филиппа II.:

“Кровь и пот еретиков на костре
- лучшая божья роса на бесплодном поле”.⁸⁶

И он произнес бы их со спокойной и твердой убежденностью, уверенный, что он сделал не что иное, как провозгласил очевидную истину, которая могла бы послужить ему руководством к исполнению своего долга перед человеком и Богом. Несмотря на все, что он делал, он мог найти заповедь в Священных Писаниях. Было ли сожжение надлежащей смертью для еретиков? Как вы увидите, он ответил на этот вопрос устами самого Христа. Должно ли имущество еретика быть конфисковано? Эймерик и Парамо указывают на изгнание Адама и Евы из Эдема как следствие их непослушания — первой из всех ересей - и спрашивают вас, что это было, как не конфискация. Подобаает ли налагать одежды позора на тех, кто осужден за меньшие ереси, или на кающихся, которые примирились? Парамо ответит вам, что Адам и Ева носили кожу после своего грехопадения, и подразумевает, что это подходящий прецедент для печально известной *санбенито*.

И так далее: Моисея, Давида, Иоанна Крестителя и Самого кроткого Спасителя заставляют приводить доводы в пользу того или иного курса по мере необходимости, и каждая причина более гротескна, чем другая, пока вы не будете ошеломлены ударами этих неуклюжих аргументов. Вы перестаете удивляться тому, что перевод Библии был запрещен, что ее изучение было затруднено. Если те, кто был сведущ в теологии, могли интерпретировать это так экстравагантно, чего не могли бы достичь необразованные?

Но давайте перейдем к рассмотрению кодекса Торквемады.

Статья I

Всякий раз, когда инквизиторы назначаются в епархию, город, деревню или другое место, где до сих пор не было инквизиторов, они должны — после предъявления ордеров, которыми они наделены, прелату главной церкви и губернатору округа — созвать прокламацией весь народ и духовенство. Они назначают воскресенье или праздничный день, в который все должны собраться в кафедральном соборе или главной церкви, чтобы послушать проповедь Веры.

Они должны позаботиться о том, чтобы эту проповедь произнес хороший проповедник или один из настоящих инквизиторов, как они сочтут наилучшим. Его целью должно быть разъяснение того, в каком качестве они там находятся, их полномочий и намерений.

COPILACION DE LAS INSTRVCIONES DEL

Officio de la sancta Inquisicion, hechas por el muy Reuerendo Señor Fray Thomas de Torquemada, Prior del Monasterio de sancta Cruz de Segouia, primero Inquisidor general de los Reynos y Señorios de España.

E POR LOS OTROS REVERENDISSIMOS SENORES *Inquisidores generales que despues succedieron, cerca de la orden que se ha de tener en el exercicio del Sancto Officio. Donde van puestas successiuamente por su parte todas las Instrucciones que tocan a los Inquisidores. E a otra parte, las que tocan a cada vno delos Officiales y Ministros del sancto Officio: las quales se copilaron en la*

manera que dicha es, por mandado del Illustrissimo y Reuerendissimo señor don Alonso Manrique, Cardenal de los doze Apostoles, Arçobispo de Seuilla Inquisidor General de España.:

EN MADRID,
En casa de Alonso Gomez, Impressor de su
Magestad. Año. 1576.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ “НАСТАВЛЕНИЙ” ТОРКВЕМАДЫ.

Фото Дональда Макбета

По окончании этой проповеди инквизиторы прикажут всем верующим христианам выйти вперед и принести клятву на Кресте и Евангелии в пользу Святой Инквизиции и ее служителей и не чинить им никаких препятствий прямо или косвенно в выполнении их миссии.

Эта клятва должна быть специально налагаема на губернаторов или других судей данного места, и она должна быть засвидетельствована нотариусами инквизиторов.

Статья II

После завершения указанной проповеди инквизиторы прикажут зачитать и опубликовать предостережение с порицанием тех, кто бунтует или оспаривает власть Святой Канцелярии.

Статья III

По окончании указанной проповеди инквизиторы должны издать указ, предоставляющий отсрочку сроком в тридцать или сорок дней — как они сочтут нужным, — чтобы все лица, впавшие в грех ереси или отступничества, соблюдавшие еврейские обряды или любые другие, противоречащие христианской религии, могли прийти и признаться в своих грехах, уверенные, что если они сделают это с искренним раскаянием, разглашая все, что им

известно или что они помнят, не только о своих собственных грехах, но и о грехах других, они будут приняты с милосердием. .

Они будут подвергнуты спасительной епитимье, но им не грозит смерть, тюремное заключение или конфискация их имущества, и они никоим образом не будут подвергнуты наказанию, если только инквизиторы, принимая во внимание качество кающихся и грехи, в которых они признаются, не подумают наложить на них некоторую денежную епитимью.

В связи с этой милостью, которую их Высочества считают нужным оказать тем, кто примирился, Монархи приказывают выдать патенты с королевской печатью, содержание которых должно быть включено в опубликованный указ.

Из условий этой статьи достаточно ясно, что эдикт благодати был опубликован по королевскому приказу, и что это не было, как представляет Гарсия Родриго, милосердным распоряжением, спонтанно исходящим от Святой Канцелярии.

Статья IV

Лица, делающие самообвинение, должны представить свои признания в письменной форме инквизиторам и их нотариусам с двумя или тремя свидетелями, которые должны быть офицерами инквизиции или другими честными лицами.

По получении инквизиторами этого признания пусть кающиеся принесут клятву в законной форме, не только в отношении исповедуемых вопросов, но и в отношении других, которые могут быть им известны и по которым они могут быть допрошены. Пусть их спросят, сколько времени прошло с тех пор, как они приняли иудаизм или иным образом согрешили против Веры, и сколько времени прошло с тех пор, как они отказались от своих ложных верований, покались и перестали соблюдать эти церемонии. Затем пусть они будут допрошены по обстоятельствам признаний, чтобы инквизиторы могли убедиться в том, что эти признания правдивы. Особенно пусть их расспросят о том, какие молитвы они читают, где они их читают и с кем они имели обыкновение собираться, чтобы послушать проповедь закона Моисеева.

Статья V

Саморазрушители, стремящиеся к примирению со Святой Матерью Церковью, должны быть обязаны публично отречься от своих ошибок, и на них должна быть публично наложена епитимья по усмотрению инквизиторов, с применением милосердия и доброты, насколько это возможно для них, чтобы сделать это со спокойной совестью.

Инквизиторы не должны допускать никого к тайному покаянию и отречению, если только его грех не был настолько тайным, что никто другой не знает или не мог знать о нем, кроме его духовника; такого человека все инквизиторы могут тайно примирить и отпустить грехи.

Льоренте говорит, что признание тайного покаяния было источником большого золота для Римской курии, поскольку тысячи людей обращались к папе, предлагая тайное признание и твердое намерение исправиться в случае тайного отпущения грехов, для чего была необходима папская справка.

Здесь следует сказать несколько слов на счет ОТРЕЧЕНИЯ. Это было объяснение, предоставленное Эймериком⁸⁷ для тех, кто своими речами или поведением должен был

вызвать подозрение в ереси; те, например, кто воздерживался от таинств, навязанных Матерью-Церковью, были подвержены этому подозрению.

Существовало три степени подозрительности, в которую мог впасть человек: легкая, неистовая и буйная. Требуемое отречение было практически одинаковым во всех трех случаях, но наказание, налагаемое на отрекшегося, варьировалось в зависимости от степени тяжести. Это отречение должно быть публично совершено в церкви перед собравшимися людьми, при этом подозреваемые помещаются — как и все кающиеся или уличенные в ереси — на возвышение на виду у собравшихся верующих. Инквизитор зачитывал Статьи христианской веры и список основных заблуждений против нее, делая особый упор на те заблуждения, в которых подозревались кающиеся и от которых они должны были отречься, опираясь обеими руками на Евангелия и в соответствии с формулой, изложенной Эймериком.

Тех, кого подозревают легкомысленно (*левитер*), предупреждают, что если они снова впадут в ошибку, то будут переданы в руки светских властей для наказания. С этим предупреждением и наложением епитимьи, которая может принимать форму поста, молитв или паломничества, они освобождаются.

Те, кого подозревают в ярости (*неистовствующий*), получают аналогичное предупреждение, но вдобавок их могут отправить на некоторое время в тюрьму, после чего они должны понести суровую епитимью, например, стоять в определенные дни у дверей главной церкви или возле алтаря во время мессы со свечой в руках, но без *санбенито*, поскольку, собственно говоря, они не еретики, или их могут отправить в паломничество.

Тот, кого подозревают в насилии (*насильник*), освобождается от понесенного отлучения от церкви, но поскольку его преступление не может остаться безнаказанным, и для того, чтобы он мог менее жестоко страдать в загробном мире, он приговаривается к тюремному заключению, после чего он должен быть обречен стоять у дверей церкви во время больших праздников в году в покаянном наплечнике, известном как *санбенито*, чтобы все могли узнать о его позоре.

После вынесения приговора инквизитор должен сделать кающемуся выговор в следующих выражениях:

“Мой дорогой Сын, будь терпелив и не отчаивайся; если мы заметим в тебе признаки раскаяния, мы смягчим твою епитимью; но остерегайся отступать от того, что мы тебе предписали; если ты сделаешь это, ты будешь наказан как нераскаявшийся еретик”.

Наказанием для нераскаявшихся был, конечно, костер.

Инквизитор завершает церемонию, предоставляя индульгенцию сроком на сорок дней всем, кто присутствовал на ней, и индульгенцию сроком на три года тем, кто принимал в ней участие.

Тюремное заключение с его диетой на хлебе и воде может быть смягчено; но никогда - наказание в виде *санбенито*, которое Эймерик - и инквизиторы в целом — рассматривает как самую благотворную епитимью для того, кто подвергается ей, и самую назидательную для общества в целом.

Лица, совершившие самоотречение, допущенные Торквемадой к отречению, рассматривались как подозреваемые первой степени - *левитер*.

Статья VI

Поскольку еретики и вероотступники (хотя они возвращаются к католической вере и примиряются) пользуются дурной славой перед законом, и поскольку они должны исполнять свои епитимьи со смирением и сожалением о том, что впали в заблуждение, инквизиторы должны приказать им не занимать никаких государственных должностей или приносить церковную пользу, и они не должны быть адвокатами или брокерами, аптекарями, хирургами или врачевателями, и они не должны носить золото или серебро, кораллы, жемчуга, драгоценные камни или другие украшения, и одеваться в шелк или камуфляж, и ездить верхом также не носят оружие всю свою жизнь под страхом быть признанными впадшими в ересь (*relapsos*), как это должно быть сделано со всеми, кто после примирения не выполняет наложенные на них епитимьи.

Этот указ был не более чем возрождением постановления, принятого полуторавековой давности Альфонсо XI в кодексе, известном как *Partidas*, которому милостиво позволили утратить силу. По словам Льоренте, это был значительный источник богатства Римской курии. Вследствие этого подавались частые призывы к “реабилитации”, которые удовлетворялись в соответствии с апостольским предписанием, тяжкие обвинения в котором должны были нести апеллянты.

Торквемада милосердно воздерживается от приказа саморазоблачителям носить *санбенито*. Однако даже в этом случае, постановив, что они не должны носить одежды из шелка или шерсти, и, следовательно, ничего, кроме самой простой одежды, не украшенной никакими драгоценными металлами или драгоценными камнями, — не говоря уже о запрете пользоваться оружием или ездить верхом, — он наложил на них одеяние, которое лишь на несколько градусов отличалось от покаянного мешка и служило той же цели - подчеркнуть их бесчестие.

Ношение *санбенито* тоже было обычаем, который несколько утратил актуальность. Но аскет Торквемада был не тем человеком, который позволил бы пренебрегать формой покаяния, считавшейся столь полезной. Он возродил и расширил его использование, добавив собственные нововведения, так что его стали носить не только осужденным еретикам, но и примирившимся — за исключением тех, кто совершал самообвинения, - и подозреваемым, которые должны были носить его во время церемонии отречения.

Этот одиозный предмет одежды, его происхождение и история будут рассмотрены более подробно.

Статья VII

Поскольку преступление ереси является очень тяжким, желательно, чтобы примиренные могли осознать по наложенным на них епитимьям, насколько серьезно они оскорбили и согрешили против Господа Нашего Иисуса Христа. Тем не менее, поскольку наша цель состоит в том, чтобы обращаться с ними очень милосердно и по-доброму, избавляя их от боли костра и вечного заключения и оставляя им все их имущество, если они, как было сказано, сознаются в своих ошибках в течение установленного срока, инквизиторы должны, в дополнение к епитимьям, наложенным на указанных примиренных, приказать им пожертвовать в качестве милостыни определенную часть своего имущества, в соответствии с положением кающегося и тяжестью признанных преступлений. Эти денежные епитимьи будут применены для Священной Войны, которую светлейшие Государи ведут с маврами

Гранады, врагами нашей Святой Католической Веры, и для других благочестивых дел, которые могут быть предприняты. Ибо точно так же, как упомянутые еретики и отступники оскорбили Нашего Господа и Его Святую Веру, так и после воссоединения с Церковью справедливо, чтобы они понесли денежное покаяние для защиты Святой Веры.

Эти денежные взыскания должны быть на усмотрение инквизиторов; но они должны руководствоваться тарифом, установленным для них преподобным отцом-приором Святого Креста (*т.е. Торквемадой*).

От них требовалась немалая доля их имущества, как видно из епитимьи в виде “милостыни” за войну против Гранады, наложенной на тех, кто примирился в Толедо два года спустя; требовалась пятая часть их имущества.⁸⁸

Статья VIII

Если какое-либо лицо, виновное в указанном преступлении ереси, не явится в установленный льготный период, но добровольно явится по истечении его и сделает свое признание в надлежащей форме до того, как оно будет арестовано или привлечено к ответственности инквизиторами, или до того, как инквизиторы получают показания против него, такое лицо должно быть подвергнуто отречению и примирению таким же образом, как и те, кто явился в течение срока действия указанного эдикта, и он должен быть подвергнут епитимье по усмотрению инквизиторов. Но такие епитимьи не должны быть денежными, потому что его имущество конфисковано [*так что его признание в отречении происходит не совсем на тех же условиях*].

Но если на момент его прихода для исповеди и поиска примирения инквизиторы уже были проинформированы свидетелями о его ереси или отступничестве или уже должны были вызвать его в Суд для ответа на обвинение, в таком случае инквизитор должен принять кающегося к примирению — если он полностью признает свои собственные ошибки и то, что он знает об ошибках других — и наложит на него более суровые епитимьи, чем на первого, вплоть до пожизненного заключения, если того потребует дело.

Это всего лишь одна из тех придирок, которые пронизывают эту юриспруденцию. Статья в этом последнем отношении составлена так, чтобы создать впечатление, что при таких обстоятельствах инквизиторы действовали бы более милосердно, чем против обвиняемого еретика; но широта наказания такова, что им нет необходимости проявлять такое милосердие — пожизненное заключение является наказанием, предписанным для любого еретика (который не является “рецидивистом”), стремящегося к примирению.

Но никто из лиц, которые должны прийти на исповедь по истечении льготного периода, не должен подвергаться денежному взысканию, за исключением случаев, когда их Высочества милостиво снизойдут до возмещения всех или части конфискации, понесенной теми, кто примирился таким образом.

Этот последний пункт, скорее, носит характер положения против любой милосердной слабости со стороны Суверенов.

Статья IX

Если какие-либо дети еретиков, впавшие в грех ереси по внушению своих родителей и не достигшие двадцатилетнего возраста, придут искать примирения и признаться в ошибках, которые они знают о себе, своих родителях и любых других лицах, даже если они придут после истечения срока помилования, инквизиторы примут их благосклонно, наложив епитимьи более легкие, чем на других в подобном случае, и они должны позаботиться о том, чтобы эти дети были обучены Вере и Таинствам Святой Матери-Церкви, поскольку они должны быть освобождены по причине возраста и образования .

Однако им нет оправдания в том, что они пользуются какой-либо собственностью своих родителей. Это конфискуется в силу ереси родителей; и в силу той же ереси со стороны их родителей эти дети и их собственные дети должны оставаться под запретом позора, им запрещено носить золото или серебро и т.д., А также занимать какие-либо должности при короне или получать какие-либо церковные пособия. Кажется почти ироничным говорить о наложении легких епитимий на негодяев, которые автоматически подвергаются подобным наказаниям. Но под этой “легкой епитимьей”, по мнению Льоренте, подразумевается ношение *санбенито* в течение пары лет, появление в нем на мессе и шествие в нем в процессиях.

Статья X

Лица, виновные в ереси и отступничестве, в силу того факта, что они впали в эти грехи, несут потерю всего своего имущества и управления им, считая со дня, когда они впервые совершили преступление, и указанное ими имущество конфискуется в казну их Высочеств. Но что касается церковных страданий в случае примиренных, инквизиторы, вынося приговор, объявляют их еретиками, отступниками или соблюдающими еврейские обряды; но поскольку они стремятся к обращению с чистым сердцем и истинной верой и готовы понести епитимьи, которые могут быть наложены, они должны быть отпущены и примирены со Святой Матерью Церковью.

Цель этой статьи на самом деле состоит в том, чтобы при необходимости придать акту конфискации ретроспективный характер, с тем чтобы обойти любого, кто попытается путем отчуждения своего имущества избежать его конфискации. Поскольку конфискация была произведена в день первого преступления против Веры, инквизиторы должны были отслеживать любое имущество, которым впоследствии мог распорядиться преступник, и даже если бы оно пошло на уплату долгов или на содержание дочери, вышедшей замуж за старого и “чистого” христианина, Святая канцелярия должна была наложить арест и конфисковать его в Королевскую казну.

Статья XI

Если какой-либо еретик или вероотступник, который будет арестован на основании предъявленной против него информации, скажет, что он желает примирения, и признает все свои ошибки, какие еврейские церемонии он, возможно, соблюдал, и что ему известно о недостатках других, полностью и без оговорок, инквизиторы должны допустить его к примирению при условии пожизненного заключения, как предписано законом. Но если инквизиторы совместно с ординарием епархии, принимая во внимание раскаяние

преступника и качество его признания, сочтут разумным заменить эту епитимью другой, более легкой, у них будет такая возможность.

Кажется, что это должно произойти главным образом в том случае, если еретик на первом заседании суда или при своей первой явке в суд, не дожидаясь объявления о своих преступлениях, заявит о своем желании признаться и отречься от престола; и такое признание должно быть сделано до того, как будут опубликованы показания свидетелей или выдвинутые ими против него обвинения.

Статья XII

Если судебное преследование обвиняемого было доведено до публикации показаний свидетелей и их показаний, но затем он признал свои ошибки, и умолял допустить его к примирению, желая формально отречься от своих ошибок, инквизиторы должны принять его к указанному примирению при условии пожизненного заключения, к которому они приговаривают его — за исключением случаев, когда ввиду его раскаяния и других сопутствующих обстоятельств у инквизиторов должны быть основания считать, что примирение такого еретика имитировано; в таком случае они должны объявить его нераскаявшимся еретиком и передать его светскому суду. арм: все это остается на совести инквизиторов.

“Передача в руки светских властей”, как мы сейчас рассмотрим, является церковным эквивалентом приговора к смертной казни на костре.

Термин “публикация показаний свидетелей” не следует понимать буквально. Что это на самом деле означало, станет ясно после прочтения статьи XVI, которая была специально составлена Торквемадой, чтобы изменить и ограничить этот освященный веками обычай гражданских и церковных судов.

Статья XIII

Если кто-либо из тех, кто примирился в течение периода отсрочки или по его истечении, не признается во всех своих собственных грехах и во всем, что он знает о грехах других, особенно в серьезных случаях, и если такое упущение возникает не по забывчивости, а по злему умыслу, что впоследствии может быть доказано свидетелями, поскольку ясно, что упомянутые примиренные лжесвидетельствовали сами, и следует предположить, что их примирение было симулированным, хотя они могли быть отпущены, пусть они будут привлечены к ответственности как нераскаявшиеся еретики, как только упомянутый вымысел и лжесвидетельство будут обнаружены.

Точно так же, если какой-либо человек, примирившийся во время эдикта о благодати или после него, будет публично хвастаться таким образом, что это может быть доказано, говоря, что он не совершал грехов, в которых он признался, его следует считать нераскаявшимся и притворяющимся новообращенным, и инквизиторы будут действовать против него, как если бы он не был примирен.

Статья XIV

Если кто-либо, будучи осужден за грех ереси, будет отрицать и упорствовать в своем отрицании до вынесения приговора, и указанное преступление против него будет доказано, хотя обвиняемый должен исповедовать католическую веру и утверждать, что он всегда был

и остается христианином, инквизиторы должны объявить его еретиком и таким образом приговорить его, поскольку юридически преступление доказано, и, отказываясь признать свою ошибку, осужденный не позволяет Церкви отпустить ему грехи и использовать его милосердно.

Но в таких случаях инквизиторы должны с большой осторожностью допрашивать свидетелей, подвергая их тщательному перекрестному допросу, собирая информацию об их характерах и выясняя, существуют ли мотивы, по которым они должны отказаться от показаний из ненависти или недоброжелательства к заключенному.

Статья XV

Если указанное преступление ереси или вероотступничества наполовину доказано (*semiplenamente provado*), инквизиторы могут обдумать возможность подвергнуть обвиняемого пыткам, и если под пытками он признается в своем грехе, он должен подтвердить свое признание в один из следующих трех дней. Если он подтвердит это, он будет наказан как уличенный в ереси; если он не подтвердит, но откажется от своего признания, поскольку преступление не доказано полностью или еще не опровергнуто, инквизиторы должны приказать, из-за позора и презумпции виновности обвиняемого, чтобы он публично отрекся от своей ошибки; или инквизиторы могут повторить пытку.

В этой статье нет ничего, что можно было бы рассматривать как отступление от какого-либо из правил, установленных Эймериком в его “Директории”, или расширение ее, как мы увидим, когда обратимся к этой ужасной теме пыток.

Апологеты настаивают на том, что, в конце концов, пытки, к которым прибегали инквизиторы, и, аналогичным образом, наказание смертной казнью на костре, не были сугубо церковными институтами; что это были обычные гражданские методы обращения с правонарушителями, и что, приняв их, Церковь просто соответствовала, по своему обыкновению, предписанному законом.

Совершенно верно, что первоначально это были методы, с помощью которых светские суды преследовали тех, кто согрешил против Веры. Но следует также иметь в виду, что если гражданские власти поступали таким образом, они безоговорочно подчинялись булле “*ad extirpanda*” Сикста IV, которая возлагала на них эту обязанность под страхом отлучения от церкви.

Из-за неудобств, связанных с этой процедурой в том, что касалось пыток и вопросов по вопросам веры, позже было сочтено желательным, чтобы ответственность за нее взяли на себя сами инквизиторы. Однако им было предписано следить за тем, чтобы не было пролития крови или гибели людей, поскольку это противоречило христианским принципам, согласно которым священник должен быть виновен в подобных вещах. Так что, когда по несчастному случаю проливалась кровь или пациент умирал от рук палачей, инквизитор, проводивший допрос, становился виновным в нарушении правил. Для этого он должен был попросить отпущения грехов у брата—священнослужителя; и инквизиторы были проинформированы — чтобы облегчить им задачу и избавить от беспокойств по этому поводу - что они имели право отпустить грехи друг другу при таких обстоятельствах.

Но даже если мы полностью признаем, что применение пыток — и аналогично огня — было светскими институтами, которыми Церковь просто пользовалась как единственными методами, заслуживающими похвалы в ту эпоху, все равно против инквизиторов следует возразить, что эти методы ни в коем случае не были смягчены в их священнических руках.

Статья XVI

Поскольку считается, что публикация имен свидетелей, которые дали показания о преступлении ереси, может привести к большому ущербу и опасности для личности и имущества указанных свидетелей — поскольку известно, что многие были ранены и убиты еретиками, — решено, что обвиняемому не должны предоставляться копии показаний против него, но что он должен быть проинформирован о том, что в них указано, в то время как такие обстоятельства, которые могли бы привести к идентификации показаний, должны быть утаены.

Но следователи должны, когда в результате допроса свидетелей получены доказательства, опубликовать эти показания, ни в коем случае не сообщая имен и таких обстоятельств, которые могли бы позволить обвиняемому узнать личность свидетелей; и следователи могут предоставить обвиняемому копию публикации в такой форме [*т.е.* в сокращенном виде], если он этого требует.

Если обвиняемому потребуются услуги адвоката, он должен быть предоставлен. Адвокат должен принести официальную клятву, что он будет добросовестно помогать обвиняемому, но что, если на каком-либо этапе судебных разбирательств он поймет, что справедливость не на его стороне, он должен немедленно прекратить оказывать помощь преступнику и сообщить об этом инквизиторам.

Обвиняемый оплачивает услуги адвоката из своего собственного имущества, если оно у него есть; если у него нет имущества, то адвокату выплачиваются из других конфискаций, по усмотрению их Высочеств.

Крайне сомнительно, что возможно более вопиющее отступление от всех законов справедливости, чем то, которое воплощено в постановлении Торквемады о свидетелях.

Представление о том, что обвиняемый ничего не слышал о том, что против него выдвинуто, что он даже не был проинформирован о полном объеме таких показаний и еще не предстал перед своими обвинителями, является, без сомнения, одной из самых чудовищно несправедливых черт этого трибунала. И, максимально воспользовавшись этим постановлением и сведя разбирательство к такой тайне, о которой никогда не было известно ни в одном суде, инквизиторы смогли внушить ужас, который был даже большим, чем тот, который вызывали пожары, которые они разводили человеческим топливом в своих частых автомобилях.

Торквемада основал это постановление на предостережении Эймерика относительно разглашения имен свидетелей. Но Эймерик не пошел дальше, чем сказал, что эти имена должны быть замалчиваемы в тех случаях, когда их разглашение может представлять опасность для делателей. Однако обвиняемому может быть зачитан полный протокол судебного разбирательства, и он может сам сделать вывод, кто были его обвинителями. В Эймерике не было и речи ни о каких усечениях.

Цель Торквемады совершенно ясна. Она не была основана, как сказано в статье, на беспокойстве о какой-либо опасности, которой могут подвергнуться нарушители. Ибо, в конце концов, прежде чем мы завершим обзор инквизиционной юриспруденции, должно быть ясно, что ранение или даже смерть этих свидетелей рассматривались бы (по крайней мере, официально) как нечто достойное зависти; они страдали бы за Веру и, таким образом, соответствовали бы бессмертному венцу мученичества. Скорее всего, целью Торквемады было устранить все страхи, которые могли бы сковать делателей и задушить их. Нарушитель должен быть защищен исключительно для того, чтобы другие нарушители могли с уверенностью выступить с доносом на тайных еретиков и отступников, чтобы деятельность Святой Канцелярии не подвергалась никаким ограничениям.

Трасмиера, более поздний инквизитор, в ходе панегирика секретности говорит о нем как о “полюсе, на котором держится правительство инквизиции, призывающем к почитанию верующих; он облегчает показания свидетелей и является поддержкой и фундаментом этого трибунала; будучи лишенным его, архитектура здания, несомненно, рухнет”.⁸⁹

Положение, касающееся адвокатов, основано на древнем церковном законе, который запрещал адвокату защищать еретиков. То, что он был зачислен на службу в соответствии с настоящим пунктом, явно увеличило бы опасность для обвиняемого.

Статья XVII

Инквизиторы должны сами допрашивать свидетелей и не оставлять такие допросы своим нотариусам или другим лицам, за исключением случаев, когда свидетель болен или не в состоянии предстать перед инквизитором, а инквизитор также не в состоянии явиться к свидетелю, и в этом случае он может послать обычного церковного судью округа с другим честным человеком и нотариусом для снятия показаний.

Статья XVIII

Когда любого человека подвергают пыткам, должны присутствовать инквизиторы и обычные люди — или, по крайней мере, некоторые из них. Но когда это по какой-либо причине невозможно, то человек, которому поручено задавать вопросы, должен быть образованным и верующим человеком (*смысл жизни и поле деятельности*).

Статья XIX

к дверям церкви того района, к которому он принадлежит, и по истечении тридцатидневного срока инквизиторы могут приступить к суду над ним за самовольное отсутствие. При наличии достаточных доказательств его вины ему может быть вынесен приговор. Или, если доказательств недостаточно, его могут объявить подозреваемым и приказать — как и подобает подозреваемым — предстать перед каноническим очищением. Если он не сделает этого в назначенный срок, должна быть установлена его вина.

Судебное разбирательство в отношении отсутствующего лица может быть возбуждено любым из следующих трех способов:

(1) В соответствии с главой “Cum contumacia de hereticis”, призывающей обвиняемого явиться и защищать себя по определенным вопросам, касающимся Веры и определенных грехов ереси, под страхом отлучения от церкви; если он не ответит, он будет объявлен мятежником, и если он будет упорствовать в этом мятеже в течение одного года, он будет

объявлен официальным еретиком. Это самый безопасный и наименее строгий курс, который можно пройти.

(2) Если инквизиторам покажется, что преступление против какого-либо отсутствующего может быть установлено, пусть он будет вызван эдиктом, чтобы прибыть и доказать свою невиновность в течение тридцати дней — или может быть предоставлен более длительный срок, если это необходимо, чтобы позволить ему вернуться, где бы он, как известно, ни находился. И он должен приводиться на каждой стадии судебного разбирательства до вынесения приговора, когда, если он все еще отсутствует, пусть его обвинят в мятеже, и если преступление будет доказано, он может быть осужден в его отсутствие без дальнейших проволочек.

(3) Если в ходе инквизиционного разбирательства возникает презумпция ереси в отношении отсутствующего лица (хотя преступление четко не доказано), инквизиторы могут вызвать его указом, предписывающим ему явиться в установленный срок, чтобы канонически очиститься от указанной ошибки, при том понимании, что если он не явится или, явившись, не сможет оправдаться, он будет считаться осужденным, и инквизиторы будут действовать так, как предписано законом.

Инквизиторы, будучи образованными и разборчивыми, выберут курс, который кажется наиболее надежным и наиболее практичным при конкретных обстоятельствах дела.

Любой человек, осужденный за непокорность, становился преступником, убить которого было законно любому мужчине.

Каноническое Очищение, о котором упоминается в этой статье, значительно отличается от Отречения, и разницу необходимо указать.

Это применимо только к тем, кого обвиняет общественность — *т.е.* Кто приобрел “репутацию” ереси — еще не будучи уличенным в каком-либо действии или речи, которые могли бы вызвать у них подозрение в ереси любой из определенных степеней такого подозрения.

Это почти равносильно различию без различий и является прекрасным примером почти натужной справедливости, с которой этот трибунал относился к деталям, в то же время грубо нарушая справедливость в основных вопросах.

Для канонического очищения, говорит Эймерик,⁹⁰ обвиняемый должен найти определенное количество поручителей или *компургаторов*, требуемое количество определяется тяжестью (предполагаемого) преступления. Они должны быть честными людьми того же жизненного положения, что и обвиняемый, с которым они должны были быть знакомы в течение нескольких лет. Обвиняемый должен поклясться на Евангелиях, что он никогда не придерживался заявленных ересей и не учил им, а *компургаторы* должны поклясться в своей вере, что это правда. Это Очищение должно быть произведено во всех городах, где обвиняемый был опорочен.

Обвиняемому дается определенное время, чтобы найти своих *товарищей*, и если он не найдет требуемого количества, он должен быть немедленно осужден как еретик.

И Пегна добавляет в своем комментарии к этому, что любой, кто будет признан виновным в ереси после того, как однажды побывал в таком положении, должен рассматриваться как “рецидивист” и передаваться в руки светских властей. По этой причине он предписывает, чтобы Каноническое Очищение не назначалось легкомысленно, поскольку оно в значительной степени зависит от воли третьих сторон.

Далее Эймерик добавляет, что иногда Каноническое Очищение может быть предписано тем, кто опорочен общественным мнением, но кто не находится в руках инквизиторов. Если они откажутся сдаться, инквизиторы должны будут отлучить их от церкви, и если они будут настаивать на своем отлучении в течение одного года, они будут считаться еретиками и понесут наказание, предусмотренное таким приговором.

Статья XX

Если какие—либо труды или судебные процессы выявят ересь умершего, пусть против него будет возбуждено дело — даже если с момента совершения преступления пройдет сорок лет, - пусть налоговый орган обвинит его в суде, и, если он будет признан виновным, тело должно быть эксгумировано.

Его дети или наследники могут явиться защищать его; но если они не явятся или, явившись, не смогут доказать его невиновность, ему будет вынесен приговор, а его имущество конфисковано.

Конечно, будет очевидно, что, поскольку возбуждение дела против умерших не могло послужить никакой благой или полезной цели, ничто, кроме алчности, не могло вдохновить на столь варварский указ, как этот. Общепризнанной целью инквизиции — и очень громко и настойчиво провозглашаемой — было искоренение ересей, чтобы предотвратить их распространение, и инквизиторы утверждали, что это была болезненная необходимость, навязанная им их долгом перед Богом - уничтожать тех, кто упорствовал в ереси, чтобы они своим учением и примером не осквернили и не подвергли опасности души других. Таким образом, инквизиция оправдала себя и устранила все сомнения относительно чистоты своих мотивов.

Но как это оправдание должно применяться к суду над мертвыми — даже при том, что они должны были быть мертвы более сорока лет?

Это положение, однако, не принадлежало Торквемаде. Он пошел по стопам более ранних инквизиторов. Он нашел свой прецедент в 120—м вопросе, предложенном Эймериком, - “Конфискация имущества после смерти”. В этом автор “Директории” утверждает, что, хотя в гражданском праве судебное преследование преступника прекращается с его смертью, такого не должно быть, когда речь идет о ереси, из-за чудовищности преступления. (Может показаться, что, будь он предельно честен, он бы сказал: “из-за прибыли, которая может быть получена от судебного преследования”).)

Еретики, которых он преследует, могут быть привлечены к ответственности после их смерти, и, в случае признания их виновными, их имущество может быть конфисковано — и это в течение сорока лет после их смерти, — лишая наследников всякого пользования им, даже если им должно владеть третье поколение.

Все, что сделал Торквемада, - это продлил срок процедуры сверх сорока лет, которыми ограничил его Эймерик.

И к вышесказанному Эймерик добавляет, что, если наследникам когда-либо станет известно, что покойный был еретиком, они будут осуждены за то, что действовали недобросовестно и держали дело в секрете! Этим он фактически побуждает людей добровольно выступить и обвинить своих умерших отцов или дедов в еретических практиках, в результате чего они сами могут оказаться обездоленными и позорными до такой степени, что будут лишены возможности занимать какие-либо государственные должности или заниматься какой—либо почетной профессией - и это при том, что они сами должны быть самыми верными католиками, не затронутыми ни малейшим дуновением подозрения!

Это неописуемо чудовищный и несправедливый акт. И все же, как и все остальное, они могут его оправдать. Если и есть что-то, в чем инквизиторы были действительно достойны восхищения, так это ловкость, с которой они могли оправдать и примирить со своей совестью самую бесчеловечную практику. Они отвечали на вопросы о законности этого действия, настаивая, что сделали это с величайшей неохотой, но что их долг до конца требовал, чтобы живые остерегались того, что они потерпели неудачу в верности Вере, чтобы наказание не постигло их в их потомках после того, как они сами уйдут за пределы досягаемости человеческого правосудия. Таким образом, они представляли бы этот акт как благотворный и приносящий пользу Вере. И поскольку в этом есть хотя бы крупица правды, кто скажет, что они не успокоили свою совесть и не обманули себя, что конфискации были простым инцидентом, который никоим образом не повлиял на их суждения?

О том, что судебные разбирательства в отношении умерших лиц ни в коем случае не были редкостью, свидетельствуют частые записи о сожжении трупов — одна из целей, с которой они были эксгумированы; другая заключается в том, что они должны прекратить осквернять освященную землю.

Статья XXI

Монархи, желающие, чтобы инквизиция была установлена одинаково как во владениях знати, так и в землях, подвластных короне, инквизиторы приступят к их осуществлению и потребуют от лордов таких владений принести клятву соблюдать все, что предписывает закон, и оказывать инквизиторам всяческую помощь. Если они откажутся это сделать, к ним будут применены меры в соответствии с законом.

Статья XXII

Если еретики, переданные в руки светской власти, оставят несовершеннолетних детей, не состоящих в браке, инквизиторы должны обеспечить и рукоположить, чтобы о них заботились и их воспитывали некоторые люди, которые будут наставлять их в нашей Святой Вере. Инквизиторы должны подготовить мемориал о таких сиротах и обстоятельствах каждого из них, с тем чтобы из королевской милостыни можно было получать милостыню в необходимом объеме, таково желание монархов, когда дети становятся добрыми христианами, особенно в случае девочек, которые должны получить приданое, достаточное для того, чтобы они могли выйти замуж или поступить в монастырь.

Льоренте говорит нам, что, хотя он просмотрел очень много записей о старых процессах инквизиции, ни в одном случае он не обнаружил записи о каком-либо подобном положении в пользу ребенка осужденного еретика.⁹¹

Какими бы суровыми ни были постановления инквизиции во всем, ни в чем они не были столь суровыми, как в постановлениях, касающихся детей еретиков. Какими бы невиновными они ни были в ереси, за которую могли пострадать их родители, бабушки и дедушки, они не только должны остаться без средств к существованию, но, кроме того, им необходимо помешать когда-либо в значительной степени выйти из этого состояния, будучи лишенными — до второго поколения — возможности занимать какие-либо должности при короне или получать какие-либо церковные пособия, а также заниматься какой-либо почетной или прибыльной профессией. И, как будто этого было недостаточно само по себе, они были также обречены носить внешние признаки бесчестия, ходить одетыми в саржу, без оружия или украшений, и никогда не ездить верхом под страхом того, что с ними случится еще худшее. Одним из неизбежных результатов этого варварского указа стало исчезновение многих добропорядочных испанских семей еврейской крови в последнее десятилетие пятнадцатого века.

Это инквизиторы понимали как буквальное применение к практической жизни кротких и милосердных заповедей сладостного Христа, во имя которого они действовали.

Эймерик и его комментатор Пегна четко излагают инквизиторскую точку зрения. Автор “Директории” говорит нам, что сочувствие к детям еретиков, опустившихся до нищенства, не должно смягчать эту суровость, поскольку по всем законам, человеческим и божественным, предписано, чтобы дети страдали за грехи отцов.⁹²

Схолиаст подробно разъясняет справедливость этой меры. Он говорит, что были авторы, такие как Hostiensis, которые утверждают, что в этом нет справедливости древних законов, допускавших детей-католиков к наследованию. Но он уверяет нас, что они неправы, придерживаясь таких взглядов, что в этом положении нет несправедливости и что оно благотворно, поскольку страх перед ним рассчитан на то, чтобы повлиять на родителей и отвратить их — из любви к своим отпрыскам — от великого преступления ереси.

Умам, менее затуманенным фанатизмом, должно было быть ясно, что этим, как, впрочем, и многими другими их указами, все, чего удалось добиться, - это сделать ставку на лицемерие.

Еще одно соображение, которое ускользнуло от их внимания — поскольку они были способны воспринимать только одно за раз, — заключалось в том, что если бы эта драгоценная мера была предписана всеми законами, человеческими и божественными, она должна была быть неизбежной. Тем не менее, они сами предоставили средства избежать этого — как мы знаем - ребенку, достаточно подлому, чтобы рассказать о ереси своих родителей. По каким законам, человеческим или божественным, они осмелились поощрять такое бесчестие? Ни по какому закону, кроме их собственного — закона, главной целью которого, что очевидно на каждом шагу, было увеличение числа обвинительных приговоров.

Какого мнения придерживались о детях, которые доносили на своих родителей, чтобы предотвратить ужасную участь, ожидавшую их в случае, если ересь их родителей будет раскрыта другими, видно на примере дочери Диего де Сусана, которой, вполне возможно, двигали именно такие мотивы.

Статья XXIII

Если какой-либо еретик или вероотступник, примирившийся в течение срока отсрочки, будет освобожден их Высочествами от наказания в виде конфискации его имущества, следует понимать, что такое освобождение распространяется только на то имущество, которое было утрачено ими по их собственному греху. Оно не распространяется на имущество, которое примиренное лицо имеет право унаследовать от другого лица, подвергшегося конфискации. Это к тому, что человек, помилованный таким образом, должен быть не в лучшем положении, чем чистокровный католик-наследник.

Статья XXIV

Поскольку король и Королева в своем милосердии постановили, что христианские рабы еретиков должны быть освобождены, и даже когда еретик примирится и не будет подвергнут конфискации, этот иммунитет не будет распространяться на его рабов; они должны быть освобождены в любом случае, к вящей чести и славе нашей Святой Веры.

Статья XXV

Инквизиторы, ассессоры и другие должностные лица инквизиции, такие как финансовые адвокаты, констебли, нотариусы и приставы, должны воздерживаться от получения подарков от любого, кто может иметь или собирается иметь дела с инквизицией, или от других лиц от их имени; и отец-приор Святого Креста приказывает им не получать никаких таких подарков под страхом отлучения от церкви, лишения должности при инквизиции и принуждения возместить ущерб в размере, вдвое превышающем стоимость того, что они могли получить.

“Директориум” Эймерика разрешал инквизиторам получать подарки при условии, что эти дары не были слишком значительными, но он предписывал инквизиторам не проявлять чрезмерной алчности — не из-за греха, который таится в алчности, а для того, чтобы не вызвать скандала среди мирян.⁹³

Статья XXVI

Инквизиторы должны стремиться к гармоничной совместной работе; этого требует честь занимаемой ими должности, и разногласия между ними могут вызвать неудобства. Если какой-либо инквизитор будет действовать вместо ординария епархии, пусть он по этой причине не предполагает, что он пользуется превосходством над своими коллегами. Если между инквизиторами возникнут какие-либо разногласия и они сами не смогут их уладить, пусть они держат это дело в секрете до тех пор, пока не смогут изложить его настоятелю Святого Креста, который, как их начальник, решит это так, как сочтет нужным.

Статья XXVII

Инквизиторы должны стремиться к тому, чтобы их офицеры хорошо относились друг к другу и жили в гармонии и почете. Если какой-либо офицер допустит превышение полномочий, пусть они накажут его милосердно, а если они не смогут заставить офицера выполнять свои обязанности, пусть они сообщат об этом приору Святого Креста, и он немедленно лишит

такого сотрудника его должности и назначит такое назначение, которое может показаться наилучшим для служения Нашему Господу и их Высочествам.

Статья XXVIII

В случае возникновения какого-либо дела, не предусмотренного настоящим кодексом, инквизиторы должны действовать так, как предписано законом, и им остается распорядиться так, как подсказывает им их совесть, наилучшим образом для служения Богу и их Высочествам.

К этим двадцати восьми статьям Торквемада должен был внести дополнительные дополнения — в январе следующего года, в октябре 1488-го и в мае 1498-го. Мы укажем на них, но на данный момент достаточно сказать, что — за исключением некоторых из них 1498 года — они имеют второстепенное значение, являясь в основном следствием тех, с которыми мы имели дело, и в основном касаются внутреннего управления инквизицией, а не ее отношений с внешним миром.

ГЛАВА XI ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯЩЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ—ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА

Невозможно составить полное представление о юриспруденции Священной Канцелярии, не взглянув на работу этого трибунала и не понаблюдав за методами, которыми он руководствовался в своих отношениях с теми, кому были предъявлены обвинения.

Его масштабы уже были рассмотрены, а также преступления, которые подпадали под его безжалостную юрисдикцию на момент назначения Торквемады на могущественную должность великого инквизитора и президента Супремы. Остается добавить, что в своих попытках раскинуть еще более широкую сеть он стремился расширить юрисдикцию инквизиции за пределы вопросов, непосредственно связанных с Верой, и включить в нее определенные преступления, связь которых с ней была только конструктивной.

Удалось ли ему в полной мере достичь своих целей, мы не знаем. Но мы точно знаем, что он добился того, чтобы двоеженство стало предметом заботы Святой Канцелярии, утверждая, что это в первую очередь преступление против законов Божьих и осквернение Таинства брака. Прелюбодеяние, которое в не меньшей степени является преступлением против этого таинства и которое не наказуемо гражданским законодательством, он обошел стороной; но он ухитрился, чтобы содомия впервые попала под юрисдикцию инквизиции и чтобы осужденные за это были сожжены заживо.

Сам будучи человеком самого строгого целомудрия, он, должно быть, был разгневан нецеломудрием, столь распространенным среди духовенства. Однако справиться с этим без специального разрешения Рима было выше его сил, и он был бы поистине дерзок, если бы обратился за такой властью к этому вопиющему отцовскому семейству Джованни Баттиста Чибо, который занимал кафедру Святого Петра с титулом папы Иннокентия VIII.

Наиболее скандальной формой этой распущенности было то, что известно как “домогательство” — *solicitatio ad turpia* — или злоупотребление исповедью с целью соблазнения кающихся женщин. Это был вопрос, который сильно раздражал Церковь как организацию,

поскольку давал страшное оружие в руки ее врагов и недоброжелателей. По общему признанию, это было безудержно, и более чем вероятно, что это было непосредственно связано с введением в действие в шестнадцатом веке исповедальни, которая эффективно отделяла исповедника от кающегося и позволяла им общаться через решетку.

Этот вопрос, как и все другие правонарушения духовенства, находился полностью в юрисдикции епископов, которые решительно воспротивились бы любым попыткам Торквемады еще больше вторгнуться в их провинцию. Таким образом, Церкви было предоставлено бороться с этим злом изо всех сил; и, за исключением странного епископа, который занял суровую позицию и поступил с этим так, как подобало его собственному достоинству и чести священства, похоже, преобладала крайняя снисходительность,⁹⁴ насколько мы можем судить по епитимьям, налагаемым на осужденных преступников.

Опасности и искушения, которым подвергался священник в ходе интимного общения, которое должно было происходить между ним и его кающимися, были полностью признаны и имели вес на весах против самого преступления.

Позже, однако, этот вопрос, который Торквемада считал неподвластным себе, был фактически передан в юрисдикцию инквизиции Церковью, которая ради самого своего существования решила, что зло должно прекратиться.

Каким бы досадным ни было это преступление “домогательства”, оно приобрело наиболее острый и опасный характер после Реформации, когда предоставило тем, кто осуждал исповедь, явно неопровержимую причину для своих обвинений. Было мудро сочтено, что методы Святой Канцелярии лучше всего подходят для решения этой проблемы, и этот вопрос был передан инквизиторам. Осквернение причастия было связующим звеном, соединявшим домогательство с ересью. Более того, в некоторых случаях могла иметь место ересь более позитивного толка; как, например, когда священник заверял кающуюся, что ее согласие не является грехом. И женщину, обвиняющую священника в домогательствах перед Святой канцелярией, всегда тщательно допрашивали по этому конкретному пункту.

В более поздних изданиях “Cartilla”, или Руководства для руководства инквизиторами, — все эти публикации были выпущены частной прессой инквизиции — под заголовком “Causas de Solicitud” содержатся инструкции по допросу женщины, которая доносит на священника на этих основаниях.⁹⁵

Однако даже в этом случае выставлять напоказ этих нарушителей и таким образом обнажать больные места на ее собственном теле было бы не в интересах Церкви.

Лимборх настаивает на том, чтобы правонарушителей отправляли на галеры или даже передавали в руки светских властей. Но для этого — как указывает Льоренте, было бы необходимо включить их в Аутодафе, о котором не могло быть и речи из-за скандала, который должен был разразиться ввиду характера правонарушения. Это совершенно верно, и никто не может сомневаться в желательности избежать огласки подобного дела или предполагать, что Церковь в малейшей степени заслуживает порицания за такой поступок. В то же время, какими бы оправданными мы ни считали эту секретность, почти невозможно оправдать мягкость вынесенных приговоров. Прежде всего удивительно, что обычное наказание даже не дошло до того, чтобы лишить этих преступников сана. Инквизиторы ограничились лишением

осужденного священника права выслушивать исповеди в будущем и наложили епитимью в виде нескольких лет пребывания в уединении монастыря.

Однако возможно, что это наказание было более суровым, чем может показаться на первый взгляд. Ибо — к их чести надо сказать — завсегдатаи, в монастырь которых был отправлен покаянный священнослужитель, заверили, что эта епитимья не должна быть легкой.

Это выясняется в ходе расследования дела, подробности которого Льоренте приводит из найденных им записей.⁹⁶

Это дело брата-капуцина, судимого в восемнадцатом веке великим инквизитором Рубином де Севальосом; и как по качеству и масштабам преступления, так и по нагло изобретательной защите, выдвинутой монахом, протокол читается как одна из наименее поддающихся переводу историй из “Декамерона” Боккаччо. Он был приговорен к пяти годам затворничества в монастыре своего ордена; и этот приговор настолько ужаснул капуцина, что он умолял инквизиторов о милости и позволении отбывать наказание в одной из темниц инквизиции. На вопрос о причинах его просьбы, которая звучала столь необычно, он возразил, что слишком хорошо знает, какое бремя его братья обычно возлагают на монаха, подвергшегося епитимье, как и он.

Его ходатайство было отклонено, Великий инквизитор отказался изменить приговор; и Льоренте добавляет, что капуцин умер три года спустя в монастыре, в который его отправили.

О том, насколько широко распространялась преступность, когда уголовное преследование было поручено инквизиции, можно судить по статистике, приведенной Х. К. Ли.⁹⁷ Из них следует, что только в городе Толедо за первые тридцать пять лет, когда дело находилось в руках Святой Канцелярии, было вынесено пятьдесят два приговора священникам, признанным виновными в “домогательствах”, и не следует предполагать, как очень проникательно замечает Ли, что возбуждение дел ожидалось более чем в половине имевших место случаев или что более чем в половине случаев, когда дело находилось в ведении Святой Канцелярии. часть этих обвинений могла привести к обвинительному приговору, поскольку, чтобы максимально предотвратить скандал, не предпринималось никаких действий, за исключением случаев, когда признаки вины были очень явными.

Эта точка зрения, безусловно, подтверждается предписанием об осторожности и другими инструкциями в Руководстве под заголовком “Причины обращения”, которые уже цитировались.

Наконец, по этому поводу статистика Льоренте показывает, что преступниками были в основном монахи; доля осужденных светских священников составляла всего одного из десяти. Это, однако, не означает большего целомудрия со стороны светских священников. Льоренте предлагает очевидное объяснение — объяснение слишком очевидное, чтобы нуждаться в повторении здесь.⁹⁸

Еще одним преступлением, которое позже было добавлено к тем, которые подпадали под юрисдикцию Святой канцелярии, было ростовщичество. Но во времена Торквемады ни это, ни вымогательство не могли быть предметом заботы инквизиции.

В своих процедурных методах трибунал Святой Канцелярии под ревностным руководством приора Святого Креста строго следовал принципам, изложенным Эймериком. Действительно, в “*Cartilla*”, или “Руководстве”, которое было выпущено позже для использования инквизиторами, — которого сегодня существует несколько изданий, - эти правила, целиком взятые из “*Directorium*”, были включены в качестве дополнения к кодексу, обнародованному Торквемадой, состоящему из уже рассмотренных статей и других, которые будут добавлены позже.

Эти методы мы сейчас и рассмотрим.

Обвиняемый предстал перед трибуналом, заседавшим в зале для аудиенций Святой Канцелярии, или Святом Доме (*Casa Santa*), как стали называть помещения инквизиции.

Суд состоял по крайней мере из одного из инквизиторов, делегированных Торквемадой, ординария епархии, финансового адвоката и нотариуса для расследования всего, что могло выясниться. Они сидели вокруг стола, на котором между двумя свечами стояло высокое распятие и Евангелие, на котором обвиняемый должен был принести присягу.

Во время принесения присяги у заключенного спрашивали его имя, место рождения, сведения о его семье и епархии, в которой он проживал. Затем его невнятно спросили, слышал ли он разговоры о подобных делах, подобных тем, по которым его обвиняли.⁹⁹

Пегна предостерегает инквизиторов от излишней точности в своих вопросах, чтобы они не подсказывали ответы обвиняемому.¹⁰⁰ Другой причиной такой расплывчатости было то, что при точном допросе обвиняемый мог в своих ответах ограничиться содержанием этих вопросов, в то время как там, где расследование проводилось в расплывчатых, общих выражениях, он мог в своем ответе выдать вопросы или лиц, о которых до сих пор не подозревал.

Очевидно, с той же целью схолиаст предлагает спросить обвиняемого, знает ли он, почему он был арестован, и кого он подозревает в предъявлении ему обвинения; в то время как инквизиторам поручено спросить его, кто его духовник и когда он в последний раз был на исповеди, чтобы немедленно проверить, соблюдает ли он свои католические обязанности. Ответ того, кто был тайным вероотступником или даже пренебрегал соблюдением своих религиозных обязанностей в соответствии с предписаниями, обязательно должен быть чрезвычайно компрометирующим. Это оправдало бы яростное подозрение в ереси против него, которое уже рассматривалось, вместе с его последствиями.

Далее Пегна призывает инквизиторов быть осторожными, чтобы они не предоставляли обвиняемым никаких средств уклониться от их вопросов, и не поддаваться на уговоры или слезы, поскольку еретики, по его заверениям, чрезвычайно хитры в сокрытии своих ошибок.

Эймерик перечисляет десять различных методов, используемых еретиками для обмана инквизиторов. Все это не имеет никакого реального значения и ни в малейшей степени не убеждает нас в том, что какие-либо подобные уловки действительно использовались. Они,

очевидно, основаны на близком знакомстве с коварством священников, а не на каком-либо опыте коварства настоящих еретиков. Короче говоря, можно сказать, что это как раз те уловки, к которым могли бы прибегнуть сами инквизиторы, если бы они обнаружили, что все обернулось против них самих и еретика, восседающего на троне правосудия.

Он призывает инквизиторов отвечать хитростью на хитрость: “*ut clavus clavo retundatur*”. Он оправдывает обращение к лицемерию и даже ко лжи, говоря инквизиторам, что таким образом они смогут сказать: “*Cum essem astutus dolo vos capi*”, а к десяти методам уклонения, которые, как он утверждает, приняты еретиками, он призывает их отцов выступить против десяти определенных правил, с помощью которых их ловят и заманивают в ловушку.

Эти правила и комментарии Пеньи к ним заслуживают внимания из-за того, что они дают нам представление о средневековом церковном мышлении.

Повторные допросы должны вынудить обвиняемого дать четкие ответы на заданные вопросы.

Если обвиняемый еретик твердо решил не признавать своей вины, инквизитор должен обращаться к нему с большой любезностью (*blande et mansuete*), давая ему понять, что суду все уже известно, говоря следующим образом:

“Послушайте теперь, мне жаль вас, которые так заблуждаются в своей доверчивости и чья душа теряется; вы виноваты, но еще большая вина лежит на том, кто наставил вас в этих вещах. Поэтому не бери на себя чужой грех и не выставляй себя мастером в делах, в которых ты был не более чем учеником. Признайтесь мне правду, потому что, как вы видите, я уже знаю все это дело. И чтобы вы не потеряли свою репутацию, и чтобы я мог вскоре освободить и простить вас, и вы могли отправиться своей дорогой домой, скажите мне, кто ввел вас — вас, не знавшего зла, — в эту ошибку”.

Такими же добрыми словами (*bona verba*), всегда невозмутимо (*sine turbatione*) позвольте инквизитору продолжить, предполагая, что главный факт верен, и ограничивая свои вопросы обстоятельствами.

Пегна добавляет еще одну формулу, которую, по его словам, использовал о. Ивонет. Таким образом:

“Не бойся исповедоваться во всем. Ты, наверное, думал, что они были хорошими людьми, которые научили тебя тому-то и тому-то; ты охотно прислушивался к их мнению и т.д.... Вы вели себя с доверчивой простотой по отношению к людям, которых вы считали добрыми и о которых не знали зла. Вполне может случиться, что гораздо более мудрые люди, чем вы, так ошибутся”.¹⁰¹

Так негодяй был склонен к предательству самого себя, обласканный бархатной перчаткой, которая скрывала железную руку внутри.

В случае еретика, против которого свидетели не представили материалов для полного осуждения, пусть он предстает перед инквизитором, и пусть инквизитор допрашивает его наугад. Когда обвиняемый будет отрицать что-либо (*quando negat hoc vel illud*), что ему было предъявлено, пусть инквизитор возьмет протоколы предыдущих допросов, перевернет их и скажет:

“Ясно, что вы скрываете правду; перестаньте притворяться”.

Таким образом, обвиняемый может предполагать, что он признан виновным и что протокол является доказательством против него.

Или пусть инквизитор подержит в руке документ, и когда обвиняемый будет все отрицать, пусть он изобразит удивление и воскликнет:

“Как ты можешь отрицать это? Неужели мне не ясно? Затем он заново прочтет свой документ, внеся изменения, а затем, прочитав еще раз, пусть скажет: “Я был прав! Тогда говорите, раз вы чувствуете, что я знаю”.

Инквизитор должен быть осторожен и не вдаваться в подробности, которые могли бы выдать его невежество обвиняемому. Пусть он придерживается общих положений.

Если обвиняемый упорствует в своем отрицании, инквизитор может сказать ему, что он собирается отправиться в путешествие и что он не знает, когда вернется. Таким образом:

“Послушайте, мне жаль вас, и я хотел, чтобы вы сказали мне правду, потому что я хочу ускорить это дело и вас самих. Но поскольку вы упорно отказываетесь признаться, я должен оставить вас в тюрьме и в кандалах до моего возвращения; и мне очень жаль, потому что я не знаю, когда вернусь”.

Фотография Дональда Макбета.

ТОЛЕДО.

From Colmenar's "Délices d'Espagne."

Если обвиняемый упорствует в отрицании, пусть инквизиторы множат допросы и вопросы; тогда либо обвиняемый сознается, либо (запутавшись) будет противоречить сам себе. Если он будет противоречить самому себе, этого будет достаточно, чтобы подвергнуть его пыткам, чтобы таким образом извлечь правду из его уст. Но к частым допросам следует прибегать только с крайним упрямством, потому что на частые вопросы по одному и тому же вопросу легко получить разные ответы; вряд ли найдется кто-нибудь, кто не был бы удивлен противоречием.

Здесь мы имеем представление о необычайной гибкости инквизиторской совести. Буква закона всегда должна соблюдаться во всех судебных разбирательствах; но его дух должен быть во что бы то ни стало обойден там, где это целесообразно. Перед применением пыток к обвиняемому должны быть выполнены определенные условия, которые в настоящее время подлежат рассмотрению. Одно из них заключалось в том, что при допросе он должен был противоречить самому себе. Это правило они скрупулезно соблюдали; но у них не было никаких угрызений совести по поводу того, что они могли добиться необходимого условия хитростью - заставить обвиняемого противоречить самому себе повторными вопросами по одному и тому же предмету. И сам Эймерик признает, что вряд ли кто-то смог бы избежать разночтений в своих ответах при таком тестировании.

Может быть, нелицеприятно предполагать, что последний абзац этого правила задуман как подсказка, а не как предупреждение, за которое он себя выдает. Но это подозрение, которое дальнейшее рассмотрение инквизиторской совести должно пробудить в каждом вдумчивом уме. Действовать таким образом - это так во многом соответствует необычному отношению инквизиторов к букве закона.

Если обвиняемый все еще упорствует в отрицании, инквизитор должен теперь смягчить свое поведение; пусть он позаботится о том, чтобы заключенного лучше кормили, и чтобы достойные люди посетили его и завоевали его доверие; затем они посоветуют ему признаться, пообещают, что инквизитор простит его (*faciet sibi gratiam*), и что они сами выступят посредниками.

Сам инквизитор может в конце концов зайти так далеко, что присоединиться к ним и пообещать даровать милость (*то есть* помилование) обвиняемому и фактически даровать ему эту милость, поскольку все, что совершается при обращении еретиков, есть милость; епитимьи сами по себе являются милостями и средствами правовой защиты. Когда обвиняемый, признавшись в своем преступлении, потребует обещанной “милости”, пусть ему ответят в общих чертах, что он получит даже больше, чем мог бы просить, чтобы вся правда была раскрыта и еретик обращен¹⁰² — “и его душа, по крайней мере, спасена”, - добавляет Пеньяма.¹⁰³

Чтобы полностью оценить намеренное двуличие, применяемое здесь, необходимо принять во внимание двойное или даже тройное значение термина *grace* — “грация”, используемого Эймериком и имеющего в испанском языке (*т.е.* его эквивалент “*gracia*”) точно такие же значения, как и в латыни.

Хотя английский термин “благодать” и не так широко используется в этих различных значениях, он также может означать (а) прерогативу милосердия, осуществляемую как полное прощение, (b) ту же прерогативу, используемую для облегчения части понесенного наказания, или (c) состояние принятия Богом.

Обвиняемого намеренно заставили предположить, что “*gratia*” использовалась в смысле полного прощения. Инквизитору оставалось успокоить свою совесть в связи с этим *ложным внушением*, предпочтя букву духу своего обещания; он должен был разъяснить обвиняемому, что под “благодатью” подразумевается не более чем смягчение части понесенного наказания (обычно незначительное), или даже что все, что он имел в виду, это благодать божественного благоволения, в которую войдет его душа — чтобы, по крайней мере, ее можно было спасти, как объясняет Пегна.

У Пегны есть еще много чего сказать на ту же тему, и все это чрезвычайно интересно.

Он задает вопросы: “Может ли инквизитор использовать эту уловку, чтобы узнать правду? Если он дает такое обещание, разве он не обязан его сдержать?” Под этим последним вопросом он, конечно, имеет в виду обещание помиловать, которое, как было дано понять заключенному, было дано ему самому.

Далее он сообщает нам, что доктор Кухалон разрешил первый из этих вопросов, одоблив использование сокрытия, обосновав это примером Соломонова решения между матерями.

Действительно кажется, что нет ничего, что теологи не могли бы оправдать путем инверсии, ниспровержения или извращения какого-либо прецедента (более или менее апокрифического самого по себе) в своих целях.

Сам схолиаст согласен с преподобным доктором и считает, что, хотя юристы могут не одобрять такие методы в гражданских судах, их вполне уместно использовать в судах Святой Канцелярии; объясняя это тем, что инквизитор обладает более широкими полномочиями, чем гражданский судья [что кажется необычной причиной для оправдания его злоупотребления ими].

Таким образом, Пегна продолжает в этом поучительном трактате о применении лицемерия: при условии, что инквизитор не обещает преступнику абсолютной безнаказанности, он всегда может пообещать ему “милость” (что преступником понимается как “абсолютная безнаказанность”) и сдержать свое обещание, несколько уменьшив *канонические* страдания, которые зависят от него самого.

На практике это означало бы, что еретика, подвергшемуся сожжению, может быть обещано прощение, если он сознается в грехах, в которых его необходимо уличить, прежде чем он сможет быть сожжен. И когда, признавшись и предав себя в руки инквизитора, он просит о помиловании, он должен быть удовлетворен ответом, что под помилованием подразумевалось прощение его грехов — отпущение грехов, чтобы его душа могла быть спасена, когда они сожгут его тело.

Что касается второго вопроса, поставленного схолиастом — “Если инквизитор дает такое обещание, не обязан ли он его сдержать?” — то он отвечает на него, говоря нам, что многие теологи не считают, что со стороны инквизитора существует какое-либо подобное обязательство. Такое отношение они объясняют тем, что настаивают на том, что такой обман полезен и служит общественному благу; и, далее, что если законно добывать правду с помощью пыток, то, несомненно, гораздо правомернее добиваться этого путем сокрытия — *verbis fictis*.

Насколько мы понимаем, это общее, но ни в коем случае не универсальное мнение. Есть некоторые авторы, которые выступают против него. И теперь схолиаст становится еще более необычным. Услышь его:

“Эти два расходящихся мнения можно примирить, приняв во внимание, что какие бы обещания ни давали инквизиторы, их не следует понимать как применимые к чему—либо, кроме наказаний, строгость которых инквизиция имеет право уменьшить, а именно к каноническим епитимьям, а не к тем, которые предписаны законом”.

Он пишет это, зная, что заключенный понимает эти обещания как нечто совершенно иное — что от заключенного хотят, чтобы он так их понял, заставляют так их понимать.

В честности рассуждений Пегны сомневаться не приходится. Он не является апологетом Священной Канцелярии, пишущим для мира в целом и поневоле использующим плохие аргументы, потому что он должен использовать лучшее из единственно доступных, даже если его могут заподозрить в недобросовестности. Он пишет, как наставник, для частного детектива инквизитора. Следовательно, мы можем только заключить, что эти образованные казуисты, которые погружаются в такие глубины мысли и следуют таким запутанным путям рассуждений, совершенно не смогли осознать элементарный моральный факт, что ложь заключается не в произнесенном слове, а в переданной идее.

“Каким бы незначительным, - продолжает он, шлифуя эту жемчужину казуистики, - ни было прощение, дарованное инквизитором, его всегда будет достаточно для выполнения его обещания”.

Вы же видите, какой он приверженец буквы закона. Вы увидите гораздо больше подобных вещей, прежде чем мы пойдем гораздо дальше.

Но тут схолиаст начинает трудиться. Его совесть шевелится; возможно, луч сомнения проникает в его мрачную уверенность в том, что правильное - это неправильно, а неправильное - это правильно. И вот, как нам представляется, чтобы утихомирить эти тревожные волнения, приводится последний абзац на эту тему:

“Однако, для большей безопасности совести, инквизиторы не должны давать никаких обещаний, кроме самых общих, и никогда не обещают больше, чем они могут выполнить”.¹⁰⁴

Есть еще одна уловка Эймерика для борьбы с коварством упрямых еретиков:

Пусть инквизитор найдет сообщника обвиняемого или же человека, уважаемого последним и пользующегося доверием инквизитора, и попросит его часто беседовать с обвиняемым и выведать у него его тайну. Если необходимо, пусть этот человек притворится, что принадлежит к той же еретической секте, что отрекся от нее из страха и заявил обо всем инквизитору.

Затем однажды вечером, когда обвиняемый войдет в доверие к этому посетителю, пусть последний останется до тех пор, пока не сможет сказать, что возвращаться домой уже слишком поздно и что он проведет ночь в тюрьме. Пусть будут подобраны подходящие лица, чтобы

слышать разговор обвиняемого, и, если возможно, нотариус, чтобы записать признания еретика, которого шпион теперь должен заставить рассказать обо всем, что он сделал.

По этому поводу Пегна морализирует¹⁰⁵ в пользу шпиона, указывая, как последний может выполнять свою очень грязную задачу, не вовлекаясь во ложь и ни в малейшей степени не пороча тонкую, чувствительную душу, которая, как мы естественно предполагаем, должна его вдохновлять.

“Следует отметить, что шпион, имитирующий дружбу и стремящийся вытянуть из обвиняемого признание в своем преступлении, вполне может притвориться членом секты обвиняемого, но” [обратите внимание на предупреждение] “он не должен этого говорить, потому что, сказав это, он, по крайней мере, совершил бы простительный грех, а мы знаем, что таковой не должен совершаться ни на каких основаниях”.

Таким образом, схолиаст. Он совершенно ясно дает понять, что человек может симулировать дружбу к другому с целью предать этого другого на верную смерть; что для большей уверенности в этом предательстве он может даже притворяться, что придерживается тех же религиозных убеждений; все это он может делать и при этом не совершать греха — даже простительного греха — до тех пор, пока он на самом деле не облакает свое притворство в слова. Какое значение придает словам казуист!

Это как раз такой аргумент, который Каиафа мог бы привести Иуде Искароту однажды вечером в Иерусалиме.

Апологеты Святой Канцелярии лелеют тезис о том, что в своих судебных разбирательствах она делала ни больше, ни меньше того, что в свое время делалось в гражданских судах; что если ее методы были варварскими — если они шокируют нас сейчас, — мы должны помнить, что это были совершенно обычные судебные методы своего времени.

Но в пятнадцатом веке в Европе не было светского суда — каким бы пропитанным это столетие ни было лицемерием и недобросовестностью, — который не пренебрег бы такими бесчестными методами, как эти, признанной, регулярной и неотъемлемой частью своей процедуры.

Сам Пегна раскрывает этот факт, когда считает необходимым дополнительно обосновать эту практику именно потому, что она не использовалась в гражданских судах:

“Возможно, авторитет Аристотеля, который из лона язычества осуждал всякое лицемерие, может быть противопоставлен нам, так же как и авторитет юристов, которые не одобряют уловки, которыми судьи могут пользоваться для извлечения истины. Но есть две формы хитрости: одна направлена на достижение злой цели, чего нельзя допускать; другая направлена на открытие истины, которую никто не может осудить”.¹⁰⁶

Когда признание было получено, указывает Эймерик, было бы бесполезно предоставлять преступнику защиту. “Ибо, хотя в гражданских судах признания в совершении преступления недостаточно без доказательств, здесь этого достаточно”. Причина, выдвигаемая для этого, столь же надуманна, как и любая другая в “Директории”: “Ересь является грехом души, исповедь может быть единственным возможным доказательством”.

Там, где адвокату было предоставлено право осуществлять защиту обвиняемого, мы видели в статье XVI “Инструкций” Торквемады, что он был обязан отказаться от такой защиты в тот момент, когда осознал вину своего клиента, поскольку по каноническому праву адвокату было запрещено защищать еретика в любом суде, гражданском или церковном, или по любому другому делу вообще — будь то связанному с ересью или любым другим вопросом.

Что касается свидетелей, то к тому, что уже было сказано в предыдущей главе, следует добавить, что инквизиция, принимая показания любого человека, даже если он должен быть отлучен от церкви или еретиком, до тех пор, пока такие показания были неблагоприятны для обвиняемого, отказывалась допускать свидетелей защиты, которые сами были запятнаны ересью.

Поскольку свидетельствование в защиту лица, обвиняемого в ереси, может привести к тому, что сам свидетель попадет под подозрение, следует понимать, что обвиняемому было нелегко найти свидетелей для защиты.

ГЛАВА XII

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОЙ КАНЦЕЛЯРИИ—МЕСТО МУЧЕНИЙ

Хладнокровные указания Эймерика, как подвести обвиняемого, отказавшегося признаться, к противоречиям, которые должны оправдать применение к нему пыток, уже были рассмотрены.

Инквизиторы не могли прибегать к допросу — так эвфемистически называлась пытка — за исключением определенных обстоятельств, предусмотренных законом; а строгая буква закона, как вы видели и как вы увидите дальше, была неприкосновенна для этих очень утонченных судей.

Этими обстоятельствами, изложенными Эймериком в его “Справочнике”,¹⁰⁷ являются (а) несоответствие ответов обвиняемого по деталям при отрицании основного факта; (б) наличие неполных доказательств его преступления.

Это полупленарное доказательство считается готовящимся -

(а) Когда обвиняемый “слывет” еретиком и против него есть только один свидетель, который может подтвердить, что видел или слышал, как он делал или говорил то, что противоречит вере. (По закону для установления его вины требовались два свидетеля.)

(б) Когда в отсутствие свидетелей есть основания для подозрений в неистовстве.

(с) Когда за обвиняемым нет порочащей “репутации”, закрепленной за ним, но есть один свидетель против него и *основания* для неистовых подозрений — *т.е.* Не фактических подозрений, а указаний на них; подозрение на подозрение, так сказать. Различие самое неуловимо тонкое.

Схолиаст Пегна добавляет в своих комментариях, что такое сочетание “репутации” (или оснований для подозрений) и одного свидетеля не является необходимым для оправдания привлечения обвиняемого к допросу—

(a) Когда к порочной репутации добавляются порочные нравы, которые легко приводят к ереси — таким образом, те, кто неводержан и очень сильно зависим от женщин, убеждают себя, что эта неводержанность сама по себе не является грехом. (Такое мнение, если бы оно было провозглашено, было бы приравнено к ереси, поэтому тот, кто действует так, как если бы он придерживался его, подвергает себя подозрению в ереси.)

(b) Когда обвиняемый, заработавший дурную репутацию, должен скрыться. (Обстоятельства его бегства принимаются как свидетельство нечистой совести.)¹⁰⁸

Эймерик далее предписывает, чтобы вопрос применялся только тогда, когда все другие способы добиться правды окажутся безуспешными, и он рекомендует использовать увещевания, мягкость и уловки, чтобы вытянуть правду из заключенного.¹⁰⁹

Он замечает, что, в конце концов, даже на пытки не всегда можно положиться, чтобы добиться правды. Есть слабые люди, которые при первых пытках сознаются даже в том, чего они не совершали; и есть другие, настолько упрямые и энергичные, что способны переносить величайшие страдания; есть те, кто, уже подвергнувшись пыткам, способны переносить их с большей стойкостью, зная, как приспособиться к ним; и есть еще другие, которые, прибегнув к колдовству, остаются почти нечувствительными к боли и скорее умрут, чем расскажут что-либо.

Эти последние, предупреждает он инквизиторов, используют отрывки из Евангелия, причудливо начертанные на девственном пергаменте, смешивая в них имена неизвестных ангелов, рисунки в виде кругов и магические символы. Эти чары они носят на своих телах.

“Я еще не знаю, - признается он, - какие средства доступны против этого колдовства; но было бы неплохо раздеть и внимательно осмотреть пациента, прежде чем задавать ему вопросы”.

Он рекомендует, чтобы, когда обвиняемый был приговорен к пытке, и пока палачи готовятся к ее применению, инквизитор постоянно стремился побудить обвиняемого к признанию. Мучители должны раздеть его бесцеремонно, но с печальным видом и почти так, как будто беспокоятся за него (*quasi turbati*). Когда его разденут, его следует отвести в сторону и еще раз призвать к исповеди. Ему может быть обещана жизнь при условии, что преступление, в котором он обвиняется, не таково, чтобы повлечь за собой расплату.

Если все окажется тщетным, инквизитор должен перейти к допросу, начав с допроса его по более тривиальным вопросам, в которых его обвиняют, поскольку он, естественно, признает их с большей готовностью (а когда признает, они могут стать ступенями к большему), поскольку нотариус всегда под рукой, чтобы записать все, что его спрашивают, и ответы на них.

Если он будет упорствовать в своем отрицании, ему должны показать новые орудия пыток и заверить, что ему придется подвергнуться им всем, если он не скажет правду.

Если он все еще отрицает, вопрос может быть *продолжен* на второй или третий день, но не повторяется.

И здесь мы снова видим, как они соблюдают букву и грубо нарушают дух закона. пытка не должна повторяться, потому что по закону запрещено допрашивать обвиняемого более одного раза, если за это время не были получены новые доказательства; но это не запрещено продолжать — не запрещено потому, что тем, кто сформулировал этот закон, и в голову не приходило, что будут подняты подобные придирки.

Почти невероятно, что мужчины так жонглируют словами. Но вот сам отрывок:

“Ad continuandum non ad iterandum, quia iterari non debent, nisi novis supervenientibus indiciis, sed continuari non prohibentur.”

Чтобы не подвергаться опасности повторения пытки, они позаботились о том, чтобы приостановить ее, как только пациент был на пределе своих сил, и просто возобновили или продолжили ее два или три дня спустя, чтобы снова приостановить и продолжать так часто, как они сочтут необходимым.

То, что для несчастного пациента могло не иметь значения, описывали ли они процедуру тем или иным глаголом, по-видимому, не имело для них значения. Была разница — важная словесная разница.

По этому поводу апологет Гарсиа Родриго в своей “Вердадерской истории инквизиции” очень смело обращает внимание на кротость судов инквизиции по сравнению с гражданскими трибуналами. Он противопоставляет методы этих двух и, чтобы привести доводы в пользу первого, доказать нам, что те, кто проповедовал евангелие милосердия, знали также, как проявлять милосердие на практике, он говорит нам, довольно неискренне, что в то время как в гражданских судах заключенного могли подвергнуть пытке три раза, в судах инквизиции это не могло быть применено к нему более одного раза — *его правила запрещают повторение*.

Он не считает нужным добавлять, что “Директория”, в которой он обнаружил это правило, указывает, как мы видели, как его можно обойти

Гораздо проще представить дело другой стороне, показать, что светские суды проявляли большее милосердие в отношении пыток. В них, например, дворянин был невосприимчив к пыткам. Не так было в судах инквизиции, которые, без сомнения, исходили из того, что все равны перед Богом. Там не было сделано исключения ни для одного мужчины. И в Арагоне, где пытки никогда не применялись в гражданских процессах, инквизиторы тем не менее прибегали к ним.

Когда обвиняемый выдержит пытки без признания, инквизиторы могут вынести постановление о его освобождении, указав, что после тщательного расследования они не могут найти против него ничего в связи с преступлением, в котором он обвиняется, что, конечно, не является оправдательным приговором, поскольку он может в любое время быть повторно арестован и снова предан суду.

В своих комментариях Пегна сообщает нам,¹¹⁰ что существует пять степеней пыток. Он не упоминает их подробно, говоря, что они достаточно хорошо известны всем. Эти пять степеней приведены в Limborch.¹¹¹

Первые четыре — это не столько пытка, сколько ужас - или ментальная пытка; только в пятой степени это становится физическим. Концепция отличается почти дьявольской изощренностью; и все же мы должны верить, что ее цель была милосердной, поскольку они считали более милосердным мучить и наводить ужас на разум, чем калечить плоть.

Указания Эймерика лежат в основе этого, хотя сам Эймерик не разбивает процедуру на ступени. Это:

- (1) Угроза применения пыток.
- (2) Проводят в камеру пыток и показывают орудия и их функции.
- (3) Раздевание и подготовка к испытанию.
- (4) Укладка и закрепление на двигателе.
- (5) Настоящая пытка.

На самом деле пытки были различных видов, любой из которых инквизитор мог применить так, как он считал наиболее подходящим и эффективным, но Пегна предостерегает его не прибегать к необычным. Схолиаст сообщает нам, что Марсилиус упоминает четырнадцать различных разновидностей и добавляет, что он представлял себе и другие, например, лишение узника сна. В этом он, по-видимому, получил одобрение других авторов, но не Пегны. Даже схолиаст потрясен изобилием изобретений священнослужителей в этой области и признает, что подобные исследования больше подходят палачам, чем теологам.

Следует признать, что в записях нет ничего из того дьявольского изобретения, о котором так широко распространено мнение. Жестокие изощренности инквизиторов были скорее духовными, чем физическими, и мы только что видели осуждение Пеньи инквизитору, который уделял свое внимание изобретению новых и изощренных пыток.

Из имеющихся у нас записей совершенно ясно, что Святая канцелярия, должно быть, довольствовалась уже существующими механизмами или, скорее, ограниченным числом наиболее эффективных. Конечно, были и исключения. Пытка огнем, которая заключалась в поджаривании ступней пациента после смазывания их жиром, по—видимому, применялась в редких случаях; а варварский пример чрезмерной жестокости применялся на большом аутодафе, состоявшемся в Вальядолиде в 1636 году: десяти евреям, осужденным за избиение кнутом распятия, заставили стоять, пригвоздив одну руку к рукояти Андреевского креста, пока им зачитывали смертный приговор.

Однако, как правило, как в пытках, так и в наказаниях инквизиторы избегали новшеств. Для ответа на этот вопрос они обычно прибегали к одному из трех методов: *дыба*; *гарруча*, пытка подъемником, *тратта ди корда* итальянцев; и *эскалера*, или *потро*, пытка лестницей или водой.

Инквизиторы лично присутствовали — как предписал Торквемада — для допроса пациента в сопровождении своего нотариуса, который со всеми подробностями записал отчет о разбирательстве.

Подъемник был самым простым из всех механизмов; он состоял всего лишь из веревки, пропущенной через блок, прикрепленный к потолку камеры пыток.

Запястья пациента были связаны за спиной, и к ним был прикреплен один конец веревки. Затем палачи медленно потянули за другой конец, постепенно поднимая руки пациента за спиной, насколько это было возможно, назад и вверх, и продолжали, пока не поставили его на цыпочки, а затем и вовсе медленно оторвали от земли, так что весь вес его тела пришелся на напрягшиеся руки.

В этот момент его снова допросили и потребовали признаться во всей правде.

Если он отказывался говорить или говорил не с той целью, которой желали его собеседники, его поднимали к потолку, затем позволяли упасть на несколько футов, при этом его падение внезапно останавливалось рывком, который почти выбрасывал его руки из суставов. Снова задавался вопрос, и если он продолжал упрямиться, ему давали еще по капле, и так далее, пока он снова не опускался на землю или пока не признавался. Если он опускался на землю без признания, к его ногам теперь привязывали гири, тем самым увеличивая суровость пыток, которые возобновлялись. И так продолжалось. Отягощения были увеличены, прыжки удлинились — иначе его могли оставить висеть — до тех пор, пока не добьются признания или пока пациент с вывихнутыми плечами не достигнет предела своей выносливости.¹¹²

В последнем случае пытка может быть приостановлена, как мы видели, для продолжения через два-три дня, когда заключенный в достаточной степени оправится.

Нотариус скрупулезно зафиксировал *аудиенцию*— прикрепленные грузы, количество перенесенных подъемов, заданные вопросы и полученные ответы.

Потро, или пытка водой, была более сложной, гораздо более жестокой и, по-видимому, пользовалась большим одобрением Священной канцелярии.

Пациента поместили на короткий узкий механизм в форме лестницы, и он был немного наклонен, так что его голова находилась ниже уровня ног, по причинам, которые вскоре станут очевидны. Теперь его голова была закреплена металлической или кожаной лентой, которая жестко удерживала ее в нужном положении, в то время как его руки и ноги были привязаны к бокам лестницы так крепко, что любое движение с его стороны должно было привести к тому, что веревка вонзится в его плоть.

В дополнение к этим привязкам к его бедрам, ногам и рукам были прикреплены гарроты. Это был отрезок веревки, крепко обвязанный вокруг конечности — в некоторых случаях вокруг всего туловища над руками; между веревкой и плотью вставлялась палка, и при скручивании этой палки образовывался жгут; таким образом вызывалось сначала удушье, затем самая мучительная боль, в то время как, если скручивание продолжалось достаточно долго, веревки проходили через нерв и сухожилия, пока не достигали кости.

Рот пациента теперь был раздут и удерживался железным зубцом, называемым *бостезо*. Его ноздри были заткнуты, а на челюсти наложена длинная льняная лента, которая под тяжестью воды, влившейся в его разинутый рот, проникла глубоко в горло. По этому *току* — так называлась полоса — продолжала медленно стекать вода. Когда эта вода просачивалась через ткань, пациент подвергался всем мукам удушья, тем более жестоким, что инстинкты побуждали

его предпринимать тщетные попытки облегчить свое состояние. Он постоянно прикладывал усилия, чтобы проглотить воду, надеясь таким образом расчистить путь для поступления небольшого количества воздуха в его разрывающиеся легкие. Немного могло бы проникнуть внутрь — ровно столько, чтобы сохранить ему жизнь и сознание, но недостаточно, чтобы смягчить ужасные страдания от удушья, потому что ткань всегда была мокрой и постоянно наполнялась водой.

Время от времени поднимался вопрос о *tosa*, и задыхающемуся негодяю предлагали признаться. Кроме того, чтобы побороть упрямство с его стороны, а также, по—видимому, привести его в чувство, когда он терял сознание, палачи пару раз мучительно затягивали удавки на его — или ее -конечностях; поскольку Святая Канцелярия не делала различий между полами в этих вопросах.

Чтобы предотвратить рвоту, которую может вызвать любая форма пыток, и *потро* в частности, инквизиторы, с их неизменным вниманием к деталям, предусмотрели, что ни одному пациенту не следует давать пищу в течение восьми часов до того, как будет применен вопрос. Нотариус, присутствовавший на этой *аудиенции по пыткам*, был обязан, в дополнение к заданным вопросам и полученным ответам, изложить все подробности применявшейся пытки, и в частности, сколько кувшинов с водой было выпито, что является мерой тяжести испытания. [113](#)

Стеллаж слишком хорошо известен, чтобы нуждаться в описании здесь, поскольку в свое время использовался во всех европейских странах. Каким бы жестоким это ни было, это, возможно, был один из наименее жестоких методов пыток, которые когда-либо применялись.

Закон требовал, чтобы любое признание, полученное под пыткой, впоследствии было подтверждено заключенным. Это было одним из предписаний Альфонсо XI в кодексе Партий. В нем признается, что боль может побудить человека сказать то, что не соответствует действительности, и поэтому он запрещает судам принимать в качестве доказательств то, что может быть заявлено под пытками.

Поэтому в один из трех дней после постановки вопроса — как только, по-видимому, заключенный достаточно оправился, чтобы присутствовать, — его снова привели в зал для аудиенций.

Его признание, составленное нотариусом в письменной форме, было передано ему, и ему было предложено подписать его — акт, необходимый для превращения этого признания в допустимое доказательство. Если бы он подписал, то процесс теперь шел бы быстро и непрерывно до самого конца. Если он отказывался подписывать, отвергая сделанные заявления, инквизиторы действовали в соответствии с принципами, изложенными Торквемадой в статье XV его “Инструкций” по рассмотрению дела.

Пегна предостерегает инквизиторов от преступников, которые симулируют безумие, чтобы избежать пыток. Им не следует, по его словам, медлить с этим, поскольку пытка может быть лучшим средством установления, является ли безумие реальным или симулированным. [114](#)

Наконец, позвольте добавить по поводу этой ужасной темы, что допросу подлежал не только обвиняемый. Свидетель, заподозренный во лжи, или тот, кто впал в противоречия в ходе своих показаний, мог быть подвергнут пыткам *in caput alienum*.¹¹⁵

ГЛАВА XIII

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯЩЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ —СВЕТСКОГО ОРГАНА

Относительно мягкие приговоры, вынесенные тем, кто выступил с заявлением об отречении от ереси, в укрывательстве которой их подозревали, и тем, кто подвергся каноническому очищению, чтобы очистить себя от “дурной репутации”, уже рассматривались.

Остается выяснить, как Святая Канцелярия поступила с *негативос*—*то есть* теми, кто упорствовал в отказе признаться в первом преступлении ереси или вероотступничества после того, как их вина была установлена к удовлетворению суда, — и с *релапос*—*то есть* теми, кто был признан виновным в повторении ошибки после того, как однажды был наказан и помилован.

Преступники любого из этих двух классов должны были быть переданы в руки светских властей — церковный эвфемизм для обозначения смерти на костре. Та же участь ожидала и нераскаявшихся еретиков и непокорных еретичок.

Тот, кто после осуждения достаточным количеством свидетелей упорствовал в отрицании своей вины, должен, по словам Эймерика, быть передан в руки светских властей на том основании, что тот, кто отрицает преступление, которое было доказано против него, очевидно, не раскаялся.¹¹⁶

Нераскаянность ни в коем случае не очевидна. В конце концов, возможно, что обвиняемый мог бы все отрицать, потому что он был невиновен и был добрым католиком. И хотя, как мы увидим, эта возможность не игнорируется полностью, все же ей уделяется весьма второстепенное внимание. Делом инквизитора было признавать вину любого, кто предстал перед ним.

Однако верно, что Эймерик призывает инквизиторов действовать очень осторожно при допросе свидетелей против такого человека; он рекомендует им дать обвиняемому время, в течение которого он должен решиться на признание, и использовать все возможные средства для получения такого признания.

Он советует им заключить заключенного в неудобную темницу, сковав по рукам и ногам; часто навещать его там и убеждать признаться. Если он в конечном итоге сделает это, с ним будут обращаться как с раскаявшимся еретиком¹¹⁷— другими словами, он избежит костра, но будет подвергнут вечному заключению.

Термин “вечное заключение” или “вечное замуровывание” не следует понимать слишком буквально. На усмотрение инквизиторов оставалось изменять и смягчать часть таких приговоров, и этим усмотрением они пользовались в том, что касалось тюремного заключения. Но конфискация имущества заключенного и позор, нависший над ним самим, его детьми и внуками — безусловно, самая тяжелая часть наказания — никоим образом не могли быть смягчены.

Каким бы запоздалым ни было признание со стороны *негатива*, инквизиторы должны принять и признать это. Даже если бы он уже был привязан к столбу и, наконец, охваченный страхом смерти, обратился к монаху, который не отходил от него до тех пор, пока не запылали хворост, признал свою вину и предложил отречься от своей ереси, его жизнь была бы сохранена. И это при всем том, что они признавали, что признание в таких крайностях было вырвано у него “страхом смерти, а не какой-либо любовью к истине”.

Любому, естественно, должно прийти в голову, что, поскольку допросы свидетелей проводились тайно, и обвиняемому не было предоставлено возможности опровергнуть представленные против него улики, поскольку он редко был проинформирован о их объеме, многие добрые католики, или, по крайней мере, многие люди, невинные во всех еретических практиках, должно быть, пошли на смерть как *отрицатели*. Ибо методы Святой Канцелярии необычайно широко открыли дверь для недоброжелательства; а поскольку природа человека такова, как она есть, и такой, какой она была в пятнадцатом веке, не следует предполагать, что недоброжелательство никогда не воспользовалось шансом, что оно никогда не прокрадывалось через эту зияющую дверь, чтобы излить себя в такой тесной и защищенной тайне — нанести удар в спину, в темноте, с почти полной невосприимчивостью к самому себе, человеку, которого ненавидели, которому завидовали или которого хотели вытеснить.

Для заключенного было недостаточно заявить о своей невинности. Он должен был категорически доказать это. Невинный человек мог оказаться неспособным представить категорические доказательства; свидетелям защиты было чрезвычайно трудно заполучить того, кто был обвинен в ереси; свидетельствовать в пользу такого человека было опасно; тем не менее, если его осудят, свидетель защиты может оказаться привлеченным к ответственности как сторонник или *покровитель* еретиков. Тем не менее, даже когда были получены показания в пользу защиты, судьи принципиально встали на сторону обвинителей; и поскольку они считали своей миссией осуждать, а не судить, они всегда исходили из того, что обвинители были лучше информированы, чем защитники.

Следовательно, смертельная опасность для невинных существовала. Сами инквизиторы не упускали ее из виду, ибо они ничего не упускали из виду. Но как они это предусмотрели? Пегне есть что сказать по этому поводу. Он говорит нам, что некоторые власти делают вид, что, когда *негативист* протестует против того, что он твердо верит всему, чему учит Римско-католическая церковь, такого человека не следует отдавать в руки светских властей.

Но это аргумент, упомянутый схолиастом только для того, чтобы он мог опровергнуть его. Это неоправданно, уверенно говорит он; и, как неоправданное, это почти повсеместно отвергается.

Торквемада, безусловно, не одобрял это. Он ясно излагает в статье XXIV своих первых “Инструкций”, что *негативист* должен считаться нераскаявшимся еретиком, как бы сильно он ни протестовал против своего католицизма. Обвиняемый не удовлетворит Церковь, которая требует признания его вины исключительно для того, чтобы она могла простить его; а она не может простить его, пока он в этом не признается. Такова точка зрения инквизиции на этот вопрос.

Очевидно, что опасность случайного сожжения невинного человека не волновала разум инквизиции. На самом деле, Pegna в полной мере демонстрирует невозмутимость, с которой она могла бы отнестись к такому несчастному случаю.

“В конце концов, ” говорит он, “ если невинный человек будет несправедливо осужден, он не должен жаловаться на приговор Церкви, который был основан на достаточных доказательствах и который не может судить о том, что скрыто. Если лжесвидетели осудили его, он должен принять приговор со смирением и радоваться тому, что умер за правду”.¹¹⁸

Мы должны предположить, что он также должен с таким же беззаботным сердцем радоваться перспективе нищеты и позора своих детей.

Кажется, что можно аргументировать все, что угодно, и самый безумный аргумент может оказаться убедительным для того, кто им воспользуется. Пегна дает это предельно ясно понять.

Невинный человек мог бы поддаться искушению спасти свою жизнь ложью, сделав желаемое признание; и многие люди могли бы таким образом избежать сожжения. Это также схолиаст должным образом взвешивает. Он ставит вопрос, имеет ли право человек, осужденный лжесвидетелями, спасти свою жизнь признанием в преступлениях, которых он не совершал.¹¹⁹

Он утверждает, что, поскольку репутация является внешним благом, каждый волен пожертвовать ею, чтобы избежать мучительных действий или спасти свою жизнь, которая является самым ценным из всех благ.

В этом утверждении схолиасту недостает его обычной убедительности. Он совершенно упустил из виду, что независимо от того, признается невиновный человек или нет, будет ли он сожжен или отправлен в вечное заключение, его репутация в равной степени подмочена. Инквизиторы следят за этим. Его молчание истолковывается как нераскаянность.

Но очевидно, что сам Пенья не совсем удовлетворен тем, на чем настаивает. Он немного колеблется. Каким бы сильным пловцом он ни был, эти бурлящие воды казуистики начинают доставлять ему неприятности. Кажется, здесь он поворачивает в попытке вернуться на берег. “Тот, кто таким образом обвиняет себя, - заключает он, - совершает простительный грех против любви, которой он обязан самому себе, и лжет, признаваясь в преступлении, которого он не совершал. Эта ложь особенно преступна, когда она произносится в адрес судьи, проводящего судебное разбирательство, поскольку тогда она становится смертным грехом. И даже если бы это было не более чем простением, ему не было бы позволено совершить это ради того, чтобы избежать смерти или пыток ”.

“Следовательно, - резюмирует он, - как бы тяжело ни казалось невинному человеку, осужденному как *негативус*, умереть при таких обстоятельствах, его духовник должен увещевать его не обвинять себя ложно, напоминая ему, что если он смиренно примет смерть, то получит бессмертный венец мученика”.

Короче говоря, гореть на костре за преступления, которых никогда не совершал, - это благо, привилегия, слава, которой следует наслаждаться с глубокой благодарностью к инквизиторам, которые удостоили этого. Нельзя удержаться от укола сожаления при мысли о том, что самому схолиасту следовало бы быть лишенным этой славы.

Человек считался *relapsus* — впадшим в ересь — не только в том случае, если, как в случае с саморазоблачителем, который воспользовался эдиктом благодати, ему когда-то была прощена

признанная ересь, но и в том случае, если он когда-то решительно или насильственно отрекся от ереси, в которой его подозревали. И не имело значения, была ли ересь, в которой он теперь был уличен, той самой, в которой его подозревали ранее, или совершенно свежей. Более того, чтобы признать еретиком-рецидивистом того, кто уже отрекся от престола, было достаточно показать, что он поддерживал связь с еретиками.

Далее, человек будет рассматриваться как *рецидивист* в случае появления официальных доказательств того, что он действительно совершил ересь, от которой он отрекся как подозреваемый, хотя его поведение после отречения могло быть совершенно безупречным. Ибо утверждалось, что эти новые доказательства, хотя и полученные после отречения, выявили реальную вину этого человека и показали, что к нему отнеслись слишком снисходительно, позволив отречься только по подозрению.¹²⁰

Фактически, считалось, что он действовал недобросовестно по отношению к инквизиторам; что он пренебрег признанием в своем грехе, когда ему была предоставлена такая возможность; что он пытался обманным путем лишиться казну своего имущества, которое причиталось ей путем конфискации. Поскольку он не сделал открытого и полного признания, утверждалось, что он явно был нераскаявшимся еретиком, для которого не могло быть пощады — или только очень слабой, как мы увидим.

Каноническое очищение влекло за собой те же последствия, что и отречение от престола для того, против кого впоследствии были получены доказательства ереси. Таким образом, процитируем пример, приведенный Пенъей: "если человека заподозрят в том, что он считает, что к еретикам следует относиться терпимо, и если после канонического очищения от преступления против Веры, содержащегося в том чувстве, в котором его подозревали, против него должно быть доказано, что его действия или слова действительно выражали это чувство, его следует считать рецидивистом.

Торквемада далее постановил, что любой, кто после примирения не выполнит наложенную на него епитимью или любую ее часть, должен считаться вернувшимся. Аргумент, очевидно, заключался в том, что пренебрежение этой епитимьей свидетельствовало о недостатке надлежащего раскаяния, что можно было объяснить только одним способом.

Отпавший еретик, как только его вина будет полностью установлена, должен быть "передан в руки светских властей", и это несмотря на любое покаяние, которое он может проявить, или на любые обещания, которые он может дать на будущее. "*Sine audientia quacumque*", — говорит Эймерик.¹²¹ "В сущности, — добавляет его комментатор, — достаточно того, что такие люди однажды обманули Церковь ложным исповеданием"¹²² — утверждение, диаметрально противоположное предписанию Основателя христианства о прощении.

Вся милость, которой они удостоивали закоренелого еретика, признавшего и раскаявшегося, заключалась в том, что его удушили на костре перед сожжением.

Эймерик инструктирует инквизиторов следить за тем, чтобы заключенного посещали и развлекали на тему презрения к этому миру, страданиям этой жизни и радостям Рая. Ему

следует дать понять, что нет никакой надежды на то, что он избежит временной смерти, и его следует побудить привести в порядок дела своей совести. Ему должны быть дарованы таинства Покаяния и Евхаристии, если он просит о них со смирением. Далее, инквизитору рекомендуется не навещать его лично, чтобы его вид не пробудил грех гнева в обреченном человеке и тем самым не отвратил его от чувств терпения и покаяния, которые должны быть ему внушены.

По крайней мере, кажется, что инквизиторы не питали иллюзий относительно чувств, которые их вид вызывал у их жертв, точно так же, как кажется, что они были способны переносить это с христианской покорностью — возможно, даже с чувством мученичества того, кто считает себя непонятым или недооцененным.

После нескольких дней, потраченных таким образом на подготовку заключенного к смерти, инквизитор должен сообщить светским судьям о дне, часе и месте, когда и где он передаст им еретика. В то же время следует объявить людям, приглашая их присутствовать, поскольку инквизитор должен произнести проповедь Веры, и те, кто присутствует, получают обычные индульгенции.¹²³

Сейчас нет необходимости вдаваться в подробности ужасного церемониала, жутких, почти театральных торжеств, которые легли в основу величайшего ужаса, возникшего в недрах христианства: Аутодафе.

“Азиат, ” говорит Вольтер, “ прибывший в Мадрид в день Аутодафе, усомнился бы, был ли это праздник, религиозное торжество, жертвоприношение или резня. Это все. Они упрекают Монтесуму в том, что он приносил в жертву Богу человеческих пленников. Что бы он сказал, если бы стал свидетелем Аутодафе?”¹²⁴

Возможность углубиться в эти подробности представится позже. В данный момент нас больше интересуют слова инквизиторов, чем их действия, и в связи с законами, регулировавшими Аутодафе, необходимо коснуться самой экстраординарной из всех придирок, с помощью которых Святая Канцелярия избежала — в письме —совершения нарушения.

Ничто во всей его юриспруденции так не отдает лицемерием, как передача еретика в руки светских властей. Это самое последнее слово в той науке, которую принято называть “иезуитизмом”, но которую, как мы думаем, с таким же успехом и справедливо можно было бы назвать “доминиканством”. И все же было бы очень опрометчиво утверждать, что этими людьми руководило сознательное лицемерие. Это, конечно, не тот вывод, который можно сделать из их судебной практики. Глупость — глупость человека с одной идеей, человека, способного воспринимать только что—то одно одновременно, - была, а не лицемерие, ответственна за то, что они делали.

Они были проникнуты страстью к формальности, к процедуре, которая должна быть скрупулезно правильной, неукоснительно соответствовать букве закона; и они оправдывали свой обход, свое извращение его духа безумными аргументами, которые, по крайней мере, должны были быть убедительными для них самих, поскольку они были сбиты с толку фанатизмом, который бурлил в их необычайном интеллекте.

Мы говорим, что эти аргументы, должно быть, были убедительны сами по себе, потому что мы находим их в книгах, которые никогда не предназначались для прочтения кем-либо, кроме инквизиторов и церковнослужителей. Поскольку эти книги никогда не предназначались для

показа миру, к ним не может быть никакого подозрения в том, что они намеренно и лицемерно прибегали к софизмам с целью одурачить непрофессионалов.

Они обманули самих себя — с помощью аргументов, которые они сами придумали, — и хотя нельзя отрицать, что они прибегли к обману, который должен вызвать презрение каждого вдумчивого человека, все же следует помнить, что этот обман был самообманом, который подстерегает каждого фанатика, независимо от предмета его фанатизма. Если смотреть слишком долго и слишком пристально на один объект, то сам этот объект становится размытым и нечетким.

“Ecclesia abhorret a sanguine.”

Таков был принцип, который ими управлял. Представьте себе это!

Принцип о том, что христианин не должен быть виновен в пролитии крови или причинении смерти ближнему, неоднократно затрагивался на этих страницах. Было видно, как на самой заре христианства отказ христиан носить оружие на службе государству приводил к трениям с римскими властями и, будучи истолкован как неподчинение, был одной из причин преследований, которым подвергались христиане в первом и втором веках. Со временем, под давлением потребностей этого мира, христианин был вынужден отказаться от этого прекрасного и возвышенно гуманитарного идеала. Вскоре он не только отказался от этого под давлением целесообразности, но и вообще забыл о нем; так что он надел крест крестоносца и с мечом в руке, ликуя, отправился проливать кровь неверных во имя того нежного Основателя, ученик Которого принес в Рим великую Весть о Терпении.

Но как бы ни считалось оправданным и даже необходимым для христианина-мирянина владеть мечом, священнику по-прежнему запрещалось проливать кровь или способствовать смерти любого человека. И если священник подпадает под такой судебный запрет, то и трибунал, находящийся под контролем священников, тоже должен быть под таким судебным запретом.

Отсюда следует, что инквизитор не только по общему признанию не имел права выносить смертный приговор, отправлять человека на смерть, но даже каким-либо образом участвовать в таком акте.

Такова была буква закона, и, что бы ни случилось, эта буква не должна подвергаться насилию. И этого не произошло. Когда обвиняемый признавался виновным в ереси, когда он не раскаивался или впадал в рецидив, инквизитор следил за тем, чтобы в вынесенном им приговоре не содержалось ни единого слова, которое могло бы возложить на него ответственность за смерть преступника. Отнюдь. Инквизиторы искренне умоляли светских судей, на попечение которых они оставили его, не причинять ему никакого вреда.

Но рассмотрим фактическую формулу предложения, предписанную Эймериком. Оно завершается так:

“Церковь Божья больше ничего не может сделать для вас, поскольку вы уже злоупотребили ее добротой.... Поэтому мы изгоняем вас из Церкви и оставляем вас светскому правосудию, тем не менее искренне умоляя его смягчить свой приговор, чтобы оно могло поступить с вами, не проливая вашей крови и не подвергая вас смертельной опасности”.¹²⁵

Они были настолько осторожны, что даже не сказали, что они *передали* его в руки светских властей; ибо передача предполагает активность в вопросе, в котором они должны оставаться абсолютно пассивными. Они просто *бросили* его. Подобно Пилату, они умыли от него руки. Если светские судьи решили увезти его и сжечь на костре, несмотря на их “искренние ходатайства” об обратном, это было делом светских судей.

Таким образом, буква закона соблюдалась самым скрупулезным образом, и инквизитор проявил в своем заступничестве за еретика благожелательность, подобающую его священническому сану. Его совесть была совершенно спокойна.

Что касается остального, он, конечно, знал, что существовала булла Иннокентия IV, известная как “*ad extirpanda*”, которая обязывала светских судей под страхом еще большего отлучения от церкви и того, что они сами будут привлечены к ответственности как еретики и *фавориты*, предавать смерти в срок не более пяти дней любого осужденного еретика, попавшего под их юрисдикцию.

Франческо Пенья рекомендует инквизиторам быть осторожными и не упускать из виду ходатайство от имени заключенного, чтобы они не признали себя виновными в нарушении закона. В то же время он поднимает интересный вопрос, может ли инквизитор согласовать это ходатайство со своей совестью — не на основании, как вы могли бы предположить, связанного с ним лицемерия; но исключительно на том основании, что самым строгим образом запрещено ходатайствовать от имени еретиков; сделать это, действительно, значит навлечь на себя подозрение в дружбе с еретиками — преступление, столь же наказуемое, как и сама ересь.

На этот вопрос ему нетрудно ответить. Таким образом:

“По правде говоря, было бы запрещено прибегать к заступничеству за еретика, которое принесло бы ему какую-либо пользу или имело тенденцию препятствовать правосудию, которое должно быть совершено по факту его преступления, но только к заступничеству, целью которого является освобождение инквизитора от нарушений, которым он мог бы подвергнуться в противном случае”.

Далее он говорит, что, когда еретик будет передан светским судьям, последние должны сами вынести приговор и проводить его к месту казни, разрешив сопровождать его благочестивым людям, которые будут молиться за него и не оставят его, пока он не предаст свою душу. И он напоминает инквизиторам — хотя это вряд ли кажется необходимым, — что, если магистраты будут медлить с казнью еретика, который был выдан им, они должны рассматриваться как *фавориты* и сами подвергаться судебному преследованию.

Иннокентий IV, как мы видели, предоставил магистратам пятидневный срок для выполнения своих обязанностей в этом вопросе, и в Италии было обычным возвращать еретиков в тюрьму после вынесения приговора и снова выводить их в будний день — всегда в течение установленного срока — для сожжения. В Испании, однако, существовал обычай, согласно которому магистраты, вынесшие свой собственный приговор — как только еретик был передан им, — должны были немедленно приступить к его исполнению.

По мнению некоторых авторитетных источников, приговор, под которым подразумевалось Аутодафе в целом, не должен был проводиться в церкви. Пегна соглашается с ними, но не по поводу осквернения санктуария, которое было их причиной. Он соглашается, потому что на большом открытом пространстве для Автомобиля могут быть возведены более высокие строительные леса, и большее количество людей сможет собраться, чтобы стать свидетелями этого возвышающего зрелища триумфа Веры. На том же основании он принижает тех, кто утверждает, что еретиков не следует предавать смерти по воскресеньям. Он считает этот день лучшим днем недели и превозносит испанский обычай, который назначает его для всенощной, “ибо, - говорит он, - хорошо, что на нем присутствует большое количество людей, чтобы страх мог отвратить их от дурных путей; зрелище, которое внушает присутствующим ужас и представляет устрашающий образ страшного суда”.

То, что предавать еретиков смерти целесообразно, ни один благочестивый авторитет никогда не осмеливался оспаривать. Но были разногласия по поводу средств, с помощью которых это должно быть сделано. Схолиаст полностью на стороне подавляющего большинства, считающего огонь подходящим орудием, и фактически ссылается на авторитет самого Спасителя по этому поводу: “Если кто не пребудет во Мне, тот будет выброшен, как ветвь засохшая; и собирают их, и бросают в огонь, и они сгорают” (Иоанна xv. 6).

Если обвиняемый случайно окажется священнослужителем, епископ должен лишить его сана и разжаловать, прежде чем облачить в отвратительное *санбенито* и передать светским властям, в то время как осужденные за неповиновение — если они все еще отсутствовали на момент вынесения приговора — должны быть сожжены как чучело в ожидании их поимки, когда без дальнейшего суда они будут сожжены заживо.

В виде чучел также сжигались осужденные после смерти, эти чучела бросались в огонь вместе с останками мертвеца, которые были эксгумированы с этой целью.

Здесь несколько раз упоминалось *осанбенито*, которое налагалось на всех, кого Святая Канцелярия признавала виновными в ереси, независимо от того, примирились они или отказались от нее, а также на тех, кто подозревался в степени *наильника*.

В этой одежде они посещали аутодафе и отправлялись на казнь, если их бросали; или же их могли обязать носить ее в течение определенного периода времени после примирения, а в некоторых случаях и до конца жизни, чтобы рекламировать свой позор.

Это было превращение в одеяние стыда и позора покаянного одеяния, первоначально предписанного святым Домиником; ибо если когда—то его — или, скорее, то, от чего оно произошло, - носили даже принцы как внешний знак раскаяния в грехах, в которые они впали, то теперь оно было навязано, чтобы подвергнуть своего владельца поруганию и презрению.

Инструкции святого Доминика заключались в том, что это должно быть одеяние из мешковины, подобное тому, которое носят члены его собственного братства, и что его цвет может быть по усмотрению владельца, при условии, что оно темное. Поскольку в Церкви всегда было принято благословлять “мешок” или тунику, которую носили члены религиозных братств или те, на кого

она была наложена в качестве епитимьи, такая одежда называлась *сако бендито*, которая со временем превратилась в *санбенито*, хотя также известна под своим собственным испанским названием *замарра*.

Когда крестовый поход против альбигойских еретиков на Юге Франции был в самом разгаре, не только крестоносцы носили крест на своей одежде, но и все верующие католики надели его для своей защиты; ибо — как и в Варфоломеевскую ночь, примерно четыре столетия спустя — жизнь ни одного человека не была в безопасности, если он не демонстрировал этот знак. Святой Доминик желал, чтобы кающийся пользовался такой же защитой, но для того, чтобы его епитимья все еще была объявлена, ему было приказано носить два креста, по одному на каждой груди.

Позже, когда прекратились религиозные войны и от общего ношения креста отказались, Совет Тулузы в 1229 году постановил, что эти покаянные кресты должны быть желтого цвета, в то время как Совет Безье четыре года спустя, углубляясь в этот вопрос, постановил, что они должны быть длиной в две с половиной ладони (по вертикали) и шириной в две ладони (по горизонтали), и что они должны быть сделаны из ткани шириной в три пальца. Вместо того, чтобы носить их на груди, как раньше, теперь их носили по одной на груди и по одной на спине, а третью - на капюшоне или вуали, если надевали капюшон или вуаль.

Для подстрекателей к ереси собором Таррагоны в 1242 году была установлена следующая торжественная епитимья:

“В день Всех Святых, в Первое воскресенье Адвента, в праздники Рождества, Обрезания, Богоявления, Святой Марии Февральской (Очищения), Святой Марии Мартовской и во все воскресенья Великого поста кающиеся должны идти в собор, чтобы принять участие в крестном ходе. Они должны быть одеты только в свои рубашки, босиком, со скрещенными на груди руками, и епископ или приходской священник должен хлестать их кнутом во время процессии. Точно так же они должны отправляться в собор в Пепельную среду в рубашках, босиком, со скрещенными на груди руками и подчиняться изгнанию из церкви на весь Великий пост; так что в течение этого времени они должны оставаться у церковных дверей и слушать службу оттуда. В четверг Страстной недели они должны прийти в церковь для примирения в соответствии с каноническими положениями, при этом понимается, что это покаяние в виде пребывания вне церкви в течение Великого поста и порки плетью во время процессии в назначенные дни должно совершаться ежегодно до конца жизни кающихся”.

Сначала и вплоть до времен Эймерика *санбенито* сохраняли свою первоначальную форму — тунику, подобную той, которую носили члены регулярных орденов. Но в четырнадцатом веке его переделали в наплечник или табард с отверстием наверху, через которое просовывалась голова; он должен был быть во всю ширину тела и спускаться не ниже колен, чтобы не слишком напоминать наплечник, который регулярные войска носили в дополнение к своей тунике. Вскоре после этого было решено, что она должна быть из желтой мешковины, а кресты - красными.

Как только эта стадия была достигнута, можно сказать, что переход от одеяния исключительно покаяния к одеянию главным образом стыда и бесчестья был завершен.

Фотография Дональда Макбета.

ПРОЦЕССИЯ НА АУТОДАФЕ.

Из “Истории инквизиции” Лимборха.

Мы уже говорили, что введение *санбенито* в XV веке утрачивало актуальность. Но для Торквемады это действительно могло полностью устареть. Случилось, однако, так, что приор Святого Креста осознал всю пользу этого, те благотворные результаты, которые можно было получить, выставляя напоказ жертв Святой Канцелярии в этом отвратительном одеянии. Поэтому он возродил его и настоятельно запретил использовать всем нарушителям, за исключением тех, против кого не было ничего, кроме дурной репутации, и кто подчинился каноническому очищению от нее.

Однако, только после того, как знаменитый Хименес де Сиснерос стал великим инквизитором примерно через десять лет после смерти Торквемады, *санбенито* достиг своего полного развития, той формы, которую ему предстояло сохранить до исчезновения инквизиции.

Сиснерос заменил обычный прямоугольный крест, который носили на спине и груди, на *санбенито* ан аспа, или Андреевский крест, и он иным образом распорядился, чтобы *санбенито* мог провозглашать преступление и приговор его владельцу. Были разработаны три разновидности для тех, кто отрекался от ереси, в отношении которой они навлекли подозрения: подозреваемый в степени *левитера* носил совершенно простое *санбенито* без какого-либо креста или другого украшения; подозреваемый в *неистовстве* носил на спине и груди только одну руку Андреевского креста; подозреваемого в *насильничестве* заставляли носить полный крест.

Те, кто действительно был осужден за ересь, носили в дополнение к *санбенито* высокую митру, или пирамидальную шапочку, сделанную из картона и покрытую желтой мешковиной; и чтобы можно было различать их точное состояние, были предписаны следующие различия: еретик, который раскаялся до вынесения приговора и который, не будучи рецидивистом, не должен был умереть в огне, носил на груди и спине своего *санбенито*, а также на передней и задней сторонах своей коросы, как называлась митра, на груди и спине полный Андреевский крест; у еретика—рецидивиста, который покался перед Автокатастрофой, в дополнение к крестам, на нижней части его *санбенито* был изображен бюст на горящих хворостинах; кроме того, его *санбенито* и короза были испещрены языками пламени, которые указывали вниз, чтобы показать, что он не должен был умереть в огне, хотя его тело должно было быть сожжено. Он заслужил милосердие быть задушенным на костре до того, как подожгли хворост. И эту милость, добавим, Святая Канцелярия предоставляла любому еретику, который в одиннадцатый час признавал свою вину и желал примириться с Церковью и, так сказать, умереть на ее любящей груди. С этой целью осужденного сопровождали от Авто до костра два монаха, которые не переставали увещевать его исповедаться, спасти свое тело от временных мук физического огня, а душу - от вечных мук духовного огня.

Наконец, нераскаявшийся еретик носил те же приспособления, что и кающийся рецидивист, но в его случае языки пламени указывали вверх, показывая, что он должен умереть от них, а его *санбенито* было дополнительно разрисовано грубыми изображениями дьяволов — ужасными, гротескными карикатурами — для рекламы духов, властвующих над его душой.

К настоящему времени следовало бы кое-что почерпнуть о духе инквизиции, отраженном на страницах Эймерика и его комментатора Пеньи в том “Директории”, на основе которой были составлены эти главы о Юриспруденции Святой Канцелярии. Прежде чем продолжить, стоит привести взгляды другого автора на справедливость и Милосердие в понимании инквизиции и рассмотреть поучительный отрывок из-под пера Гарсии де Трасмиеры.

Этот Трасмиера— о котором уже упоминалось, был арагонцем, инквизитором, жившим в семнадцатом веке — почти через двести лет после эпохи, о которой мы здесь говорим. Мы могли бы обратиться к десятку других источников, начиная с Парамо, за очень похожими чувствами, и единственная причина выбора этого конкретного отрывка из Трасмиеры заключается в том, что он носит характер почти эпитомы.

Кажется, что он суммирует те самые аргументы, с помощью которых Торквемада и его делегаты убедили себя не просто в праведности, но и в неизбежности — если они собирались исполнить свой долг перед Богом и людьми и выполнить предназначение, ради которого они были посланы в этот мир, — задачи, на которую они возложили свои руки.

“Эти две добродетели ” Милосердие и Справедливость, - говорит арагонский писатель со всей авторитетностью евангелиста, - так тесно связаны в Боге, хотя мы несовершенно полагаем, что они противоположны, что Божественная Мудрость лишь пользуется одной, чтобы более славно применять другую. Никто не сомневается, что наиболее верным следствием Божественного Милосердия является спасение душ, и кто может сомневаться в том, что то, что в этом инквизиционном суде кажется строгостью Правосудия, на самом деле является лекарством, предписанным Милосердием для блага преступников? Точно так же, как было бы варварским

суждением приписывать жестокости со стороны хирурга прижигание огнем, которое он использует для уничтожения заразного рака у пациента, было бы грубым невежеством предполагать, что эти законы, которые кажутся суровыми, предписаны для какой-либо иной цели, кроме той, которой руководствуется хирург при лечении своего пациента или отец при наказании своего ребенка. Святой Дух говорит: "Кто не пользуется розгой, тот ненавидит ребенка", и в другом месте: "Бог наказывает того, кого любит".¹²⁶

Может ли извращенность интерпретации пойти дальше? В Риме, во времена Торквемады, Отец христианства даровал отпущения грехов, заменяя наказание в виде повешения денежной епитимьей там, где такая епитимья требовалась, и оправдывал такое смягчение, напоминая христианству, что Бог не желает смерти грешника, а скорее того, чтобы он жил и обратился.

Может показаться, что инквизитор и понтифик не сошлись во мнениях в вопросе Милосердия и справедливости. К чести понтифика, да будет сказано.

Трасмиера, повторяя многовековую казуистику инквизиции, утверждает, что строгость Правосудия предписывается Милосердием для блага преступников. Нераскаявшийся иудействующий был отправлен на костер. Как это могло послужить ему на благо в этом мире или в следующем? Мы могли бы признать определенную логическую завершенность их аргументов, если бы инквизиторы ограничились сожжением тех, кто раскаялся, или даже тех, кто был невиновен; сжигая их, пока они находились в состоянии благодати, они обеспечили бы им спасение, отвлекая их от всех опасностей будущего греха. Но сжигать нераскаявшегося на таких основаниях, на которых они сами настаивали, веря, что точно так же, как его смертная часть была сожжена там, на костре, точно так же наверняка его бессмертная часть будет вечно гореть в аду — это, очевидно, по их собственному разумению, означало совершить убийство его души.

ГЛАВА XIV

ПЕДРО АРБУЭС ДЕ ЭПИЛА

Нетрудно поверить заявлению Льоренте, основанному на выдержках из современных хроник, о том, что в Кастилии к инквизиции не относились благосклонно. Невозможно, чтобы цивилизованный и просвещенный народ хладнокровно относился к учреждению трибунала, методы которого, хотя и основаны в основе своей на методах гражданских судов, в деталях своей практики настолько противоречат всем концепциям справедливости.

Ни в одной католической стране сохранение горячей веры само по себе не подразумевает уважения к духовенству. И, если уж на то пошло, уважение к какой-либо религии само по себе не означает уважения к тем, кто ее исповедует. Кажется, что так оно и есть; даже предписано, что так должно быть; но на самом деле это редко происходит, за исключением простых крестьянских классов. Министры, в конце концов, мужчины; но в силу своей должности они работают в условиях, более неблагоприятных, чем у обычного человека. Когда они демонстрируют недостатки, которым подвержены все люди, эти недостатки приобретают гораздо более серьезный вид в силу занимаемой ими должности и большей чистоты, которую подразумевает эта должность. Святость рассматривается как ремесло священника, и ожидается, что он должен заниматься этим ремеслом честно, как любой мирянин занимается делами, которыми он зарабатывает себе на жизнь. Единственным критерием честности священника, какой бы конфессии он ни был, является его собственное поведение; и когда оно не соответствует тем высоким стандартам, на которые он претендует, он заслуживает

презрения, сродни тому, которое испытывает торговец, обманывающий своих кредиторов. Тогда вспоминается, к его невыгоде, что под своей рясой священнослужитель - мужчина, а значит, подвержен всем недостаткам, которые являются наследием человека. Но случается, что в дополнение к этому он подвержен и другим недостаткам, которые характерны для сутаны, недостаткам, которые мир никогда не замедлил заметить в нем. Худшим из них является церковное высокомерие, жреческая гордыня, которая проявлялась священниками всех культов, но ни в ком она не является столь невыносимой, как в христианине, проповедующем евангелие смирения и самоотречения. Он сродни феодальному тирану, который корчит рожи своим крепостным, читая им лекции о величии демократии.

Таких священников в Испании пятнадцатого века было предостаточно. Она знала их и не доверяла им, и, следовательно, не доверяла ни одной их организации, которая выходила бы за строгие рамки их полномочий.

Итак, трибунал инквизиции оказался особенно подвержен этому недоверию из-за секретности своих разбирательств — секретности, которая, как мы знаем, значительно усилилась благодаря постановлениям Торквемады. Судебные процессы по делу не проводились в открытом судебном заседании; допрос свидетелей проходил тайно и под покровом анонимности, так что у мира не было уверенности в честности судебного разбирательства. Когда случалось, что человека арестовывали, мир, как правило, не узнавал о нем больше до тех пор, пока он не появлялся со свечой в руке, одетый *всанбенито*, чтобы сыграть свою трагическую роль в Автокатастрофе.

В силу этой секретности инквизиция наделила себя властью гораздо большей, более изоощренной и далеко идущей, чем власть любого гражданского суда. Могущество Великого инквизитора было почти безграничным, и он не мог отвечать ни перед какой светской властью за произвол, с которым он его применял. Соперничая с суверенной властью во многом, во многом другом Великий инквизитор шел выше нее, ибо даже сам король не мог вмешиваться в дела Веры с тем, кто занимал свой пост непосредственно от папы римского.

Сеть, которую забросил Торквемада, была самой широкой; сети этой были самыми плотными, так что ни один человек, каким бы скромным он ни был, не мог считать себя в безопасности; нити ее были самыми прочными, так что ни один человек, каким бы могущественным он ни был, не мог быть уверен, что прорвется, если однажды попадет в ее поле зрения.

Что же тогда, кроме ужаса, могли внушать Торквемада и его мрачные механизмы? Нетрудно поверить бывшему секретарю инквизиции, когда он уверяет нас, что к Святой Канцелярии в Испании относились недоброжелательно. Чудо в том, что, в то время как кастильцы были охвачены благоговейным страхом, вынужденным бездействовать и безропотно подчиняться, Арагону, который уже столетие знал инквизицию, оставалось только восстать.

И все же то, что на первый взгляд может показаться причиной, по которой Арагон должен был подчиниться правлению Торквемады в вопросах Веры, может быть самой причиной его опрометчивого и тщетного восстания. Уже сто лет там действовал суд Святой канцелярии; но его деятельность, никогда не отличавшаяся энергичностью, стала скучной. В этой неактивной форме Арагон позволил ему продолжаться. Но внезапно Торквемада вывел его из этой летаргии. Ему было приказано привести в исполнение свои суровые указы и другие, еще более суровые указы, которые он добавил к уже существующим, и следовать установленной им

произвольной процедуре. Никогда не приветствовавшееся в Арагоне, оно теперь стало невыносимым. Новохристиане, знавшие о судьбе своих кастильских братьев, ушли со страхом на лицах, а в сердцах - с отчаянием и свирепой отвагой.

Весной 1484 года Фердинанд собрал свои кортесы в Таррагоне. По этому случаю на нем присутствовал Торквемада, и он воспользовался возможностью представить своему королевству сухопарого приора Святого Креста, назначенного папой Великим инквизитором.

Активность Торквемады соответствовала его безграничному рвению. Он немедленно созвал совет в составе вице-канцлера Арагона Алонсо де Кабальерия, который сам был новохристианином, королевского советника Алонсо Карильо и нескольких докторов канонического права, чтобы они могли решить, какой курс следует принять в Арагоне, чтобы инквизиция могла проводиться там с абсолютным единообразием, как в Кастилии. Сделав это, он приступил к назначению инквизиторов в архиепископство Сарагосы, и его выбор пал на Фрея Гаспара Юглара и Фрея Педро Арбуэса де Эпилу, магистра богословия и каноника Столичной церкви Сарагосы.

После публикации "Инструкций", составленных в том же году в Севилье, Торквемада дополнительно назначил в Священную канцелярию Сарагосы финансового адвоката, судебного пристава, нотариусов и получателей, после чего эта контора немедленно приступила к выполнению своих функций в соответствии с новой системой.

Тотчас же мужество отчаяния побудило новохристиан к сопротивлению. Среди них было много тех, кто занимал высокие посты при дворе, людей с большим влиянием и уважением, и они немедленно решили послать депутацию в Ватикан, а другую - к монархам, чтобы выразить свои протесты против учреждения этого трибунала в Арагоне и умолять упразднить его или, по крайней мере, ограничить его полномочия и воспрепятствовать конфискации, что противоречило законодательству страны.

Это последнее требование было проникательным, основанным, без сомнения, на убеждении, что, лишенный конфискаций, на которых он настаивал, трибунал должен зачахнуть и очень скоро вернуться к своему прежнему неработоспособному состоянию.

Не были *конверсос* единственными, кто осудил процедуру Священной канцелярии. Зурита пишет, что многие из знати Арагона восстали против этого, протестуя против того, что конфискация имущества людей, которым никогда не разрешалось узнавать имена тех, кто свидетельствовал против них, противоречит свободам королевства.

С таким же успехом они могли бы апеллировать к смерти - ибо сама смерть не была более непреодолимой или неумолимой, чем Торквемада. Весь плод их трудов заключался в том, что те, кто указал свои имена под петицией, в конечном итоге были привлечены к ответственности как препятствующие Святой канцелярии. Но это произошло не сразу.

Тем временем делегаты Торквемады, Арбуэс и Юглар, приступили к порученному им делу с той невозмутимостью, которая предписана "Директориумом". Они издавали свои указы, отдавали приказы об арестах, проводили конфискации и действовали с такой тщательностью, что вскоре Сарагоса начала представлять собой те же зловещие, жуткие зрелища, свидетелями которых были главные города Кастилии.

В следующем мае (1485 г.) они с большой торжественностью отпраздновали первое Аутодафе, многих покарав, некоторых сожгли. За этим последовал второй автомобиль в июне.

Отчаяние и раздражение новохристиан усилились при виде этих зрелищ. Считается, что она достигла своего апогея с внезапным арестом Леонарди Эли, одного из самых влиятельных, богатых и уважаемых *конверсов* Сарагосы.

Те, кто подал петицию, оставив теперь всякую надежду получить какой-либо ответ либо от монархов, либо из Рима, собрались для согласования других мер. Их лидером был влиятельный человек по имени Хуан Педро Санчес. У него было четыре брата, занимавших влиятельные посты при дворе, которые оказали свои услуги в деле подачи петиции государям.

В доме некоего Луиса де Сантанхеля состоялось собрание, и Санчес призвал найти отчаянное средство от их отчаянных бед. Они должны вселить ужас в своих терроризирующих. Он предлагал не что иное, как истребление инквизиторов, с уверенностью заявляя, что, если они будут убиты, никто другой не осмелится занять их место. В этом он, по-видимому, недооценил характер Торквемады.

Предложение было принято, была дана клятва хранить тайну, были разработаны планы, приняты меры и собраны средства, позволяющие осуществить эти планы. Были выбраны шесть убийц, среди которых были Хуан де Абадия и его слуга-гасконец Видаль де Урансо, а также Хуан де Эсперандеу. Этот последний был сыном *конверсо*, сидевшего тогда в тюрьмах инквизиции, имущество которого уже было конфисковано; так что им двигал дополнительный стимул личной мести. Был также дополнительный стимул в виде суммы в пятьсот флоринов, обещанной заговорщиками убийце Арбуэса и переданной ими для этой цели Хуану Педро Санчесу. ¹²⁷

Несколько первых попыток реализовать этот проект были сорваны из-за обстоятельств. Более того, кажется, что Арбуэс получил какое-то предупреждение о том, что его ожидало, — или же он просто осознавал всеобщую ненависть, которую навлек на себя, — поскольку он проявлял величайшую осмотрительность, стал носить бронежилет и старался никоим образом не выдавать себя; все это не предполагает в нем того стремления к мученическому венцу, которым, по мнению его биографа Трасмиеры, он был проникнут.

Однако, наконец, убийцы нашли свой шанс. Поздно ночью 15 сентября того же 1485 года они проникли в Столичную церковь, чтобы подстеречь своих жертв, когда те должны будут прийти на полуночную службу, установленную правилами их ордена.

Хуан де Абадия со своим слугой-гасконцем Урансо и еще одним человеком вошел через главную дверь. Эсперанде и его спутники получили доступ через ризницу.

У колонн огромной церкви, во мраке, который едва рассеивался светом алтарной лампы, они молча ждали, “как окровавленные волки, - говорит Трасмиера, - прихода этого кроткого агнца”.

Ближе к полуночи над головой послышалось какое-то шевеление; в темноте слабо мерцали огни; каноники собирались на хорах к заутрене.

В тишине прогремела нота органа, и затем Арбуэсса ввели в церковь из крытых галерей.

Казалось, что даже сейчас случай был не на их стороне, потому что Арбуэс пришел один, и их целью было схватить обоих инквизиторов.

Доминиканец направлялся присоединиться к своим собратьям по хору. В одной руке он держал фонарь, а в другой - длинную дубинку. На этом его предосторожности не закончились. Под белой рясой на нем была кольчуга, а черная бархатная тюбетейка имела стальную подкладку. Должно быть, он действительно ушел в страхе, поскольку не мог дожидаться заутрени, если бы не был вооружен во всеоружии.

Он пересек неф, направляясь к лестнице, ведущей на хоры. Но, дойдя до кафедры слева, он остановился и преклонил колени, чтобы вознести предписанную молитву в знак поклонения Святому Таинству. Он поставил фонарь на землю рядом с собой и прислонил дубинку к столбу.

Теперь у ассасинов была возможность. Он был в их власти. И хотя нанести удар сейчас означало оставить половину своей задачи невыполненной, они, должно быть, решили, что вместо того, чтобы снова откладывать дело в надежде убить обоих инквизиторов, им лучше взять того, кто был им передан.

Пение над головой заглушило звук их шагов, когда они подкрались к Арбуэсу сзади, из темноты в слабое колесо желтого света, отбрасываемого его фонарем.

Эсперанде был первым, кто нанес удар, и ударил он неуклюже, всего лишь ранив инквизитора в левую руку. Но сразу же за этим ударом последовал другой от Урансо — удар такой силы, что отколол часть стальной крышки и, предположительно, отскочив, нанес рану на шее инквизитора, которая, как полагают, и стала настоящей причиной его смерти.

Однако в тот момент это не вывело его из строя. Он, пошатываясь, поднялся и повернулся к лестнице, ведущей на хоры. Но теперь Эсперанде вернулся к атаке и так яростно замахнулся на доминиканца своим мечом, что, несмотря на кольчугу, которой был защищен Арбуэс, клинок прошел сквозь него насквозь.

Инквизитор упал и лежал неподвижно. Орган внезапно смолк, и убийцы обратились в бегство.

Теперь на хорах воцарилось замешательство. Монахи спустились по лестнице со своими фонарями, чтобы обнаружить потерявшего сознание и истекающего кровью инквизитора. Они подняли его и отнесли в постель. Он умер сорок восемь часов спустя, в полночь в субботу, 17 сентября 1485 года.¹²⁸

К утру весь город узнал об этом деянии, и эффект, который оно произвело, сильно отличался от того, на который рассчитывали его исполнители. Старые христиане, одни движимые религиозным рвением, другие чувством справедливости, схватили оружие и вышли на крик “В огонь сконверсос!”

Население — неопределенное количество, всегда готовое поддаться влиянию первого достаточно громкого голоса и последовать за первым лидером, который укажет путь, — подхватило этот клич, и вскоре в Сарагосе царил суматоха. На каждой улице раздавались крики толпы, грозившей вознести одну из тех гекатомб, в которых огонь оспаривает со сталью ужасный лавр дня.

Шумиха докатилась до дворца Альфонсо Арагонского, семнадцатилетнего архиепископа Сарагосы. Это пробудило этого ублюдка католика Фердинанда ото сна. Будучи энергичным парнем, он созвал городских вельмож и представителей правосудия и выехал во главе их, чтобы встретить и усмирить бунтовщиков. Но только пообещав, что над убийцами свершится самое

строгое правосудие, ему удалось разогнать их и восстановить порядок в этом обезумевшем городе.

“Божественное правосудие, - говорит Трасмиера, - допустило это деяние, но не его безнаказанность”.

Действительно, опрометчивыми были действия новохристиан, и ужасным было назначенное наказание, ужасной была цена, которую им пришлось заплатить за отнятую жизнь. Полагая, что таким поступком они смогут запугать человека с характером Торквемады, они проявили прискорбный недостаток рассудительности, что было быстро доказано. Чтобы занять место убитого инквизитора и приступить к суровому делу мести за него, Торквемада немедленно отправил в Сарагосу о. Хуан Кольвера, отец Педро де Монтерубио и доктор Алонсо де Аларкон. Для большей безопасности себя и своих заключенных эти делегаты учредили свой трибунал в королевском алькасаре замка Альхаферия и приступили к активному поиску виновных. Несколько человек были схвачены, среди которых был слуга Абадии, Видаль де Урансо. Его допросили и добились от него признания собственной вины. Его продолжали пытать, пытаясь вытянуть из него имена его сообщников по этому делу, и, наконец, ему пообещали “помилование”, если он их разгласит.

Такой ценой несчастный гасконец согласился говорить, выдав всех, кого он знал как участников заговора и всех, кто, как он знал, сочувствовал ему. И Льюренте, который видел протоколы судебного разбирательства, рассказывает нам, что, когда Урансо потребовал обещанной милости, ему любезно ответили, что он должен получить милость в виде того, что ему не отрубят руки — как это должно быть сделано другим — перед тем, как его повесят, выпотрошат и четвертуют.

Среди захваченных были Хуан де Абадия, Хуан де Эсперандеу и Луис де Сантанхель.

Эсперанде и Урансо вместе пострадали во время Аутодафе 30 июня 1486 года — седьмого по счету, состоявшегося в Сарагосе в том году. Эсперанде протащили через весь город на веревке, ему отрубили руки на ступенях собора, после чего он был повешен, расчленен и четвертован. Пятеро других заговорщиков пострадали в том же Автомобиле, будучи брошенными на произвол светской власти и сгоревшими заживо. Двое других, которым удалось спастись, были сожжены как чучела, и одним из них был Хуан Педро Санчес, который был главной фигурой в этом деле. И вместе с этими живыми людьми и гротескными соломенными изображениями, расставленными в *санбенито* и *коросе*, они сожгли труп Хуана де Абадиа. Он частично обманул правосудие Святой канцелярии. Он покончил с собой в тюрьме, съев стеклянную лампу.¹²⁹

Аутодафе следовали одно за другим с такой скоростью, что в 1486 году в Сарагосе было задержано не менее четырнадцати человек; 42 человека были сожжены заживо, 14 превратились в чучела, а 134 были наказаны в разной степени - от вечного заключения до публичной порки. И с целью повысить известность этих автопробегов и преподать им как можно более полезный урок, Торквемада приказал, чтобы за две недели до проведения каждого из них о нем объявлялось публичным объявлением с большой торжественностью и парадом конных

приближенных Священной Канцелярии - дело, которое после этого прецедента стало обычным по всей Испании.

В своем намеке на эти Автографы Трасмиера¹³⁰ выдвигает одну из обычных софистик, используемых инквизицией для оправдания своих постоянных заявлений о том, что ее действия были продиктованы милосердием.

Он уверяет нас, что для преступников было счастьем (*dicha*) умереть так быстро, и объясняет, что оставить их в живых означало бы проявить большую строгость правосудия — “как свидетельствует Каин, на которого Бог наложил знак, предписывающий никому не убивать его, поскольку из-за продления его жизни, при такой его природе, какой она была, он должен совершить больше грехов, и, следовательно, больше, несомненно, заслуживает большей степени наказания в своем вечном проклятии”.

Именно священник выдвигает это богохульное утверждение о том, что Бог желает проклятия грешника, и предполагает, что, сжигая этого грешника заранее, Бог будет обманут — по крайней мере частично — в достижении Его невыразимого замысла. Это прекрасно показывает, к каким отчаянным аргументам могут прибегать люди в попытке оправдать практику Священной канцелярии.

С точно такой же степенью авторитетности он уверяет нас, что все убийцы умерли раскаявшимися — вследствие искренних молитв, вознесенных за них Арбуэсом в час его смерти.

Признание Видаля де Урансо открыло инквизиторам имена не только участников убийства Арбуэса, но и тех, кто, по мнению гасконца, был причастен к этому преступлению. Применяя присущие только им методы, чтобы судебное преследование распространялось подобно масляному пятну, медленно и верно покрывая все большую территорию, инквизиторы смогли добиться предъявления обвинений многим, чья связь с преступлением была самой отдаленной, и другим, которые, движимые истинно христианским состраданием, предоставили убежище новохристианам, бежавшим в ужасе от слепой мести Святой Канцелярии. Среди последних многие подверглись судебному преследованию, поскольку не было доказательств того, что беглецы, которых они приютили, были иудействующими или неверующими. Считается, что явная паника заставила многих совершенно невинных новохристиан уехать из города, где ни один новохристиан не мог считать себя в безопасности. Но в силу пункта, внесенного безжалостным Торквемадой в его “Инструкции”, бегство человека само по себе было достаточным основанием для презумпции его вины.

В Сарагосе установился режим террора. Трибунал этого города стал одним из самых оживленных в Испании, и подсчитано, что в общей сложности около двухсот потерпевших так или иначе заплатили за смерть Педро Арбуэса, так что едва ли была семья, знатная или простая, которая не была бы погружена в траур Правосудием Веры.

Среди тех, против кого было возбуждено судебное дело, были люди самой первой важности в королевстве. Одним из них был Алонсо де Кабальерия, вице-канцлер Арагона, который занимал видное место в совете, созванном Торквемадой для определения деталей введения инквизиции в Арагоне. Они также не ограничивали свое внимание новохристианами. Среди тех, кого они вызвали, чтобы дать Святой Канцелярии отчет о своих деяниях, мы находим не кого иного, как

дона Хайме де Наварру, известного как Инфант Наваррский или Инфант Тудельский, сына королевы Наварры и родного племянника короля Фердинанда.

Беглый новохристианин, прибывший в Туделу, отдался на милость принца и нашел убежище в Наварре на несколько дней, пока не смог бежать во Францию. Инквизиторы, от которых ничто не ускользало, знали об этом, и таковы были их мощь и высокомерие, что они без колебаний арестовали Инфанта в столице независимого королевства его матери. Они доставили этого принца королевской крови в Сарагосу, чтобы он предстал перед судом по обвинению в препятствовании Священной Канцелярии. Они бросили его в тюрьму и подвергли унижительной епитимье, заключающейся в том, что два священника били его плетью по Столичной церкви в присутствии его незаконнорожденного кузена, семнадцатилетнего архиепископа Альфонсо Арагонского. После этого его заставили покаянно стоять со свечой в руке на виду у всех во время Великой мессы, прежде чем он смог заслужить отпущение грехов за вызванное им церковное порицание.

Алонсо де Кабальерия - один из немногих людей в истории, кто смог успешно бросить вызов ужасной силе этого священного суда и противостоять ей.

Этот вице-канцлер был человеком больших способностей, сыном богатого крещеного еврейского дворянина, которого звали Бонафос, но который изменил это имя на Кабальерия после принятия крещения в соответствии с преобладающим обычаем. Он был арестован не только по обвинению в предоставлении убежища беглецам, но и по подозрению в том, что сам является иудействующим.

Полагаясь на свое высокое положение, а также на большое уважение, которым пользовался его король, Кабальерия демонстрировал инквизиции бесстрашие. Он отказался признать власть суда и самого Торквемады, обратившись к папе римскому и включив в свою апелляцию решительную жалобу на поведение инквизиторов.

Это обращение носило такой характер, а собственная позиция этого человека была настолько сильной, что 28 августа 1488 года Иннокентий VIII направил краткое послание, запрещающее инквизиторам продолжать расследование против вице-канцлера, и поручил это дело лично ему. Но к этому времени высокомерие Торквемады было так велико, что его больше нельзя было запугать папскими указаниями. По его указанию инквизиторы Сарагосы ответили, что утверждения, содержащиеся в апелляции Кабальерии, были ложными. Папа, однако, был настойчив и заставил Святую Канцелярию подчиниться его воле и верховной власти. 20 октября того же года протокол судебного разбирательства был направлен в Ватикан. В результате их прочтения Его Святейшество, должно быть, отпустил Кабальерии грехи, поскольку он не только был избавлен от опасности, которой подвергался, но и продолжал неуклонно подниматься в чести и значении, пока не стал главным судьей и главой Эрмандада Арагона.¹³¹

Льоренте сообщает нам,¹³² что он ознакомился с протоколами примерно тридцати судебных процессов в связи с делом Арбуэса, и что публикации любого из них было бы достаточно, чтобы вызвать отвращение к инквизиции, если бы она уже не вызывала отвращения во всех цивилизованных странах, включая Испанию.

Он упоминает, однако, два интересных и важных случая, [133](#) чтобы показать, насколько произвольным был дух инквизиции и насколько далеко простиралась ее рука.

Хуан Педро Санчес, главарь этого дела, бежавший в Тулузу, был, как мы видели, осужден как непокорный и сожжен как чучело в ожидании ареста его личности.

В то время в Тулузе жил студент по имени Антонио Агустин, член прославленной арагонской семьи и человек, которому суждено было достичь большого достоинства и чести. Поддавшись порыву фанатизма и действуя совместно с несколькими другими испанцами в Тулузе, он подал петицию об аресте Санчеса. Когда это было сделано, он написал письмо инквизиторам Арагона и переслал его своему брату Педро в Сарагосу для вручения.

Однако Педро сначала обсудил этот вопрос с Гильерме Санчесом, братом беглеца, и тремя друзьями, и все они были против намерений Агустина. Они решили не доставлять письмо и написали Агустину, умоляя его отозвать свое заявление против Санчеса и согласиться на восстановление беглеца на свободе.

Агустин был убежден и в ответ сообщил своему брату, что он сделал так, как они просили. Как только Педро Агустин в Сарагосе убедился в этом, он передал письма инквизиторам — хотя почему он должен был это сделать, никоим образом не ясно. Возможно, он решил, что это был самый мудрый ход, чтобы впоследствии не выяснилось, что он скрыл такое сообщение. Но из дальнейшего будет видно, насколько опрометчивым он был.

Святая канцелярия, получив письма и предположив, что Хуан Педро Санчес все еще находится под арестом в Тулузе, приказала доставить его в Сарагосу. Суды Тулузы ответили, что он уже освобожден и что в настоящее время его местонахождение неизвестно.

Инквизиторы расследовали это дело с той ужасающей тщательностью, на которую у них были средства. Они контролировали самую замечательную полицейскую систему, которую когда-либо видел мир. Огромная гражданская армия была зачислена на службу в Святую Канцелярию в качестве членов высшего ордена Святого Доминика. Это были братья-миряне в семье, и поскольку положение давало тем, кто его занимал, определенные важные преимущества, одним из которых был иммунитет от налогообложения, [134](#) понятно, что их число должно было быть ограничено, настолько значительными были заявления о зачислении.

Первоначально это был покаянный орден, но очень быстро он стал известен как "Ополчение Кристи", а его члены — как приближенные Святой Канцелярии - *то есть* часть семьи Святого Доминика. Они были одеты в черное, на их камзолах и плащах красовался белый крест Святого Доминика, и их заставили присоединиться к Братству Святого мученика Петра. Инквизиторы редко выезжали за границу без сопровождения этих вооруженных братьев-мирян.

В рядах Ополчения Кристи можно было встретить людей всех профессий, достоинств и призваний. Они составляли тайную полицию инквизиции, они были глазами и ушами Святой Канцелярии, вездесущими в каждом слое общественной жизни.

Через этих агентов инквизиторы вскоре выяснили, что произошло по делу Хуана Педро Санчеса, и вскоре пятеро друзей были арестованы и вынуждены ответить по серьезному обвинению в препятствовании деятельности Святой Канцелярии.

Их провели публично в Аутодафе 6 мая 1487 года как подозреваемых —*левитера* — в иудаизме; им было предписано стоять на виду у народа со свечой в руке и в *санбенитово* время мессы, и после этого они были лишены права занимать какие-либо должности или получать пособия или заниматься какой-либо почетной профессией, к благоволению инквизиторов.

Как бы то ни было, они легко отделались. То, что их заподозрил *левитер* в иудаизме, показывает нам, как легко могло возникнуть это подозрение. В данном случае это было чисто конструктивно — вывод, который следует сделать из того факта, что они подружились с иудействующим, который находился под приговором.

Другой случай гораздо более ужасен. Это проявляется в действии указа Торквемады относительно детей еретиков и в полной мере раскрывает его ужасающую бесчеловечность.

Еще одним человеком, бежавшим в Тулузу, опасаясь быть замешанным в деле об убийстве Арбуэса, был некто Гаспар де Санта-Крус. Случилось так, что он умер там после того, как был приговорен как непокорный и сожжен в виде чучела в Сарагосе. До ушей инквизиторов дошло, что в бегстве ему помогал его сын; и, не довольствуясь тяжелым наказанием в виде позора, которое автоматически должно было пасть на этого сына за грехи, которые не были его собственными, не довольствуясь тем, что довели его до нищеты, конфисковав его наследство и лишив права занимать должности, получать пособие или почетную работу, они теперь схватили его лично и обвинили в препятствовании.

Одетый в желтое *санбенито*, этот сын, исполнивший своим отцом священный долг, налагаемый природой и человечеством, был подвергнут презрению в Автомобиле и дополнительно наказан тем, что был вынужден предстать перед судом Святой Канцелярии и засвидетельствовать дерзкое бегство своего отца. И даже тогда этот омерзительный трибунал не считал себя удовлетворенным. Далее ему было предписано отправиться в Тулузу, эксгумировать останки своего отца и публично сжечь их, вернувшись в Сарагосу с должным заверенным отчетом о представлении, после чего он должен был получить отпущение грехов.

Санта-Крус выполнил этот варварский приказ, как единственное средство спасти свою свободу и, возможно, жизнь. Ибо несомненно, что если бы он отказался, было бы заявлено, что он отверг предложенные средства примирения с Церковью, которую он так тяжко оскорбил, и он был бы привлечен к ответственности как нераскаявшийся; в то время как если бы он воспользовался единственной альтернативой и сбежал, он должен был быть осужден как непокорный и отправился бы на костер, если бы его когда-либо схватили.

С момента своей смерти Педро Арбуэс де Эпила считался святым и мучеником, и члены его ордена тщательно поддерживали это представление в умах верующих.

И, как обычно в подобных случаях, чудесные проявления его святости якобы начались в самый час его смерти. Трасмиера говорит нам, что колокола звонили сами по себе, когда он умер, и он полагает, что это подтверждает их использование в то время, когда Лютер и другие осуждали их как бесполезные.

Кровь инквизитора, как мы узнаем из того же источника, закипела на камнях церкви, куда она упала, и продолжала это делать в течение двух недель после этого; в то время как в любой из двенадцати дней, непосредственно последовавших за ночью его убийства, носовой платок, приложенный к камням, на которые была пролита его кровь, когда его вынимали, был обнаружен запачканным кровью.

Это, говорит Трасмиера, были чудеса, свидетелями которых были все. Гораздо больше материалов того же рода, включая рассказ о явлениях инквизитора после смерти, о чем свидетельствует Мозен Бланко, которому призрак явился и с которым он долго беседовал, можно найти в “Виде и муэрте достопочтенного инквизитора Педро Арбуэса” Трасмиеры.

Меч, которым он был убит, хранился в столичной церкви Сарагосы, как реликвия, освященная пропитавшей его кровью.

Он был похоронен в той же церкви, и на том месте, где он пал, Изабелла воздвигла прекрасный памятник в его память в 1487 году. Часть надписи на нем гласила: “Счастливая Сарагоса! Радуйтесь, что здесь похоронен тот, кто составляет славу мучеников”.

Двести лет спустя он был причислен к лику блаженных Александром VII, в основном благодаря усилиям испанских инквизиторов, которые понимали, какой дополнительный престиж придаст их ордену, если одному из его членов будут поклоняться как мученику. Его канонизация последовала в девятнадцатом веке. Это было сделано папой Пием IX и стало предметом многочисленных насмешливых комментариев в Риме того времени, который только что сбросил оковы клерикального правления, сковывавшие его около полутора тысяч лет.

ГЛАВА XV ДАЛЬНЕЙШИЕ “ИНСТРУКЦИИ” ТОРКВЕМАДЫ

Бесстрашному, но безрезультатному сопротивлению, оказанному Сарагосой инквизиции, подражали главные города Арагона; все без исключения протестовали против учреждения этого трибунала в новой форме, которую придал ему Торквемада.

Но нигде не было ни малейшего сопротивления железной цели Великого инквизитора, вооруженного всей силой гражданского правосудия, принуждать людей к подчинению воле церкви.

Предложение назначить туда инквизиторов привело к открытому восстанию в Теруэле; и вооруженное сопротивление было настолько ожесточенным и решительным, что порядок и повиновение были восстановлены только после появления королевских войск на улицах этого города в марте 1485 года.

В Валенсии также существовала энергичная оппозиция, возглавляемая знатью, а по всей Каталонии сопротивление было настолько решительным, что только два года спустя монархам удалось привести народ к покорности.

Барселона настаивала на древнем праве назначать своих собственных инквизиторов и упорно и гневно отказывалась признавать власть Торквемады или его делегатов, несмотря на любые буллы, которые могли быть изданы Сикстом IV и Иннокентием VIII. Упрямство этого города не было побеждено до 1487 года, после того, как папа Иннокентий издал свою вторую буллу,

утвердив Торквемаду в должности великого инквизитора Кастилии, Леона, Арагона и Валенсии и еще больше расширив его юрисдикцию, включив в нее всю Испанию — в этой булле он формально отменил древние права Барселоны назначать своих собственных инквизиторов.

Из этого должно быть достаточно ясно, что, несмотря на расовую антипатию между испанцем и евреем, несмотря на религиозный дух, столь пылкий в народе Испании, усиливающий сверх всякой причины ненависть к израильтянам, инквизиция — в том виде, в каком ее понимал и контролировал Торквемада, — была очень далека от того, чтобы быть желанной для них. То, что этому мрачному институту удалось так прочно утвердиться на испанской земле и обладать там такой властью, какой он не обладал ни в одной другой католической стране Европы, было полностью заслугой братьев Святого Доминика и фанатизма Торквемады, игравших на фанатизме и стяжательстве монархов.

Противники Римской церкви настаивали на том, что инквизиция была религиозным институтом. Защитники той же Церкви в своем стремлении сбросить с ее плеч столь ужасное бремя пытались показать, что инквизиция была политической машиной. Она не была ни тем, ни другим, и в то же время она была и тем, и другим. Но в основном это было просто канцелярское оружие. А клерикализм на Пиренейском полуострове, проникнутый духом Торквемады, превратил этот институт в инструмент гораздо более ужасный и деспотичный, чем тот, который был характерен для Италии, Франции или любой другой римско-католической страны мира, в которой Святая Канцелярия находилась под юрисдикцией.

Вечером пятнадцатого века в Испании оно установило абсолютное господство террора, лишив людей всякой свободы совести и слова и распространив сеть шпионажа по всему лицу страны.

А тем временем практика выявила определенные недостатки в уже изданных им указах, и в 1485 году Торквемада добавил еще одиннадцать статей. Однако в основном они касаются внутренних дел Святой Канцелярии, а не ее отношения к правонарушителям.

Статьи I и II предусматривают оплату труда офицеров инквизиции и постановляют, что ни один офицер не должен получать подарки любого характера под страхом немедленного увольнения.

Статья III гласит, что инквизиторы должны иметь постоянного агента в Риме, который должен быть сведущ в законах, чтобы он мог заниматься делами, относящимися к Святой Канцелярии.

Из этого следует вывод, что апелляции в Ватикан продолжали поступать, несмотря на принятые папой положения о том, что Торквемада является верховным арбитром в вопросах Веры.

Статьи V-XI полностью посвящены деталям, касающимся конфискаций. Они не представляют особого интереса, но показывают, насколько обширным к настоящему времени стало дело конфискации, поскольку способ его проведения и распоряжения конфискованным имуществом должен требовать такого количества постановлений, регулирующих его.

Статья IV - единственная, о которой можно сказать, что она касается реальной судебной практики Священной канцелярии. Это сделано не столько для смягчения строгости, сколько для устранения неудобств, которые могут возникнуть в связи со статьей X “Инструкций” 1484 года.

Этой статьей было постановлено, что конфискация должна быть ретроспективной — *т.е.* что имущество еретика должно быть конфисковано не со дня обнаружения его ереси, а с даты самого преступления. Таким образом, любая собственность, которая могла бы тем временем быть отчуждена — будь то обычным способом торговли или иным образом, — должна рассматриваться как собственность Святой Канцелярии и должна была быть конфискована Святой Канцелярией, независимо от того, в чьи руки она могла бы тем временем перейти.

Такой указ, как будет видно, оказался серьезным препятствием для торговли; ибо покупать что-либо у кого-либо стало небезопасно, поскольку, если впоследствии обнаружится, что одна из сторон сделки впала в грех ереси до этой сделки, другая будет лишена приобретенного имущества и может понести все убытки. Более того, поскольку против мертвых возбуждалось судебное разбирательство и поскольку не было никаких ограничений на ретроспективу, разрешенную инквизиторам, ни один человек не мог считать себя защищенным от конфискаций, понесенных в результате греха кого-то другого, у кого он или его предки приобрели имущество.

Расплывчатость этой статьи настоятельно требовала внесения поправок, и это было целью статьи IV "Инструкций" 1485 года. Он постановил, что все контракты, заключенные до 1479 года, должны считаться действительными, хотя в отношении любой из договаривающихся сторон может быть обнаружено, что он был виновен в ереси на момент заключения такого контракта.

Это единственный случай, когда мы находим, что Торквемада издает указ, смягчающий строгость любого предыдущего постановления, и совершенно ясно, что это постановление продиктовано не милосердием, а целесообразностью.

В случае мошенничества или злоупотребления привилегией, предоставленной этой статьей, со стороны кого-либо из участников мошенничества, Торквемада предусмотрел, что преступник, в случае примирения, должен получить сто ударов плетью и быть заклеен на лице каленым железом; в то время как в случае несогласия — даже если он должен быть добрым католиком — он должен понести конфискацию всего своего имущества.¹³⁵

Чтобы оправдать наказание в виде клеймения на лице, случай Каина рассматривается как надлежащий прецедент, и такой современный историк, как Гарсия Родриго, без колебаний выдвигает это на первый план.¹³⁶

Три года спустя, в 1488 году, Торквемада счел необходимым добавить к своим "Инструкциям" еще пятнадцать статей, и мы можем немного предвосхитить их, кратко ознакомившись с их положениями на данном этапе.

Жалобы в Рим на несправедливость и чрезмерную строгость инквизиторов — постоянная черта Великой инквизиции Торквемады — к тому времени стали настолько многочисленными, что папа счел необходимым приказать Торквемаде пересмотреть то, что Амадор де лос Риос очень метко назвал его "Кодексом террора".¹³⁷

Основное основание для этих жалоб касалось задержек, которые так часто имели место при предании обвиняемого суду. Когда в конечном итоге заключенному выносился оправдательный приговор, это происходило после длительного срока тюремного заключения, за который не было никакой компенсации или возмещения ущерба; и когда лицо, с которым таким образом обращались, было человеком с положением и влиянием, естественно, что он решительно

протестовал против обращения, которому он подвергался, до того, как обнаруживалось, что против него не может быть выдвинуто никаких обвинений. Нельзя предполагать, что истинная причина этих задержек кроется в растянутости или нерасторопности со стороны инквизиторов. Действительно, чрезмерная оперативность, с которой они вели дела своего трибунала, является предметом скандала, на который Льоренте не раз обращает внимание - и особенно в ходе хроники того факта, что в год своего появления в Толедо этот суд рассмотрел — как мы увидим — не менее 3300 дел, 27 обвиняемых были сожжены, а остальные понесли наказание различной степени тяжести. Он резонно возражает, что совершенно невозможно, чтобы при таком темпе процедуры доказательства могли быть должным образом проанализированы и свершилось какое-либо правосудие.

Там, где имели место задержки, они были результатом крайнего нежелания Святой Канцелярии отпускать на свободу тех, на ком когда-то держались ее когти. Таким образом, когда не хватало даже незначительной степени или доказательств, необходимых инквизиторам для вынесения обвинительного приговора, они медлили в ежедневной надежде, что такие доказательства могут быть получены, и путем повторных допросов тем временем стремились вынудить несчастного заключенного к противоречиям, которые должны были оправдать их применение пыток.

Принимая во внимание прямое указание папы, Торквемада был вынужден изменить это положение вещей, по крайней мере теоретически, постановив (статья III), что не должно быть никаких задержек при рассмотрении дела в суде из-за отсутствия доказательств. При отсутствии доказательств обвиняемый должен быть немедленно возвращен на свободу, поскольку он может в любое время — при наличии новых доказательств — быть повторно арестован.

Аналогичным образом, в целях ускорения судебных процессов он приказал (статья IV), чтобы, поскольку во всех судах инквизиции не было необходимых адвокатов, впредь, когда дело было завершено, *досье* о разбирательстве должно быть направлено самому Великому инквизитору, а затем он передаст его юристам *Suprema*, которые проконсультируют по нему.

Но он вполне компенсировал то смягчение строгости, которое могло содержаться в этих статьях, большей строгостью, предписанной некоторыми другими указами, которые он воплотил в этих “Инструкциях” 1488 года.

Обнаружив, что инквизиторы Арагона отступили от некоторых его постановлений 1484 года, разбавив их более слабыми правилами, принятыми при старой инквизиции в этом королевстве, он приказал, чтобы все инквизиторы действовали в строгом соответствии со статутами, содержащимися в прошлых “Инструкциях”.

Он предусмотрел (статья V), что инквизиторы должны сами посещать тюрьмы раз в две недели, но что посторонним не должно быть разрешено общаться с заключенными, за исключением, конечно, священников, которые будут приходить, чтобы утешить их. С целью соблюдения еще большей секретности на судебных процессах он повелел (статья VI), чтобы при даче показаний свидетелями не присутствовал никто, кроме тех, кто по закону абсолютно необходим; и он повелел (статья VII) обеспечить безопасное и секретное хранение всех документов, относящихся к рассматриваемым делам.

Нам остается сделать вывод, что суровость его постановления в отношении детей еретиков была немного смягчена естественной человеческой жалостью, которая вовсе не была свойственна безжалостному Великому инквизитору; ибо теперь мы находим, что он (статья XI) предписывает инквизиторам позаботиться о том, чтобы указ, запрещающий этим несчастным носить золото, серебро и изысканные одежды и лишаящий их права занимать почетные должности, строго соблюдался.

Он предусмотрел (статья XIII), что все расходы Священной канцелярии, которые к настоящему времени, должно быть, были огромными, учитывая, до каких огромных размеров он развил эту организацию, должны покрываться за счет конфискованного имущества до того, как оно будет передано в королевскую казну; и далее (статья XV), что все назначенные нотариусы, фискалы и констебли должны выполнять свои функции лично, а не через заместителя.

Наиболее интересный из этих статуты 1488 года, в силу содержащейся в нем информации о деятельности инквизиции и огромных масштабах судебных преследований, которыми она занималась, содержится в статье XIV. Тюремь Испании становились настолько переполненными, а расходы на содержание заключенных ложились таким тяжелым налогом на Святую Канцелярию, что возникла настоятельная необходимость в принятии каких-либо новых мер, которые облегчили бы это бремя. Следовательно, как говорится в этой статье, Торквемада повелел монархам распорядиться о строительстве в каждом округе инквизиции четырехугольной ограды из небольших домов (*касильяс*) для проживания лиц, приговоренных к покаянию в виде тюремного заключения. Эти дома должны были быть устроены таким образом, чтобы кающиеся могли заниматься в них своим делом или торговлей и зарабатывать себе на жизнь, избавляя таким образом инквизицию от больших расходов на их содержание. Каждое из этих четырехугольных исправительных учреждений — таково происхождение термина — должно было быть оборудовано собственной часовней. ¹³⁸

ГЛАВА XVI ИНКВИЗИЦИЯ В ТОЛЕДО

Льоренте, историк испанской инквизиции, и М. Фидель Фита, выдающийся автор “Болетин реальной академии истории”, оба имели доступ к записи, оставленной лиценциатом Себастьяном де Ороско, очевидцем создания инквизиции в Толедо, и оба использовали ее. Это дословно напечатано М. Фиделем Фитой. ¹³⁹

Подробности, приводимые Ороско, настолько обстоятельны, что стоит внимательно за ними проследить, поскольку они, можно сказать, дают типичную картину того, что происходило не только в городе, о котором идет речь, но и во всей Испании.

Именно в мае 1485 года инквизиция впервые была учреждена в Толедо, этом благородном городе, возведенном на скале, отвесно возвышающейся над бурлящими водами Тежу, и увенчанном королевским дворцом, который до сих пор носит мавританское название Алькасар. Он был переведен туда по приказу Торквемады с Виллы Реаль, где действовал в течение нескольких месяцев.

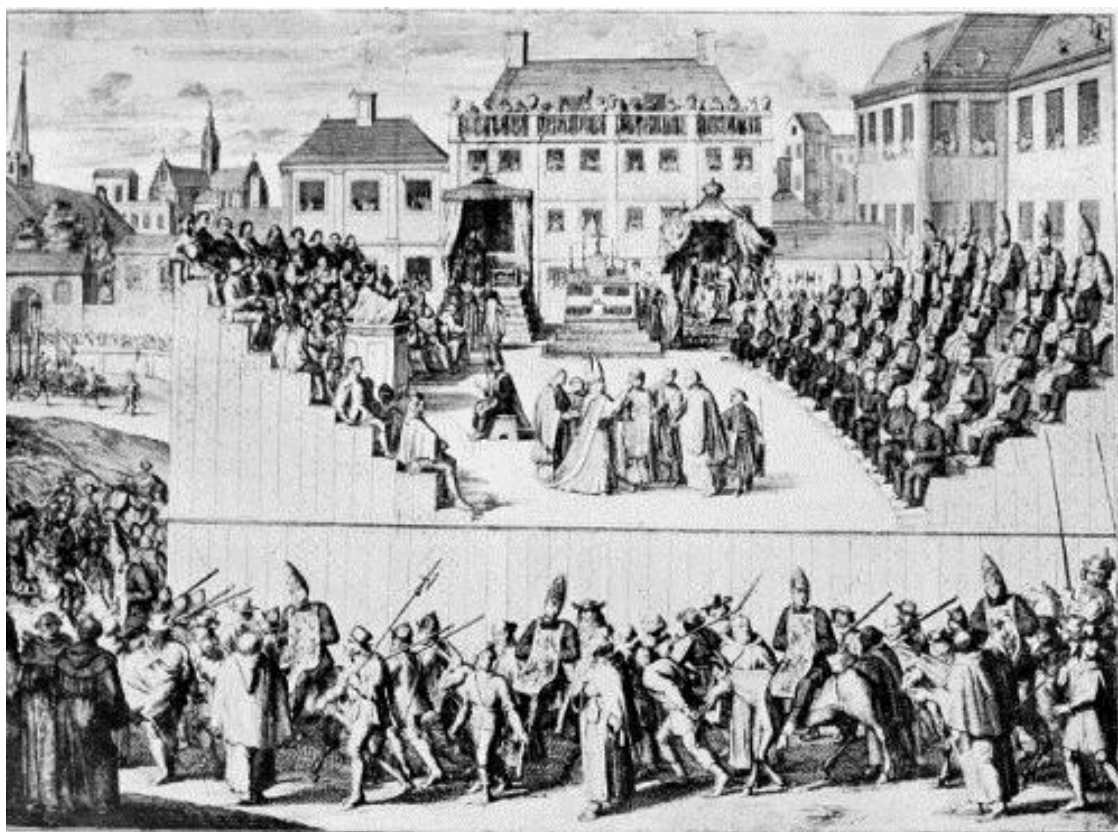
“Для того, чтобы наш Бесконечный Искупитель Иисус Христос был прославлен во всем, что Он делает, и за большую силу Его Святой католической Веры, - пишет Ороско, - знайте все, кто придет после нас, что в 1485 году, в мае месяце, Святая инквизиция против еретической правды была направлена в этот очень благородный город Толедо нашими очень просвещенными Суверенами, доном Фернандо и донной Изабеллой.... В состав этой инквизиции входили администраторы Васко Рамирес де Рибера, архидьякон Талаверы, и Педро Диас де ла Костана, лицензиат богословия, и с ними один из королевских капелланов в качестве фискала и прокурора, и некто Хуан де Альфаро, севильский патриций, в качестве главного констебля (*альгуасиль*) и два нотариуса”.

Лицензиат Педро Диас де ла Костана проповедовал народу на третий день Пятидесятницы (вторник, 24 мая), уведомляя их о папской булле, в соответствии с которой действовали инквизиторы, и о власти, данной этим инквизиторам для рассмотрения дел о ереси; объявляя большее отлучение от церкви любому, кто словом, делом или советом осмелится выступить против инквизиции при исполнении ее долга.

В заключение его заявления были принесены Евангелия и распятие, и на них все должны были принести торжественную клятву в своем желании служить Богу и Суверенам, поддерживать католическую веру, а также защищать и укрывать администраторов Святой инквизиции.

Наконец, лицензиат опубликовал обычный эдикт о помиловании для тех, кто совершает самообман. Он призывает всех иудействующих вернуться к Вере и примириться с Церковью в течение сорокаднев, как указано в самом эдикте, который по его приказу был прибит к дверям Собора.

Прошла неделя без какого-либо ответа на этот вызов. *Конверсос* Толедо готовились оказать сопротивление введению инквизиции в их город, и под руководством некоего Де ла Торре и некоторых других они уже разработали свои планы и наметили направления, которые должно было принять это сопротивление.

Фотография Дональда Макбета.

"АВТО ДЕ ФЕ".

Из "Истории инквизиции" Лимборха.

Заговор состоял в том — по словам Ороско, который, как вы уже поняли, был ярым сторонником Святой Канцелярии, — что в праздник Тела Христова, который приходился в том году на 2 июня, заговорщики должны были быть вооружены, чтобы подстеречь процессию, напасть на нее, когда она продвигалась по улицам, и убить инквизиторов и их защитников. Сделав это, они должны были захватить городские ворота и удерживать Толедо против короля.

Прекрасное стратегическое положение города могло подойти для реализации столь смелого плана, и, по-видимому, целью новохристиан было удерживать его до тех пор, пока не будут согласованы условия капитуляции, которые должны были гарантировать неприкосновенность повстанцев от любого наказания, а самого Толедо - от юрисдикции Святой Канцелярии. Но, в целом, это был настолько безмозглый заговор, что мы более чем обоснованно сомневаемся в том, существовал ли он когда-либо на самом деле.

"Нашему Искупителю было угодно, - говорит Ороско, - чтобы этот заговор был раскрыт накануне Праздника Тела Христова". Он не удовлетворяет нашего любопытства относительно того, как было сделано открытие, и это упущение усиливает наши сомнения.

Нам сообщили, что подробности были получены от нескольких заговорщиков, которые были арестованы в тот день коррехидором Толедо Гомесом Манрике. Принимая во внимание полученную таким образом информацию, Манрике приступил к поимке Де ла Торре и четырех его друзей. Одного из этих пленников, сапожника по имени Лопе Маурисо, коррехидор повесил

на месте утром в день праздника, еще до того, как процессия вышла из собора. Этот акт, возможно, был задуман как средство устрашения для всех, кто все еще лелеял мысль привести заговор в исполнение.

Процессия прошла без каких-либо беспорядков; и, повесив еще одного из своих пленников, Манрике подверг остальных крупным штрафам, в результате чего они отделались гораздо легче, чем если бы их судил суд Святой Канцелярии. К счастью для них самих, было сочтено, что их преступление подпадает под юрисдикцию светских судов.

Вскоре после этого, возможно, потому, что теперь они поняли, что им больше не на что надеяться, саморазоблачители начали приходить к инквизиторам с просьбой о примирении.

Но когда срок действия эдикта истек, выяснилось, что неутомимый Торквемада подготовил второй, дополняющий его. Он приказал опубликовать совершенно новую меру, предписывающую, чтобы все, кто знал о каких-либо еретиках, отступниках или иудействующих, должны были под страхом отлучения от церкви и того, что их самих сочтут еретиками, разглашать инквизиторам имена таких преступников в течение шестидесяти дней.

Уже существовало постановление инквизиции, которое вместо того, чтобы предлагать, как во все времена это делали светские суды, вознаграждение за поимку лиц, скрывающихся от правосудия, налагало на тех, кто спонтанно пренебрегал этой работой по поимке преступников, когда возникала такая возможность, штраф в размере 500 дукатов в дополнение к их отлучению от церкви. Но новая мера Торквемады пошла еще дальше. И она не закончилась указом, о котором мы упоминали. Когда шестьдесят дней истекли, он приказал продлить этот срок еще на тридцать дней — не только в Толедо, но и в Севилье, где он распорядился опубликовать тот же эдикт, — и теперь последовала самая жестокая мера из всех. Он приказал инквизиторам вызвать раввинов синагог и заставить их поклясться в соответствии с Законом Моисея, что они донесут инквизиторам на любого крещеного еврея, который, по их мнению, вернется к еврейскому культу, и он установил, что для любого раввина сохранение такого вопроса в секрете является тяжким преступлением.

Даже сейчас он не считал, что зашел достаточно далеко в этой позорной мере преследования. Он постановил, что раввины должны опубликовать в своих синагогах эдикт об отлучении от церкви по Закону Моисея всех евреев, которые не предоставят инквизиторам информацию о любом иудействе, о котором им может быть известно.

В этом указе мы улавливаем силу фанатичной, презрительной ненависти, с которой Торквемада относился к израильтянам. Ибо ничто, кроме смешанной ненависти и презрения, не могло вдохновить его настолько растоптать чувства их священников и принудить их под страхом смерти пойти по пути, при котором они должны будут пожертвовать своим самоуважением, поступиться совестью и сделать себя отвратительными в глазах каждого здравомыслящего еврея.

Этим чудовищным актом сами евреи были вынуждены поступить на секретную службу инквизиции и из-за страха духовных и физических последствий натравить доносчиков на своих братьев.

“Многие, - говорит Ороско, который, без сомнения, считал эту меру столь же похвальной, сколь и дьявольски пронизательной, - были мужчинами и женщинами, пришедшими свидетельствовать”.

Аресты начались сразу же и продолжались с беспрецедентной активностью, о чем свидетельствуют записи о задержанных автомобилях, которые Ороско сохранил для нас.

И уже подожгли хворост, сложенный у костра в Толедо, ибо первые жертвы вскоре попали в нетерпеливые руки инквизиторов Веры.

Это были трое мужчин и три их жены, уроженки Вилья-Реаль, бежавшие оттуда, когда инквизиторы впервые учредили там свой трибунал. Они благополучно добрались до Валенсии, купили там ялик, снарядили его и отправились в плавание. Они пробыли в море пять дней, когда, конечно, “Богу было угодно послать встречный ветер, который унес их обратно в порт, из которого они вышли”, — и таким образом попали в руки добрых инквизиторов, столь заботящихся о спасении их душ. Они были арестованы по прибытии на берег и доставлены в Толедо, куда тем временем был переведен трибунал. Их судили; их бегство подтвердило их вину; и поэтому — *Christi nomine invocato* — они были сожжены по приказу инквизиторов.

В результате самоотчетов в Толедо в первое воскресенье Великого поста (12 февраля) 1486 года было проведено первое великое аутодафе. Примиренные из семи приходов, насчитывавшие около 750 мужчин и женщин, были взяты в процессию и подвергнуты епитимье, известной как *вергуенца*- или “позор”, — которая, какой бы унижительной для христианина ни была, была настолько уязвлена гордостью еврея (и не в меньшей степени гордости мавра), что он почти предпочел бы саму смерть. Она заключалась в том, что мужчин и женщин проводили парадом по улицам с непокрытой головой, босиком и обнаженными по пояс.

Во главе процессии, которой предшествовал белый крест, шагая по двое, шла часть Братства Святого Петра Мученика — приближенные Святой Канцелярии, одетые в черное, с белым крестом Святого Доминика на их плащах. За ними следовала орда полуголых кающихся, к их душевным пыткам добавлялся жестокий физический дискомфорт, поскольку погода была такой сырой и холодной, что было сочтено целесообразным снабдить их сандалиями, иначе они не смогли бы ходить.

В руке каждый нес незажженную свечу из зеленого воска в знак того, что свет Веры еще не озарил его душу. Вскоре, когда они должны были получить примирение и отпущение грехов, эти свечи должны были быть зажжены в знак того, что свет Веры снова вошел в их сердца — свет, являющийся символом Веры, точно так же, как “свет” и “вера” стали почти взаимозаменяемыми терминами.

Ороско сообщает нам, что среди кающихся были многие видные граждане Толедо, многие выдающиеся и почтенные люди, которые, должно быть, глубоко испытывали стыд от того, что их провели таким образом по многолюдным улицам, чтобы они могли представить благотворное зрелище толпе, собравшейся в Толедо со всех окрестных округов. Чтобы обеспечить такую хорошую посещаемость, об Авто было объявлено повсюду за две недели до его проведения.

Летописец этих событий сообщает нам, что многими и громкими были стенания этих несчастных. Но совершенно очевидно, что их состояние не вызвало у него жалости, поскольку он выражает мнение, что их горе было вызвано скорее бесчестьем, которому они подвергались, чем — как это должно было быть — тем, что они оскорбили Бога.

Процессия петляла по главным улицам города и, наконец, подошла к Кафедральному собору. У главных дверей стояли два капеллана, которые большими пальцами осеняли крестным знаменем лоб каждого кающегося по очереди, сопровождая это действие формулой: “Прими Крестное Знамение, которое ты отрицал и которое, будучи введенным в заблуждение, ты потерял”.

Внутри собора были воздвигнуты два больших эшафота. Кающихся привели на один из них, где их ожидали преподобные инквизиторы. На другом был воздвигнут алтарь, увенчанный зеленым крестом инквизиции, и, как только все кающиеся были собраны, а толпа отдыхающих плотно обступила эшафоты, была отслужена месса и произнесена проповедь Веры.

Когда это закончилось, нотариус Святой канцелярии встал и огласил длинный список кающихся, каждый отзывался по имени и слушал, как ему зачитывают его конкретное преступление. После этого была объявлена епитимья. Их должны были выпороть в процессии в каждую из следующих шести пятниц, обнаженными по пояс, с непокрытой головой и босиком; они должны были поститься в каждую из этих шести пятниц, и они были дисквалифицированы на всю оставшуюся жизнь от должности, пособия или почетной работы, а также от использования золота, серебра, драгоценных камней или тонких тканей в своей одежде.

Их предупредили, что если они снова впадут в ошибку, или не смогут выполнить какую-либо часть наложенной епитимьи, их сочтут нераскаявшимися еретиками и передадут в руки светских властей; и после этого мрачного предупреждения они были уволены.

Каждую из следующих шести пятниц Великого поста их процессией водили из церкви Сан-Педро-Мартир к другому святилищу, и когда, наконец, они завершили это унижительное покаяние, было также предписано, чтобы они раздавали “милостыню” в размере одной пятой стоимости своего имущества, которая направлялась на священную войну против неверных Гранады.

Едва от кающихся в этом Авто избавились — последнее шествие состоялось 23 марта, — как состоялось второе Авто.

Это произошло во второе воскресенье апреля, и по этому случаю 486 мужчин и женщин были подвергнуты епитимье, причем процедура и наложенное наказание были одинаковыми.

На Троицу того же года инквизитор Костана произнес проповедь Веры, после чего был публично зачитан и прибит к дверям собора указ, призывающий всех бежавших сдать Святой Канцелярии в течение девяноста дней под страхом вынесения приговора за самовольное отсутствие. Как мы узнаем, среди упомянутых были несколько священнослужителей, в том числе три монаха-иеронимита.

Наконец, во второе воскресенье июня — 11 числа того же месяца — у нас будет последний автомобиль в рамках льготного периода. При этом кающиеся из четырех приходов,

насчитывающих около 750 человек, были приведены к примирению точно на тех же условиях, которые уже соблюдались в двух предыдущих Аутодафе.

CHAPTER XVII AUTOS DE FÉ

Инквизиции Толедо теперь приходилось иметь дело с еретиками, которых следует считать нераскаявшимися, поскольку они не воспользовались благосклонным снисхождением Церкви и спонтанно искали предложенного примирения. С этого момента происходящее приобретает гораздо более зловещий характер.

Первое состязание в этих измененных условиях состоялось 16 августа 1486 года. Среди обвиняемых, привлеченных к суду, были двадцать мужчин и пять женщин, чьи проступки обрекли их на передачу в руки светских властей, и один из них был не кем иным, как регидором — или губернатором — Толедо, рыцарем-командором ордена Сантьяго.

Их вывели из тюрьмы инквизиции незадолго до шести часов того летнего утра, одетых в желтые *санбенито* и *коросу*. На каждом *санбенито* имелась надпись, сообщающая имя владельца и характер его преступлений против Веры, и вдобавок они были намазаны гротескными красными изображениями драконов и дьяволов. На шее каждого пленника была веревка, другим концом которой были связаны его руки. В руках, связанных таким образом, он нес незажженную свечу из зеленого воска.

Таким образом, их провели процессией по улицам, причем процессию, как обычно, возглавлял отряд приближенных Братства Святого Петра Мученика — Воинов Веры, — а впереди теперь шел зеленый крест инквизиции, окутанный траурной вуалью из черного крепа.

Зеленый крест своим цветом не просто символизировал постоянство и вечность, но и был сделан как бы из свежесрубленных сучьев, чтобы представлять живое дерево, эмблему истинной веры в отличие от засохших веток, которые следует бросать в огонь. [140](#)

Вслед за Воинами Веры под ало-золотым балдахином, который несли четыре послушника и перед которыми шел звонарь, шел священник, который должен был отслужить мессу, в алой ризе, предписанной литургией для этих ужасных торжеств. Он нес Войско, и когда он приблизился, толпа опустилась на колени, ударяя себя в грудь в такт звону колокола.

За балдахином прошел еще один отряд приближенных, а за ними снова последовали обреченные узники, каждого из которых сопровождали два брата-доминиканца в белых сутанах и черных плащах, горячо призывая тех, кто еще не исповедался, сделать это даже в этот поздний час.

Констебли Святой канцелярии и латники светских властей шли по бокам этой части процессии, держа на плечах сверкающие алебарды.

За ними следовала группа мужчин, которые несли, раскачиваясь на длинных зеленых шестах, изображения тех, кто должен был быть осужден за самовольное отсутствие — ужасно гротескные соломенные манекены с раскрашенными лицами и битумными глазами, выполненные в *санбенитос* и *корозас*, которые должны были бы украшать оригиналы, если бы они, к счастью, не остались на свободе.

Затем верхом на мулах в развевающихся погребальных одеждах ехали преподобные инквизиторы в сопровождении группы верховых джентльменов в черном, белый крест на груди которых выдавал в них приближенных Святой Канцелярии, офицеров трибунала.

Им непосредственно предшествовало знамя инквизиции, изображавшее в овальном медальоне на черном фоне зеленый крест между оливковой ветвью (декстер) и обнаженным мечом (зловещий). Оливковая ветвь, эмблема мира, символизировала готовность инквизиции милосердно расправиться с теми, кто путем истинного раскаяния и исповеди был склонен примириться со Святой Матерью-Церковью. Милосердие, о котором так много говорилось, могло состоять, как мы знаем, в удушении перед сожжением или, в лучшем случае, в вечном заключении, конфискации имущества и бесчестии, распространяющемся на детей и внуков осужденного.

Меч, с другой стороны, объявил альтернативу. Гарсия Родриго говорит, что он провозгласил медлительность инквизиции с "качать". Если так, то это любопытный символ, выбранный для такой цели; но в любом случае запоздалость едва заметна непрофессионалу.

Процессию замыкал светский судья и его *альгвасилы*.

В таком порядке этот мрачный кортеж двинулся к Соборной площади. Здесь два огромных помоста были задрапированы черным для церемонии, кощунственно названной Актом Веры.

Заключенных подвели к одному из этих эшафотов и разместили на скамьях, которые поднимались от него ярусами, причем самая высокая всегда оставалась для тех, кого предавали светской власти, — до конца, как мы предполагаем, чтобы они были полностью на виду у толпы внизу. Каждый из обвиняемых сидел между двумя монахами-доминиканцами. Шесты с изображениями были установлены по бокам скамей.

Теперь они появились на другом помосте, где был воздвигнут алтарь и расставлены стулья для инквизиторов, в сопровождении нотариусов и фискалов и в сопровождении своих приближенных.

Покрытый зеленым саваном крест был водружен на алтарь, зажжены свечи, зажжена кадильница, и когда облако ладана поднялось вверх, распространяя свой сладковато-острый аромат, Месса началась.

В заключение была произнесена проповедь Веры, в которой были разоблачены грехи обвиняемых, а тех, кто понес наказание в виде передачи в руки светских властей, горячо призвали покаяться и заключить мир со Святой Матерью Церковью, чтобы они могли спасти свои души от проклятия, к которому в противном случае их должна была привести инквизиция.

Когда проповедник умолк, нотариусы Святой канцелярии Толедо приступили к оглашению обвинений каждого обвиняемого, подробно останавливаясь на конкретной форме, которую, как было известно, приняла его иудаизация. Когда называлось имя каждого, его выводили вперед и усаживали на табурет,¹⁴¹ пока происходило чтение длинного предложения.

Не требуется больших усилий воображения, чтобы представить себе картину происходящего и бедного мертвенно-бледного негодяя, охваченного ужасом и обливающегося потом от беспредельного ужаса, который эта затяжная агония, должно быть, вызвала у самых стойких, сидящего там, возможно, уже наполовину оглушенного милосердной рукой Природы, под

палящим августовским солнцем, под пристальным взглядом тысячи глаз, отчасти жалких, отчасти ненавидящих, отчасти жадных до предлагаемого зрелища. Или это может быть какая-нибудь бедная женщина в полуобмороке, которую поддерживают сопровождающие доминиканцы, стремящиеся поддержать ее слабеющее мужество, смягчить ее невыразимую муку утешительными словами, обещающими безжалостное милосердие.

И все это, *Christi nomine invocato!*

Чтение приговора подходит к концу. Оно завершается формулой о том, что Церковь, будучи неспособной сделать больше для преступника, изгоняет его и передает в руки светских властей. Наконец, идет насмешка над этим заступничеством, *действенным*, чтобы уберечь инквизиторов от произвола, — что светское правосудие поступит с ним так, чтобы не пролилась его кровь и чтобы его жизнь или конечности не пострадали.

Вслед за этим обреченного негодяя снимают с эшафота; *альгуазили* светского судьи хватают его; регидор бормочет несколько коротких слов приговора, его сажают на осла и торопливо увозят из города на место сожжения Ла Дехеса.

На этом поле был установлен белый крест, в который воткнуто двадцать пять кольев с наваленным под каждое хворостом, и толпа болезненных зевак наплывает, с нетерпением ожидая начала представления.

Осужденного привязывают к столбу, а доминиканцы все еще продолжают свои увещевания. Они выставляют напоказ распятие перед его ошеломленными, вытаращенными глазами и призывают его покаяться, исповедаться и спасти свою душу от Вечного Ада. Они не отходят от него, пока огонь не начинает потрескивать и первые жестокие язычки голубоватого пламени не пробиваются сквозь хворост, чтобы лизнуть подошвы его босых ног.

Если он сознался, движимый духовным или физическим ужасом, доминиканец делает знак, и палач заходит за кол и быстро душит обреченного. Если его физических страхов оказалось недостаточно, чтобы победить его религиозные убеждения, если он остается твердым в своем намерении умереть долгой, ужасной смертью мученика за веру, которую он считает единственно истинной, доминиканец в конце концов отступает, сбитый с толку этим “злым упрямством”, и несчастного оставляют терпеть ужасные муки смерти на медленном огне.

Тем временем под этим ясным небом — *Christi nomine invocato* — продолжается свирепая работа Веры; обвиняемый следует за обвиняемым, чтобы услышать оглашение приговора, пока последняя из двадцати пяти жертв не будет передана в руки неутомимого светского правосудия. На лугах Ла-Дехеса так ярко пылают костры Веры, что может показаться, будто христиане мстят своим врагам за те человеческие факелы, которые, как утверждается, враг христианства однажды зажег в Риме.

Шесть смертных часов, сообщает нам Ороско, были потрачены на это ужасное дело, [142](#) ибо Суд Святой Канцелярии должен во всем действовать с величавой и помпезной неторопливостью, с той спокойной невозмутимостью, которая предписана “Директориумом” — *упрощенцем и планетариумом*, — чтобы в спешке не впасть в непростительное нарушение порядка.

Только в полдень разбирательство завершилось поспешным отъездом в Ла-Дехеса последнего из этих двадцати пяти.

Инквизиторы и их последователи наконец спустились со своих эшафотов и удалились в Каса Санта, чтобы отдохнуть от тяжких трудов по распространению христианства.

На следующий день предстояло сделать еще кое—что - очень важное дело, требующее совершенно иного церемониала, поэтому его отложили в сторону и выделили день для себя.

Обвиняемых по этому делу было всего двое, но они были двумя священнослужителями. Один был приходским священником Талаверы; другой занимал почетную должность королевского капеллана. Оба были признаны виновными в иудаизме. Их проводили к Машине в полном каноническом облачении, как будто они собирались отслужить мессу, каждый нес свою закрытую вуалью чашу. Приведенных к эшафоту осужденных, они обнаружили, что с другого эшафота им противостоят не только инквизиторы, их сопровождающие и приближенные, но и епископ, которого сопровождали два иеронимита — настоятель монастыря Святого Бернарда и настоятель монастыря Шисла.

Нотариус Святой канцелярии зачитал преступления обвиняемых и объявил их изгнанными из Церкви. После этого каждый по очереди предстал перед епископом, который приступил к унижению его достоинства, поскольку закон не мог без святотатства наложить насильственные руки на священнослужителя.

Начав с лишения каждого из них потира, епископ перешел к лишению священнослужителя-нарушителя его риз; палантин, манипула и повязка снимались последовательно, епископ произносил предписанную формулу для каждой стадии деградации и портил тонзуру, состригая часть окружающей челки волос.

Наконец обреченные священнослужители стояли, лишенные всех знаков отличия своей должности. И теперь *санбенито*— эта риза позора — была наброшена на плечи каждого; их головы были увенчаны трагически гротескной *корозой*, на шею каждому была накинута веревка, а руки связаны. В конце концов приговор был приведен в исполнение, когда они были переданы светским властям, которые схватили их и отправили на костер.

В воскресенье, 16 октября, в соборе было зачитано воззвание, в котором несколько умерших объявлялись еретиками и указывалось, что, хотя они сами умерли, их репутация сохранилась как у христиан. Поэтому возникла необходимость обнародовать их ересь, и их наследникам было предложено явиться в течение двадцати дней и представить инквизиторам отчет о своем наследстве, пользоваться которым они были лишены права, поскольку все имущество, принадлежавшее покойному, в силу указа Торквемады было конфисковано в королевскую казну.

10 декабря 900 человек были допущены к публичному примирению. Это были добровольцы из отдаленных сельских округов, которые отреагировали на недавний указ о милосердии, опубликованный в этих округах.

Нотариус огласил формы иудаизации, в которых каждый из них был виновен, и провозгласил это их намерением отныне жить и умереть в вере Христовой. Затем он зачитал Символы веры, и от них требовалось сказать “Я верю” после каждого и, наконец, дать клятву на Евангелиях и

распятии никогда больше не впадать в заблуждение иудаизма, осудить любого, кого они знали как иудействующих, и всегда поддерживать Святую инквизицию и Святую католическую веру.

Наложенная епитимья заключалась в том, что они должны подвергаться бичеванию в процессии в течение семи пятниц, а затем в первую пятницу каждого месяца в течение года. Это в их собственных округах. Кроме того, они должны были приехать в Толедо и подвергнуться бичеванию в процессии в праздник Святой Марии Августовской и в четверг Страстной недели. Двумстам из них было также приказано носить *санбенито* поверх обычной одежды в течение года, начиная с этой даты, и никогда не появляться на публике без этого под страхом признания нераскаявшимися и наказания за рецидив.

Еще 700 человек пришли к примирению 15 января 1487 года и еще 1200 - 10 марта. Эти последние, по словам Ороско, были из районов Талавера, Мадрид и Гвадалахара; и он добавляет, что некоторые из них были наказаны вплоть до того, что были обречены носить *санбенито* всю оставшуюся жизнь.

В автокатастрофе 7 мая были сожжены четырнадцать мужчин и девять женщин. Среди первых был каноник из Толедо, которого обвинили в ужасной ереси и который, как пишет Ороско, признался под пытками в отвратительном искажении слов Мессы. Вместо предписанной формулы посвящения он заявил, что у него была привычка произносить абсурдную и почти бессмысленную тарабарщину — “Sus Periquete, que mira la gente”.

На следующий день было проведено дополнительное аутодафе, специально для обращения с умершими и беглыми еретиками, проведенное с церемонией необычного и исключительно театрального порядка, которая не столько типична — в отличие от других описанных Аутодафе — для того, что происходило по всей Испании, сколько свидетельствует о болезненной изобретательности толедских инквизиторов.

На эшафоте, который обычно занимали обвиняемые, был установлен надгробный памятник из дерева, задрапированный черным. Когда нотариус процитировал каждого обвиняемого, приближенные открыли памятник и извлекли оттуда изображение мертвеца, одетого в погребальную одежду, характерную для евреев.

Этому соломенному чучелу был торжественно зачитан подробный отчет о его преступлениях и приговор суда, которым он был осужден как еретик. Когда все приговоры были, таким образом, оглашены, изображения были брошены в костер, который разожгли на площади; и вместе с изображениями отправились кости умершего, которые были эксгумированы с этой целью.

После этого 25 июля 1488 года состоялось следующее по важности богослужение, когда двадцать мужчин и семнадцать женщин были отправлены на костер, а на следующий день состоялось дополнительное богослужение, в котором сожгли изображения более сотни мертвых и беглых еретиков.

И так продолжается, как записал лицензиат Себастьян Ороско и процитировали Льоренте¹⁴³ и Фидель Фита.¹⁴⁴ С этого момента количество поджогов увеличивается. Действительно, поскольку срок действия всех эдиктов милости истек, а новые не допускаются, приговорение к сожжению — с помощью светской руки — и к вечному заключению становится главным делом инквизиции в Толедо и других местах.

The *санбенитосы* сожженных хранились в церквях приходов, где они жили. Их вывешивали в этих церквях, как вывешивают знамена, завоеванные в битве, — трофеи победы над ересью.

ГЛАВА XVIII ТОРКВЕМАДА И ЕВРЕИ

В течение первого года основания инквизиции в Толедо там было сожжено двадцать семь человек, осужденных за иудействование, и 3300 понесли наказание. И то, что происходило в Толедо, происходило и в любом другом важном городе Испании.

Теперь многочисленными и яростными были протесты против ужасной и чрезмерной суровости Торквемады. Уже после смерти папы Сикста IV некоторые выдающиеся испанцы предприняли энергичную попытку добиться отстранения приора Святого Креста от должности Великого инквизитора. Утверждалось, что, поскольку его назначение было произведено Сикстом, оно автоматически определялось кончиной этого папы. Но какие бы надежды ни были основаны на таком аргументе, они были очень быстро опровергнуты. Иннокентий VIII, как мы уже видели, не только утвердил Торквемаду на его посту, но и значительно расширил его полномочия и сферу его юрисдикции.

Действительно, ему не только была предоставлена юрисдикция над всей Испанией, но и булла Иннокентия от 3 апреля 1487 г., *motu proprio*, предписывала всем католическим князьям по просьбе Великого инквизитора арестовывать любых беглецов, на которых он может указать, и передавать их в руки инквизиции под страхом отлучения.¹⁴⁵

Несмотря на угрозу, которой оно было подкреплено, этот приказ Ватикана, по-видимому, был в целом проигнорирован правительствами Европы.¹⁴⁶

То, что такая булла была запрошена, дает нам еще одно представление об ужасной ненависти к евреям, которую фанатизм разжег в душе Торквемады. Если бы его целью было просто, как было заявлено, выкорчевать плевелы ереси с католической земли Испании, добровольное изгнание этих несчастных беглецов полностью удовлетворило бы его, и он не считал бы необходимым выгонять их из такого убежища, какое они нашли за границей, чтобы он мог получить удовлетворение, бросив их в костер, который сам же и разжег.

Поскольку его положение было так сильно укреплено более широкими полномочиями, предоставленными ему новым понтификом, Торквемада дал еще большую волю своей ужасной суровости и, таким образом, стал причиной этих частых и очень срочных обращений в Ватикан.

Многие новохристиане, которые тайно практиковали еврейские обряды, будучи отталкиваемыми от использования эдикта благодати из-за необходимости, которую он налагал, подвергаясь уже описанной выше ужасной *вергенце*, обратились теперь к понтифику за тайным отпущением грехов. Для этого требовались специальные справки. Специальные справки приносили деньги в папскую казну и привлекали новообращенных в Веру. Двух лучших причин для удовлетворения этих просьб было бы невозможно привести, и поэтому Курия согласилась.

Но результатом этого вмешательства курии в автономную юрисдикцию Святой Канцелярии в Испании стало негодование Торквемады. Между Великим инквизитором и Папским судом начались пререкания, которые можно сравнить со спорами двух юристов из—за богатого клиента.

Торквемада высокомерно потребовал, чтобы эта римская защита еретиков не только прекратилась в будущем, но и была отозвана там, где она уже предоставлялась в прошлом, и его требование получило полную поддержку католика Фердинанда, которому совсем не нравилось зрелище того, что золото его подданных переливается в какую-либо казну, кроме его собственной. Рим, тем временем прикарманивший гонорары, был склонен уступить представлениям католических монархов и их Великого инквизитора; и папа грубо отменил выданные разрешения.

Раздались крики обманутых жертв. Они взывали к папе, что исповедались в своих грехах против Веры и что им было даровано отпущение грехов. Совершенно справедливо они настаивали на том, что это отпущение грехов теперь не может быть отменено — ибо даже папа римский не имел власти сделать так много — и они утверждали, что, находясь в состоянии благодати, они теперь не могут быть привлечены к ответственности за ересь.

Но они упустили из виду ретроспективную власть, которую — какой бы неоправданной она ни была с точки зрения канона или любого другого закона — присвоила себе инквизиция. В силу этого, как мы видели, инквизиторы могли возбудить дело даже против того, кто умер в состоянии благодати, в мире со Святой Матерью Церковью, если было доказано, что преступление ереси, совершенное на каком-то этапе его жизни, не было искуплено способом, который Святая Канцелярия сочла бы достойным.

Эти протесты несчастных иудействующих, которые своими собственными действиями достигли — как они теперь поняли — не более чем самоотречения, были встречены священническим ответом, что их грехи были отпущены только в суде совести, и что им все еще остается искать временного отпущения в суде Святой Канцелярии. Это временное отпущение грехов дало бы им, как мы знаем — и как знали они сами — право жить в вечном заключении после конфискации их имущества и лишения и позора их детей.

Этого ответа, каким бы хитрым и софистичным он ни был, оказалось недостаточно, чтобы заставить протесты замолчать. Они продолжались с большим шумом, и папа, не в силах оставить их без внимания, опасаясь разразившегося скандала, пошел на своего рода компромисс. С королевского согласия Иннокентий VIII издал несколько булл, каждая из которых предписывала католическим монархам допустить пятьдесят человек к тайному отпущению грехов с иммунитетом от наказания. Эти тайные отпущения грехов были куплены дорогой ценой и предоставлялись при условии, что в случае повторного обращения в иудаизм человека, получившего таким образом отпущение грехов, к нему будут относиться как к рецидивисту, после чего тайное отпущение грехов будет опубликовано.

Эти отпущения были особенно полезны в случае умерших лиц, некоторые из которых по ходатайству наследников были включены в число тайно примиренных — таким образом, наследство было защищено от конфискации.

Всего папа Иннокентий даровал четыре из этих булл в 1486 году.¹⁴⁷ В последней изданной булле он оставил на усмотрение монархов указание тех, кто должен быть допущен к этой милости, и им было разрешено включать имена даже лиц, против которых уже было возбуждено дело.

С какой степенью хладнокровия Торквемада рассматривал эти буллы об отпущении грехов, мы не знаем. Но очень скоро мы увидим, как он будет раздосадован папским вмешательством нового характера.

Симониакальные обычаи никогда не были так широко распространены в Риме, как при правлении Иннокентия VIII. Его жадность была печально известна и скандальна, и многие бдительные крещеные евреи подумали, что это может быть привлечено к ответственности. Они хитро сообщили Святому Отцу, что, хотя они были добрыми католиками, суровость Великого инквизитора по отношению к людям их крови была настолько велика, что они жили в постоянном страхе и тревоге, как бы простое обстоятельство того, что они изначально были евреями, не было сочтено достаточной причиной для того, чтобы навести на них подозрение или сделать их открытыми для происков злонамеренных врагов. Поэтому они умоляли его Святейшество даровать им привилегию исключения из-под юрисдикции инквизиции.

Такой иммунитет должен был быть получен дорогой ценой; и вскоре другие, видя успех, сопутствовавший усилиям создателей этой хитроумной идеи, последовали их примеру и затормозили быстрые колеса правосудия Торквемады.

В том, что это вызвало в нем праведный гнев, сомневаться не приходится, каким бы подобострастным и оскорбленным тоном он ни обратился со своим протестом к понтифику.

Иннокентий ответил кратким письмом от 27 ноября 1487 года, что всякий раз, когда Великий инквизитор находит возможность возбудить дело против столь привилегированного лица, он должен информировать Апостольский суд обо всем, что может быть выдвинуто против обвиняемого, чтобы его Святейшество определил, следует ли уважать эту привилегию.¹⁴⁸

Из этого неизбежно следует, что если имела место ересь или подозрение в ней, папа должен позволить правосудию Святой Канцелярии идти своим чередом. Так что евреи, купившие иммунитет, должны были, поняли, что имеют дело с человеком, который разбирается в экономической науке (и хитрости, которые в ней можно применять) даже лучше, чем они, поскольку они всегда славились дальновидностью в таких вопросах.

Тем временем, обладая властью, которой он был наделен, Торквемада сколотил огромное состояние за счет доли конфискации, выпавших на его долю. Но какими бы ни были его недостатки, он был совершенно последователен в них, так же как и совершенно, ужасно искренен.

Возможно, он впал в грех гордыни. Мы видим признаки этого. И действительно, трудно представить себе человека, поднявшегося из мрака монашеской кельи под свирепый взгляд его деспотического возвышения и оставшегося смиренным в душе. Смиренным он остался; но с тем агрессивным смирением, которое является одной из худших форм гордыни и сродни самоправедности - греху, которого больше всего боятся те, кто стремится к святости.

Мы знаем, что он непоколебимо следовал суровому пути аскетизма, предписанному основателем его ордена. Он никогда не ел мяса; его кроватью были доски; его плоть никогда не знала прикосновения льна; его одеждой были белое шерстяное одеяние и черная мантия доминиканца. Достоинствау него, возможно, и были, но он ими пренебрегал. Парамо говорит,

что¹⁴⁹ что Изабелла пыталась навязать их ему, и что, в частности, она добилась бы его назначения на архиепископство Севильи, когда его освободил кардинал Испании. Но он был доволен тем, что остался приором Святого Креста Сеговии, каким был, когда его уволили из монастыря, чтобы руководить делами Святой канцелярии в Испании. Единственная внешняя помпезность, которую он себе позволял, заключалась в том, что теперь всякий раз, когда он выезжал за границу, его сопровождал эскорт из пятидесяти конных фамильяров и двухсот пеших. Этот эскорт, который, по признанию Льоренте, составляет ¹⁵⁰ человек, был навязан Суверенами. Возможно, как предполагается, это было сделано для того, чтобы защитить его от врагов, поскольку смерть Арбуэса показала, на что были готовы пойти новохристиане. Но более вероятно, что этот эскорт был принят как внешний знак достоинства его должности и, возможно, также для достижения устрашающей цели, которую Торквемада считал столь полезной.

То, что он практиковал презрение к мирским богатствам, которое проповедовал, не подлежит никакому сомнению. Мы не можем обнаружить, чтобы что-либо из накопленного им богатства было потрачено на какие-либо мирские цели или каким-либо образом пошло на пользу кому-либо из членов его семьи. Действительно, мы уже видели, как он отказывался должным образом наделить свою сестру приданым, предоставляя ей лишь жалкие гроши, необходимые для поступления в монастырь Высшего ордена Святого Доминика.¹⁵¹

Он всецело использовал богатства, которые приносила ему его должность, для вящей чести и славы религии, которой он служил с таким ужасающим рвением. Он щедро потратил их на такие работы, как восстановление Доминиканского монастыря в Сеговии вместе с прилегающей церковью и служебными помещениями. Он построил главную церковь родного города своей семьи Торквемада и половину большого моста через реку Писуэрга.¹⁵²

Фидель Фита цитирует интересное письмо Торквемады, датированное 17 августа 1490 г., в котором он благодарит дворянство Торквемады за присланного ему вьючного мула, но, похоже, скорее осуждает этот подарок.

“Мне, - пишет он, - не было и нет необходимости посылать такие вещи; и я уверен, что отправил бы подарок обратно, но это могло бы оскорбить вас; ибо у меня, хвала Господу нашему, есть девять вьючных мулов, которых мне вполне достаточно”.¹⁵³

Отправляя подарок, они попросили его помочь в проведении работ в церкви Санта-Оллала, поскольку вклад, который он уже внес, оказался недостаточным. Он отвечает, сожалея, что в данный момент ничего не может сделать, поскольку находится не при Дворе, но обещает, что по возвращении туда он сделает все необходимое с Монархами, чтобы иметь возможность направить им дополнительные средства, которые им потребуются.¹⁵⁴

Еще в 1482 году он начал строить в Авиле церковь и монастырь Святого Фомы. Этот приятный маленький провинциальный городок, окруженный узкими красными стенами и башнями по бокам, так что он напоминает грозный замок, стоит на возвышенности в плодородной равнине, орошаемой рекой Ададжа. Торквемада построил свой великолепный монастырь за крепостными стенами, на месте более скромного сооружения, которое было возведено благочестивой Д. Марией де Авилы. Строительство было завершено к 1493 году, и те деньги, которые поступили к нему впоследствии, по—видимому, пошли на содержание этого обширного монастыря — места с красивыми, просторными, уединенными дворами и

великолепными галереями, - который одновременно стал его главной резиденцией, трибуналом и тюрьмой. [155](#)

Его фанатичная ненависть к израильтянам снова проявляется в выдвинутом им условии — и одобрение которого он получил от папы Александра VI, — что ни один потомок еврея или мавра никогда не должен быть допущен к этим стенам, на которых он выгравировал надпись:

PESTEM FUGAT HÆRETICAM. [156](#)

В этом монастыре были созданы наилучшие условия не только для трибунала инквизиции, но и для заключения его узников.

Гарсиа Родриго, стремящийся опровергнуть широко распространенное мнение о том, что тюрьмы инквизиции были нездоровыми подземными темницами, обращает внимание на просторные, солнечные камеры, отведенные здесь для заключенных. [157](#) В данном случае это достаточно верно, как явствует из определенных записей, которые в настоящее время предстоит рассмотреть. [158](#) Но это неправда в целом, и кажется немного неискренним со стороны Гарсиа Родриго приводить поразительное исключение в качестве примера сложившегося правила.

Какой бы простой ни была жизнь Торквемады и каким бы ни было его личное смирение, было бы напрасно притворяться, что он не был проникнут гордостью и высокомерием своего поста, раздутым ростом предоставленной ему власти, пока в вопросах Веры он без колебаний не стал диктовать условия самим Суверенам и упрекать их почти до угрозы, когда они медлили действовать так, как он диктовал, в то время как для любого, кто ниже Суверенного ранга, было опасно вступать в конфликт с Великим инквизитором.

В качестве примера этого можно привести дело генерал-капитана Валенсии. Инквизиция Валенсии арестовала по обвинению в препятствовании деятельности Святой Канцелярии некоего Доминго де Санта-Круса, чье конкретное преступление, по мнению генерал-капитана, скорее подпадало под юрисдикцию военных судов. Руководствуясь этим мнением, он приказал своим войскам забрать обвиняемого из тюрьмы Святой Канцелярии, при необходимости применив для этого силу.

Инквизиторы Валенсии пожаловались на это действие Верховному судье, после чего Торквемада повелительно приказал генерал-капитану предстать перед этим советом и дать отчет о том, что он сделал. В этом его поддержал король, который написал письмо, приказывающее преступнику и всем, кто помогал ему добиться освобождения Санта-Круса, подвергнуться аресту сотрудниками инквизиции.

Не осмеливаясь сопротивляться, этот высокопоставленный сановник был вынужден смиренно просить прощения за вызванное церковное порицание, и он, должно быть, считал себя счастливым, что Торквемада не подверг его публичному унижению, подобному тому, которому подвергся инфант Наваррский.

Блестящий и прославленный молодой итальянец Джованни Пико, граф Мирандола, едва не попал в руки ужасного инквизитора. Когда Пико бежал из Италии перед вспышкой церковного гнева, которую вызвали его труды, папа Иннокентий издал буллу 16 декабря 1487 года, адресованную Фердинанду и Изабелле, в которой говорилось, что, по его мнению, граф

Мирандола отправился в Испанию с намерением преподавать в университетах этой страны порочные доктрины, которые он уже опубликовал в Риме, несмотря на то, что, убедившись в их ошибочности, он отрекся от них. (Еще один пример “*стремления к*” Галилея.) А поскольку Пико был благороден, мягок и красив, дружелюбен и красноречив (*Псевдопророка есть; дульчия болтливости и даже немного места*), существовала большая опасность, что к его учению могут прислушаться. Поэтому его Святейшество умолял монархов, чтобы в случае, если его подозрения относительно намерений Пико подтвердятся, их высочества арестовали графа, чтобы страх перед телесными страданиями удержал его там, где страх перед духовными оказался недостаточным.

Монархи передали эту буллу Торквемаде, чтобы он мог действовать в соответствии с ней. Но Пико, пронюхав о приеме, который его ожидал, и достаточно хорошо зная бескомпромиссные методы Великого инквизитора, чтобы встревожиться такой перспективой, укрылся во Франции, где написал “апологию своего католицизма”, которую посвятил Лоренцо Медичи. [159](#)

Мы уже говорили по поводу введения инквизиции в Испании, что в определенной степени и определенным образом это следует считать наиболее оправданным — под которым следует понимать наименее неоправданное — из религиозных преследований, поскольку оно касалось только дезертиров из лона Римской Церкви. Свобода была предоставлена всем религиям, которые не считались еретическими — *т.е.* Которые сами по себе не были отделениями от Римского католицизма, — и евреям и мусульманам нечего было бояться Святой Канцелярии. Только когда, приняв крещение, они вернулись к своим первоначальным культам, они подвергли себя судебному преследованию, и на них стали смотреть как на еретиков, или, правильнее говоря, как на отступников.

Но эта точка зрения, удовлетворявшая Римский престол, нисколько не удовлетворяла приора Святого Креста. Его ожесточенная, фанатичная ненависть к израильтянам — почти сравнимая с ненавистью декана Экии в четырнадцатом веке — побудила его нарушить этот жалкий остаток справедливости, переступить последнюю границу кажущейся справедливости и перенести религиозную войну в область полной и ужасной нетерпимости.

Причина, по которой он выдвинул свою точку зрения, заключалась в том, что до тех пор, пока евреи остаются нетронутыми на полуострове, объединенная христианская Испания будет невозможна. Несмотря на епитимьи, тюремные заключения и сожжения, движение иудаизации продолжалось. Новохристиане были соблазнены ошибкой Закона Моисеева, в то время как обращение евреев сдерживалось уважением к чувствам тех, кто оставался верен своей древней вере. На этом еврейские преступления против христианства не закончились. Были те унижения, которым подвергались святыни из-за их рук. Имели место преступные кощунства, в которых, по словам Торквемады, они выражали свою ненависть к Святой христианской вере.

Таково, например, было надругательство над распятием в Касар-де-Паломеро в 1488 году.

В Страстной четверг того же года в этой деревне епархии Кория несколько евреев, вместо того чтобы сидеть дома с закрытыми дверями в такое время года, как того требовал христианский закон, веселились в фруктовом саду, к большому скандалу человека по имени Хуан Калетридо, который их там обнаружил.

Шпион, придя в ужас при одной мысли о том, что эти потомки распятых осмеливаются играть в такой день, пошел сообщить нескольким другим о том, чему он был свидетелем. Группа молодых испанцев, слишком готовых сочетать совершение достойного поступка с освященным веками спортом травли евреев, вторглась в уединение сада, напала на евреев и вынудила их вернуться в свои дома.

Страдая от такого унижения — ведь, в конце концов, они были более или менее уединены в своем саду и не хотели никого обидеть, слегка отступив от строгой буквы закона, — они рассказали об этом событии другим членам синагоги, включая раввина.

Из того, что последовало, кажется очевидным, что они, должно быть, тут же решили отомстить за честь своей расы, которая, по их мнению, была оскорблена.

Льоренте, опираясь на хрониста Веласкеса и непристойные антиеврейские труды Торрехонсильо, предполагает, что их целью было как можно ближе воспроизвести Страсти Назарянина на одном из Его Изображений. Это, действительно, могло быть предвзятым мнением Великого инквизитора.

Но гораздо более вероятно, что назло этим христианам, которые добавили это оскорбление к постоянным унижениям, которым они подвергали израильтян, последние должны были просто решить разбить один из публичных символов христианства. Подробности того, что произошло, не оправдывают предположения о том, что их намерения были более глубокими.

На следующий день, в Страстную пятницу, обстоятельства этого дня, возможно, способствовали появлению более популярной версии этой истории, в то время как христиане были в церкви на службе Страстей Господних, группа евреев отправилась на открытое место, известное как Пуэрто-дель-Гамо, где стояло большое деревянное распятие. Этот образ они разрушили и ниспровергли.

Утверждается, что, прежде чем окончательно нарушить его, они позволили себе изощренное оскорбление, “делая и говоря все, что диктовал их гнев против назарянина”.

Старый христианин по имени Эрнан Браво, увидев их, побежал рассказывать об их святотатственном поступке. Христиане шумно высыпали из церкви и набросились на евреев. Трое из последних были забиты камнями до смерти на месте; двое других, один из которых был тринадцатилетним мальчиком, лишились правой руки; в то время как раввин Хуан, которого взяли как подстрекателя, был допрошен с целью заставить его признаться. Но он так упорно отрицал то, в чем от него требовали признаться, и инквизиторы пытали его с такой решимостью, что он умер на дыбе — нарушение, за которое каждый инквизитор, ответственный за это, должен был просить прощения у другого.

Все те, кто принимал участие в святотатстве, подверглись конфискации своего имущества, в то время как части распятия, которые были особенно освящены этим делом, были собраны и доставлены в церковь Казара, где после ремонта образу было отведено почетное место. ¹⁶⁰

Весьма вероятно, что история этого возмущения, преувеличенная, как мы видели, была одним из аргументов, использованных Торквемадой, когда он впервые начал привлекать внимание монархов к желательности изгнания евреев. Он ссылаясь на это как на вопиющий пример еврейской ненависти к христианству, которая дала повод для его жалобы и которая, как он

утверждал, делала невозможным объединение Испании до тех пор, пока эта проклятая раса продолжала осквернять землю. Кроме того, не может быть никаких сомнений в том, что это послужило бы возрождению и приданию красок старым историям о ритуальных убийствах, практикуемых евреями и предусмотренных одним из актов кодекса “Partidas” Альфонсо XI.

Нежелание Суверенов прислушиваться к любым подобным аргументам совершенно очевидно. Фердинанд, при всем его фанатизме, не мог быть слеп к тому факту, что основные отрасли торговли страны находились в руках израильтян, и к неизбежным потерям для испанской торговли, тогда столь процветавшей, которые должны были последовать за их изгнанием. Благодаря их способностям в финансовых вопросах у него был практический и полезный опыт, и замечательное оснащение его армии в нынешней кампании против мавров Гранады было полностью обусловлено договоренностями, которые он заключил с еврейскими подрядчиками. Более того, сама эта война привлекла внимание Монархов, и поэтому в данный момент было невозможно уделить больше, чем безразличное внимание яростным мольбам Великого инквизитора.

Однако внезапно, в 1490 году всплыло событие, придавшее необычайную известность практике ритуальных убийств, в которых подозревались евреи, и подтвердившее и усилившее всеобщую веру в ходившие на эту тему истории. Это было распятие в Ла-Гуардиа, в провинции Ла-Манча, четырехлетнего мальчика, известного в истории как “Святое Дитя Ла-Гуардиа”.

Более веского аргумента, чем этот, предоставленного ему для достижения своих целей, Торквемада и желать не мог. И, вероятно, именно это обстоятельство побудило столько авторов выдвинуть мнение, что он сфабриковал всю историю и подстроил обоснование обвинения, которое так кстати дало ему в руки дополнительное оружие.

Еще около тридцати лет назад все наши знания об этом деле черпались из довольно расплывчатых “Свидетельств”, хранящихся в святилище младенца-мученика, и небольшой истории “Санто-Ниньо” Мартинеса Морено, опубликованной в Мадриде в 1786 году. Эта последняя — как и драма Лопе да Веги на ту же тему — была основана на “Воспоминаниях”, подготовленных Дамиано де Вегасом из Ла Гуардиа в 1544 году, в то время, когда еще были живы люди, помнившие этот инцидент, включая брата ризничего, который был замешан в этом деле.¹⁶¹

Повествование Мартинеса Морено представляет собой причудливую смесь возможных фактов и очевидного вымысла, что само по себе может быть причиной мнения, что вся эта история была выдумкой Торквемады для продвижения его собственных замыслов.

Но в 1887 году выдающийся и кропотливый М. Фидель Фита опубликовал в “Журнале реальной академии истории” полный отчет о судебном процессе против Юсе (или Хосе) Франко, одного из обвиняемых евреев, который ему удалось раскопать.

Многое по-прежнему остается необъясненным и должно оставаться таковым до тех пор, пока не будут обнародованы протоколы судебных процессов над другими обвиняемыми. Возможно, было бы неплохо отложить до тех пор вынесение окончательного судебного решения. Между тем, однако, изучение обнаруженной записи должно склонить нас к мнению, что, если эта история является выдумкой, ответственность за нее несут те, кого обвиняли в преступлении — маловероятное обстоятельство, как мы надеемся показать, — и изобретателем ни в коем случае не мог быть Фрей Томас де Торквемада.

ГЛАВА XIX

ЛЕГЕНДА О САНТО - НИНЬО

Экстравагантная история, рассказанная Мартинесом Морено, приходским священником Ла Гуардиа, в его небольшой книге о Санто-Ниньо, заимствована, как мы уже говорили, частично из “Свидетельств”, а частично из “Памяти” де Вегаса; более того, в ней воплощены все те легендарные, сверхъестественные детали, которыми народное воображение приукрасило тему.

Либо это одно из тех преднамеренных обманов, которые известны как “благочестивые”, либо это порождение чрезвычайно глупого ума. Если учесть, что автор был доктором богословия и сам был инквизитором, мы предпочитаем склоняться к первому варианту.

Эта смесь фактов и вымысла рассказывает о том, как группа евреев из поселков Кинтана, Тенблек и Ла Гуардиа, став свидетелями Аутодафе в Толедо, были настолько переполнены яростью не только против Святого Трибунала, но и против всех христиан в целом, что составили заговор с целью полного уничтожения верующих.

Среди них был некто Бенито Гарсия, комбайнер из Лас-Месураса, который был в некотором роде путешественником и во время своих путешествий узнал о колдовстве, предпринятом во Франции для уничтожения христиан, которое не увенчалось успехом из-за обмана, примененного к колдунам.

Эту историю стоит повторить ради того света, который она проливает на доверчивость простого народа Испании в подобных вопросах, доверчивость, которая в отдаленных районах полуострова сегодня почти так же сильна, как и в век Морено.

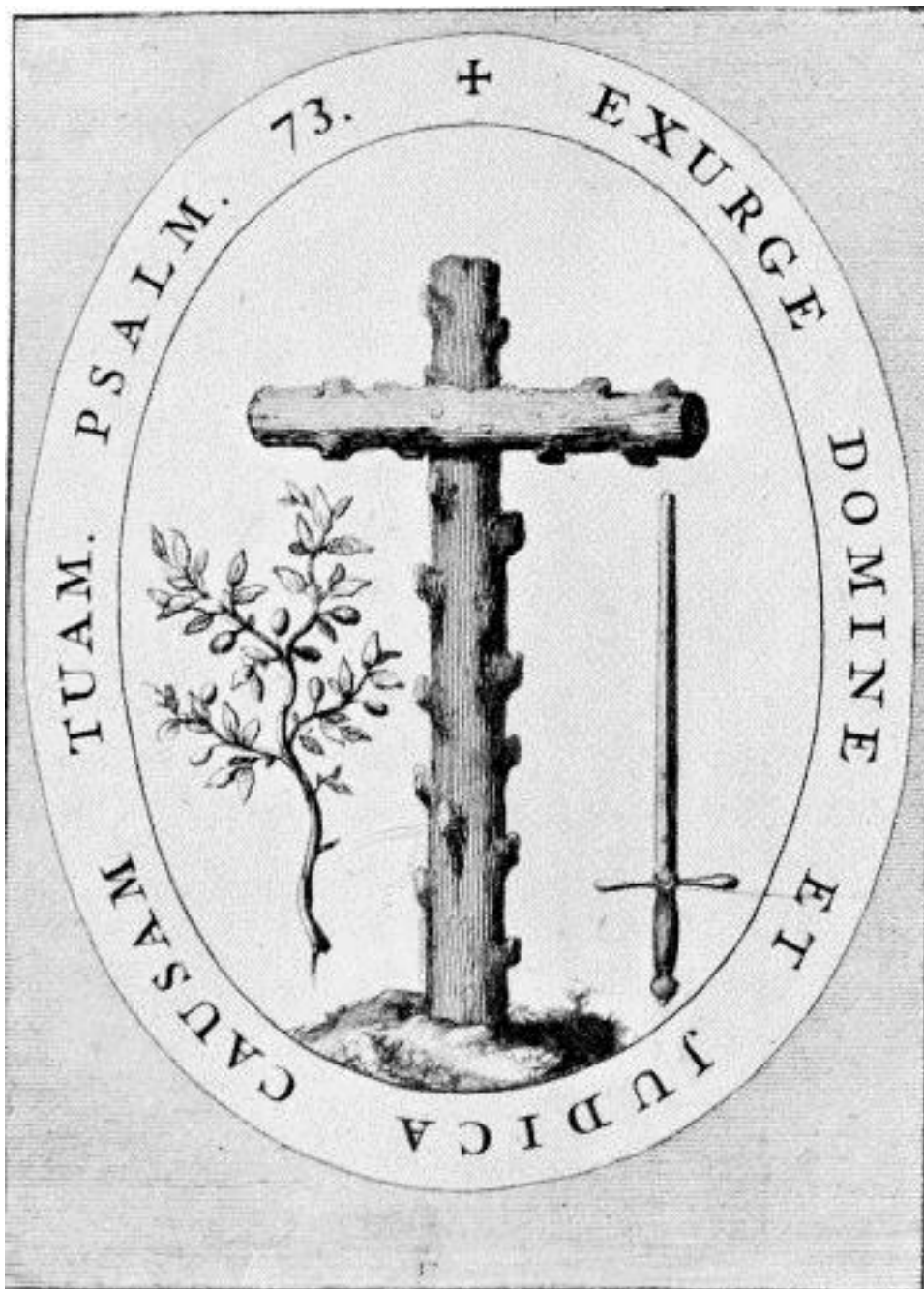
Чернокнижники, в том более раннем случае, о котором знал Бенито, предположительно были группой евреев, бежавших из Испании после первого учреждения инквизиции в Севилье в 1482 году. Они отправились во Францию, намереваясь уничтожить всех христиан, чтобы в конце концов дети Израиля могли стать хозяевами земли и чтобы Закон Моисея восторжествовал. Для колдовства, к которому они собирались прибегнуть, им требовались освященная облатка и сердце христианского ребенка. Их надлежало превратить в пепел под аккомпанемент определенных заклинаний и развеять по рекам страны, в результате чего все христиане, выпившие эту воду, должны были сойти с ума и умереть.

Получив облатку, они подошли к обедневшему христианину с большой семьей и соблазнили его деньгами продать им сердце одного из его многочисленных детей. Христианин, конечно, отверг это чудовищное предложение. Но его жена, сочетавшая хитрость с алчностью, заключила с евреями сделку, в которой ее муж отказался участвовать, и, зарезав свинью, продала им сердце животного под явно ложным предлогом.

Как следствие, чары, которые вводили в заблуждение евреи, не имели такого эффекта, как хотелось и ожидалось.

Вооруженный полным знанием того, что произошло, Бенито теперь предложил своим друзьям прибегнуть к тому же заклинанию в Испании, убедившись, однако, что применяемое сердце принадлежит мальчику-христианину. Он пообещал им, что таким образом будут уничтожены не только инквизиторы, но и все христиане, а израильтяне останутся бесспорными владыками Испании.

+ EXURGE DOMINE ET JUDICA CAUSAM TUAM. ПСАЛОМ 73.

Фотография Дональда Макбета.

ЗНАМЯ ИНКВИЗИЦИИ.

Из "Истории инквизиции" Лимборха.

Среди тех, кто присоединился к нему в заговоре, был человек по имени Хуан Франко из семьи перевозчиков Ла Гуардиа. Этот человек отправился с Бенито в Толедо на праздник Успения Пресвятой Богородицы, намереваясь найти ребенка для своей цели. Они поехали туда в повозке, которую оставили за городом, а сами отправились на поиски порознь.

Франко нашел то, что искал, в одном из дверных проемов собора, известном как Пуэрта дель Пердон — дверь, добавляет Морено, через которую Пресвятая Дева вошла в церковь, когда спустилась с небес, чтобы почтить ризой своего почитателя святого Ильдефонсо. Еврей увидел в дверях очень красивого ребенка трех-четырёх лет, сына Алонсо де Пасамонтеса. Его мать была рядом, но она была удобно слепа — *то есть* удобно для развития истории Морено, причем эта слепота служила не только для того, чтобы сделать возможным незамеченное похищение ребенка, но и для того, чтобы предоставить младенцу-мученику возможность для первого чудесного проявления его святости.

Хуан Франко выманил мальчика, предложив сладости. Он вернул тележку со своей жертвой, спрятал ее в ней и таким образом вернулся в Ла Гуардиа. Там он держал ребенка под присмотром и в безопасности до Страстной недели следующего года, или, скорее, до праздника Пасхи, когда одиннадцать евреев, шестеро из которых приняли христианское крещение, собрались в Ла Гуардиа. Ночью они отвели ребенка в пещеру в холмах над рекой и там заставили его сыграть роль главного героя в подробной пародии на Страсти Господни, подвергнув его бичеванию, увенчав терновником и, наконец, пригвоздив ко кресту.

Что касается бичевания, Морено говорит нам, что евреи тщательно подсчитывали количество ударов плетью, стремясь в этом, как и во всех других деталях, к максимальной исторической точности. Но когда ребенок безропотно перенес более пяти тысяч ударов, он внезапно заплакал. Один из евреев, полагая, что этот плач требует объяснения, спросил его: “Мальчик, почему ты плачешь?”

На это мальчик ответил, что плачет, потому что получил на пять ударов плетью больше, чем его Божественный Учитель.

“Таким образом, - совершенно трезво говорит этот доктор богословия, - если число ударов плетью, полученных Христом, составило 5495, как подсчитал Лодульфо Картухано в его “Вите Кристи“, то число ударов, полученных Святым Младенцем Крестовалем, составило 5500”.¹⁶²

Он упоминает здесь имя ребенка как “Крестовал”, на что сообщает нам, что оно было изменено с “Хуан”, чтобы первое могло более точно выразить причину его смерти. Нет сомнения, что какое-то такое соображение имело значение, когда ребенку давали это наводящее на размышления имя; но настоящая причина этого заключалась в том, что имя не было известно (поскольку личность мальчика не выяснилась), и было необходимо дать ему такое, под которым ему могли бы поклоняться.

Когда он был распят, один из евреев вскрыл ему бок, который начал рыться¹⁶³ в поисках сердца ребенка. Ему не удалось найти это, и внезапно его остановил вопрос ребенка— “Что ты ищешь, еврей? Если ты ищешь мое сердце, ты совершаешь ошибку, ища его на этой стороне; ищи на другой, и ты найдешь его”.

Морено рассказывает нам, что в самый момент своей смерти Санто-Ниньо совершил свое первое чудо. Его мать, которая была слепа от рождения, получила дар зрения в тот момент, когда ее ребенок скончался.¹⁶⁴

Эта интерполяция, по-видимому, полностью принадлежит Морено, и это одно из обоснований нашего предположения о том, что произведение следует отнести к категории благочестивых подделок. Но он, конечно, ошибается, судя по его собственному рассказу, объявляя это первым

из чудес ребенка. Он упускает из виду чудо, заключенное в способности считать, проявленной четырехлетним мальчиком, и еще одно чудо - речь, обращенную распятым младенцем к еврею, который вскрыл ему бок.

Бенито Гарсии было подарено сердце вместе с освященной облаткой, украденной ризничим церкви штата Калифорния. Мария де Ла Гуардиа, и с ними он отправился на поиски мага, который должен был сотворить заклинание. Случилось, однако, что, проезжая через Асторгу, Бенито, который сам был *конверсо*, притворившись правоверным католиком, направился в церковь и, преклонив там колени, чтобы тщательнее разыграть эту комедию набожности, вытащил Молитвенник, между листами которого была спрятана освященная облатка.

Добрый христианин, стоявший на коленях чуть поодаль от него, был поражен, увидев ослепительный поток света, исходящий от книги. Естественно, он пришел к выводу, что присутствовал при чуде и что этот незнакомец был каким-то очень святым человеком. Преисполненный благоговейного интереса, он последовал за евреем в гостиницу, где тот остановился, а затем направился прямо к отцам-инквизиторам, чтобы сообщить им о знамении, свидетелем которого он был, чтобы они могли расследовать его.

Инквизиторы послали своих приближенных найти этого человека, и при виде их Бенито пришел в ужас, “так что само его лицо говорило о том, насколько велико было его преступление”. Он был немедленно арестован и доставлен к инквизиторам для допроса. Там он немедленно признался во всем.

Получив пожелание отдать сердце, он достал коробку, в которую оно было положено, но, развернув ткань, в которую оно было обернуто, оказалось, что сердце чудесным образом исчезло.

Еще одно чудо, упомянутое Морено, заключается в том, что, когда инквизиторы вскрыли могилу, где, как было сказано, был похоронен младенец, они обнаружили, что место пустое, и доктор считает, что, поскольку ребенок перенес всю горечь Страстей Спасителя, Божьей волей было, чтобы он также познал славу Воскресения и что его тело было вознесено на небеса.

“Свидетельство” из архива приходской церкви Ла Гуардиа, напечатанное на табличках, хранящихся в святилище Санто-Ниньо, цитируется Морено, [165](#), и звучит следующим образом:

“Мы, Педро де Тапия, Алонсо Дорига и Матео Васкес, секретари Совета Святой и Всеобщей инквизиции, свидетельствуем всем, кто может это видеть, что в результате определенных разбирательств, предпринятых Святой Канцелярией в 1491 году, Высокопреосвященный Фрей Томас де Торквемада является Генеральным инквизитором в Королевствах Испании, а инквизиторами и судьями, назначенными им в городе Авила, являются высокопреосвященный доктор Д. Педро де Виллада, настоятель Сан-Марсиаля и Сан-Миллана в церквях Испании”. Леон и Бургос, лицензиат Хуан Лопес де Сигалес, каноник Церкви Куэнки, и фрей Фернандо де Санто-Доминго из Ордена проповедников, инквизиторы, как сказано, против еретической правды, и с властью и особым поручением от самого преподобного Д. Педро Гонсалеса де Мендосы, кардинала Санта-Круса, архиепископа Толедо, примаса Испании, великого канцлера Кастилии и епископа Сигуэнсы.

“Выясняется, что упомянутые инквизиторы, возбуждающие дело против определенных евреев и некоторых новообращенных христиан, обращенных из евреев, из окрестностей Ла Гуардиа, Кинтанара и Тенблека, установили, что среди других совершенных ими преступлений было следующее: один из упомянутых евреев и один из новообращенных, находясь в Толедо и став свидетелями сожжения, которое проводила Святая Канцелярия в этом городе, они были повержены таким отправлением правосудия. Еврей сказал новообращенному, что он опасается большого вреда, который может быть причинен и действительно причинен им Святой инквизицией, и, обсудив различные вопросы, имеющие отношение к этому предмету, еврей сказал, что если бы они могли заполучить сердце мальчика-христианина, все можно было бы исправить. И вот, после своей обширной практики в этом вопросе, еврей из окрестностей Кинтанара взялся приобрести мальчика-христианина для указанной цели.

И было решено, что упомянутый новохристианин отправится в Кинтанар, как только ему прикажет еврей; и по этому соглашению каждый из вышеупомянутых покинул город Толедо и вернулся в свой район.

“Несколько дней спустя упомянутый еврей вызвал новообращенного христианина приехать к нему в деревню Тенблек, где тот ожидал его в доме его отца. Там они встретились и договорились о дне, когда им следует встретиться в Кинтанаре, куда новохристианин теперь вернулся и сообщил, как и договаривался, своему собственному брату, который, как и он сам, был новохристианином, и он подробно рассказал обо всем, что было устроено, поскольку его брат придерживался того же мнения.

Чтобы лучше осуществить свой проклятый план, они определили место, куда следовало доставить ребенка, и то, что должно было быть сделано — это должно было быть в пещере недалеко от Ла Гуардиа, по дороге в Оканья, с правой стороны. И таким образом, чтобы довести дело до конца, упомянутый новохристианин отправился в Кинтанар в назначенный день вместе с упомянутым евреем.

Чтобы лучше притворяться, он отправился в таверну, где вскоре смог пообщаться с евреем, и в результате того, что произошло между ними, новохристианин вышел, чтобы ждать его на дороге к Вилле Паломас в ущелье, где вскоре к нему присоединился упомянутый еврей на осле с ребенком в возрасте трех или четырех лет.

Они пошли дальше вместе и после наступления темноты прибыли в указанную пещеру, куда, как было условлено, пришел брат новохристианина и с ним другие новообращенные евреи, с которыми, по-видимому, было улажено вышеупомянутое дело.

Собравшись все в пещере, они зажгли свечу из желтого воска и, чтобы свет не был виден, повесили плащ у входа в пещеру. Они схватили мальчика, которого упомянутый еврей забрал с площади Пуэрта-дель-Пердон в Толедо, мальчика звали Хуан, он был сыном Алонсо Пасамонтеса и Хуаны Ла Гуиндера. Упомянутые новохристиане теперь сделали крест из досок лестницы, принесенной с мельницы. Они накинули мальчику на шею веревку и посадили его на крест, а другой веревкой связали ему ноги и руки и прибили его ступни и кисти к кресту гвоздями.

“Оказавшись в таком положении (*puesto*), один из новохристиан из окрестностей Ла Гуардиа пустил ребенку кровь, вскрыв вены у него на руках ножом, и кровь, которая текла в котел, попала в него; и веревкой, на которой были завязаны узлы, одни били его, в то время как другие

надевали ему на голову терновый венец. Они били его, плевали в него и употребляли в его адрес оскорбительные слова, притворяясь, что то, что они говорили упомянутому ребенку, было обращено к Личности Христа. И пока они били его, они говорили: *"Предатель, обманщик, который, когда ты проповедовал, проповедовал ложь против Закона Божьего и Моисея; теперь ты заплатишь здесь за то, что сказал тогда. Ты думал уничтожить нас и возвыситься сам. Но мы уничтожим тебя."* И далее: *"Распни этого предателя, который когда-то объявил себя царем, который должен был разрушить наш храм...."* и т.д. и т.п. ¹⁶⁶

“После жестокого обращения и брани один из новохристиан из Ла Гуардии вскрыл ножом левый бок ребенка и вытащил его сердце, на которое он бросил немного соли; так ребенок испустил дух на кресте. Все это было сделано в насмешку над Страстями Христовыми; и некоторые из новохристиан забрали тело ребенка и похоронили его в винограднике недалеко от Штаба. Maria de Pera.

“Несколько дней спустя упомянутый еврей и новохристиане снова встретились в пещере и попытались применить определенные чары и заклинания с сердцем ребенка и освященным Оберегом, полученным через ризничего, который был новохристианином. Это заклинание и эксперимент, которые они провели с намерением, чтобы инквизиторы еретической правды и все другие христиане пришли в ярость и умерли в ярости (*рабьендо*), а Закон Иисуса Христа, нашего Икупителя, был полностью уничтожен и заменен Законом Моисея.

Когда они увидели, что упомянутый эксперимент не сработал и не дал того результата, на который они надеялись, они снова собрались в другом месте и, обсудив все, что они хотели осуществить, по общему согласию один из них был отправлен с сердцем упомянутого ребенка и посвященным Воинством в Альджаму Саморы, которую они считали главной Альджамой в Кастилии, с целью, чтобы некоторые тамошние евреи, известные как мудрецы, с упомянутым сердцем и Воинством провели упомянутый эксперимент и колдовство, чтобы христиане могли разгневаться и умереть, и таким образом осуществить то, чего они так горячо желали.

“И для большего выяснения преступления и демонстрации истины упомянутые инквизиторы, арестовав некоторых из упомянутых преступников, новохристиан и евреев, поставили обвиняемых лицом к лицу, так что в признании их преступлений было соответствие, и эти признания состояли из того, что было здесь изложено. Кроме того, были предприняты другие дальнейшие шаги для проверки мест, где были совершены преступления, и места, где был похоронен ребенок; и они доставили одного из главных обвиняемых к месту, где был похоронен ребенок, и там они обнаружили признаки и демонстрацию правды всего этого. ¹⁶⁷ Некоторые из упомянутых обвиняемых и некоторые из уже умерших, подвергшись судебному преследованию, были приговорены и переданы светским властям, все, что мы изложили, соответствует протоколам судебного разбирательства, на которые мы ссылаемся.

“Упомянутое "Свидетельство", написанное на трех листах с нашими рубриками, мы, упомянутые секретари, доставляем по просьбе Генерального прокурора деревни Ла Гуардиа, по приказу Достопочтенных сеньоров Совета Святой инквизиции Его Величества в городе Мадриде, епархия Толедо, 19 сентября 1569 года от рождества Господа нашего Иисуса Христа.

“Alonso de Doriga = Nec auro frangenda fides.

Matheo Vazquez = In cujus fide foedera consistunt.

Это "Свидетельство" не сообщает нам имени ни одного из нарушителей — предположительно, чтобы святое место, в котором были выставлены таблички, не было осквернено. Когда это сравнивается с отчетом, оставленным Морено, и расхождения между ними становятся очевидными, когда, далее, рассматриваются экстравагантности рассказа Морено, неудивительно, что следовало прийти к выводу, что все это дело было сфабриковано для продвижения кампании против евреев, на которую Торквемада тратил свою огромную энергию.

Но протоколы судебного процесса над Юсе Франко, обнаруженные Фиделем Фитой, проливают совершенно иной свет на это дело. И хотя мы знаем, что Торквемада сделал все возможное в этом деле Санто-Ниньо, чтобы охватить изгнание евреев из Испании, мы должны рассматривать все предположения о том, что он сам просто выдумал эту историю с этой целью, как полностью опровергнутые доказательствами, которые сейчас предстоит изучить.

Из протоколов судебного процесса над Юсе Франко сегодня мы можем не только в значительной степени реконструировать событие, но и представить полный пример применения судебной практики инквизиции. Действительно, если бы в архивах Святой Канцелярии порылись в поисках совершенно типичного судебного процесса, воплощающего в себе все черты, характерные для этого ужасного суда, лучшего примера, чем этот, не могло бы быть.

ГЛАВА XX АРЕСТ ЮСЕ ФРАНКО

В мае или июне 1490 года — время года приблизительно определяется последующими событиями — крещеный еврей из Лас-Месураса по имени Бенито Гарсия остановился в гостинице в северной деревне Асторга. Это был пожилой человек лет шестидесяти, по профессии комбайнер и заядлый путешественник.

В общей комнате таверны, где он сидел за столом, было несколько человек из Асторги, которые, то ли в пьяном угаре, то ли потому, что они были ворами, перерыли содержимое его рюкзака и обнаружили в нем какие-то травы и облатку для причастия, которые они сразу приняли за освященные (и прикосаться к которым для мирянина было величайшим святотатством).

Шум последовал за сообщением о находке. С криками "Святотатство!" эти вороватые пьяницы набросились на еврея. Они избили его. Они накинули ему на шею веревку, выволокли из гостиницы и потащили к провизору Асторги, доктору Педро де Виллада. Преподобный доктор выполнял там функции агента Святой канцелярии. У него был большой опыт в делах инквизиции, и он был накануне возведения в сан инквизитора при суде Авилы.

Виллада получил облатку, выслушал обвинение и пошел коротким путем вместе с Бенито, когда тот отказался объясняться. Он приказал нанести ему две сотни ударов плетью и, обнаружив, что человек все еще ожесточен после этого наказания, подверг его пытке водой. При этом несчастный в конце концов выдал себя. О том, что именно он сказал, у нас нет записей того времени; но у нас есть его собственные слова — как впоследствии сообщил Юсе Франко,

которому он их передал, — что “он сказал больше, чем знал, и достаточно, чтобы его сожгли”.¹⁶⁸

Получив, как ясно, от него признание его собственной вины, Виллада теперь приступил, как предписано “Директориумом”, к тому, чтобы побудить его изобличить других. Нам известны обычно используемые методы; исходя из них и из того, что следует далее, вполне разумно предположить, что к ним прибегли и сейчас.

Следуя инструкциям Эймерика, Виллада, без сомнения, увещевал бы его с чрезвычайной добротой, заявляя, что возлагает вину не на самого Бенито, а скорее на тех злодеев, которые ввели его в заблуждение, и он увещевал бы заключенного спасти себя, проявив истинное раскаяние, указывая, что единственным доказательством его раскаяния, которое он мог бы представить, было бы откровенное и свободное признание вины тех, кто так жестоко сбил его с пути истинного.

Из случайных упоминаний об этом Бенито Гарсии, которыми он удостоил нас в протоколах судебного процесса над Юсе Франко, мы видим довольно безрассудную личность с определенным мрачным, сардоническим юмором, проблески которого действительно проникают сквозь дегуманизацию юридических документов, чтобы привлечь наше сочувствие.

Он проникнут презрением к этим христианам, религию которых он принял сорок лет назад, как он считает, в период слабости своей юности, и от которых он тайно отделился примерно за пять лет до своего ареста. Его гнетут угрызения совести за то, что он был неверен еврейской вере, в которой родился; он считает, что его настигло проклятие, которое его отец наложил на него, когда он сделал этот отступнический шаг; он потерял всякое уважение к христианству; с тех пор как увидел костры Веры, он пришел к выводу, что как религия это полный провал; у него вошло в привычку насмехаться над евреями, которые склонялись к христианству.

“Креститесь сами, - с насмешкой бросил он им, - и идите и посмотрите, как они сжигают новохристиан”.¹⁶⁹

В тюрьме Авилы — когда он попадет туда — его единственная цель - умереть в вере своих отцов.

Но, похоже, что, впервые попав в сети инквизиции и испытав на собственном опыте ужасы ее методов, он осознает сладость жизни и охотно пользуется ложной лазейкой, так соблазнительно раскрытой преподобным доктором.

На своем допросе от 6 июня он рассказывает Вилладе о ходе своей повторной иудаизации. Он рассказывает, что пять лет назад, во время беседы с неким Хуаном де Оканья, собеседником, которого он считает евреем в душе под маской христианства, последний убеждал его вернуться к иудейской вере, говоря, что Христос и Дева Мария были мифами и что нет истинного закона, кроме закона Моисея. Прислушиваясь к этим убеждениям, Бенито совершал многие еврейские поступки, например, не ходил в церковь (хотя и порол своих детей, когда они отсутствовали, чтобы их отсутствие не выдало его собственного вероотступничества), не соблюдал святые дни, ел мясо по пятницам и в дни поста в доме Моше Франко и Юсе Франко — евреев из района Тенблек - и везде, где еще он мог съесть его незамеченным. Действительно, он признает, что в течение последних пяти лет в душе он был евреем, и если в течение этого времени он не соблюдал более тщательно еврейские обряды и практики, то это было потому, что он не осмеливался из страха быть обнаруженным; в то время как все христианские поступки, которые

он совершал, были всего лишь имитацией, чтобы он все еще мог казаться христианином. Признания, которые он сделал священнику Ла Гуардиа, были ложными, и он никогда не ходил к Причастию, “полагая, что Тело Христово было фарсом (*creyendo que todo era burla el Corpus Christi*)”. Он даже добавил, что всякий раз, когда он видел, как по улицам проносят Виатикум, у него вошло в привычку плевать и делать *xigac* (жест презрения).¹⁷⁰

В этих последних деталях его признание отличается крайней откровенностью, и мы можем только предположить, что он просто повторяет то, что уже было вытянуто из него под пытками. Чтобы полностью прояснить вопрос, касающийся Бенито Гарсии, нам необходимо иметь в своем распоряжении полные протоколы судебного процесса над ним самим (которые еще не обнаружены), тогда как в настоящее время нам приходится полагаться на отдельные документы из этогодосье, которые представлены в "Юсе Франко" как относящиеся к последнему.

На более детальный вопрос об упомянутых им евреях — Мозе и Юсе Франко — Бенито заявляет, что они жили со своим отцом, Ка Франко, в Тенблеке, что у него была привычка навещать их по делам бизнеса и что он часто ел мясо в их доме по пятницам, субботам и в другие запрещенные дни и часто давал им деньги на покупку масла для синагогальных ламп.

Мы знаем, что в результате этих признаний Шаранко, восьмидесятилетний старик, и его сын Юсе, двадцатилетний юноша, сапожник по профессии, были арестованы 1 июля 1489 года за обращение в свою веру — *то есть* за то, что побудили Бенито Гарсию отказаться от христианской веры, в которую он был обращен.

Другой сын Ча, Мозе, либо был мертв в то время, либо умер вскоре после ареста и до того, как предстал перед судом.

Хуан де Оканья тоже был арестован по тем же основаниям.

Их отвезли в Сеговию и бросили в тюрьму Святой Канцелярии в этом городе. В этой тюрьме Юсе Франко заболел так серьезно, что считал себя при смерти.

Врач по имени Антонио де Авила, говоривший либо на иврите, либо на жаргоне иврита и романских языков, который был распространен среди евреев полуострова, отправился ухаживать за больным юношей. Юсе умолял этого доктора умолять инквизиторов прислать еврея, чтобы тот помолился с ним и подготовил его к смерти — “*что касается Суда, что касается наказания за смерть.*”

Врач, который, как и вся семья инквизиции, сам был шпионом, должным образом передал просьбу инквизиторам. Они воспользовались случаем применить на практике одну из инструкций, выдвинутых Эймериком. Они послали доминиканца, некоего Фрея Алонсо Энрикеса, переодетого евреем, ухаживать за предполагаемым умирающим. Монах свободно владел языком, на котором говорили евреи Испании. Он представился парню как раввин по имени Авраам, полностью навязался ему и завоевал его доверие.

Он заставил Юсе довериться ему, и в своей манере делать это он следовал хитрым линиям, отстаиваемым “Директориумом”.

Эймерик, как следует помнить, предписывает, чтобы при допросе заключенного не разглашалось точное обвинение против него; скорее, его следует допросить относительно того,

почему он считает, что был арестован, и кем, по его мнению, он был обвинен, с целью, возможно, раскрытия новых и доселе неизвестных фактов против него.

Против Юсе Франко и других заключенных там на данном этапе не было выдвинуто никаких обвинений, кроме этого — достаточно серьезных самих по себе — в том, что они побудили Бенито Гарсию повторно перейти в иудаизм. Но переодетый монах теперь приставал к нему с наводящими вопросами, спрашивая, что он такого сделал, что его арестовали.

Юсе, который еще не знал, в чем его обвиняют, был полностью одурачен и, полагая, что его посетитель — раввин его собственной веры, ответил, что *“он был арестован из—за миты некоего нахара, совершенной в духе Отохайса”*.¹⁷¹

Мы оставили слова на иврите непереуедеенными, чтобы проиллюстрировать непонятность этой фразы для рядового.

Мита означает “убийство”, *нахар* означает “мальчик”, в то время как *Отохайс*— буквально “тот человек” - поражает, потому что он идентичен термину, используемому у Святого Луки (xxiii. 4) и в Деяниях Апостолов (ст. 28) для обозначения Христа.

Юсе умолял лжеравви Абрахама пойти к главному раввину синагоги Сеговии,¹⁷² человеку очень важного значения и влияния, и сообщить ему об этом факте, но в остальном держать это дело в строжайшем секрете.

Доминиканец отправился к инквизиторам, которые послали его с этой поразительной информацией, которая была подтверждена врачом, который оставался в пределах слышимости в течение всего разговора.

По приказу инквизиторов Фрей Альфонсо Энрикес вернулся в тюрьму Юсе несколько дней спустя, чтобы попытаться выпытать у молодого еврея дополнительные подробности дела, на которое он намекал. Но парень — вероятно, к этому времени уже значительно оправившийся и, следовательно, более бдительный — проявил величайшее недоверие к врачу Авиле, который вертелся рядом с ними, и больше не произнес ни слова на эту тему.¹⁷³

Дело было настолько серьезным, что мы можем с уверенностью предположить — и у нас есть доказательства, подтверждающие это предположение, — что оно было немедленно доведено до сведения Торквемады, который в то время находился в своем монастыре в Сеговии, практически на месте.

Мы знаем — как вскоре выяснится, — что именно по приказу Торквемады Юсе Франко и другие оказались в тюрьме Святой Канцелярии в Сеговии, а не в тюрьме чрезвычайно активной инквизиции Толедо, в юрисдикции которой находился обвиняемый и было совершено преступление. Мы не можем назвать абсолютно достоверную причину этого. Но мы пришли к выводу, что допрос Ка Франко, или Оканьи, или, возможно, самого Бенито, который сказал “больше, чем он знал”, должен был привести к разоблачениям такого характера, что, узнав их, Великий инквизитор пожелал, чтобы суд был проведен немедленно под его собственным руководством.

Монархи, находившиеся в Андалусии с мая прошлого года по поводу войны с Гранадой, теперь, в июле 1490 года, написали Торквемаде, приглашая его присоединиться к ним там.

Из Сеговии ответил Великий инквизитор, сославшись на очень срочное дело, которому он намеревался уделить свое личное внимание, поэтому он умолял их разрешить ему отложить свой ответ на их вызов. [174](#)

Примерно в это же время он покинул Сеговию, чтобы отправиться в Авила, где работа над церковью и монастырем Святого Фомы была успешно завершена; действительно, настолько успешно, что он уже смог поселиться в монастыре.

Мы можем предположить, что неотложным делом, с которым он обратился к государям в качестве предлога для отсрочки своего путешествия в Андалусию, было расследование предполагаемых преступлений этих еврейских заключенных. Поскольку мы знаем, что он намеревался представить их лично в Авиле, но, будучи не в состоянии решить этот вопрос до конца августа или отложить на более позднее время свой отъезд для воссоединения с Двором, он был вынужден доверить это дело своим делегатам — доминиканцу Фрею Фернандо де Санто—Доминго и временному провизору Асторги доктору Педро де Виллада, которому, без сомнения, он оставил бы — как он сам говорит - самые подробные инструкции.

Исходя из содержания следующего письма, которое он вручил им 27 августа, мы вправе предположить, что это послужит им ордером на выдачу заключенных из Сеговии и доставку их в Авила для суда.

Он написал следующее:

“Мы, Фрей Томас де Торквемада, настоятель монастыря Святого Креста Сеговии, Ордена Проповедников, Исповедник и советник Короля и Королевы, наших Суверенных лордов, Генерального инквизитора по еретической правоте и вероотступничеству в Королевствах Кастилия и Арагон и всех других Владениях их Высочеств, уполномоченный Святым Апостольским Престолом,

Сообщаю вам,

Преподобные и Благочестивые Отцы, Д. Педро де Вильяда, доктор канонического права ... Хуан Лопес де Сигалес, лицензиат священного богословия ... и вам, фрей Фернандо де Санто-Доминго ... Инквизиторы еретической правды в упомянутом городе и епископстве Авилы,

Что мы, на основании полученной определенной и законной информации, отдали приказ об аресте лиц и тел Алонсо Франко, Лопе Франко, Гарсии Франко и Хуана Франко из окрестностей Ла Гуардиа в архиепископстве Толедо, и Юсе Франко, еврея из окрестностей Тенблека, и Мозе Абенамиаса, еврея из города Самора, и Хуана де Оканьи и Бенито Гарсии, из окрестностей указанного места Ла Гуардиа, и о конфискации всех их имущества. имущество за то, что они исповедовали ересь и отступничество, а также за совершение определенных поступков, преступлений и правонарушений против нашей Святой католической веры, и мы приказали доставить их в тюрьму Святой инквизиции города Сеговия и содержать там до тех пор, пока их дела не будут полностью известны и решены нами или таким лицом или лицами, которым мы передадим их после ознакомления с ними.

“Но поскольку мы сейчас заняты другими и трудные вопросы, и, следовательно, не может лично ознакомиться с делами или с любой из них, уповая на легальность, обучение, опыт, и звук

совести у вас, - сказал преподобный отец инквизиторы и каждого из вас, и что вы не такой человек, как хорошо и добросовестно буду исполнять то, что мы доверим вам эти подарки мы вручаем вам, - сказал преподобный отец инквизиторов, и каждому из вас, *в солидум*, указанные дела в отношении и испытаний изложенного и любой из них, могут ли они были участниками или аксессуарами, до или после факта указанного преступления и правонарушения, в любом случае, совершенных против нашей святой католической веры, а также пособники, советники, защитники, укрыватели, тем, кто был осведомлен о фактах и обидчиков-либо степень, до конца, что в отношении них может появиться и получать любую информацию из любой части сказал царства, и наложить арест и допрос любого свидетеля, и спроси их, учитесь, действуйте, сажать в тюрьму, приговор, и оставить в руки светской власти, такие как Вы могут найти виновных, простить и освободить тех, кто без вины, и вообще о них все вещи, и любая вещь, что мы сами должны сделать, присутствует....

“И этими подарками мы приказываем отцам-инквизиторам города Сеговия и каждому из них, в чьей власти находятся упомянутые заключенные, немедленно доставить их вам в целостности и сохранности.

“Дано в монастыре Святого Фомы из указанного Ордена проповедников, который находится за пределами и вблизи стен указанного города Авила”. 175

На какой стадии дела были арестованы четыре брата Франко из Ла Гуардиа — Алонсо, Лопе, Гарсия и Хуан - и по чьей информации, мы не знаем. Но мы точно знаем — поскольку *досье* на суд над Юсе завершено, — что Юсе их не предавал.

То, что их имена были разглашены, подтверждает предположение о том, что допросы Оканьи, или Ка Франко, или даже Бенито Гарсии уже дали дополнительную информацию по делу Ла Гуардиа.

Следует понимать, что протокол любого допроса этих заключенных, в котором не упоминалось бы имя Юсе Франко, не нашел бы места *вдосье* судебного процесса над последним.

Четверо франко из Ла Гуардиа, как мы уже говорили, были братьями; но они никак не были связаны с франко из Тенблекча и Юсе. Они были торговцами зерном — возможно, мукомолами, — как мы увидим, и у них было несколько тележек, которые они, по-видимому, в дальнейшем использовали в качестве перевозчиков. Они были крещеными евреями, как уже ясно из письма Торквемады, поскольку он не описывает их — в отличие от других — как евреев.

Все, кто был замешан в этом деле, за исключением некоего Рибера, который в настоящее время не рассматривается, были людьми из скромных слоев общества — класса, который по невежеству всегда был легковверным и склонным верить в колдовство и чары.

Любопытным обстоятельством является отсутствие в письме Торквемады каких-либо упоминаний о восьмидесятилетнем Франко, который, как мы знаем, уже находился под арестом.

Поручив, таким образом, ведение дела своим подчиненным, Великий инквизитор отправился к монархам в Андалусию.

Вскоре после этого заключенных доставили в Авилу, причем секретность соблюдалась настолько тщательно, что каждый оставался в неведении об аресте других. Но перед тем, как его перевели из Сеговии, 27 и 28 октября Юсе был доставлен в тамошнюю Святую канцелярию для обследования. И исходя из характера вопросов, о чем свидетельствуют сделанные показания, нам остается предположить, что инквизиторы стремились еще больше изобличить франко из Ла Гуардиа, основываясь на информации, полученной от них или же от одного из других заключенных.

Отвечая на заданные ему вопросы, Юсе Франко заявил, что примерно тремя годами ранее он ездил в Ла Гуардиа, чтобы купить пшеницу для опресноков на Пасху у Алонсо Франко, поскольку ему сказали, что у последнего есть пшеница хорошего качества для продажи. Он разыскал Алонсо на рынке и оттуда проводил его до дома. Разговаривая по дороге, Алонсо спросил его, зачем они пекут этот пресный хлеб, на что Юсе ответил, что это в память об избавлении Богом Детей Израиля из Египта.

Этот вопрос, конечно, может показаться странным из уст человека, родившегося евреем. Но следует помнить, что невежество и недостаток образования могут легко стать причиной этого.

Юсе далее заявил, что в продолжение этого разговора Алонсо не только проявил ностальгические пристрастия к своей первоначальной вере, но и фактически признал, что вместе с несколькими своими братьями в одну Страстную пятницу он распял мальчика так же, как евреи распяли Христа.

Продолжая, он сказал, что Алонсо спросил его, был ли пасхальный ягненок, съеденный евреями во время отъезда из Египта, *терефой* (зарезанный и истекающий кровью на еврейский манер), на что Юсе ответил, что нет, поскольку в то время Закон еще не был принят.

Эти ответы были истолкованы инквизиторами как признание Юсе в прозелитизме, и когда впоследствии в Авиле (10 января 1491 г.) ему напомнили о том, что он сказал в Сеговии относительно того, что произошло между ним и Алонсо Франко, и спросили, может ли он вспомнить что-нибудь еще, он подтвердил все, что уже утверждал, но смог добавить только вопрос по поводу обрезания, который был адресован ему Алонсо.¹⁷⁶

Финансовый адвокат, или обвинитель трибунала, подготовил свое дело против Юсе Франко, и 17 декабря 1490 года он предстал перед судом на вечерней аудиенции, чтобы начать судебное преследование.

ГЛАВА XXI

СУД Над ЮСЕ ФРАНКО

Фискал Д. Алонсо де Гевара объявляет их преподобным Отцам, что его донос на Юсе Франко подготовлен, и просит их приказать привести заключенного в зал для аудиенций, чтобы он мог послушать, как его зачитают.

Судебный пристав представляет обвиняемого инквизиторам и их нотариусу, которым Гевара теперь вручает свое официальное обвинение. Нотариус приступает к чтению. Таким образом:

“Достопочтенные и добродетельные господа, я, Алонсо де Гевара, бакалавр права, финансовый прокурор Святой инквизиции в этом Городе и епархии Авилы, предстаю перед вашими Преподобными Отцами в установленном законом порядке, чтобы донести на присутствующего здесь еврея Юсе Франко из окрестностей Тенблека.

“Не довольствуясь тем, что, как и всем другим евреям, ему гуманно разрешено соблюдать Закон и общаться с верующими христианами-католиками, он побудил и привлек некоторых христиан к своему проклятому Закону ложными и вводящими в заблуждение доктринами и предложениями, говоря им, что Закон Моисея является истинным, в котором есть спасение, и что Закон Иисуса Христа - это ложный и фиктивный Закон, который никогда не навязывался и не устанавливался Богом.

“И с неверующей и развращенной душой он пошел с некоторыми другими, чтобы распять христианского мальчика, в одну Страстную пятницу, почти таким же образом и с той ненавистью и жестокостью, с которыми евреи, его предки, распяли нашего Искупителя Иисуса Христа, насмехаясь над ним и плюя в него, нанося удары и ранения с целью оскорбления и высмеивания нашей Святой католической Веры и Страстей нашего Спасителя Иисуса Христа.

“Пункт, он ухитрился, как руководитель, вместе с другими, получить освященное Воинство, чтобы подвергнуться оскорблению и насмешкам в виде брани и презрения к нашей Святой католической вере, и потому что среди других евреев — соучастников упомянутого преступления — были определенные колдуны, которые в день своей Пасхи пресного хлеба должны были совершить колдовство с упомянутым Воинством и сердцем христианского мальчика. И если бы это было сделано, как сказано, все христиане пришли бы в ярость и умерли. Ими двигало намерение более широко соблюдать и почитаться Закон Моисея, более свободно проводить его обряды, заповеди и церемонии, чтобы христианская религия погибла и была ниспровергнута, и чтобы они сами стали обладателями всего имущества католиков и верных христиан, и никто не мог помешать их извращенным заблуждениям, и их поколение росло и размножалось на земле, а поколение Верных христиан было полностью истреблено.

Кроме того, он совершил другие преступления, касающиеся Священной канцелярии Святой инквизиции, о чем я буду заявлять и утверждать в ходе этого разбирательства, насколько я сочту необходимым.

Поэтому я прошу вас, преподобные сэры, объявить указанного Юсе Франко за указанные преступления злоумышленником, подстрекателем еретиков, ниспровергателем и разрушителем католического и христианского закона; и чтобы он считался виновным и понес все наказания и порицания, предусмотренные каноническим и гражданским правом для тех, кто совершает эти преступления, а также конфискацию и потерю всего его имущества, которое будет передано в королевскую казну, и чтобы он мог быть передан светской власти и правосудию, которое она может совершить с ним, как по закону подобает со злоумышленником, подстрекателем еретиков и искоренителем католической веры....

Посему я прошу ваши преподобия возбудить дело против упомянутого Юсе Франко *в упрощенном порядке и без нарушения закона*, согласно формуле, предписанной законом в подобных случаях,¹⁷⁷ с целью свершения правосудия.

“И я клянусь Богом на этом Кресте, на который я кладу свою руку, что это прошение и донос, которые я подаю против Юсе Франко, я подаю не со злым умыслом, а потому, что я верю, что он

совершил все, о чем я заявил, и до конца, чтобы восторжествовало правосудие, чтобы злодеи и подстрекатели еретиков были наказаны, чтобы добрые люди были известны и чтобы наша Святая католическая вера была возвышена”.¹⁷⁸

Сейчас станет ясно, что на этой стадии разбирательства у Юсе не было ни малейшего подозрения, что мнимый раввин Авраам, посетивший его в тюрьме Сеговии, когда он лежал больной, был не тем, кем он себя назвал. Обвинение также не содержало в себе ни малейшего намека на то, что кто-либо из его сообщников был схвачен или что Бенито Гарсия подвергался допросу под пытками. Они так тщательно все организовали, что он даже не знал об аресте своего старого отца.

Поэтому, должно быть, для него было чем-то вроде шока услышать, что вопрос о распятии ребенка в Ла Гуардиа был включен в обвинительное заключение. Тем не менее он без колебаний назвал этот донос “величайшей ложью в мире”.

Гевара ответил на этот отказ ходатайством в суд о получении доказательств, которые он был готов представить.

Когда Юсе спросили, потребуются ли ему услуги адвоката при подготовке своей защиты, он ответил утвердительно, и трибунал назначил его адвокатом бакалавра Санса,¹⁷⁹ а его защитником Хуана де Пантигозо. К этим адвокатам была применена обычная форма присяги, и Юсе уполномочил их действовать от его имени в рамках узких ограничений, налагаемых Святой канцелярией, которые не давали им возможности проводить перекрестный допрос свидетелей обвинения или даже присутствовать при их допросе.

Нотариусу суда было приказано предоставить обвиняемому копию обвинительного заключения, а Юсе был предоставлен девятидневный срок для подготовки своего ответа.

Пять дней спустя обвиняемый успешно ходатайствует перед судом о том, чтобы к назначенному ему адвокату был добавлен некий Мартин Васкес, которому он наделяет необходимыми полномочиями. И именно этот самый Мартин Васкес в тот самый день — 22 декабря 1490 года — представляет суду письменный отказ от обвинительного акта, подготовленный Бакалавром Сансом от имени своего клиента.

Адвокат начинает с того, что почтительно заявляет, что этот суд не обладает юрисдикцией в отношении его клиента в связи с инкриминируемыми ему преступлениями, поскольку их Отцами являются инквизиторы, назначенные —*Апостольский аукториат*— только для епархии Авилы и только над лицами этой епархии. Юсе принадлежит к епархии Толедо, где есть инквизиторы еретической правды, перед которыми он готов предстать и ответить на любые обвинения. Следовательно, его дело должно было быть передано в суд Толедо, и их отцовство никогда не должно было получить донос Гевары.

Он продолжает упрекать их Отцовство за то, что они сделали это на более веских основаниях, когда протестует, что обвинение слишком расплывчатое, общее и неясное. В нем не указано место, или год, или месяц, или день, или час, в который, или лица, с которыми, как утверждается, его клиент совершил указанные преступления.

Далее он возражает, что, поскольку его клиент еврей, его нельзя справедливо обвинить в совершении преступления ереси или вероотступничества; и поэтому неправильно, чтобы — как это может быть сделано в случае с еретиком — было отказано в полном выражении и разъяснении того, в чем его обвиняют, поскольку таким образом его клиент не может защитить себя, не зная, в чем именно его обвиняют.

Адвокат совершенно справедливо осуждает как нарушение всякой справедливости то, что Фискалы таким образом наносят ущерб Юсе, не конкретизируя его обвинение, и он предупреждает их Отцовство, что это может оказаться оскорбительным для их совести, если в результате обобщений Гевары Юсе будет страдать и умереть беззащитным.

Это очень неудовлетворительная справедливость, когда человеку говорят: “Ты обвиняешься в таких-то преступлениях. Докажите свою невиновность по отношению к ним, или мы накажем вас”. Но это вовсе не справедливость, которая может сказать: “Вас в чем-то обвиняют, несмотря ни на что. Докажите нам, что вы невиновны во всех преступлениях, за которые этот трибунал может возбудить против вас дело, или мы признаем вас виновным и приговариваем к смертной казни”.

Однако именно таков был метод Святой канцелярии, и, зная об этом, адвокат вынужден признать, что в случае тайного совершения ереси инквизиция может принять обвинение, в котором не указаны время или место предполагаемого преступления.

Но это, настаивает он, не относится к его клиенту, который, будучи евреем и не имея крещеной души, на самом деле не может быть объявлен еретиком. Он взывает к совести инквизиторов, чтобы они не признали обвинение, и, наконец, угрожает, что, если они это сделают, он подаст жалобу туда, где у него есть на это право.

Из всего этого следует, что адвокат настолько полностью — так же полностью, как и его клиент, — находится в неведении относительно основных мотивов обвинения, что он даже не знает, что судебный процесс по приказу самого Торквемады должен был состояться в Авиле. Это предписание Великого инквизитора не было разглашено обвиняемому, чтобы, узнав имена своих товарищей по обвинению, он не узнал слишком много, не насторожился и не смог организовать надежную защиту.

Но в любом случае, на всякий случай, адвокат категорически и красноречиво опровергает каждый пункт обвинительного заключения Фискала.

Он насмехается над абсурдностью обвинения Юсе Франко в попытке соблазнить христиан принять Закон Моисея. Он ссылается на молодость парня, его положение в жизни, его общее незнание (даже того самого Закона Моисея, по которому он живет) и тот факт, что ему приходится много работать, чтобы зарабатывать на жизнь ремеслом сапожника; и он утверждает, что у его клиента нет ни времени, ни знаний, необходимых для попытки такого обращения в свою веру, в котором его обвиняют.

Он заявляет, что если когда-либо Юсе и разъяснял какую-либо часть Закона Моисея в ответ на адресованные ему вопросы (это, очевидно, было вдохновлено воспоминаниями Юсе о рассматриваемых им заявлениях относительно Алонсо Франко), он делал это просто

иоткровенно, без мысли о прозелитизме, и это нельзя было так истолковать. На самом деле, за исключением ответов, полученных им на вопросы, заданные Алонсо Франко, парень не помнит, чтобы когда-либо делал даже так много, что в любом случае не было бы настоящим преступлением.

Полным и формальным также является отрицание участия Юсе в распятии какого-либо мальчика и того, что он добыл или пытался добыть Хозяина. Адвокат высмеивает представление об этом парне-сапожнике как о колдуне, обладающем знаниями или интересом к колдовству.

Наконец, постоянно скрываясь в темноте и стремясь подорвать возможности, поскольку ему не предоставляют фактов, которые он мог бы опровергнуть, он предполагает, что показания, полученные против Юсе, возможно, могут быть истолкованы по—разному и могут в равной степени относиться к добру или злу, и что, поскольку он обвинен и арестован, показания, которые он сам дал (*т.е.* Относительно иудаизационных тенденций Алонсо Франко), следует интерпретировать в его пользу, а не против него.

Поэтому он обращается к их Преподобным Отцам с просьбой обязать свидетелей заявить, с кем, где, когда и как Юсе совершил эти действия, которые обвиняются против него. В противном случае он умоляет их объявить его клиента оправданным, освободить его, вернув ему его добрую славу и все имущество, которое могло быть конфисковано по приказу их Отцов или любых других судей Инквизиции.¹⁸⁰

Суд обязал нотариуса подготовить копию этого заявления и передать его налоговому инспектору, которому было поручено ответить на него в течение трех дней. И они далее распорядились, чтобы во время вручения указанного ответа Юсе Франко снова предстал перед ними, чтобы он мог узнать, что было решено относительно него.

Единственный вопрос, представляющий интерес на следующем заседании¹⁸¹— и это с точки зрения иллюстрации инквизиционных методов, которую дает нам это судебное разбирательство, — это отказ фискала от каких-либо обязательств с его стороны точно установить время или место совершения преступлений, в которых обвиняется Юсе Франко, и его настойчивое утверждение о том, что, несмотря на все, что было выдвинуто обвиняемым, дело должно рассматриваться как дело о ереси.

Суд, очевидно, придерживается той же точки зрения, поскольку предписывает обеим сторонам иска в течение тридцати дней представить доказательства своих соответствующих утверждений. Тем временем, чтобы прояснить вопрос о месте проведения, суд связывается с кардиналом Испании. Примас очень быстро дает необходимое разрешение на передачу дела в Авила из своего собственного архиепископства Толедо, в пределах юрисдикции которого оно находилось. Это была простая формальность, поскольку, учитывая четкие указания по этому делу, оставленные верховным арбитром Торквемадой, кардинал вряд ли мог поступить иначе.

Методы, используемые сейчас фискалом для получения требуемых доказательств или, по крайней мере, для построения более полного и убедительного дела — поскольку мы не можем не предположить, что у него уже было достаточно материала для вынесения обвинительного приговора, — в высшей степени типичны.

Мы знаем, что Франко, Бенито Гарсия, Хуан де Оканья и четверо франко из Ла Гуардиа в то время находились в руках инквизиторов; и не подлежит сомнению, что эти люди подвергались постоянному допросу. Но из отсутствия вдосье, которым мы интересуемся, какого-либо документа, относящегося к этому конкретному периоду, очевидно, что его сокамерники не делали никаких признаний, чтобы усилить обвинение Юсе.

Не желая выдвигать слишком много гипотез для устранения *пробелов*, возникших из-за отсутствия протоколов судебного разбирательства в отношении других обвиняемых, мы хотели бы предварительно предположить, что при подготовке той части своего доноса, которая касается распятия ребенка, Гевара просто адаптировал детали, извлеченные из Бенито, к туманному признанию Юсе в тюрьме Сеговии. Этот вывод в высшей степени оправдан. Оно основано на том факте, что Гевара полностью перешел границы любых доказательств, выявленных в ходе всего судебного разбирательства, когда он сказал, что Юсе “надумал” *как принципал* ... чтобы получить освященное Воинство.” Далее, это основано на уже упомянутом обстоятельстве, что если бы в каких—либо показаниях Бенито или любого другого обвиняемого упоминалось малейшее участие Юсе в деле Ла Гуардиа, такие показания — или, по крайней мере, соответствующая выдержка из них - должны были найти место в *досье* на его судебное разбирательство. И мы знаем, что такого документа нет.

Кроме того, у нас есть тот факт, что месяц, установленный судом для представления доказательств, истек, и еще месяц после этого, а у Гевары по-прежнему не было никаких доказательств, которые можно было бы представить их Преподобным Отцам, помимо показаний, которые мы уже видели. Тем временем Юсе продолжал томиться в тюрьме.

И здесь напрашивается следующий вопрос: учитывая признание, сделанное Юсе лжераввину в Сеговии, почему его не допросили подробно и прямо по этому поводу? и в случае, если он утаил подробности, почему его не подвергли пыткам, как предписано законом?

Вместо этого прямого метода процедуры он был оставлен в полном неведении о своем самопровозглашении и об источнике, откуда инквизиторы получили информацию о его причастности к делу Ла Гуардиа.

Единственный ответ, который напрашивается сам собой, заключается в том, что Торквемада хотел, чтобы этот вопрос был очень полно прояснен, чтобы сеть была очень полно и тщательно раскинута — как мы увидим, — чтобы ничто и никто не смог ускользнуть. И все же этот ответ вряд ли можно назвать полностью удовлетворительным.

Если Гевара позволял проходить месяцам, не имея возможности представить суду необходимые доказательства вины Юсе, то, с другой стороны, сам Юсе точно так же не смог представить своему адвокату никаких доказательств своей невиновности — что, собственно, и было невозможно в отсутствие всех подробностей предъявленных ему обвинений.

Таким образом, на сезон дело остается в подвешенном состоянии.

Попытки добиться компрометирующих доказательств от других заключенных обычными судебными методами тем временем потерпели неудачу, и теперь трибунал прибегает к другим средствам. Не сумев принудить заключенных к предательству друг друга, инквизиторы теперь стремятся склонить их к самоотдаче.

Используется хорошо известная схема.

Бенито переводят в камеру непосредственно под комнатой Юсе. Чтобы скоротать скуку своего заключения и с беззаботностью, которая немного поражает человека в его отчаянном положении, Юсе однажды в конце марта или в начале апреля сидит у окна и бренчит на виоле или гитаре. Инструмент, возможно, был оставлен у него тюремщиком, участвовавшим в заговоре.

Происходит то, чего, без сомнения, ожидали. Музыку Юсе внезапно прерывает голос снизу, который спрашивает:

- Ты не мог бы дать мне иголку, еврей?

Юсе отвечает, что у него нет другой иглы, кроме сапожной. [182](#)

Говорящий - Бенито Гарсия, и совершенно очевидно, что шпионы были подслушаны, что происходит. Мы знаем, что их разговор происходил через отверстие в полу, проделанное тюремщиком, который действовал по указанию инквизиторов. [183](#)

Юсе очень осмотрителен во всем, что он говорит; но Бенито совершенно безрассуден в те первые дни их общения. И все же, хотя он признает, что уже считает себя потерянным из-за того, что “этот пес доктор” (под которым он имеет в виду преподобного инквизитора доктора Вилладу) вытянул из него под пытками в Асторге, в другое время он проявляет себя не без надежды вернуть себе свободу.

Он упоминает человека по имени Пенья, который является алькальдом Ла Гуардиа. Этот человек, по его словам, заинтересован в нем и имеет — по крайней мере, так Бенито воображает — влияние при дворе, которое он оказал бы в интересах Бенито, если бы только знал о положении последнего.

В другой раз он клянется, что, если когда-нибудь выйдет из тюрьмы, покинет Испанию и отправится в Иудею. Он убежден, что все эти неприятности обрушились на него в наказание за то, что он отказался от Закона Моисея и отрекся от истинного Бога, приняв религию Рожденного Бога (*Dios Parido*).

Но кроме этого, от него нет никаких жалоб; чаще всего он сардоничен в своих жалобах, например, когда он жалуется, что все, что он получил взамен денег, которые он отдал за души в чистилище, были блохи и вши, которые чуть не сожрали его заживо в тюрьме Асторги; или что вся награда, которой он наслаждался за то, что подарил Церкви купель со святой водой, заключалась в том, что он был подвергнут пыткам водой “этой собакой доктора из Асторги”.

Он клянется, что умрет евреем, хотя его следовало бы сжечь заживо. Он яростно критикует инквизиторов, называя их антихристами, а Торквемаду величайшим антихристом из всех; и он насмешливо намекает на то, что он называет мошенничеством и шутовством Церкви.

Именно от Бенито Юсе, к своему удивлению, получил известие об аресте своего отца и о том факте, что Франко находится в той же тюрьме Авилы. Ему сообщили об этом во время их первого разговора, когда Бенито осудил его музыку.

“Не бренчи на гитаре, - сказал Бенито, - но сжался над своим отцом, который здесь и которого инквизиторы пообещали сжечь”.¹⁸⁴

В ходе другого более позднего разговора между заключенными Юсе спрашивает Бенито, что привело к аресту последнего. И когда Бенито рассказал о происшествии в гостинице в Асторге, Юсе спрашивает его об освященной облатке — и его вопросы, безусловно, выдают тот факт, что молодой еврей заранее знал об этом и вообще о готовящемся деле. Он становится настолько назойливым в своих вопросах, что Бенито — возможно, находя неудобным отвечать на них, не выдавая степени, в которой он обвинил своих сообщников, — резко просит Юсе оставить это дело в покое, заверяя его в то же время, что он никогда не упоминал имени Юсе инквизиторам.

Фотография Дональда Макбета.

САНБЕНИТО КАЮЩЕГОСЯ ПРИЗНАЛСЯ В ПРИМИРЕНИИ.

Из “Истории инквизиции” Лимборха.

На первый взгляд это утверждение кажется неверным. Но очевидно, что Бенито имеет в виду, что он никогда не упоминал имя Юсе в связи с Ведущим или каким-либо другим способом, который мог бы его изобличить. И в этом он достаточно правдив, насколько ему известно, поскольку он не мог предположить, что то, что он сказал о своих собственных преступлениях против Веры, совершенных в доме Юсе в Тенблеке, может быть каким-либо образом истолковано против мальчика или его отца.

Переходя к другим вопросам, они ссылаются на некую вдову из Ла Гуардиа, о которой Бенито говорит, что знает ее как иудейку, потому что она никогда не ела ничего, содержащего сало или ветчину, и он часто видел, как она ест *адафинас* (еврейское блюдо, готовящееся в пятницу на шаббат) и пьет *казер* вино.¹⁸⁵

В *досье* Юсе Франко нет показаний шпиона, подслушивавшего его разговоры с Бенито. Но вполне вероятно, что некоторые из таких показаний будут найдены в протоколе судебного процесса над последним, где им и место, поскольку из-за использованной им откровенности он в чрезвычайной степени изобличил себя, а Юсе - нет вообще. И не подлежит сомнению, что инквизиторы использовали полученную таким образом информацию, когда они пришли допрашивать Юсе Франко 9 и 10 апреля^{186 года} и при последующем допросе 1 августа^{187 года}, когда они взяли у него показания, подтверждающие все вышесказанное.

На полях последнего из этих показаний есть примечание, привлекающее внимание к тому, что было сказано Бенито относительно вдовы Ла Гуардиа, которое показывает, что инквизиторы не намерены тратить впустую эту случайную информацию.

Действуя, без сомнения, на основании донесения шпиона и, наконец, получив информацию, на основании которой они могли приступить к работе, инквизиторы Виллада и Лопес в сопровождении своего нотариуса наносят Юсе Франко неожиданный визит в его камеру утром в субботу, 9 апреля. Получив от него подтверждение того, что он уже сообщил в Сеговии и в этой тюрьме Авила, они вытягивают из него путем туманных и деликатных расспросов следующие дополнения к этим признаниям:

Около трех лет назад врач—еврей по имени Юсе Тазарте, ныне покойный, рассказал ему, что последний умолял Бенито Гарсию достать ему освященную облатку и что Бенито украл ключи от церкви Ла Гуардиа и таким образом ухитрился заполучить Хосту; что в результате этой кражи Бенито был арестован — по подозрению, как мы предполагаем, - два года назад, на прошлое Рождество (*то есть* 1488 года) и продержан в тюрьме два дня.

Тазарте сказал Юсе, что из облатки требовалось “сделать шнурок с определенными узлами”, и этот шнурок вместе с письмом Тазарте передал свидетелю для передачи раввину Пересу из Толедо, просьбу которого Юсе выполнил.

Но помимо этого, добавляет он, он ничего не знает о том, что стало с Хозяином, и Тазарте не сказал ему; и что не только Тазарте, но и Бенито Гарсия, Мозе Франко — его родной брат, ныне покойный, — и Алонсо Франко из Ла Гуардиа были замешаны в этом деле, согласно тому, что рассказал Мозе своей жене Джамиле. В последнем случае он вскоре исправился: поразмыслив, он говорит, что Моше рассказал об этом не Джамиле, а самому Юсе.

Это любопытное заявление, и, без сомнения, оно было сделано в ответ на вопросы, заданные ему относительно того, что он знал о некоем Носителе, который использовался в магических целях. И есть основания полагать, что — как мы сейчас увидим — Юсе намеренно лгал, в надежде сбить инквизиторов со следа.

Но примечательно, что в этом, как и в других показаниях, он старается не выдавать евреев, которым его показания могут повредить. Его брат и Тазарте мертвы; Алонсо и Бенито Гарсия уже арестованы, и последний признался Юсе, что уже сказал достаточно, чтобы его сожгли. Более того, они христиане, принявшие крещение, и их предательство не может быть для Юсе таким же

серьезным делом, как предательство правоверного еврея. Особенно это подчеркивается его отказом от того, что он сказал относительно незначительной связи его невестки Джамили с этим делом, возможно, подумав, что даже такая малость может ее уличить - что, несомненно, и произошло бы.

Инквизиторы удаляются, явно недовольные, и позже, в тот же день, они приказывают привести Юсе к ним в зал для аудиенций. Там они возобновляют свои вопросы, и им удается вытянуть из него значительную часть того, что произошло между ним и Бенито в тюрьме, — вопросов, о которых, вне всякого сомнения, они уже были полностью проинформированы.

Дважды на следующий день, то есть в воскресенье, его приводили к их преподобным Отцам. На первой аудиенции ему зачитывают его вчерашнее заявление, и когда он подтверждает его, на него снова насаждают с скрытыми вопросами, чтобы добавить еще немного из того, что было сказано в тех беседах с Бенито. Но в ходе второго экзамена в то воскресенье Юсе, наконец, был вынужден предоставить инквизиторам информацию, более близкую к их требованиям.

Он говорит, что четыре года назад его брат Мозе сказал ему, что последний вместе с Тазарте, Алонсо Франко, Хуаном Франко, Гарсией Франко и Бенито Гарсией получил освященную облатку и что с помощью определенных заклинаний они должны были добиться того, чтобы правосудие христиан и инквизиторы не имели власти коснуться их. Мозе пригласил его присоединиться к этому делу, но он отказался, не имея к этому никакого желания и, кроме того, в то время был на пути в Мурсию. И он знает, из того, что рассказал ему Мозе, что около двух лет назад те же самые люди повторили то же самое заклинание с тем же Хозяином.¹⁸⁸

Мы не знаем, оставят ли Юсе в покое на целый месяц, но мы не можем этого предполагать. И мы должны объяснить отсутствие какого-либо отчета об экспертизе в течение этого периода предположением, что какие бы экспертизы ни проводились, они были совершенно бесплодными и не выявили никаких новых подробностей. Поскольку в досье нигде нет ни единой записи о безрезультатной экспертизе, это предположение — хотя мы и признаем его негативный характер — не кажется необоснованным.

Как бы то ни было, 7 мая сам Юсе просит отвести его к инквизиторам, чтобы рассказать им, что он помнит, как спрашивал Моше, где он и его сообщники собирались, чтобы сделать то, что они сделали, чтобы жены последних — которые были христианками — не знали об этом деле, и Моше ответил ему, что они собирались в пещерах между Досбарриосом и Ла Гуардией, по дороге в Оканья.¹⁸⁹

Трудно предположить, что такое заявление было полностью спонтанным, поскольку оно вытекает из показаний, сделанных месяцем ранее. Скорее всего, это результат каких-то бесплодных расспросов, которые, как мы предполагаем, могли иметь место в промежутке времени. Точно так же мы предполагаем, что экзамены постоянно продолжаются, но проходит еще месяц, прежде чем мы получим следующий зарегистрированный экзамен, и этот — от 9 июня¹⁹⁰года — содержит действительно важное признание.

Он говорит, что *он не помнит*, упоминал ли он, что около четырех лет назад, когда он заболел в Тенблеке и врач Тазарт пришел пустить ему кровь, он подслушал разговор между своим братом и Тазартом, из которого он узнал, что последний вместе с франками из Ла Гуардии сотворил чары с Хозяином и сердцем мальчика-христианина, в силу чего инквизиторы никоим образом

не могли возбудить против них судебное дело, или, если бы они это сделали, сами инквизиторы погибли бы.

Его заявление о том, что он не помнит, упоминал ли он о деле столь серьезного характера, является либо глупой попыткой симулировать невинность, либо само по себе наводит на мысль о растерянном состоянии ума, вызванном множеством экспертиз, в ходе которых этот вопрос о сердце мальчика—христианина, содержащийся, как мы знаем, в обвинительном заключении Гевары, настойчиво выдвигался вперед.

РАЙОН ЛА ГУАРДИА.

Его спрашивают, слышал ли он, откуда они раздобыли Носитель и где убили мальчика, чтобы заполучить сердце. Но он отрицает, что что-либо подслушал или каким-либо иным образом узнал об этих подробностях.

Мы видели предписание Эймерика посетить заключенного и заверить его, что инквизиторы простят его, если он сделает откровенное и полное признание в своем преступлении и во всем, что ему известно о преступлениях других. Хотя это не указано положительно, есть основания предположить из того, что следует, что этот курс был применен в настоящее время в случае с Юсе Франко. Чтобы сыграть роль необходимого посредника, инквизиторы имеют под рукой тюремщика, который, должно быть, был в дружеских отношениях с заключенным, поскольку изобрел для него средство связи с Бенито в то время, когда последний занимал камеру непосредственно под камерой Юсе. Можно с уверенностью предположить, что Бенито больше не находится в этой камере, поскольку, отслужив свою очередь, он, конечно, будет снова удален.

Каковы бы ни были шаги, которые были предприняты для этого, 19 июля — чуть более чем через год после ареста — Юсе предстает перед Вилладой и Лопесом, ¹⁹¹ по его собственной просьбе, с целью внесения определенных дополнений к *тому, что он уже дал под присягой*.

Он начинает с того, что умоляет их Отцовство простить его за то, что он ранее не признался во всем, что знал, заявляя, что теперь таково его намерение, при условии, что они передадут ему свое слово, заверяющее его в помиловании и неприкосновенности для него самого и его отца за все совершенные ошибки. ¹⁹²

Определенно кажется, что без предварительной уверенности в том, что какое—то подобное соображение предназначалось ему, он никогда бы не осмелился предпочесть запрос такого рода, одновременно компрометирующий — поскольку он признавал его обладание знаниями, которые до сих пор скрывались, - и дерзкий в своем предположении, что такая информация будет приобретена по названной им цене.

Инквизиторы великодушно ответили ему, что они согласны сделать это при том понимании, что во всем он должен рассказать им всю правду, и они предупредили его, что вскоре смогут более или менее понять, говорит ли он правду. ¹⁹³

(Это притворство, что он уже полностью информирован, является уловкой, предложенной Эймериком, чтобы убедить допрашиваемого в тщетности прибегания к уверткам.)

Успокоенный этим ответом и, без сомнения, введенный в заблуждение очевидным обещанием помилования при условии полного признания, Юсе начинает с извинения за свое прошлое молчание по вопросам, которые он собирается изложить, утверждением, что это было вызвано клятвой, в которой он поклялся ничего не разглашать до тех пор, пока не проведет год в тюрьме.

После этого он приносит присягу в еврейской манере говорить всю правду, без обмана, уклонений или сокрытия всего, что, как ему известно, касается Святой Канцелярии Инквизиции, и он берется за выполнение задачи по расширению и исправлению того, что он сказал ранее.

Он признается, что однажды, около трех лет назад, он был в пещере, расположенной немного в стороне от дороги, ведущей из Ла Гуардиа в Досбарриос, с правой стороны, если идти к последнему месту, и на полпути между двумя деревнями. Помимо него самого, там присутствовали его отец Ка Франко, его брат Мозе, ныне покойный, врач Юсе Тазарте и некто Давид Перехон — оба покойные, — Бенито Гарсия, Хуан де Оканья и четверо франко из Ла Гуардиа — Хуан, Алонсо, Лопе и Гарсия.

Алонсо Франко показал ему сердце, которое, по его словам, было вырезано из сердца мальчика-христианина, и по его состоянию Юсе заключил, что это было сделано недавно. Кроме того, Алонсо показал ему облатку, которая, по его словам, была освящена. Эту облатку и сердце Алонсо вложил вместе в деревянную шкатулку, которую он передал Тазарте, и последний разобрал эти вещи на части, сказав, что он пошел сотворить заклинание, чтобы инквизиторы не смогли причинить вреда никому из них, или, если они попытаются это сделать, они сами должны сойти с ума и умереть в течение года.

В этот момент инквизиторы задают два вопроса:

- Он знает, откуда был взят Носитель?

- Знает ли он, приносили ли они в жертву какого-нибудь мальчика, чтобы заполучить сердце?

Его ответ на первый вопрос отрицательный — у него нет знаний.

На второй вопрос он отвечает, что помнит, как Алонсо Франко утверждал, что он и несколько его братьев распяли мальчика-христианина, у которого было такое сердце.

Возвращаясь к своему заявлению, он говорит, что около двух лет назад все вышеупомянутые снова собрались между Ла Гуардиа и Тенблеком, и что по этому случаю было решено послать освященную облатку Моше Абенамиасу из Саморы, и что такое Угощение было доставлено Бенито Гарсии в пергаменте, перевязанном красным шелком. Это Бенито должен был отвезти в Абенамиас вместе с письмом, которое сначала было написано на иврите, но которое — чтобы это не вызвало подозрений в случае обнаружения письма — было заменено другим, написанным романскими словами.

Объяснение, которое можно дать этому, по-видимому, состоит в том, что, поскольку возникли сомнения относительно эффективности чар, сотворенных Тазарте, было сочтено целесообразным обратиться к магу с большей репутацией и отправить освященную облатку Абенамиасу в Самору, чтобы он мог совершить с ней желаемое колдовство.

Инквизиторы настаивают на том, чтобы Юсе сказал, знает ли он, действительно ли Бенито доставил облатку Абенамиасу. Он отвечает, что не знает, что Бенито сделал с этим; но что Бенито сказал ему [в ходе их бесед в тюрьме Авилы], что он отправился в путешествие в Сантьяго и что, проезжая через Асторгу, он был арестован по приказу доктора Виллады, который в то время был там провизором.

Что касается сердца, он не знает, что с ним случилось; но он верит, что оно осталось во владении Тазарта, который творил с ним свои чары.

На вопрос о том, кто был главным в этом деле, он отвечает, что Тазарте пригласил его вместе с его отцом и братом Мозе, и что они все вместе отправились в пещеру, в то время как он считает, что христиане (*т.е.* Оканья, франки и Бенито Гарсия) и Давид Перехон из Ла Гуардиа также были вызваны Тазарте.

Наконец, его спрашивают, получил ли Тазарте какие-либо деньги за свое колдовство и заплатили ли Бенито Гарсии за доставку Хозяина в Самору; и он отвечает, что деньги Тазарте дал Алонсо Франко, и что Бенито тоже получит за свои хлопоты.

Из опубликованного на следующий день (20 июля) признания, сделанного восьмидесятилетним Ча Франко, становится ясно, что сразу же после увольнения Юсе его отец был введен в аудиенц-зал для допроса.

Инквизиторы теперь располагают информацией о том, что Ча присутствовал в пещере, когда Алонсо Франко извлек сердце христианского ребенка. Работая над этим и другими деталями, полученными от Юсе, они теперь смогут, умело выставив их напоказ — и, по-видимому,

намеренно умолчав обо всем остальном, — убедительно симулировать самую полную осведомленность о деле. Таким образом, “Директориум” предписывает инквизитору проводить свой допрос.

Полагая, что все предано, и что дальнейшее сокрытие, следовательно, будет хуже, чем бесполезно, Ча, наконец, высказывается. Он не только подтверждает все, что уже признал его сын, но и добавляет гораздо больше. Он признается, что он сам, двое его сыновей и другие упомянутые евреи и христиане собрались в пещере по правую сторону дороги, идущей из Ла Гуардиа в Досбарриос, и он говорит, что некоторые из них привели туда мальчика-христианина, который был там распят на двух перекрещенных прямоугольником бревнах, к которым они его привязали. Прежде чем приступить к этому, христиане раздели мальчика догола, которые били его кнутом и всячески оскорбляли.

Он протестует, что сам он не принимал в этом никакого участия, кроме как присутствовал и был свидетелем всего, что было сделано. Отвечая на вопрос о том, какую роль сыграл его сын Юсе, он признает, что видел, как последний слегка толкнул или ударил мальчика.

Именно этому упоминанию о Юсе мы обязаны включением в настоящее *досье* этой выдержки из заверенного Ча его признания, которая так ясно раскрывает нам метод, применяемый трибуналом.

Ча удаляется, и Юсе немедленно возвращается обратно. Вопросы возобновляются, теперь они основаны на дополнительной полученной информации и выдают достаточный объем этой информации, чтобы вынудить Юсе дополнить свои признания.

Без сомнения, они допросили бы его напрямую по делу о распятии мальчика, настаивая на этом — теперь уже главном обвинении — и в зависимости от ответов Юсе снабдили бы их дополнительными подробностями, чем они уже располагают, чтобы дать им возможность копнуть еще глубже.

Не в силах упорствовать в отрицании перед лицом столь очевидных знаний со стороны тех, кто задавал ему вопросы, Юсе признает, что был свидетелем фактического распятия в пещере около трех или четырех лет назад. Он говорит (как сказал его отец), что именно христиане распяли ребенка, и что они били его плетью, били его, плевали в него и увенчали терновым венцом.

Пока он просто подтверждает то, что уже известно. Но теперь он добавляет к сумме этих знаний. Он утверждает, что Алонсо Франко вскрыл вены на руках мальчика и оставил его истекать кровью более чем на полчаса, собирая кровь в котел и банку; что Хуан Франко достал чешский нож (*т.е.* изогнутый нож) и вонзил его мальчику в бок, и что Гарсия Франко вынул сердце и посыпал его солью.

Он признает, что все присутствующие принимали участие в том, что было сделано, и он может указать точную роль, сыгранную каждым, за исключением его отца: он не помнит, чтобы видел, как его отец делал что-либо, кроме того, что просто стоял там, пока все это происходило; и Юсе напоминает инквизиторам, что его отец - очень старый человек старше восьмидесяти лет, чье зрение настолько слабое, что он даже не мог ясно видеть, что делалось.

Когда ребенок умер, продолжает он, они сняли его с креста. (По его словам, они развязали его.) Хуан Франко схватил его за руки, а Гарсия Франко - за ноги, и так они вынесли его из пещеры. Юсе не видел, куда они его увезли, но слышал, как Хуан Франко и Гарсия Франко сообщили Тазарте, что похоронили его в овраге у реки Эскорчон.

Сердце оставалось во владении Алонсо до их следующей встречи в пещере, когда он подарил его вместе с освященной облаткой Тазарте.

“Это, - спрашивают они его, - происходило днем или ночью?”

“Ночью, - отвечает он, - при свете свечей из белого воска; и плащ был повешен над входом в пещеру, чтобы свет не был виден снаружи”.

От него требуют сказать, когда именно это произошло; но все, что он может ответить, это то, что, по его мнению, это было в Великий пост, незадолго до Пасхи, три или четыре года назад.

Они спрашивают, доходили ли до него какие-либо слухи о пропаже ребенка примерно в то время в этом районе, и он говорит, что до него доходили слухи о пропаже ребенка в Лилло и другого в Ла Гуардиа; последний ушел на виноградник со своим дядей, и больше его никто не видел. Но он добавляет, что, в любом случае, франко приезжали и уезжали между Ла Гуардией и Мурсией, и что в одном из своих путешествий они легко могли найти ребенка и увезти его, потому что в их тележках были бочки из—под сардин, и некоторые из них были пустыми - под этим он подразумевает, что они могли спрятать ребенка в одной из этих бочек.

Будучи вынужденным сообщить еще больше подробностей, он протестует, что в настоящее время больше ничего не может вспомнить, но обещает проинформировать суд, если ему удастся вспомнить что-нибудь еще.

На этом основании он уволен с предписанием доктора Виллады — которое могло быть подкреплено обещанием или угрозой — поразмыслить и признаться во всем, что, как ему известно, касается Святой Канцелярии в отношении его самого или любых других лиц.

ГЛАВА XXII

СУД Над ЮСЕ ФРАНКО (Продолжение)

Нетрудно догадаться, с какой новой энергией суд, вооруженный той информацией, которой он теперь располагал, приступил к повторному допросу остальных семи заключенных, обвиняемых в соучастии в преступлении в Ла Гуардиа, настаивая на особой доле, которую, как утверждалось, он сам понес в этом деле, и продолжая натравливать одного обвиняемого на другого.

Прискорбно, что протоколы этого судебного разбирательства в настоящее время недоступны, так что при поэтапной реконструкции этого экстраординарного дела можно было бы отказаться от всяких догадок. И следует надеяться, что ожидания М. Фиделя Фиты относительно того, что эти записи в конечном итоге будут обнародованы, могут оправдаться.

Неделю спустя, 28 июля, Юсе снова приводят в аудиенц-зал для дальнейшего допроса. Но ему больше нечего добавить по поводу самого преступления. Все, что ему удалось запомнить за это

время, - это обрывки разговора, который состоялся, когда преступники собрались — по тому более позднему случаю — с целью отправить освященную облатку Абенамиасу. Тем не менее, то, что он говорит, с точки зрения инквизиторов, столь же вредно для тех, кто произносил то, что он повторяет, как и их фактическое участие в распятии мальчика, и это едва ли менее вредно для самого Юсе, поскольку показывает, что он был *fautor*, или подстрекателем еретиков — обстоятельство, которое он, вполне возможно, совершенно не смог оценить.

Он утверждает, что Алонсо Франко сказал, что письмо, которое они отправляли в Абенамиас, было лучше, чем письма и буллы [об индульгенциях], которые пришли из Рима и были выставлены на продажу. Оканья согласился, осудив всех, кто должен тратить деньги на таких быков, назвав такие вещи чистым надувательством (*todo es burla*) и заявив, что нет спасителя, кроме Бога. Но Гарсия Франко упрекнул его, напомнив, что хорошей политикой было бы покупать их время от времени, поскольку это придавало им вид добрых католиков.

Касаясь того же вопроса о внешности, Алонсо посетовал на проблемы, которым они подвергались из-за того, что были женаты на старых христианках, которые даже не разрешали обрезание своим детям.

Три дня спустя Юсе вспомнил, что именно Бенито увенчал ребенка шипами. Его снова спрашивают, что он знает о мальчике, и он признает, что слышал, как Тазарт сказал, что ребенок был получен “из места, откуда его никогда не хватятся”.

Они продолжают настаивать на этом, но он может только повторить то, что уже сказал: поскольку франко много путешествуют на своих повозках, они, возможно, нашли мальчика во время одного из своих путешествий.

Поскольку больше из него ничего нельзя вытянуть по этому вопросу, они теперь меняют направление расследования и запрашивают информацию о других практиках иудаизации франков Ла Гуардиа, спрашивая Юсе, что ему известно по этому вопросу.

Он отвечает, что около шести лет назад франки, насколько ему известно, праздновали Праздник Кущей и дали нищему Перехону денег на покупку трубы, в которую должны были трубить на седьмой день праздника, как положено. Далее, он знает, что они едят мясо, приготовленное по—еврейски, над которым произносят еврейские молитвы — *Берака* и *Хамочи*, - и что считается, что они соблюдали великий пост и давали деньги на покупку масла для синагоги.¹⁹⁴

Далее на просьбу объяснить клятву хранить тайну, которая, по его словам, была наложена на него и которой, по его словам, объяснялось его молчание в прошлом, он заявляет, что все были торжественно покляны Тазарте, что ни при каких обстоятельствах они не произнесут ни слова о том, что было сделано в пещере между Досбарриосом и Ла Гуардиа, пока они не проведут один год в тюрьме инквизиции, и что даже если пытки заставят их нарушить свою клятву, они должны отказаться подтвердить это впоследствии и отрицать то, что они могли разгласить.

Мсье Исидор Леб так упорно цеплялся за теорию о том, что дело “Санто-Ниньо” было сфабриковано Торквемадой, что он не позволил бы поколебать свои убеждения разоблачением,

содержащимся в этих протоколах судебного процесса над Юсе, когда они стали известны. Он настаивает на этом заявлении Юсе и осуждает такую клятву как вопиющую нелепость, заключая отсюда, что здесь, как и везде, Юсе лжет. [195](#)

Критические замечания М. Леба в адрес этого *досье* заслуживают слишком большого внимания, чтобы их можно было легко игнорировать, и мы вскоре вернемся к их рассмотрению.

Тем временем мы можем позволить себе здесь отступление, чтобы рассмотреть именно этот момент, на котором он основывает столько аргументов с целью доказать ложность остальной части истории.

Если бы мы согласились с мсье Лебом, что Юсе лжет в данном случае, это все равно ничего бы не доказывало относительно остального - и было бы очень далеко от доказательства того, что Торквемада является изобретателем всего этого дела. Предполагая, что эта история о клятве хранить молчание в течение одного года после ареста является ложью, вполне можно утверждать, что Юсе использовал ее в надежде, что это извинит его за то, что он до сих пор скрывал информацию, и что это побудит инквизиторов снисходительно отнестись к нему за то же самое молчание. Следует отметить, что он предваряет свое признание этим оправданием, когда просит инквизиторов дать ему обязательство, что они простят его, если он расскажет все, что ему известно.

Но действительно ли он лжет?

Нам кажется, что, придя к такому выводу, месье Леб либо упустил из виду, либо недостаточно взвесил следующее утверждение из признания Юсе: *“Юсе Тазарте ... отправился сотворить заклинание, чтобы инквизиторы не смогли причинить вреда никому из них, или, если они попытаются это сделать, они сами должны сойти с ума и умереть в течение года”*. Это означает, конечно, в течение года после попытки причинить вред кому-либо из них, что опять же означает *в течение года после ареста любого из них*.

Итак, тот факт, что мы сегодня не верим в действенность заклинаний Тазарта и в силу его магических чар, воздействующих на сердце и Хозяина для выполнения того, что он обещал, не является основанием предполагать, что сам Тазарт не был твердо убежден в том, что его чары подействуют. Действительно, он и его партнеры, должно быть, твердо верили в это, иначе они никогда бы не пошли на то, чтобы подвергать свою жизнь опасности в столь опасном деле.

Вера Тазарта заключалась в том, что это колдовство наделит их всех иммунитетом от преследований инквизиции, и что если какие-либо инквизиторы попытаются нарушить этот иммунитет, такие инквизиторы должны сойти с ума и умереть в течение года после ареста любого из сообщников Тазарта. Следовательно, в случае ареста все, что было бы необходимо для окончательного освобождения, - это упорно скрывать от инквизиторов всю информацию о предмете этого заклęcia до тех пор, пока не истечет срок, в течение которого оно должно было сработать.

Когда это достаточно обдуманно, нам кажется, что такая клятва, которая, по словам Юсе, была навязана Тазарте, становится не только вероятной, но и абсолютно неизбежной. Должно быть, была наложена какая-то такая клятва, чтобы гарантировать эффективность заклинания в случае ареста кого-либо из них.

Трудно думать, что Тазарт был простым шарлатаном, занимавшимся этим бизнесом, не высовывая язык, ради денег, которые он мог извлечь из своих одураченных; трудно, потому что он имел дело со сравнительно бедными людьми, от которых вознаграждение, которое следовало получить, было бы несоизмеримо с понесенным риском. Но даже если мы исходим из этого предположения, не должны ли мы прийти к выводу, что, будучи сознательным шарлатаном, Тазарте приложил бы большие усилия, чтобы казаться искренним, и навязать клятву, которую он должен был бы дать, если бы был искренним?

Довольно странно и, кажется, требует какого-то объяснения, которое мы не в силах предоставить, что до сих пор инквизиторы никак не использовали это серьезное признание Юсе предполагаемому раввину Аврааму в Сеговии. Это правда, что это было крайне расплывчато, но в признаниях Ча от 19 июля — если не раньше — они получили необходимое связующее звено.

Но только 16 сентября, когда они навестили Юсе в его камере, они затронули этот вопрос. Затем они спрашивают его, помнит ли он, что разговаривал, находясь под арестом в Сеговии, о делах, касающихся инквизиции, и с кем.

Его ответ определенно показывает, что даже сейчас у него нет никаких подозрений в том, что "раввин Авраам" был эмиссаром Святой Канцелярии. Он говорит, что, будучи больным в тюрьме и полагая, что вот-вот умрет, он попросил лечившего его врача умолять инквизиторов разрешить еврею навестить его и помолиться вместе с ним, и его дальнейшие признания относительно того, что произошло между ним и "раввином", полностью подтверждают показания Фрея Алонсо Энрикеса и врача Антонио де Авилы.

Следователи просят его объяснить три еврейских слова, которые он использовал в том случае: *мита*, *нахар* и *Отохайс*. Он отвечает, что они ссылались на распятие мальчика, о чем он рассказал в своей исповеди.¹⁹⁶

На данном этапе, похоже, выясняется, что признания Бенито под пытками в Асторге, когда, как он сказал, он признал достаточно, чтобы его сожгли, должно быть, ограничивались вопросами, касающимися найденного при нем Воска, и что до сих пор он ничего не сказал о распятии мальчика.

Это предположение скорее углубляет таинственные аспекты дела, чем проясняет их, поскольку оставляет нас без малейшего намека на то, как финансовый прокурор Гевара смог включить в свое обвинительное заключение девять месяцев назад подробности "очарования упомянутым Хозяином и сердцем мальчика-христианина".

Из того, что Бенито сказал Юсе в тюрьме, мы могли бы с полным основанием предположить, что первый является доносчиком; но ввиду того поворота, который сейчас принимает разбирательство, это предположение, по-видимому, становится несостоятельным. Конечно, возможно, что сведения, о которых идет речь, были вытянуты из кого-то из других заключенных, или возможно, что сам Бенито, возможно, признался, а затем отказался подтвердить это. Но дальше указания на эти возможности мы пойти не можем.

Факт остается фактом: 24 сентября инквизиторы сочли необходимым подвергнуть Бенито Гарсию пыткам, чтобы получить от него показания, касающиеся распятия.

И на дыбе он признается, что он, Юсе Франко и другие распяли мальчика в одной из пещер по дороге в Вильяпаломас на кресте, сделанном из балки и оси повозки, соединенных вместе пеньковой веревкой; что сначала они привязали мальчика к кресту, а затем прибили к нему руки и ноги; и что, когда мальчик кричал, они задушили его (*ло ахогарон*); что все было сделано ночью при свете свечи, которую сам Бенито раздобыл в Санта—Марии. де Лапера; что вход в пещеру был накрыт плащом, чтобы снаружи не было видно света; что мальчика били ремнем и увенчали терновым венцом - все в насмешку и поношение Господа нашего Иисуса Христа; и что они унесли тело и похоронили его на винограднике близ Санта-Мария-де-ла-Пера.¹⁹⁷

Есть некоторые незначительные расхождения между деталями дела, изложенными Бенито, и теми, что приводит Юсе. Последний не упомянул, что руки и ноги ребенка были прибиты гвоздями к кресту; по его словам, они были просто связаны. Он также не сказал, что мальчик был задушен; его заявление, по-видимому, сводится к тому, что ребенок истек кровью в результате вскрытия вен у себя на руках — вопрос, о котором Бенито не упоминает. Но что касается удушения, возможно, что под употребленным словом —*ахогарон*— Бенито просто имеет в виду, что крики мальчика были приглушены, и эта деталь подтверждается заявлением Юсе о том, что ребенку заткнули рот кляпом.

Очевидно, заключенным разрешено узнать, что Бенито подвергался пыткам. Очень возможно, что им дают информацию до конца, чтобы она могла вселить в них ужас и таким образом побудить их выдать себя без лишних слов. Но не похоже, чтобы их очень сильно пугала перспектива подвергнуться таким же страданиям, если судить по Гарсии Франко. Этому заключенному разрешено на следующий день (то есть в воскресенье), по распоряжению Святой Канцелярии, вступить в контакт с Юсе. В ходе их беседы Гарсия настоятельно призывает к политике отрицания под пытками, если они будут подвергнуты ей,¹⁹⁸ из чего кажется очевидным, что он понятия не имеет, до какой степени язык Юсе уже развязался.

В следующую среду настанет очередь Хуана Франко подвергнуться пыткам.

Под этим он приводит общее подтверждение того, что уже было извлечено из других. Он признается, что он, Юсе Франко и другие христиане и евреи распяли мальчика в пещере Карре-Оканья, которая находится справа по дороге из Ла—Гуардиа в Оканья; что они распяли его на кресте, сделанном из двух брусьев оливкового дерева, соединенных вместе пеньковой веревкой; что они били его веревкой; и что Юсе присутствовал, когда обвиняемый сам вырезал мальчику сердце - что более полно содержится в признании обвиняемого (из которого, опять же, это не более чем отрывок, касающийся за участие Юсе в преступлении). Он утверждает, что колдовство было совершено с сердцем, чтобы инквизиция не могла возбудить против них дело.

Это признание было должным образом подтверждено на следующий день.¹⁹⁹

В пятницу той же недели они пытаются Хуана де Оканью и добиваются от него признания, которое, в основном, согласуется с уже полученными. Он рассказывает, как он и другие распяли мальчика в пещерах Карре-Оканья; что они били его веревками, когда он был распят; что они вырезали ему сердце и собрали его кровь в котел; что была ночь и у них был свет; и что, сняв

тело, они похоронили его недалеко от Санта-Мария-де-ла-Пера, как полностью изложено в его исповеди.²⁰⁰

Вследствие того, что в ходе этого признания он рассказал о Воинстве, которое было отправлено в Самору для доставки Абенамиасу, Оканью снова допрашивают — 11 октября — именно по этому поводу. Его спрашивают, откуда он знает, что это было сделано. Он отвечает, что слышал, как Алонсо Франко и евреи — *то есть* Шаранко и его сыновья (Юсе и Мозе), Тазарте и Перехон — говорили, что таково было намерение, но он не знает, действительно ли Воинство было доставлено или от него избавились иным образом.

Настойчивость, с которой возникает этот, казалось бы, тривиальный вопрос — особенно если вспомнить, что инквизиторы сами владели Облаткой, найденной при Бенито во время его ареста, — заставляет нас предположить, что они пытались выяснить, была ли эта освященная облатка идентичной той, что была отправлена по случаю, о котором говорится в признаниях. Учитывая промежуток времени между отправкой этой облатки и арестом Бенито, они, возможно, обоснованно пришли к выводу, что Хозяин, обнаруженный при последнем, имеет отношение к какому-то аналогичному, более позднему делу. Такое впечатление подтверждается тем фактом, что при Бенито не было обнаружено ни одного письма, адресованного Абенамиасу.

Этот вопрос снова возникает на экзамене, на который Юсе отправляется в тот же день.

“Обращался ли кто-нибудь из евреев или христиан, - спрашивают его, - по этому поводу в Самору к Абенамиасу?”

Он отвечает точно так же, как отвечал раньше: он не знает, что стало с Хозяином, кроме того факта, что он видел, как они отправляли его вместе с письмом указанным Абенамиасам, как было заявлено, и что все присутствовали при этом.

Они пытаются выяснить, кто был зачинщиком этого дела, но Юсе не может ответить с уверенностью на этот вопрос. То, что он знает, он рассказывает им — что Тазарте встретил его, когда тот направлялся в Мурсию, врач спросил его, не присоединится ли он к делу, которое должно быть совершено с помощью освященной облатки, чтобы гарантировать, что инквизиция не сможет причинить вред рассматриваемым христианам. Прежде чем они встретились, чтобы распять мальчика, Тазарте сказал обвиняемому и его брату Мозе, что он организовал это; и хотя Юсе протестует, что у него не было ни малейшего желания иметь какое-либо отношение к этому делу, он и его брат в конце концов позволили уговорить себя присутствовать, и они вместе с Тазарте той же ночью отправились в пещеру. Там к ним присоединились христиане, которые привезли ребенка с собой.

Пока, как будет видно, доказательства, собранные от товарищей Юсе по заключению, хотя и допускали, что он присутствовал в пещере, когда распинали мальчика, - признание само по себе достаточно серьезное и вполне достаточное для того, чтобы передать его в руки светских властей, — не обвиняли его в каком-либо активном участии в разбирательстве. В своих собственных показаниях Юсе настаивал на том, что они с отцом были не более чем зрителями и что они отправились в пещеру более или менее в неведении, как будто с трудом понимали, чему им предстояло стать свидетелями.

Более того, прежде чем рассказать о событиях в пещере Карре Оканья, Юсе заключил своего рода сделку с инквизиторами о том, что его признание не должно быть использовано против него самого или его отца. И примечательно, что все другие евреи, которых он обвинил, были мертвы, и что он скрыл имя единственного выжившего еврея — Эрнандо де Рибера, — который принимал участие в этом деле. О предательстве новохристиан он, как мы уже говорили, беспокоился бы меньше, поскольку они своим отступничеством должны были стать более или менее презренными в глазах правоверного еврея.

Понимали ли инквизиторы, что ввиду его пассивности в этом вопросе в сочетании с обещанием, которое они дали ему до получения его признания, у них не было оснований прибегать к крайним мерам по отношению к нему, мы не знаем. Трудно предположить какие-либо подобные колебания с их стороны. Какова бы ни была их цель, совершенно ясно, что они еще не считали себя удовлетворенными, и с целью досконального изучения этого вопроса они теперь применили новый метод судопроизводства, который, как представляется, направлен, в частности, на дальнейшее обвинение Юсе.

Точно так же, как суд имел обыкновение полностью или частично скрывать доказательства или имена свидетелей, когда этот способ наилучшим образом служил его целям, так и при получении показаний обвиняемых, очевидно, должен наступить момент, когда публикация доказательств и показаний свидетелей путем очной ставки должна способствовать достижению целей трибунала.

Гнев, вызванный в каждом заключенном открытием того, что его предатель — один из его сообщников, должен подтолкнуть его к репрессиям и заставить признаться во всем, что он, возможно, до сих пор скрывал. Конечно, существует опасность, что его могут побудить прибегнуть к изобретениям, чтобы, в свою очередь, навредить человеку, который его уничтожил. Но инквизиторское правосудие не было остановлено никакими подобными соображениями. Пегна, как мы видели, достаточно ясно говорит нам, что точка зрения Святой Канцелярии заключалась в том, что лучше погибнуть невинному человеку, чем сбежать виновному.

Таким образом, следуя этой политике, Бенито Гарсия предстает перед инквизиторами 12 октября, и его спрашивают, повторит ли он в деле о распятии и Вечере в присутствии кого-либо из участников преступления то, что он уже заявил. Он отвечает утвердительно. После этого его выводят. Представляют Юсе Франко, и ему задают тот же вопрос с тем же результатом. Снова приводят Бенито, и, когда они оказываются лицом к лицу, каждый повторяет в присутствии другого признание, которое он уже сделал.

Теперь их спрашивают, повторят ли они эти заявления еще раз в присутствии Хуана де Оканья, и они заявляют, что готовы это сделать. Они удаляются. Вводят Оканью, и, аналогичным образом заручившись его согласием повторить перед другими, кого он обвинил в соучастии, то, в чем он уже признался, инквизиторы приказывают вернуть двух других.

Нотариус зафиксировал, что они действительно выражают удовольствие от встречи друг с другом.

Теперь Оканья повторяет свое признание, а Юсе и Бенито снова повторяют свое. Все трое согласны друг с другом, и теперь дополнительно выясняется, что примерно через шесть

месяцев после распятия они собрались между Тенблеком и Ла Гуардиа, чтобы передать Бенито письмо и Угощение, которые он должен был передать Абенамиасу в Самору.

17 октября состоится еще одно противостояние — Хуана Франко с Ча и Юсе Франко. При этом каждый повторяет то, в чем он уже признался, и о чем мы сейчас узнаем впервые. Хуан Франко признает, что именно он сам вскрыл мальчику бок и вынул его сердце, и в этом, как и в других деталях, показания согласуются друг с другом.

Хуан Франко продолжает рассказывать, что в следующий раз они встретились в пещере через некоторое время после распятия, и что его брат Алонсо принес сердце и Воинство в шкатулке, которую он отдал Тазарте, который удалился с ними в угол пещеры, чтобы сотворить свои чары. Позже они собрались между Тенблеке и Ла Гуардиа — в местечке, которое, по словам этого свидетеля, называлось Соррострос, — и дали Бенито письмо, которое он должен был отнести Саморе, перевязанное цветной ниткой.

Пока он полностью согласен с другими обвиняемыми, но теперь возникает поразительное расхождение. Он говорит, что на этой последней встрече (которая, как нам сказали, состоялась примерно через шесть месяцев после распятия), в дополнение к освященной облатке и письму для Абенамиаса, они также дали Бенито сердце, чтобы он отвез его в Самору.

Теперь все остальные свидетельства заставляют нас предположить, что сердце и первая облатка были использованы — предположительно, каким-то образом съедены - Тазартом в заклинании, совершенном при первой встрече после распятия, и что, поскольку впоследствии возникли сомнения относительно эффективности заклинаний, произведенных врачом, примерно шесть месяцев спустя был получен другой Носитель, который они переправили в Самору.

Является ли простым объяснение того, что Хуан Франко ошибся в вопросе сердца? Это кажется возможным, потому что он добавляет, что на самом деле не видел Ведущего (в данном конкретном случае), но он понял, что это было передано Бенито. Точно так же он, возможно, понял — ошибочно приняв это как должное, — что этому сопутствовало сердце.

И теперь вы можете видеть, как конфронтация приносит плоды и приводит к результатам, которых, как мы должны предположить, добиваются инквизиторы, — дальнейшему обвинению Юсе Франко.

Хуан де Оканья будет повторно допрошен 20 октября и допрошен относительно участия Юсе в преступлении. Теперь он добавляет к своему предыдущему признанию, что Юсе и другие осыпали ребенка жестокими оскорблениями, которые на самом деле были направлены против Иисуса Христа; он приводит выражения, и в основном это те, которые мы уже цитировали из "Свидетельства"²⁰¹; они, по его словам, использовались Шаранко и двумя его сыновьями. Он говорит, что все они били мальчика кнутом и что именно сам Юсе ножом пустил кровь из рук жертвы.

“Откуда был ребенок?” они спрашивают его.

Он отвечает, что именно мертвый еврей Мозе Франко привез мальчика из Кинтанара в Тенблек на осле и что, согласно рассказу Мозе, он был сыном Алонсо Мартина из Кинтанара.²⁰² Из Тенблека несколько человек, среди которых были Юсе и его отец, привезли его на осле в пещеру, где он был распят, и именно Юсе отправился звать братьев Франко из Ла Гуардиа, Бенито Гарсию и самого свидетеля.

Таким образом, из более или менее пассивного наблюдателя этой сцены Юсе внезапно — в силу того, что мы вправе считать мстительность Оканьи — оказался в положении одного из главных действующих лиц, фактически, почти одного из зачинщиков преступления.

В тот же день Бенито Гарсия подвергается повторному допросу. Ему зачитывают его прежние показания и спрашивают, может ли он что-нибудь к ним добавить. Он обнаруживает, что ему приходится добавить, что Юсе, о котором он до сих пор почти не упоминал, бил мальчика плетью и что он был активным участником всего, что делалось, его общепризнанной целью было уничтожение христианства, о котором он говорил как о шутовстве и идолопоклонстве.

На следующий день Оканья возвращается, чтобы подтвердить свои вчерашние заявления. Его спрашивают, может ли он что-нибудь добавить относительно участия Юсе, и его ответ настолько соответствует последним дополнениям, сделанным Бенито, что остается только гадать, действительно ли инквизиторы, отступая от своего обычного обычая, облекли свои вопросы в точную и определенную форму, основанную на том, что сказал Бенито, и получили утвердительные ответы от Оканьи. Ибо Оканья тоже помнит, что Юсе сказал, что христианство — сплошное шутовство, а христиане — идолопоклонники.

ГЛАВА XXIII

СУД НАД ЮСЕ ФРАНКО —(Завершен)

Теперь можно сказать, что благодаря терпеливым усилиям, которые сами инквизиторы прилагали на протяжении почти года, прокурор, наконец, получил доказательства, необходимые для подтверждения его первоначального обвинения против Юсе Франко.

С этой целью он предстает перед судом 21 октября того же 1491 года, чтобы представить в доказательство своего доноса все *досье*, составленное нотариусом трибунала. Он просит, чтобы Юсе привели в зал для аудиенций, чтобы выслушать дополнения, которые он должен внести к первоначальному обвинению. Эти дополнения представляют собой материалы, недавно извлеченные из Оканьи и Бенито Гарсии: что Юсе употреблял оскорбительные слова в адрес ребенка, когда его распинали, и что эти оскорбления на самом деле были направлены против Господа нашего Иисуса Христа и Его Святой католической веры; что он много раз бил мальчика и что он пустил кровь из руки мальчика перочинным ножом. Поэтому он умоляет инквизиторов передать заключенного в руки светских властей, как это правильно.²⁰³

Он, однако, не добавляет, что брат Юсе добыл ребенка, и что Юсе был одним из тех, кто привел его в пещеру и кто вызвал франко присутствовать — упущение, которое показывает доверие, придаваемое заявлению Оканьи, и отсутствие у него подтверждений.

Ответ Юсе — это отрицание всего, что утверждается и добавлено Фискалом, парень заявляет, что он никогда не делал и не говорил ничего сверх того, в чем он сам признался.

В этой связи Гевара ходатайствует перед судом о разрешении ему представить доказательства по вопросам, в которых он обвиняет заключенного, и суд удовлетворил его это ходатайство, он приводит в качестве доказательств все *досье*, из которого мы взяли эти страницы по этому вопросу.²⁰⁴

Пять дней спустя обе стороны снова предстают перед судом, теперь Гевара ходатайствует перед их преподобными Отцами о том, чтобы они опубликовали показания свидетелей, чтобы судебный процесс мог быть доведен до завершения. Доктор Виллада объявляет о своей готовности сделать это, но предоставляет подсудимым три дня для подачи любых возражений по любому вопросу, содержащемуся в показаниях.

Юсе просит через своего адвоката, чтобы ему были предоставлены копии всех показаний тех, кто присутствовал при распятии, с указанием имен каждого враждебного свидетеля и указанием дня, месяца, года и места, в котором, как утверждается, имели место какие-либо обвинения против него.

Но Гевара немедленно возражает, настаивая на том, чтобы в копиях показаний, которые будут переданы обвиняемому, не указывались имена ни одного из свидетелей, давших показания, и не указывались никакие обстоятельства, которые могли бы позволить Юсе выдвинуть предположение об именах. Это кажется чисто формальным возражением, поскольку после имевших место столкновений оно, по-видимому, не имеет особого смысла. Но какой-то цели это все же служит, потому что эти столкновения, в конце концов, были ограничены Оканьей и Бенито, и с того момента, как не было сочтено необходимым переходить к конфронтации с кем-либо из других заключенных, казалось бы, им не нужен был такой стимул, чтобы заставить их дать показания, враждебные Юсе.

Однако преподобный инквизитор отвечает достаточно высокомерно, что он сделает то, чего требует правосудие, и приказывает нотариусу доставить Юсе копии всех показаний против него. Но из заявления адвоката Юсе от 29 октября — по истечении назначенных трех дней — становится ясно, что заявленные подробности были утаены.

Из того факта, что адвокат Санч выдвинул столь решительное возражение от имени своего клиента, совершенно ясно, что даже на данный момент вина Юсе в ереси не может считаться установленной. Если бы это было так, Санс, повинувшись клятве, налагаемой на него, когда ему поручали защиту, был бы вынужден сложить свои полномочия и уйти.

Юсе отрицает все выдвинутые против него обвинения в том, что он принимал какое-либо активное участие в распятии мальчика, и он протестует, что не в состоянии должным образом защитить себя, поскольку в предоставленных ему копиях показаний не упоминаются время или место предполагаемых преступлений, а также имена свидетелей, от которых были сделаны эти утверждения. Однако, исходя из предположения, что этими обвиняемыми являются Бенито Гарсия, Хуан Франко и Хуан де Оканья, он продолжает отвечать на обвинения, насколько это в его силах.

Этот ответ заключается в отказе от этих показаний как неприемлемых на том основании, что они не согласуются друг с другом и что каждое из них ссылается на отдельное обстоятельство, при этом нет двух подтверждающих какое-либо конкретное обвинение, и все они противоречат тому, что одни и те же свидетели заявили на очной ставке с подсудимым, когда каждый из них признал, что изложенная Юсе версия событий была истинной. Следовательно, установлено, что

в том или ином из этих случаев они, должно быть, солгали, из чего следует, что они лжесвидетельствовали и недостойны веры.

Далее он утверждает, что они не могут быть допущены в качестве свидетелей, поскольку сами были участниками совершенного преступления. Наконец, он заявляет, что их намек на него самого является актом злобы и мести ему. Именно его полное и правдивое признание предоставило инквизиторам факты по делу и имена преступников, и последние решили, что, поскольку они сами должны умереть, Юсе умрет вместе с ними — из-за злого умысла и вражды, в которой они его обвинили.

На этих основаниях и настаивая на том, что он рассказал им чистую правду, и что сам он был не более чем свидетелем событий, а никоим образом не участником, Юсе основывает свою защиту и просит, чтобы показания перестали иметь значение против него.²⁰⁵

Ответ Гевары, если он и склонен к гротеску, довольно типичен и, безусловно, больше по вкусу суду.

Он отрицает, что свидетели были вдохновлены какой-либо враждебностью, как предполагает Юсе, и утверждает, что они дали показания “с благоговейным рвением веры и для того, чтобы избавить свои души от опасности”. И среди них, следует помнить, был Бенито Гарсия, который считал, что худшим поступком, который он когда-либо совершал в своей жизни, было то, что он крестился христианином, и который продолжал твердо придерживаться своей решимости умереть евреем любой ценой. Только у самого костра — как мы увидим — он снова отрекся, чтобы заслужить милость удушения. И все же Гевара без колебаний говорит — он должен знать, что это неправда, — что эти люди исповедовались “с благочестивым рвением веры”.

На этом основании Гевара настаивает, чтобы показания были признаны сделанными добросовестно и в качестве доказательства; и поскольку упомянутый Юсе Франко не признался бы спонтанно во всем, что он совершил, их Преподобие Отцы должны поставить перед ним вопрос о пытках, как это предписано законом при таких обстоятельствах, как нынешние.²⁰⁶

Суд соглашается со своим финансовым решением и приступает к составлению списка из пятнадцати вопросов, которые будут заданы обвиняемому.²⁰⁷

С этим списком инквизиторы Виллада и Санто Доминго в сопровождении своего нотариуса 2 ноября спускаются в тюрьмы инквизиции и приказывают доставить к ним Юсе Франко.

“С большой любовью и гуманностью” они увещевают его рассказать всю правду об известных ему вещах, относящихся к ведению Святой Канцелярии, и особенно в ответ на подготовленные ими вопросы. Если суммировать эти вопросы, то они сводятся к следующему: Откуда был распят ребенок? Чей это был ребенок? Кто принес его в пещеру? Кто первым положил начало этому делу?

Они обещают ему, что, если он даст правдивый ответ, они поступят с ним настолько милосердно, насколько позволят закон и их совесть.

У Юсе есть основания не доверять любым подобным обещаниям. Его первое признание было сделано три месяца назад под обещание помилования, и у него есть все основания полагать, что это его погубило.

Однако он говорит, что, находясь в пещере в тот момент, когда они собрались там для заклатья, — примерно через четырнадцать дней после распятия, — он услышал, как Тазарте спросил, откуда ребенок, и Хуан Франко первым делом ответил, что он был из места, откуда его никогда не хватятся, “как указано в его признании”.

(Когда ему в последний раз задавали этот вопрос — во время его признания — он приписал эти слова Тазарту.)

Он протестует, говоря, что не может вспомнить ничего больше, чем уже признался.

Их преподобные Отцы сожалеют о его упрямстве. Они говорят ему, что, поскольку он не будет говорить всей правды о том, что он знает, — поскольку у них есть доказательства, — они должны перейти к другим мерам. Они вызывают Диего Мартина, палача, и передают пленника в его руки с приказом отвести его в камеру пыток, раздеть донага и привязать кэскалере, намереваясь, в случае необходимости, применить пытку водой.

Это сделано, и Юсе растягивают обнаженным и жестоко связывают веревками, которые впиваются в его плоть в качестве предвкушенияудавки, с помощью которой начнутся его мучения. Входят инквизиторы — возможно, после задержки, достаточной для того, чтобы позволить психической пытке ожидания запугать пациента и привести его в более сговорчивое состояние духа.

Снова они увещевают его ради его же блага говорить то, что он знает, и даже указывают ему, что его долг как богобоязненного еврея говорить правду. Они снова обещают обойтись с ним милосердно, если он ответит на их вопросы полностью и правдиво; и, наконец, они заявляют, что, если в ходе того, что последует, прольется его кровь или ему причинят какой-либо другой вред, или он получит увечья, или даже умрет, вина должна быть полностью возложена на него самого и ни в коем случае не на их преподобие.

Полностью запуганный этим искусным скоплением агентов террора, Юсе умоляет их повторить свои вопросы, на которые он сделает все возможное, чтобы ответить.

“Откуда, - снова спрашивают его, - был тот мальчик, которого распяли в Ла Гуардиа?”

“Хуан Франко, ” отвечает он, “ привез его из Толедо”. Он добавляет, что Хуан Франко объявил об этом перед всеми и сказал им, что он целый день прятал ребенка в Ла-Хос-де-Ла-Гуардиа, прежде чем привести его в пещеру для распятия.

Фотография Дональда Макбета.

САНБЕНИТО Из "КАЮЩЕГОСЯ" ВПАЛ В РЕЦИДИВ.

Из "Истории инквизиции" Лимборха.

Чего не следует объяснять, так это почему Юсе следовало подождать, пока его пристегнут к *escalera*, прежде чем делать это заявление. Почему он не сделал этого, когда этот вопрос был задан ему на последнем допросе - если не в его первоначальном признании? Нельзя делать вид, что он пытался прикрыть Хуана Франко, потому что он очень часто предавал его другими способами. Удовлетворит ли инквизиторов объяснение, что под страхом пыток он почувствовал необходимость придумать ответ? Вряд ли это возможно, потому что сам Хуан Франко должен признать — как мы увидим — истинность этой детали. Остается только предполагать, что живой

страх перед пытками обострил память молодого еврея. Но это опять же вряд ли кажется удовлетворительным объяснением.

“Где, - спрашивают они его затем, - находится Ла Хос?”

“Это, - отвечает он, - луг у реки Альгудор”, и он продолжает объяснять, что Хуан Франко рассказал им всем, что он отвез груз пшеницы в Толедо на продажу, и что, продав ее, он пошел в гостиницу, а позже нашел мальчика в дверях и уговорил его *нуэгадос* (сладость, состоящая из муки, меда и орехов - нуга). Таким образом, он посадил его в свою повозку и отвез в Ла Гуардиа.

Юсе не знает, ни кем были родители ребенка, ни на какой улице Толедо его забрал Хуан Франко, поскольку последний не упомянул этих подробностей.

“Кто первым предложил это дело? Евреи вовлекли в него христиан или христиане вовлекли евреев?”

Он отвечает, что франки из Ла Гуардии, опасаясь инквизиции, сначала совершили колдовство с освященной облаткой, в чем он уже признался (11 октября), а затем отправились к Тазарту с просьбой сделать что-нибудь более действенное, поскольку колдовство с облаткой не дало результата. Тазарт согласился и велел им раздобыть для этой цели мальчика-христианина. Когда Хуан Франко принес его, было решено вырезать у него сердце, чтобы с помощью этого сердца и облатки можно было сотворить более сильное заклинание.

“Почему он был приговорен к смерти через распятие, а не каким-либо другим способом?”

Юсе считает, что распятие было предпочтительнее для поношения Иисуса Христа. Но он снова протестует, говоря, что его собственная доля была не больше того, в чем он уже признался.

- Какие именно оскорбления были нанесены ребенку и кем?

Его ответ на этот вопрос обвиняет всех, кто присутствовал при этом деле; брань, которую, по его словам, использовали инквизиторы, была довольно неприличной и включала в себя непристойную версию Воплощения, которая, без сомнения, была бы в ходу в то время среди евреев и других врагов христианства в Испании и других местах — история, излишне добавлять, совершенно праздная и глупая, и довольно очевидная вещь, которую можно было бы придумать в те дни против любого исторического персонажа, которого можно было бы возненавидеть.

Он говорит, что Тазарт был лидером во всех оскорблениях (что звучит достаточно правдоподобно, поскольку Тазарт был виновником торжества), что другие произносили их вслед за ним, и он признает, что сам сказал кое-что из того, что упомянул, но не вдается в подробности.

“Для какой цели требовались сердце и Воинство, и какой благой цели, как ожидалось, послужат эти чары?”

Он отвечает, что все это было сделано с той целью, чтобы инквизиторы или любые другие лица, которые имели целью растление этих заинтересованных христиан, умерли от бешенства.

“Какое преимущество хотели получить евреи?”

Он утверждает, что Тазарт заверил их, что в результате колдовства все христиане на земле должны либо погибнуть, либо стать евреями, чтобы Закон Моисея восторжествовал.

- Кому должны были быть переданы сердце и Воинство для упомянутого заклинания?

“Моисею Абенамиасу в Саморе”.

- Сам ли Абенамиас совершал это заклинание?

- Нет; он должен был отдать приказ о его исполнении волшебнику из Заморы.

- Знает ли он или кто-нибудь другой упомянутого волшебника и как его зовут?

Он не может ответить на этот вопрос, кроме как сказать им, что слышал, как Тазарт говорил, что он знал Абенамиаса и волшебника, и что он учился с последним в школе.

“Сколько раз они собирались, чтобы принять решение о распятии?”

Он знает, что все (за исключением его самого) собрались в одной пещере, чтобы сотворить заклинание с Воинством по случаю, предшествовавшему распятию мальчика. Он знает это, потому что его пригласили на собрание; он не хотел идти и поэтому остался в стороне, но позже остальные рассказали ему, что было сделано.

“Каких христиан он знает, которые соблюдали субботу, Пасху и исполняли еврейские обряды?”

Он говорит, что Бенито однажды пришел в их дом в Тенблеке и провел с ними субботу, не выполняя никакой работы, поедая *адафинас* и выпивая *казер* вино; и что он пришел в другой раз и спросил их, когда постится *Тусабиф* (канун Пурима), и что он считает, что, узнав об этом, он соблюдал этот пост.

Он не может вспомнить других, за исключением некоего Диего де Айльона и трех его дочерей и сына, все из которых соблюдали субботу и закон Моисея в тайне; и вдовы некоего Хуана де Оригуэлы, покойного, которая иногда соблюдала еврейские посты; и Хуана Вермехо из Тенблеке, который, как он знает, когда-то соблюдал великий пост.

Эти имена должным образом отмечены на полях нотариального документа как имеющие важное значение, требующие изучения.

- Откуда была взята облатка и откуда он знает, что она была освящена?

Он отвечает, что, когда они собрались через две недели после распятия, он услышал, как Алонсо Франко сказал, что снял его с чудовища в церкви Ромераль, заменив неосвященной облаткой.

- Это была та самая облатка, которую подарили Тазарте с сердечком?

Он верит в это, но не уверен и не знает, что с этим стало.

- Кто принес вторую вафлю, переданную Бенито, и откуда она взялась?

Алонсо принес его и сказал, что приобрел в церкви Ла Гуардиа и что он был освящен. Но Юсе не знает, дал ли ему кто-нибудь это. [208](#)

Это признание Юсе подтвердил двумя днями позже, добавив, что Хуан и Гарсия Франко вместе привезли мальчика и что один остался с ним в Ла-Хосе, в то время как другой приехал в Ла-Гардиа. Далее он добавляет, что на письме Абенамиасу в Самору стояло шесть подписей — Тазарте, Алонсо Франко, Бенито Гарсии, Юсе Франко, его брата и еще одна, которую он не может вспомнить.[209](#)

Мы уже указывали, что с этим письмом связана тайна. Что с ним стало? Нам говорят, что Бенито нес его вместе с Хозяином. Как случилось, что это не было снято вместе с Хозяином, когда его арестовали в гостинице в Асторге? Возможно, так и было. Но в таком случае, и поскольку на нем стояла подпись Юсе, почему оно не включено в *досье*, и почему мы не можем найти никаких следов того, что им пользовались инквизиторы? Единственное правдоподобное объяснение — и оно может появиться, когда будут обнаружены *досье* других обвиняемых — заключается в том, что Носитель, найденный у Бенито Гарсии, не был тем, который был отправлен с письмом его рукой где-то в 1487 или 1488 году.

3 ноября восьмидесятилетнего Ча допрашивают в камере пыток, привязав, как и его сына, к *эскалатору*. Но одного страха перед пытками недостаточно, чтобы развязать язык этому престарелому еврею. Он сопротивляется их вопросам и ничего не добавит к тому, в чем признался, пока палач не подвергнет его этим ужасным пыткам и не даст ему один кувшин воды. Затем Он, наконец, предоставляет им необходимую дополнительную информацию, рассказывая им точные оскорбления, которые были адресованы распятому мальчику, и признавая, что это было сделано в насмешку над Страстями Иисуса Христа. Он говорит, что оскорбления произносил Тазарт, и что остальные — сначала евреи, а после них христиане — повторяли их. Далее он признается, что ребенок был распят и совершено колдовство, которое должно привести инквизиторов и всех христиан в ярость и привести к смерти.[210](#)

В тот же день Хуан Франко был привязан к *эскалере*, дальше которой с ним не было необходимости, поскольку там он удовлетворил инквизиторов, признавшись в оскорблениях, примененных против распятого мальчика.[211](#)

На 4-й странице дальнейшее подтверждение этого получено от Хуана де Оканья, который признается в брани и говорит, что сначала они были произнесены евреями, которые затем вынудили христиан повторить их. Он не помнит использованных терминов, да и никогда бы не узнал их, если бы не евреи.[212](#)

Затем инквизиторы допрашивают Бенито и предупреждают его отвечать правдиво, поскольку правда им уже полностью известна. Он признает, что было использовано много бранных слов; он приводит их, и в основном они согласуются с тем, что уже было опровергнуто.

“Кто, - спрашивают его, - был первым, кто произнес эти слова?”

Он отвечает, что Франко, его сыновья и Тазарте (*т.е.* евреи) были первыми, и что он и другие христиане повторили их впоследствии.

Наконец, 5 ноября Алонсо Франко предоставил самое полное подтверждение всему тому, что было признано другими обвиняемыми.[213](#)

Судебный процесс быстро подходит к концу. 7-го числа Юсе снова предстает перед судом, и — зловещая особенность — на этот раз он приходит один. Его совет исчез в знак признания того

факта, что его долг перед Богом больше не позволяет ему продолжать защищать того, в “ереси” кого он сам убежден. Сам Юсе, ввиду этого, должен осознать, что он потерян, и должен отказаться от своей последней надежды.

Там присутствует прокурор Гевара, и доктор Виллада объявляет, что суду представлены дополнительные доказательства. Он приказывает вручить обвиняемому копии последних показаний, полученных в камере пыток, и дает ему последние три дня, в течение которых он должен подать любые возражения против всего, что в них содержится.

Но Юсе не требует так много времени. Он понимает, что все потеряно, и немедленно признается, что показания свидетелей против него относительно использованной им брани правдивы, за некоторыми исключениями, и они были самыми богохульными и оскорбительными.

После этого фискал Гевара официально обращается в суд с ходатайством о вынесении приговора. Инквизитор Санто-Доминго объявляет судебный процесс оконченным и распускает обе стороны, требуя, чтобы они снова предстали перед судом через три дня для оглашения приговора.²¹⁴

Однако, прежде чем приступить к этому, в 14-й день ноября того же месяца инквизиторы приказали всех заключенных (за исключением Хуана Франко) вместе привести в зал для аудиенций. Там, в присутствии обвиняемых, каждому было предложено повторить то, в чем он уже признался, это было сделано с целью достижения большего единодушия в деталях.

Наконец, приводят Хуана Франко, и теперь он признает, что это правда, что он привез мальчика из Толедо, что они распяли его, как он признался, что он сам вскрыл мальчику бок и вынул сердце, и что его брат Алонсо вскрыл вены на руках ребенка и т.д. — Все, как он признался, — и далее, что это правда, что он и его брат Альфонсо впоследствии похоронили свою жертву.

Теперь он подтверждает заявление Бенито о том, что в тот день, когда они украли ребенка, он и Бенито вместе отправились в Толедо и что они договорились, что один будет искать в одном квартале города, в то время как другой - в другом. И далее, он говорит, что нашел ребенка в дверях собора, известных как Пуэрта дель Пердон, как он уже заявил в своем признании (которого у нас нет).²¹⁵

На следующий день Гевара предстает перед инквизиторами с ходатайством о том, чтобы в связи с тем, что было предъявлено обвинение покойным Мозе Франко, Юсе Тазарте и Давиду Перехону, их Отцовство распорядилось зарегистрировать это *ad perpetuam rei memoriam*, чтобы обеспечить возможность казни чучела покойного, конфискации их имущества и позора их наследников.

Это произойдет 15 ноября. 16-го числа на рыночной площади Авилы разыгрывается последняя сцена этого затянувшегося судебного процесса.

Там, рядом с церковью Святого Петра, были возведены строительные леса для проведения Авто-де-Фе. На одном из них, в их отвратительных желтых *санбенитосах*, сгруппированы восемь заключенных и три чучела. С другой стороны - инквизиторы, доктор Педро де Виллада и Фрей Антонио де Санто-Доминго, со всем *персоналом* Святой канцелярии, их нотариусами, финансовыми Геварами, фамильярами и привидениями. Вокруг строительных лесов столпилась

большая часть жителей Авилы и многие из тех, кто приехал из окрестных сельских районов, откуда ясно, что об автопробеге было объявлено за несколько дней до этого. Народные настроения против евреев накалены, и именно разъяренная, буйная толпа становится свидетелем Автокатастрофы. В Авиле действительно неспокойно, и ни один еврей не осмеливается показаться за границей, не рискуя подвергнуться оскорблению или нападению на улице.²¹⁶

Приговоры зачитывает нотариус Антонио Гонсалес, начиная с очень полного описания преступлений каждого из обвиняемых, которое нам нет необходимости приводить здесь, поскольку это краткое изложение всего, через что было пройдено, и практически повторение вопроса, содержащегося в “Свидетельских показаниях”.

Всех их приговаривают передать светской власти коррехидора дона Альваро де Сант-Эстибана, который, по совету за несколько дней до этого, находится здесь со своими лейтенантами и *альгвасилами*.

После должным образом произнесенного обычного увещевания люди коррехидора хватают их и уводят из города на место сожжения. Инквизиторы приказывают своим нотариусам сопровождать обреченных людей, чтобы они могли записать свои последние признания на костре.

Вдосье Юсе включены не только его собственные признания, сделанные в последний момент, но и признания Бенито Гарсии, Хуана де Оканьи и Хуана Франко, все записанные нотариусом Гонсалесом. Кроме того, это *досье* содержит письмо, написанное на следующий день после события тем же нотариусом Святой канцелярии властям Ла Гуардии, сопровождаемое описанием преступления и вынесенных приговоров для публикации в Ла Гуардии, где были совершены преступления.

Из этого мы узнаем, что Бенито, несмотря на его заявления о том, что он во что бы то ни стало умрет евреем, принял на костре духовные утешения Церкви и таким образом заслужил милость быть задушенным до того, как были подожжены хворост.²¹⁷

Точно так же Хуан де Оканья и Хуан Франко приняли помощь сопровождавших их монахов и вернулись в Церковь, от которой они тайно отделились. Но евреи — крепкий старик старше восьмидесяти лет и его сын — стойко придерживались своей веры и отказались избежать отступничеством какой-либо части уготованных им мук. Поэтому, в злобе, которая кажется почти сатанинской, их плоть была разорвана раскаленными щипцами, прежде чем их сожгли на медленном огне.

“Они отказались, ” пишет преподобный нотариус, “ воззвать к Богу или Деве Марии или хотя бы осенить себя Крестным знамением. Не молитесь за них, - заключает он, как нам кажется, нетерпеливо, - ибо они погребены в Аду”.

Наконец, нотариус умоляет власти Ла Гуардии не допускать перепахивания места, где, по словам Хуана Франко, было похоронено Святое Дитя, но позаботиться о том, чтобы оно осталось нетронутым. Их Высочества и кардинал Испании, добавляет он, возможно, пожелают посетить его, и он молится, чтобы Бог “открыл нам кости младенца”. Целесообразно отметить это место, заключает он, потому что, принимая во внимание достоинства такого места, он надеется, что Богу будет угодно, чтобы земля на нем творила чудеса.

Следует добавить, что приговор направлен с указанием зачитать его с кафедры Ла Гуардиа в следующее воскресенье, и это под страхом отлучения от церкви.

В Авиле народные настроения против евреев вследствие этого дела были настолько ожесточенными, что их жизни были небезопасны, и есть записи о том, что одного из них забили камнями до смерти на улицах. Аль-джама этого города стало необходимо обратиться к суверенам с просьбой о защите, и М. Фидель Фита цитирует королевское письмо, в котором предписывается расширить такую защиту с угрозами суровых мер в отношении любого, кто посмеет к ним пристать.²¹⁸

ГЛАВА XXIV

ЭПИЛОГ К ДЕЛУ О САНТО - НИНЬО

Свидетельство Юсе Франко о том, откуда были получены освященные облатки, основано на слухах, да и то очень расплывчато. Но, похоже, что от Бенито Гарсии или Альфонсо Франко инквизиторы смогли добиться чего-то более определенного, поскольку, пока суд над восемью обвиняемыми подходил к концу, приближенные Святой Канцелярии занимались задержанием ризничего церкви Ла Гуардиа.

18 ноября 1491 года — через два дня после Автокатастрофы — этот ризничий предстает перед судом в Авиле и получает увещевание рассказать правду по этому делу, обещая помилование, если он это сделает.

Он утверждает, что около двух лет назад его дядя, Алонсо Франко, дважды умолял его позволить ему съесть две освященные облатки, обещая ему плащ, деньги и многое другое, если он этого захочет. В конечном счете, в ответ на эти просьбы и в соответствии с инструкциями, которые он получил от Алонсо, он передал освященную облатку Бенито Гарсии, который пришел за ней от имени другого.

Он помнит, что это было зимой, но не может вспомнить ни день, ни даже месяц. Он объясняет, что забрал Воинство у пикса в святилище церкви Санта-Мария, достав ключи из глиняного горшка, в котором они хранились. Он говорит, что умолял Бенито сказать ему, для чего это было нужно, но не смог заставить его сказать. Однако его заверили, что никто не хотел причинить вреда.

Он может установить дату более точно, вспомнив, что франко были арестованы примерно пять месяцев спустя.

При дальнейшем рассмотрении он заявляет, что верит в Истинное Присутствие и всегда верил, и что, когда он убеждал в этом Альфонсо Франко и Бенито Гарсию, они признали, что его поступок был грехом, но они заверили его, что это не было ересью, и что никакой ереси здесь не было, и что за этот грех его исповедник отпустит ему грехи.²¹⁹

Один человек, который, как утверждается, принимал участие в деле Ла Гуардиа, в то время вообще не упоминался в показаниях обвиняемого и, следовательно, был полностью упущен из виду. Это был некто Эрнандо де Рибера, человек, занимавший гораздо более высокое

положение в жизни, чем другие, и говорят, что вследствие этого ему была отведена аристократическая роль Пилата в этой пародии на Страсти.

Только почти тридцать лет спустя он был арестован, как говорят, предав самого себя, поскольку человек хвастался своим участием в этом деле. Он был признан виновным в этом преступлении, а также в вопиющем иудействе, поскольку тем временем принял крещение, чтобы избежать высылки из Испании, когда был опубликован указ об изгнании всех евреев.

Теперь, хотя публикация М. Фиделем Фитой протоколов судебного процесса над Юсе Франко пролила много света на это дело, нельзя отрицать, что многое еще предстоит объяснить, и что до тех пор, пока не появятся такие объяснения — до тех пор, пока не будут обнародованы протоколы судебного разбирательства против обвиняемых Юсе и мы не сможем сравнить их друг с другом, - дело Святого Младенца из Ла Гуардии должно в определенной степени оставаться в категории исторических загадок.

Между тем, однако, несмотря на вопиющие противоречия, содержащиеся в имеющихся в настоящее время доказательствах, несмотря на несоответствия, которые отказываются укладываться в общую схему, мы не можем утверждать, что мсье Леб обоснован в своем заключении о том, что Святой Младенец из Ла Гуардии — и, следовательно, преступление, с которым мы имеем дело, — никогда не существовало в реальности.²²⁰

М. Леб выдвигает двоякое утверждение:

(a) Если преступление Ла Гуардиа когда-либо имело место, то, судя по самим доказательствам, это было вовсе не ритуальное убийство, а случай колдовства, в котором были замешаны как христиане, так и евреи.

(b) Такого преступления никогда не совершалось.

Он основывает свой несколько смелый окончательный вывод на трех предпосылках:

(a) Показания свидетелей, полученные под пытками или угрозой применения пыток, полны противоречий, неправдоподобий и фактов, которые по существу невозможны.

(b) Судьи не проводили расследования, чтобы установить истину.

(c) Инквизиция не может установить дату преступления; она не подтвердила факт исчезновения и не обнаружила останков ни одного ребенка.

Первое из этих помещений является наиболее заслуживающим внимания. Двое других, как нам кажется, упускают из виду тот факт, что наши нынешние знания ограничены протоколом судебного процесса над одним из обвиняемых, причем над молодым человеком, который был виновен в участии в преступлении в сравнительно незначительной степени.

Никто не может сказать, что судьи не проводили расследования, чтобы установить истину. Все, что мы знаем, это то, что из судебного процесса над Юсе не следует, что какие-либо подобные попытки предпринимались. Но тогда такие усилия могут касаться не столько судебного процесса над Юсе, сколько судебных процессов над некоторыми главарями, и очень возможно, что записи последних могут пролить свет на некоторые подобные расследования. Это более чем возможно. Составитель резюме семи судебных процессов отчетливо показывает, что это

было сделано.²²¹ Он ссылается на тот факт, что, когда Хуан Франко признался, что он и его брат Алонсо похоронили мальчика, инквизиторы отвели его на место, где, по его словам, тело было бесчеловечно, и заставили указать точное место, “и они обнаружили правду и доказательства всего этого”.²²²

Это, конечно, не означает, что тело было найдено. Это просто означает — как нам сказали, — что место, указанное Хуаном Франко, создавало впечатление, что в последнее время служило могилой. То, что тело так и не было найдено, несомненно, является одной из необъяснимых загадок этого дела. Но это не оправдывает заявление о том, что никакого расследования не проводилось — заявление, которое само по себе подразумевает, что инквизиторы знали, что вся история ложна, и поэтому намеренно избегали расследований, которые должны были разоблачить эту ложь.

Расплывчатость и путаница, которые, по-видимому, существуют в вопросе о дате совершения преступления, безусловно, требуют комментариев.

Противоречия на этот счет кажутся вопиющими, и невозможно согласовать дату распятия с датой ареста Бенито Гарсии в Асторге. Юсе, по-видимому, установил, что распятие произошло в конце Великого поста 1488 года; и он и другие рассказывают нам, что примерно через шесть месяцев все они снова собрались, чтобы отправить Войско в Самору рукой Бенито. Однако Бенито арестовывают в Асторге в мае или июне 1490 года — более чем через восемнадцать месяцев после отъезда в Самору — и облатка все еще находится у него, так и не доставленная. Это то, что *кажется* установленным. Но возможно, что очень простое объяснение может устранить это расхождение. Наши нынешние знания не позволяют нам утверждать, что инквизиторы не смогли избавиться от него. Мы не можем предполагать, что в протоколах судебных процессов над другими обвиняемыми нет материалов, которые прояснят этот вопрос.

Дата, указанная ризничим, например, не кажется такой уж несовместимой с датой события в гостинице в Асторге. Следует помнить, что он сказал, что передал облатку Бенито примерно за пять месяцев до ареста Франко. Это убедительно подтверждает уже сложившееся у нас впечатление, что облатка, обнаруженная у Бенито во время его ареста, была не той, которую он намеревался отвезти в Самору примерно двумя годами ранее. Хозяин вместе с письмом для Абенамиаса вполне мог добраться до места назначения. Если это признать — а в доказательствах нет ничего, что запрещало бы это признать, — многое из того, что является несовместимым в показаниях, сразу же исчезает.

Мсье Леб, конечно, исходил из предположения, что якобы Войско, отправленное из Ла Гуардиа в 1488 году, и Войско, найденное Бенито в Асторге в 1490 году, — одно и то же. Это может показаться очевидным предположением. Однако это поспешное предположение, которое ничто из имеющихся у нас доказательств не подтвердит.

Что касается других расхождений, на которые указывает М. Леб, то, в конце концов, они относятся к деталям, в которых ошибки не невозможны.

Бенито утверждает, что руки и ноги ребенка были не только связаны, но и прибиты гвоздями к кресту, в то время как Юсе не упоминает о гвоздях.

Согласно заявлениям Юсе и Хуана Франко, именно брат последнего вскрыл вены на руках мальчика, тогда как Оканья сказал, что это сделал Юсе. Мы уже обращали внимание на

обстоятельства, при которых Оканья так обвинил Юсе, и высказывали предположения о мстительности, которая, возможно, вдохновляла его.

Хуан Франко признался, что он сам разрезал мальчику бок и вытащил сердце, в то время как заявление Юсе сводилось к тому, что Хуан открыл рану, а Гарсия Франко вырвал сердце.

В основном свидетельства, по-видимому, говорят о том, что ребенок истек кровью и умер. Тем не менее, Бенито утверждает, что его задушили (?), а Юсе в одном из своих заявлений говорит, что ему заткнули рот кляпом, потому что он плакал. Мы уже высказывали предположение, что под выражением “*ло ахогарон*” не обязательно подразумевалось “удушение”.

В конце концов, это основные расхождения; и следует помнить, что эти люди ссылались на события, совершенные по меньшей мере двумя годами ранее; что путаница в отношении деталей не только возможна, но и более или менее неизбежна; и что, несмотря на противоречия в этих деталях, основные изложенные факты всегда совпадают в показаниях каждого. М. Леб более чем предполагает, что это единодушие было придумано инквизиторами. Он считает более чем вероятным, что во время столкновений заключенных оставляли наедине, чтобы в конце концов они могли прийти к одному и тому же выводу.

Нет ни малейшего основания для такого предположения. В записях нотариуса очень четко указано, что инквизиторы присутствовали во время этих столкновений, и важно помнить, что эти записи не были подготовлены для публикации, а должны были быть отправлены в секретные архивы инквизиции — так что любое предположение о преднамеренном мошенничестве может быть раз и навсегда отвергнуто как совершенно пустое.

Но даже если бы не зафиксированный факт присутствия инквизиторов на столкновениях и того, что заключенным не было предоставлено возможности прийти к какому-либо взаимопониманию, все равно было бы чрезвычайно трудно поверить, что они должны были прийти к взаимопониманию, чтобы полностью себя сжечь.

Попытка М. Леба придать этому видимость разумности - наименее убедительная вещь в очень умелой, но совершенно неубедительной статье. Это, безусловно, свидетельствует о его неуверенности в общем принятии такой ситуации.

“Мы могли бы понять, ” говорит он, “ что виновные люди должны прийти к пониманию, чтобы отрицать совершенное преступление, или смягчить вину, или возложить ее на других. Но каково должно быть значение понимания, целью которого, как в данном случае, является правдивое признание в реальном преступлении? Обвиняемый взял бы на себя ненужные хлопоты. Но все объясняется, если, напротив, они подготовили признания в преступлении, которое никогда не совершалось”.

М. Леб опроверг свой аргумент абсолютным предположением, что взаимопонимание действительно имело место. Этого мы не можем допустить на основании имеющихся у нас доказательств. Но если мы это сделаем, существенно ли изменится позиция? М. Леб говорит, что “все объяснимо, если они подготовили признания в преступлении, которое никогда не совершалось”. На наш взгляд, такая процедура ничего не объясняет. Какая возможная цель могла бы побудить их прийти к соглашению сделать нераскрытое преступление предметом

единодушного признания, которое безошибочно отправило бы их на костер? Какую возможную выгоду они могли бы надеяться извлечь из лжи такого рода?

Одним из главных препятствий для опровержения этой истории как выдумки является признание Юсе “раввину Аврааму” в тюрьме Сеговии. М. Леб признает это, и хотя он делает решительную попытку преодолеть это, его аргументы слишком произвольны и существенно не влияют на суть дела, даже если их признать.

Но если месье Леб совершенно неубедителен в своих попытках доказать, что распятие мальчика - выдумка, ничто не может быть убедительнее его первого утверждения: даже если мы изложим историю правдиво, как она содержится в *досье* Юсе, это деяние следует рассматривать не как ритуальное убийство, а исключительно как магическую операцию.

Это вывод, с которым вы должны согласиться, хотя на первый взгляд у вас может возникнуть искушение составить мнение, что распятие ребенка служило обеим целям. Примерно такое мнение сложилось у инквизиторов, когда они спросили, почему мальчика распяли, а не предали смерти каким-либо другим способом, поскольку для колдовства требовалось только его сердце.

Ответ заключался в том, что распятие было выбрано в насмешку и поношение Страстей Иисуса Христа. Но это совсем не то же самое, что ритуальное убийство или “повешение Амана”. Если мы обратимся к фактически используемым бранным фразам, то [223](#) мы обнаружим выражение желания ранить Самого Искупителя с помощью этой формы магии, распространенной во все века, известной как *окружение*. Вместо обычно используемого воскового или деревянного изображения в данном случае используется живое тело. В остальном принесение в жертву ребенка играет свою роль в магическом ритуале не только евреев. Нам нужно упомянуть лишь печально известный пример Черных месс, отслуженных печально известным аббатом Грибургом в восемнадцатом веке.

Действительно, кажется, нет никаких сомнений в том, что мы правы, отвергая теорию о том, что распятие Святого Младенца из Ла Гуардии следует рассматривать как пример еврейского ритуального убийства. Пока мы можем сопровождать месье Леба, но не дальше. Мы не можем сказать вместе с ним, что подобного преступления никогда не совершалось. Чтобы убедить нас в этом, необходимо было бы показать, что *вседосье*, которое мы рассмотрели, является подделкой в интересах Торквемады. И это у нас есть доказательство того, что это не так. Если бы это было так, если бы оно было изготовлено для массового потребления, оно не пролежало бы четыре столетия в тайных архивах инквизиции.

Признается, что Торквемада воспользовался этим вопросом и раскрыл его в полной мере. Но это лишь показывает, что он оппортунист; это очень далеко от доказательства того, что он фальсификатор. Само предложение было составлено в выражениях, рассчитанных на то, чтобы вызвать — что и произошло — народное негодование против евреев. Публикация приговора также не закончилась в “Ла Гуардиа”, куда были разосланы копии. Мы можем сделать вывод, что Торквемада распространил эти копии по всей Испании, поскольку на самом деле мы находим перевод на каталонский, который был специально подготовлен для публикации в Барселоне.

Култ Святого Младенца из Ла Гуардии возник сразу же и быстро развивался. В его честь были воздвигнуты многочисленные святилища, первое и главное из которых находилось на месте дома Хуана Франко, который был стерт с лица земли. Здесь в подвале дома, на том месте, где, как считалось, начались страдания ребенка, был воздвигнут алтарь; его венчала фигурка ребенка, прикрепленная к колонне.

Над этим подземным святилищем быстро возникла церковь.

Еще один скит был возведен недалеко от Санта-Мария-де-Пера, на том месте, где предположительно был похоронен ребенок, и еще один - в пещере, где, как считалось, он был распят. “С тех пор во все времена, - говорит Морено, -²²⁴эти три святилища часто посещали те, кто приходил помолиться Ниньо как святому”.

Первое из этих святилищ было возведено к 1501 году — на эту дату имеются записи о нем. Он назывался Святилищем Святого Иннокентия, и Морено добавляет, что это всегда получало одобрение пап и епископов, и что верующим, посещающим эти святыни, были предоставлены полные и частичные индульгенции.

Жители Ла Гуардии избрали его своим святым покровителем, и накануне его праздника был назначен пост, который сначала был 25 марта, но впоследствии был перенесен на 25 сентября. Морено включает в свою книгу предписанные молитвы и литанию Ниньо.²²⁵

Но не лишено определенного значения то, что Рим — всегда осторожный, как мы уже имели случай сказать, в вопросе канонизации — до сих пор не признал Святого Младенца из Ла Гуардии одним из святых Церкви.

Йепес рассказывает о четырех чудесах, совершенных ребенком после его смерти, начиная с обретения зрения его матерью. Все это, наряду с другими очень интересными и чисто романтическими деталями, можно найти в этом благочестиво фальсифицированном произведении — “Жизни святого Младенца” Мартинеса Морено.

ГЛАВА XXV УКАЗ ОБ ИЗГНАНИИ

Как мы уже предполагали, именно та своевременность, с которой состоялся суд и вынесен приговор лицам, замешанным в деле Ла Гуардиа, предоставила Торквемаде дополнительный аргумент в пользу королей в его деле против евреев, что побудило стольких историков — до М. Открытие Фиделя Фиты - отвергнуть эту историю как выдумку. Другая причина дискредитации этой статьи заключалась в том обстоятельстве, что она была распространена в Испании вместе с рядом других историй, которые были явно ложными и явно придуманы специально с целью опорочить евреев и вызвать народное негодование против них.

Тем временем Фердинанд и Изабелла с триумфом продвигались вперед по своему завоевательному пути через Андалусию. Лусена, Койн, Ронда и десятки других мавританских цитаделей на южных холмах пали перед неотразимым оружием христиан; и монархи, которым помогало еврейское золото — не просто золото, добытое путем конфискации, но деньги, добровольно внесенные их еврейскими подданными, — добились взятия Малаги, что стало прелюдией к победе самой Гранады, последнего оплота ислама в Испании. Это произошло 2

января 1492 года, и вместе с этим пало мусульманское владычество, которое просуществовало на полуострове с переменным успехом почти 800 лет.

Католическим монархам вполне могло показаться, что завоевание Испании и победа там христианства наконец-то завершились, если бы Торквемада не был рядом с ними, указывая на то, что триумф Креста никогда не будет полным на этой земле, пока евреи продолжают числиться среди ее жителей.

Он возразил, что зло, возникающее в результате общения между христианином и евреем, печально известно и непобедимо. Он заявил, что, несмотря на инквизицию и несмотря на вседругие меры, которые были приняты, чтобы разлучить христиан и евреев, зло сохранялось и было таким же безудержным, как и прежде. Он настаивал на том, что евреи продолжают неослабно извращать христиан, и что они должны продолжать в том же духе до тех пор, пока им позволяют оставаться на полуострове. Особенно это было печально известно в случае с маррано, или новыми христианами, которым израильтяне не давали покоя до тех пор, пока - путем идеологической обработки или презрения и оскорблений, которыми они их осыпали, — они не совратили их обратно в заблуждение.

И в доказательство того, на чем он настаивал, он смог указать на дело Ла Гуардиа, на надругательство над распятием в Касар-де-Паломеро и на другие дела аналогичного характера, которые недавно были раскрыты.

Он призвал монархов выполнить данное ими обещание рассмотреть этот вопрос — рассмотрение, которое в ответ на его предыдущие просьбы они отложили до завершения войны против Гранады.

Тем временем сами евреи яростно боролись против изгнания, которое, по их мнению, угрожало им самим. Красноречивыми были их обращения к монархам. И монархи вряд ли могли оставаться глухи к ходатайствам подданных, которым они были столь многим обязаны. Ибо разве не те самые евреи снабдили испанскую корону сухожилиями для этой кампании против врагов Креста? Разве не благодаря замечательной еврейской администрации — администрации, с благодарностью сдавшей ей, — армия Креста была оснащена, содержалась и оплачивалась из денег, которые предоставили сами евреи?

Они нашли способ довести это до сведения монархов, как доказательство верности их преданности, как доказательство их ценности для испанской нации. И у монархов был другой опыт верности и привязанности, которые когда-либо проявляли к ним их многострадальные еврейские подданные. Когда, например, их сын, инфант Дон Хуан, был провозглашен в Арагоне после кортесов Толедо, евреи были первыми в торжествующих и любящих приемах, которые повсюду встречали их Высочества в ходе их продвижения по королевству Фердинанда. В то время как испанцы довольствовались приветствиями своих монархов, евреи вышли им навстречу с ценными подарками.²²⁶ Бернальдес рассказывает нам²²⁷ о великолепном подношении, сделанном их Высочествам Альджамой из Сарагосы. Он состоял из двенадцати телят, двенадцати ягнят и любопытного и очень красивого серебряного сервиза, который несли двенадцать евреев, богатой серебряной чаши, полной золотых кастелланосов²²⁸, и серебряного кувшина — “все это монархи получили и ценили, возвращая множество благодарностей”.

Столь ощутимо проявленная лояльность, примером которой является этот случай, должна иметь определенный вес на весах против фанатизма; более того, кажется невозможным, чтобы монархи были совершенно слепы к возможной угрозе промышленному процветанию королевства, если бы те, кто в основном несет за это ответственность, были изгнаны.

Поэтому они отложили принятие решения по этому вопросу, настаивая на том, что нынешняя война требует их полного внимания. Но теперь, когда завоевание Гранады было завершено, они были вынуждены взглянуть делу в лицо. Ибо Торквемада не давал им покоя. Движимый своей фанатичной ненавистью к израильтянам, Великий инквизитор твердо решил следовать своим курсом и был полон решимости, что ничто не должно сбить его с пути истинного.

Его аргументы — все основанные на любви ко Христу — постоянно звучали в ушах монархов, и в доказательство обоснованности этих аргументов он мог привести конкретные факты — или, по крайней мере, дела, по которым были вынесены решения судов инквизиции, — видным среди которых будет дело Ла Гуардиа.

И то, что Торквемада делал для Монархов, братья его ордена делали для Испании. Народное негодование против евреев, которое так легко вызвать, и без того разожженное возмущением в Касар-де-Паломеро и распятием в Ла-Гуардиа, было еще больше и бессовестно подогрето распространявшимися ложными историями. Утверждалось даже, что болезнь принца Дона Хуана была результатом еврейской гнусности, и для объяснения этого была придумана глупая, порочная история, распространенная и общепринятая.

Льоренте цитирует эту историю из “Анонимо из Сарагосы”.²²⁹ Речь идет о том, что принц возжелал золотой шарик для помандировки, который носил его врач, происходивший из еврейской семьи, и в конце концов врач уступил эту безделушку своему пациенту. Однажды, движимый юношеским любопытством, мальчик пожелал посмотреть, что содержится в помадке. Открыв ее, он обнаружил неприличную и богохульную картинку, оскорбляющую божественность Христа. Вид этого внушил принцу такой ужас и скорбь, что он заболел. Он также не желал разглашать причину своей болезни до тех пор, пока его отцу не удалось вытянуть из него тайну, после чего “было решено возбудить дело против врача и приговорить его к сожжению”.

Эту тривиальную, непристойную и явно неправдивую историю не стоило бы повторять, если бы она не служила цели показать, какие слухи распространялись во вред израильтянам.

В другой распространенной истории утверждалось, что в Валенсии также была предпринята попытка нескольких евреев распять мальчика-христианина. Это зафиксировано в той непристойной, печально известной публикации Фрея Франсиско де Торрехонсильо “Сентинела против иудеев”. Мы уже неоднократно ссылались на это. Впервые она была напечатана в 1676 году и представляет собой книгу монаха ордена Святого Франциска, позорное произведение, которое доказывает, что его автор был столь же неприкрыт, сколь и босоног. Это собрание глупой лжи и подделок и, едва ли будет преувеличением добавить, непристойностей; возможно, это еще один пример тех мошенничеств, которые называются благочестивыми, но едва ли делает честь Церкви, осуществляющей посредством “Индекса Экспургаториуса” цензуру прессы, — разрешить распространение произведения такого порядка из-под пера церковника.

Это, однако, кстати.

История, которую здесь предстоит записать, взята, по словам Торрехонсильо, из “Проповеди де ла Крус” Фрея Фелипе де Салазара.²³⁰ Вечером в Страстную пятницу юноша, находившийся на улице Валенсии, заметил нескольких мужчин, входящих в дом. Сочтя это странным — хотя никаких подозрительных обстоятельств не упоминается, — он подошел к двери и прислушался. Он услышал, как они сказали: “Кажется, кто-то стоит у двери”. Опасаясь, что результатом может стать драка, если его обнаружат там, когда они откроются, он выхватил свой меч и убежал. (Автор не считает нужным сообщать нам, каким образом было рассчитано обнажение его меча, чтобы помочь ему бежать.) На бегу он наткнулся на патруль, который схватил его, требуя сообщить, куда он таким образом спешит с обнаженным мечом в руке. Он рассказал о том, чему был свидетелем, после чего офицер, не только с целью проверки правдивости рассказа, но и для того, чтобы выяснить, с какой целью собирается так много людей, подошел к дому и постучал.

Дверь открыл еврей, который начал явно оправдываться перед ним. Внезапно офицер услышал в доме детский голос, кричащий: “Эти люди хотят меня распять”.

Евреи были увезены, дом снесен, и на месте него была построена церковь Санта-Крус.

В этот сборник лжи и подлогов включены “письмо Христа к Абгару”, другое письмо Понтия Пилата Тиберию, в котором подробно рассказывается о чудесах Спасителя, и письмо евреев Константинополя евреям Толедо, сыгравшее важную роль в этой антисемитской кампании.

Утверждалось, что это письмо обнаружил кардинал-архиепископ Хуан Мартинес Силичео в Толедо. Мы должны предположить, что он также нашел в Толедо письмо к константинопольским евреям, на которое это является ответом, поскольку хронисты могут снабдить нас текстами обоих,²³¹ обстоятельство, которое в то время, по-видимому, никто не счел странным.

Письмо в Константинополь гласило следующее:

“Евреи Испании - евреям Константинополя

“Уважаемые евреи, здоровья и благодати.—Знайте, что король Испании принуждает нас стать христианами, лишает нас собственности и жизни, разрушает наши синагоги и иным образом притесняет нас, так что мы не знаем, что делать.

“Законом Моисея мы умоляем вас собраться и как можно скорее прислать нам заявление, сделанное на вашем собрании.

“Чамарро, принц евреев Испании”.

На это ответ, полученный из Константинополя, был в следующих выражениях:

“Евреи Константинополя к евреям Испании

“Возлюбленные Братья по Моисею, у нас есть ваше письмо, в котором вы рассказываете нам о трудах и страданиях, которые вы там терпите.... Мнение раввинов таково: поскольку король

Испании пытается сделать вас христианами, вы должны стать христианами; поскольку он лишает вас ваших товаров и собственности, вы должны сделать своих детей торговцами, чтобы они могли лишиться христиан их имущества; поскольку вы говорите, что они лишают вас ваших жизней, сделайте своих сыновей аптекарями и врачами, чтобы лишиться христиан их жизней; поскольку они разрушают ваши синагоги, сделайте ваших сыновей священнослужителями, чтобы они могли разрушать христианские храмы; поскольку вы говорите, что терпите другие обиды, заставьте своих сыновей занять государственные должности, чтобы таким образом они могли подчинить им христиан .

“Не отступай от этих приказов, и ты увидишь, что из угнетенных ты станешь пользоваться большим уважением.

“Гуси, князь константинопольских евреев”.

Содержание этих писем — столь явно подделанных - было свободно распространено. Будучи принятым, общественное возмущение внезапно усилилось страхом. Это стимулировало воображение, и истории, основанные на этих предписаниях принца Хусе, стали популярными, и никогда не было ничего слишком вопиющего для массового потребления. Рассказывали, что врач-еврей из Толедо носил яд в одном из ногтей своего пальца и что этим он прикасался к языкам пациентов, которых посещал, убивая их таким образом. О другом враче сообщалось, что он намеренно отравил раны, которые ему хотели залечить.²³² И то, что существовало много других подобных историй, вне всякого сомнения.

Какую пользу Торквемада извлек из этих поддельных писем и историй, которые послужили их порождением, если вообще какую-либо, мы не знаем. Но было бы странно, если бы распространение и принятие подобных материалов вызвало у него неудовольствие, поскольку они явно были рассчитаны на то, чтобы продвигать его цели и заставить монархов прислушаться к его настойчивым обвинениям в адрес евреев.

Он неустанно проповедовал необходимость религиозного единства в объединенной Испании. Действительно, Испания, убеждал он, никогда не сможет объединиться, никогда не заслужит благословения Небес, пока все люди на этой земле не станут детьми Божьими, истинно верующими в Святую Римско-католическую апостольскую веру. Бог был очень благосклонен к Фердинанду и Изабелле, продолжал монах. Он собрал различные элементы полуострова в одно могущественное королевство, которое подчинил их скипетру. Пусть они сплавят эти элементы в единое целое, отвергнув всех тех, кто сопротивляется этому слиянию, — и это ради чести и славы Бога и их собственного царства.

Перед этим потрясающим евангелием Религиозного единства ничто не могло устоять. Гуманитарные соображения, принципы справедливости, долга и благодарности - сущие пустяки, которые могут быть сметены этим ураганом религиозных споров.

Правители оказались лицом к лицу с проблемой такого масштаба, что никакие временные соображения не могли иметь значения. И к напору яростных аргументов Торквемады теперь

добавилось давление общественного мнения, искусно возбуждаемого его помощниками. К голосу Божьему из уст Великого инквизитора теперь добавился *vox populi*— глас Божий из уст народа.

И таким громким был этот народный голос, такими настойчивыми были обвинения, которые он выдвигал против израильтян в ритуальном бесчестии и в совращении обратно к Закону Моисея их братьев-отступников, что евреи были предупреждены о буре, которая вот-вот разразится над их несчастными головами.

Требование Торквемады состояло в том, что они должны были принять крещение или уйти.

Правители все еще колебались. В Изабелле, возможно, голос человечности был слишком силен, чтобы быть полностью заглушенным диктатом фанатизма.

Но целеустремленность Торквемады была больше и непреодолимее благодаря своей чистоте и целеустремленности. Очевидно, что он не был эгоистом. Очевидно, у него не было никаких мирских целей, которым он мог бы служить. То, чего он требовал, он требовал во имя религии, которой служил, — исключительно для вящей чести и прославления своего Бога; и государям с характером Фердинанда и Изабеллы нелегко противостоять столь вдохновенным требованиям.

И хотя было ясно, что он не искал для себя мирских выгод, он без колебаний использовал перспективу мирских преимуществ Монархов как оружие для борьбы с их нежеланием; он без колебаний размахивал перед их глазами временными преимуществами, которые должны были возникнуть в результате изгнания израильтян. К аргументам на религиозной почве он добавил аргументы мирской целесообразности, аргументы, которые не могли не подействовать на алчную натуру короля.

Никогда, настаивал великий инквизитор, Испания не обретет спокойствия, пока она укрывает евреев. Они были хищниками; им нельзя было доверять; их единственной целью было удовлетворение их денежного интереса — единственного интереса, который они знали; и их стяжательство всегда побуждало их служить любому врагу короны, чтобы это было выгодно им самим.²³³

Но Торквемада был не единственным защитником при королевском дворе. Евреи тоже были там, умоляя от своего имени, с красноречием, которое, казалось, на мгновение возобладало, поскольку соблазнительный звон золота убедительно перемежался с их протестами.

Они настаивали на своих прошлых заслугах перед короной и обещали еще большие заслуги в будущем; они поклялись, что отныне будут более строго соблюдать суровые законы, сформулированные Альфонсо XI, — что они будут держаться своих гетто, как предписано, удаляясь в них с наступлением темноты и строго воздерживаясь от любых сношений с христианами, запрещенных законом. Последний и самый красноречивый аргумент из всех, они предложили через Абрахама Сеньора и Исаака Абарбанеля — двух евреев, которые взяли на себя и так превосходно осуществили оснащение кастильской армии для кампании против Гранады, — что в дополнение к этому обязательству они выделяют 30 000 дукатов на расходы по войне против мусульман.

Это предложение усилило колебания Фердинанда. Поскольку соверены всегда нуждались в деньгах, мысль об этом золоте не только соблазняла их, но и, несомненно, покорила бы их, если

бы под рукой не было Торквемады. Если бы не его насильственное вмешательство, более чем вероятно, что жестокий эдикт об изгнании никогда бы не был обнародован.

Доминиканец, узнав, что затевается, явился к их высочествам, чтобы разоблачить их колебания и присвоить им то название, которого, по его мнению, они заслуживали.

Нетрудно представить его в этот высший момент. Это один из тех редких случаев, когда это существо, которого мы сравнили с *Богом из машины*, холодным суровым духом, правящим и направляющим созданную им самой ужасную организацию инквизиции, выступает во плоти, живым, трепещущим человеком.

Вы видите его бледным, слегка запыхавшимся от волнения и гнева, которыми он охвачен. Его глубоко посаженные глаза мрачно светятся лихорадкой фанатичного рвения и негодования. Он выпрямляет свое худое старое тело. В своих сморщенных, жилистых старых руках он высоко поднимает распятие.

Это напряженный момент. Этому способствует все: затянувшаяся дуэль между религией и человечеством, между клерикализмом и христианством, кульминацией которой это, наконец, стало; и ничто так сильно, как фигура, предложенная евреями. Эти *тридцать* тысяч, к сожалению, напоминают. Это позволяет приору Святого Креста провести очень смелую параллель.

“Иуда, ” кричит он, “ однажды продал Сына Божьего за тридцать монет. Ваши высочества думают продать Его снова за тридцать тысяч. Вот Он перед вами. Тогда продай Его, но освободи меня от всякого участия в сделке.

И, швырнув распятие на стол перед их изумленными Высочествами, он резко покидает комнату.²³⁴

Так Торквемада победил.

Эдикт об изгнании был подписан в Гранаде 31 марта 1492 года — того славного года, когда Испания наконец завершила возведение своей монархии на руинах старого вестготского королевства и когда мореплаватель Колумб заложил новый мир у подножия трона католических монархов.²³⁵

ГЛАВА XXVI ИСХОД ИЗ ИСПАНИИ

В эдикте об изгнании было торжественно заявлено, что этот указ был обнародован исключительно в соответствии с настоятельной необходимостью раз и навсегда искоренить зло, проистекающее из отношений между христианами и евреями, поскольку все другие усилия, до сих пор предпринимавшиеся с той же целью, оказались бесплодными.²³⁶

Согласно этому указу, все евреи любого возраста и любого пола, которые откажутся принять крещение, должны покинуть Испанию в течение трех месяцев и никогда не возвращаться под страхом смертной казни и конфискации их имущества.

Жестокость этого изгнания требует небольшого описания. Родиной этих евреев была Испания. На протяжении веков это был дом их предков, и они хранили его с привязанностью, укоренившейся в сердце каждого из нас, к своей стране, которая является его собственной. Они должны были покинуть его, отправиться в изгнание в какую-нибудь чужую страну, и единственными условиями, на которых они могли получить иммунитет от этого сурового указа, были жертвы чего-то еще более дорогого, чего-то столь же дорогого для них, как сама честь. Они должны быть неверны вере своих отцов и отречься от Бога Израиля.

Это был выбор, навязанный Детям Иуды — выбор, который высокомерная христианская церковь навязывала всем мужчинам с того момента, когда она обнаружила, что обладает достаточной властью для этого.

Было постановлено, что по истечении трех месяцев, отведенных им на то, чтобы уладить свои дела и уехать, ни одному христианину не будет позволено дружить с ними или помогать им, давать им пищу или кров под страхом привлечения к ответственности как подстрекателя еретиков.

До их отъезда лица и имущество изгнанных номинально находились под защитой суверенов. Им разрешалось распоряжаться тем имуществом, которым они владели, и брать с собой вырученные средства в виде переводных векселей²³⁷ или товаров, но не в золоте, которое было запрещено вывозить из страны.

Немногим больший ущерб был бы нанесен им, если бы их имущество было полностью конфисковано. Из-за того, что евреи были вынуждены избавиться от него в такой короткий срок, а покупатели знали, что он должен быть продан, и стремились воспользоваться преимуществами этих принудительных продаж, какие шансы были у евреев реализовать что-либо, приближающееся к его стоимости? Как они могли избежать безжалостной христианской эксплуатации их жалкого положения?

“Христиане получили, - говорит Бернальдес, - много собственности и много очень богатых домов и поместий за небольшие деньги; евреи ходили повсюду, предлагая все это, и не могли найти покупателей, так что они были вынуждены обменять здесь дом на осла, там виноградник на кусок ткани”.²³⁸

Только из этого отрывка хроники автора, ненависть которого к евреям мы рассмотрели ранее, можно понять, насколько ужасным было их бедствие и как безжалостно им воспользовались христиане.

Фотография Дональда Макбета.

САНБЕНИТО НЕРАСКАЯВШИЙСЯ.

Из "Истории инквизиции" Лимборха

Амадор де лос Риос добавляет, что в жертвоприношении участвовали целые гетто, и что, поскольку евреи были совершенно неспособны распоряжаться такой общественной собственностью, они были вынуждены дарить ее муниципалитетам, которые проявили к ним так мало жалости.²³⁹

Торквемада в своем великом рвении к Вере не удовлетворился тем, что оставил все как есть. В конце концов, его главной целью было не изгнание евреев, а их обращение и стирание их

вероучения. В качестве средства достижения этой цели он вырвал у Монархов эдикт об изгнании.

На эту кампанию обращения он теперь послал свою армию доминиканцев. С королевской санкции он опубликовал указ, в котором призывал израильтян принять крещение, подчеркивая тот факт, что те, кто сделает это до истечения трех месяцев, назначенных для их эмиграции, получают право остаться.

В каждом городе, в каждой деревне, в каждой деревушке, в церквях, на рыночных площадях и на углах улиц его черно-белые доминиканцы пытались увещеваниями и аргументами побудить евреев принять воды крещения, тем самым обеспечив им благополучие в этом мире и вечное спасение в следующем. Проповедники в своем рвении проникали в самые синагоги и проявляли себя даже в еврейских храмах, давая обещания, которые они давали из мирской выгоды, привести евреев в лоно христианства. Ни одно место не было священным для монахов-проповедников. В Сеговии, когда приблизился час отъезда, евреи провели три дня на своем кладбище, оплакивая могилы своих умерших, которые они покидали. И нашлись ревностные доминиканцы, которые вмешались в это горе и воспользовались возможностью проповедовать обращение этому скорбному собранию.²⁴⁰

Но реакция на все эти проповеди была лишь незначительной. Если монахи Торквемады, с одной стороны, проповедовали христианство и пытались аргументами и подкупом склонить евреев принять его, то раввины, с другой стороны, были не менее энергичны в своих усилиях побудить израильтян твердо стоять в своей верности своему Богу, противостоять искушениям разврата и помнить, что подобно тому, как Бог вывел их из Египта и привел в Страну Изобилия, так и, выводя их из Испании, Он позаботился о том, чтобы Его дети не пострадали от потери чести или мирских благ.

Верили израильтяне или нет, большая их часть оставалась непоколебимой, и скорее, чем принять легкость и продвижение по службе ценой крещения, они твердо решили отправиться в изгнание и лишиться своего имущества, что королевский указ, вдохновленный Торквемадой, сделал неизбежным.

Бернальдес говорит нам, что, несмотря на закон, запрещающий вывозить золото из Испании, многие изгнанники действительно вывезли его в больших количествах, спрятав при себе, что весьма вероятно. Не столь правдоподобен распространенный слух, который он сообщает, о том, что они зубами превратили множество золотых дукатов в шарики, а затем проглотили их по прибытии в морские порты или другие места, где их нужно было обыскать, унося таким образом золото в своих желудках. Женщины, в частности, по его словам, были большими нарушительницами в этом отношении, и — снова передавая голос обычных слухов — он сообщает нам, что некоторые женщины ухитрялись проглатывать по тридцать дукатов каждая.²⁴¹

История о проглоченном золоте, очевидно, распространилась повсюду, усугубив их горе; и нам говорят, что некоторые из тех, кто плыл из Кадиса в Фес и кто попал в руки мавров при высадке на побережье Берберии, были не только разграблены своими пожитками, но в нескольких случаях были разорваны этими разбойниками в поисках золота.²⁴²

В назначенный им короткий трехмесячный срок израильтяне продали или выменяли все, что могли, и отказались от того, на что не нашли покупателей. Все мальчики и девочки в возрасте

двенадцати лет и старше вступали в брак, так что каждая достигшая половой зрелости женщина должна была отправляться в путь под защитой мужа.²⁴³

Массовый исход из Испании начался в первую неделю июля 1492 года. Те из изгнанников, кто был богат, поддерживали своих более бедных собратьев в соответствии с обычаем, который всегда господствовал в их гетто. Многие из тех, кто был очень богат и владел процветающими профессиями, отказались от своего процветания и, доверившись тому, что Бернальдес называет “тщетной надеждой на свою слепоту”, вступили на суровый путь изгнания.

Приходской священник Паласиоса оставил нам яркую картину этой эмиграции.²⁴⁴ Это картина, над которой христианство должно плакать от стыда.

Пешком, верхом, на ослах, в повозках, молодые и старые, крепкие и немощные, здоровые и немощные, кто-то умирал, кто-то рождался, и многие падали по дороге, они образовывали жалкие процессии, бредущие вперед в июльской жаре и пыли. На каждой дороге, ведущей из страны, — на тех, что вели на юг, к морю, или на запад, в Португалию, или на восток, в Наварру, — можно было встретить эти разбросанные человеческие толпы, и они представляли собой зрелище столь безжалостное, что не было христианина, который не пожалел бы их.

Прийти им на помощь никто не осмеливался в силу указа Великого инквизитора; но со всех сторон их призывали принять крещение и таким образом положить конец их невзгодам. И некоторые, не в силах больше терпеть в своем крайнем изнеможении и безнадежности, уступили и оставили Бога Израиля.

Но их было сравнительно немного. Раввины были под рукой, чтобы ободрить их. Женщинам и юношам было велено петь во время марша, и звучали литавры, чтобы подбодрить эти несчастные толпы.

Андалузцы направились в Кадис, где намеревались сесть на корабль. Жители Арагона также повернули к побережью, направляясь в Картахену; в то время как многие каталонцы отплыли в Италию, где — странная аномалия! — каталонский папа (Родриго Борджиа) должен был предоставить им убежище и защиту в самом сердце системы, которая их угнетала и преследовала.

О тех, кто прибыл в Кадис, Бернальдес говорит, что при виде моря среди них поднялся большой шум. Их воображение, разожженное недавними проповедями раввинов, в которых они были уподоблены своим предкам, покидавшим Египетский плен, заставило их с уверенностью ожидать, что здесь повторится чудо Красного моря и что воды расступятся, чтобы позволить им пройти в Берберию сухими.

Король Португалии Иоанн разрешил тем, кто отправлялся на запад, въезжать в его королевство и оставаться там в течение шести месяцев после уплаты небольшого налога в размере одного крузадо каждому.²⁴⁵ Многие из них поселились в Португалии и занялись там торговлей, которой им было разрешено заниматься при условии уплаты дани в размере 100 крузадо с каждой семьи.

В нашу нынешнюю задачу не входит следовать за израильтянами в изгнание и наблюдать за жалкой судьбой, постигшей столь многих из них, как от рук последователей кроткого Христа, так и от Детей Пророка. Многие мудрецы и раввины были среди тех, кто покинул Испанию, и в их

числе был Исаак Абоаб, последний принц кастильских евреев, и Исаак Абарбанель, когда-то собиравший королевские налоги.

“Изгнание, - пишет этот последний, - сопровождалось грабежами на суше и на море; и среди тех, кто, пораженный и опечаленный, отправился в чужие земли, был я. С большим трудом мне удалось добраться до Неаполя, но я не смог найти там покоя из-за французского вторжения. Французы были хозяевами города, сами жители отказались от своего правительства. Все восстали против нашего собрания, изгоняя богатых и бедных, мужчин и женщин, отцов и сыновей Детей Сиона и доводя их до величайшего разорения и нищеты. Некоторые отказались от своей религии, опасаясь, что их кровь прольется, как вода, или что они могут быть проданы в рабство; ибо мужчин и женщин, молодых и старых, увозили на кораблях, не жалея их стенаний, вынуждая отказаться от своего Закона и продолжать жить в неволе”.

Франция и Англия приняли часть изгнанников, другие отправились оседать на Дальний Восток. Возможно, самыми несчастными были те, кто высаживался на побережье Африки и пытался через пустыню добраться до Феса, где находилась еврейская колония. На них напала орда разбойничающих соплеменников, которые отняли у них их имущество, обращались с ними с предельной жестокостью и бесчеловечностью, насиловали их женщин у них на глазах и оставили их раздетыми и совершенно сломленными. Их страдания достигли предела их выносливости. Выжившие обратились за крещением в первое христианское поселение, до которого добрались, и многие из них вернулись в свою родную Испанию, получив, таким образом, право на повторное принятие.

Было много других людей, которые, точно так же неспособные вынести трудности, с которыми они столкнулись за границей, в конце концов сломались, приняли крещение и вернулись, или же вернулись, требуя крещения, которое позволило бы им жить в мире на земле их рождения.

В течение трех лет, говорит Бернальдес, был постоянный поток возвращающихся евреев, которые, бросив все ради своей веры, теперь отказались от самой своей веры и вернулись, чтобы начать все сначала. Их крестили группами, всех сразу, окропляя иссопом.²⁴⁶ Сам Бернальдес крестил сотню из них в Паласиосе, и, судя по тому, что он увидел, “я счел исполнившимся, — пишет он, - пророчество Давида - ”Тайное вмешательство в вечернюю ночь и в фамильный храм у трости и кругом цивилизации“.

Священник Паласиоса оценивает в 36 000 еврейских семей, согласившихся на изгнание,²⁴⁷ что составляет около 200 000 душ. Но Салазар де Мендоса и Зурита установили, что общее число изгнанников вдвое больше,²⁴⁸ в то время как Мариана называет цифру 800 000.²⁴⁹ Возможно, более достоверной, чем любая из этих оценок, является оценка, оставленная еврейскими авторами, которые говорят, что в 5252 году от Сотворения мира 300 000 евреев покинули Испанию, землю, на которой их предки прожили почти 2000 лет.²⁵⁰

Эти цифры подчеркивают серьезность шага, предпринятого монархами, когда они согласились на изгнание евреев; и если бы чего-то не хватало, чтобы заставить нас оценить неотразимые качества Торквемады и фанатизм, за который он выступал, эти цифры восполнили бы это.

Предлагаемое изгнание, должно быть, полностью обсуждалось в совете до обнародования эдикта;²⁵¹ и должно было быть очевидно, что Испания не могла не остаться материально беднее, если около 40 000 трудолюбивых семей были изгнаны. Немыслимо, чтобы король или член совета не подняли вопрос о нецелесообразности, о реальной опасности, связанной с

такой мерой. И все же несомненно то, что ни советник, ни король не могли устоять перед суровым, бескомпромиссным монахом, в котором они видели представителя Бога, с которым нельзя было шутить, — Бога, которого их представления превратили в некое мстительное языческое божество.

Распятие Торквемады, столь драматично брошенное на чашу весов, определенно решило этот вопрос.

Султан Баязет, который приветствовал и приютил немало беглецов в Турции, был поражен такой ошибкой государственного управления, так что, как сообщается, он спросил, следует ли всерьез считать этого короля великим государственным деятелем, разорившим свое королевство ради обогащения другого.

То, что Великий турок воспринимал с такой готовностью, одержимый священством Фердинанд не осмеливался воспринимать.

Изгнав евреев и мусульман со своей земли — ибо вскоре за ними должны были последовать мавры, которым, хотя и было временно разрешено остаться в силу условий капитуляции Гранады, — Испания изгнала своих торговцев и финансистов, с одной стороны, и своих земледельцев и ремесленников — с другой; короче говоря, она изгнала своих рабочих, производительную часть своего сообщества. Многие считают, что она сделала это с полным осознанием последствий — акт героического самопожертвования ради принципов и религиозных убеждений. И, возможно, она считала себя вознагражденной Богом даром нового мира за эту жертву Богу.

Искусство, промышленность, мануфактуры, сельское хозяйство и торговля вот уже четыреста лет оплакивают нехватку рабочих рук для их обслуживания. Новый Свет оказался лишь иллюзорной и преходящей компенсацией. Его золото не могло обеспечить Испанию рабочими, которых ей не хватало. Напротив, оно увеличило этот недостаток. Новый Мир с лихвой отплатил ей за то, что она дала. В обмен на дары, которые она сыпала на колени Испании, она забрала к себе самих испанских детей, заманив их за границу сказочными историями о богатствах, которые легко добыть. Движимые этой жадностью к золоту, множество семей эмигрировали, чтобы усилить депопуляцию в своей стране. И когда со временем эти дети Испании в Новом Свете набрались достаточной силы, чтобы заявить о своем освобождении, они сбросили иго родины и распределили между собой ее обширные владения. Они действительно оставили ее без присмотра, которая по своей вине оказалась без средств к существованию, чтобы она, возможно, наконец поняла, какую услугу оказал ей приор Святого Креста.

Тем временем мавры Гранады получили от Фердинанда обещание, что инквизиция не будет учреждена в Гранаде в течение следующих сорока лет, равно как и никакого судебного преследования мориско (крещеных мусульман) за соблюдение мусульманских обычаев.

Этот термин, однако, слишком сильно подорвал терпение священников. В 1526 году — задолго до истечения указанного срока — Святая канцелярия хитро проникла в Гранаду под предлогом необходимости следить за многими подозреваемыми Маррано, которые переехали туда жить под прикрытием неприкосновенности, которой пользовались Мориско. О том, что это был всего

лишь предлог, свидетельствует то обстоятельство, что уже в 1505 году Святая канцелярия Кордовы переезжала в Гранаду и при случае возбуждала там дела против иудействующих.

ГЛАВА XXVII

ПОСЛЕДНИЕ “НАСТАВЛЕНИЯ” ТОРКВЕМАДЫ

Изгнание евреев можно считать высшим и завершающим делом жизни Торквемады. Оно отмечает высшую точку его достижений. В дальнейшем его карьера постепенно теряет свою значимость по мере того, как она медленно опускается до своего заката.

Тем временем в Риме в 1492 году новый понтифик — Родриго Борджиа — взошел на трон Святого Петра под титулом Александра VI, и из рук этого понтифика Торквемада получил свое утверждение на занимаемом им великом посту — подтверждение, которое, будучи изложено в сдержанных выражениях привязанности, нередких в папских буллах, похоже, заставило многих поверить, что Александр относился к Торквемаде и Святой канцелярии Испании с особой нежностью. На самом деле попытки этого папы обуздать чрезмерную строгость Великого инквизитора были менее вялыми — мы не осмеливаемся сказать, более энергичными, — чем попытки Сикста IV и Иннокентия VIII; и именно Александр VI, устав от жалоб, в конце концов добился отставки приора Святого Креста.

Но этого еще не было. Прежде чем это произошло, скандалы с тайными отпущениями грехов, проданными и впоследствии отмененными Святым Престолом, повторились. Святейшему Отцу были поданы энергичные апелляции против процедуры Великого инквизитора, и Святой Отец, действуя по совету Апостольского суда, направил свои прошения об отпущении грехов. Торквемада, вновь разгневанный этим новым вмешательством в его юрисдикцию, обратился с апелляцией к монархам и вместе с ними подал свои протесты папе, который самодовольно аннулировал оплаченные судебные иски - или, скорее, ту часть отпущения грехов, которая касалась светских судов. За полученные деньги можно было бы доказать, что была дана полная оценка, поскольку эти отпущения грехов все еще имели силу в суде совести. К настоящему времени мы знакомы с аргументацией.

Врагов Торквемады в Испании теперь становилось все больше с угрожающей скоростью. Но, уверенный в королевском покровительстве, этот старик неуклонно и безжалостно продвигался по пути нетерпимости, не боясь недоброжелательства. Сознывая ненависть, которую он вызывал, он, возможно, наслаждался проклятиями, которые бросали в его адрес преследуемые, полагая, что злоба неверных сделает его деяния более приемлемыми в глазах его Бога. Но с какой бы невозмутимостью он ни противостоял духовной враждебности, он принял все меры, чтобы обезопасить себя от ее временных проявлений. О том, что он уехал, опасаясь нападения, свидетельствует не только тот факт, что его никогда не видели за границей без многочисленного эскорта вооруженных приближенных, но и то обстоятельство, что он никогда не садился обедать без рога единорога на столе в качестве талисмана против яда.²⁵²

Он так произвольно и высокомерно расширил сферу предоставленной ему автократической юрисдикции, что вскоре узурпировал функции гражданских судов, вызвав тем самым еще более глубокое негодование. Он руководил делами Святой Канцелярии таким образом, что все другие суды королевства стали подчиняться ему, и там, где магистраты, возмущенные этими

посягательствами, пытались противостоять ему или даже подвергать сомнению его авторитет, их — как это произошло в случае с генерал-капитаном Валенсии — немедленно обвиняли в недостатке рвения и даже подвергали импичменту как препятствующих работе Святой Канцелярии. Они были вынуждены подвергнуться унижительным наказаниям, которые в случае магистратов влекли за собой полную потерю достоинства и престижа. И к настоящему времени этот человек приобрел такое влияние, что жалобы или апелляции к государям были бесполезны.

Тем временем, однако, благодаря его собственным действиям, его враги дома нашли двух могущественных посредников с Папой, двух могущественных защитников, которые отстаивали их дело в Апостольском суде. Это были Хуан Ариас Давила, епископ Сеговии, и Педро де Аранда, епископ Калаорры.

Яростная нетерпимость Торквемады к людям еврейской крови ни в коем случае не ограничивалась теми, кто практиковал Закон Моисея. Это распространялось на тех, кто принял крещение, и на их потомков, и это поддерживало его недоверие к ним.

Очень заметно это проявилось в судебном разбирательстве, которое он возбудил против двух упомянутых епископов, несмотря на папский указ, запрещающий инквизиторам возбуждать дела против прелатов иначе, как с разрешения особой папской власти.

Епископ Сеговии Хуан Ариас Давила был внуком еврея, принявшего крещение в царствование Генриха IV и занимавшего почетное положение при дворе этого короля, которым он был облагорожен. Учитывая церковное возвышение, достигнутое его внуком — ныне глубоким стариком, — можно было бы предположить, что последний должен был быть защищен от нападок инквизиции в связи с предполагаемыми преступлениями, совершенными его предком против Веры. Но ужасный Торквемада ухитрился поднять кое-какие дела против давно покойного *конверсо*, обвинил его в том, что он переиудеизировался перед смертью, и возбудил судебное разбирательство, которое, должно быть, привело к разорению, деградации и позору епископа, его потомка.

“Было достаточно, - говорит Льоренте по этому поводу,²⁵³ - чтобы умерший еврей был удачлив и богат, чтобы искать повод для подозрений в своей вере и вероисповедании, такова была недоброжелательность к лицам еврейской крови, такое желание умертвить их и такая алчность присвоить их имущество”.

Этим разбирательствам Давила оказал решительное сопротивление и обратился с апелляцией к папе римскому, после чего Торквемада пережил свою первую серьезную проверку. Папа приказал ему придерживаться буквы закона и передать дело в Апостольский суд, как полагается. Туда же отправился епископ, чтобы защитить останки своего деда от выдвинутого обвинения. Он был хорошо принят понтификом, который в конечном итоге даровал ему победу над Торквемадой, поскольку при рассмотрении дела с памяти его отца была снята всякая вина.²⁵⁴

Тем временем, однако, Давила не только получил очень теплый прием в Ватикане, но и до суда ему была предоставлена почетная должность, и он был связан с кардиналом Борджиа Монреальским (племянником Александра), когда последний отправился в качестве папского легата в Неаполь, чтобы короновать Альфонсо II Арагонского.²⁵⁵

Менее удачливым оказался Педро де Аранда, другой обвиняемый епископ. В его случае судебное разбирательство также было возбуждено на основании предполагаемого обращения в иудаизм его покойного отца — еврея, который был крещен во времена святого Винсента Феррера.

Его дело рассматривалось в Вальядолиде, но инквизиторы и ординарий епархии разошлись во мнениях, и в 1493 году епископ в сопровождении своего внебрачного сына Альфонсо Солареса отправился в Рим, чтобы лично представить понтифику свою апелляцию. Его тоже папа принял с величайшей добротой. Его Святейшество издал краткое распоряжение, запрещающее деятельность инквизиторов, и передал дело епископу Кордовы и приору бенедиктинцев Вальядолида.

По рассматриваемому ими делу был вынесен вердикт, полностью благоприятствующий епископу, и память его отца была оправдана по предъявленному ему обвинению. Но невзгодам живого сына не было позволено на этом закончиться. Торквемада не потерпел бы, чтобы его жертва ускользнула так легко.

Уже в 1488 году епископ был опорочен по подозрению в иудействе, и теперь Великий инквизитор настаивал на том, чтобы его призвали к ответу по этому обвинению, направив обвинительный акт за печатью в Рим.

В ожидании решения этого вопроса Апостольским судом Александр не только хорошо обращался с Арандой, но и осыпал его и его сына почестями и благосклонностью. Епископ был отправлен в Венецию в качестве папского легата, он был назначен хозяином Священного дворца, а его отпрыску была присвоена должность апостольского протонотария.²⁵⁶

Но, несмотря на благосклонность папы, которой он пользовался, и несмотря на тот факт, что он вызвал более сотни свидетелей для дачи показаний в свою защиту, он был признан виновным. Говорят, что его собственные свидетели помогли добиться его осуждения. Папский суд был вынужден приговорить его к лишению всех церковных достоинств и привилегий, унижить его и низвести до положения мирянина, после чего он был заключен в тюрьму Сант-Анджело, где и умер несколько лет спустя.²⁵⁷

Несмотря на приговор Апостольского суда, Льоренте считает невозможным поверить, что Аранда действительно был виновен в иудаизации. “Кажется невероятным, что это должно было быть так, учитывая, что он сохранял репутацию доброго католика так долго и с такими аплодисментами, что королева донна Изабелла должна была назначить его президентом Совета Кастилии. Его празднование Синодального собора в его епископстве свидетельствует о ревности к чистоте религии и ее догматов. То, что вызванные свидетели должны были подтвердить какие-либо его слова или действия, противоречащие этому, означает не так много, как может показаться на первый взгляд, поскольку мы знаем из множества примеров, что поститься в воскресенье, воздерживаться от работы в субботу, отказываться от свинины, не любить кровь животных и другие подобные вещи были достаточными основаниями для объявления человека иудействующим еретиком, и это несмотря на то, что, как всем известно сегодня, эти обстоятельства вовсе не противоречат твердой приверженности католическим догмам”.²⁵⁸

Однако его приговор был вынесен только в 1498 году. До тех пор он, как мы видели, пользовался большим расположением при папском дворе. Воспользовавшись этим, он и епископ Сеговии

не только выступили в качестве посредников, чтобы изложить претензии своих соотечественников к Торквемаде перед папой, но и в своем вполне естественном негодовании по поводу несправедливости судебного преследования, возбужденного против них самих, они зашли так далеко, что призвали папу сместить Великого инквизитора с его поста. И Льоренте, который утверждает это со ссылкой на Лумбрераса, добавляет, что эти петиции сами по себе имели бы успех, если бы не королевская защита, которой Торквемада продолжал пользоваться.²⁵⁹

Но жалобы на злоупотребление великим инквизитором своей властью продолжали поступать в Рим. Они умножились до такой степени, они носили такой характер и были представлены испанцами такого высокого положения при дворе испанского понтифика, что трижды Торквемада был вынужден посылать адвоката для защиты его перед Святым Престолом.²⁶⁰ И в конце концов Александр счел необходимым принять меры, чтобы обойти королевскую защиту, которая продолжала противодействовать изложению приора Святого Креста.

Поскольку его смещение было слишком агрессивным курсом по отношению к монархам, с которыми понтифик желал сохранить самые дружеские отношения, по крайней мере, власть Торквемады должна быть ограничена. И вот, в записке от 23 июня 1494 года, составленной со всем искусством и дипломатией, в которых Родриго Борджиа был мастером, в записке, в которой он заверяет Великого инквизитора, что “он от всей души любит его за его великие труды по возвышению Веры”, и обвиняется в нежной заботе о слабеющем здоровье Торквемады, понтифик выдвигает эти недостатки как причину, по которой считает, что он больше не способен в одиночку выполнять тяжелые обязанности своего поста. Поэтому Его Святейшество считает желательным назначить ему помощников, которые облегчат труд его преклонных лет.

Помощниками, назначенными Александром, были Мартин Понсе де Леон, кастильский дворянин, который был архиепископом Мессины, дон Иниго Манрике, епископ Кордовы (племянник одноименного прелата, который был архиепископом Севильи), дон Франсиско Санчес де ла Фуэнте, епископ Авилы, когда-то декан Толедо и член совета Супремы, и дон Алонсо Суарес де Фуэнтельсаз, епископ Мондонедо, который также занимал должность инквизитора.

Понтифик наделил этих помощников самыми широкими полномочиями — такими же широкими, как у самого Торквемады, — так что они ни в коем случае не были подчинены приору Святого Креста. Термин “помощник” был папским эвфуизмом, тонко скрывавшим тот факт, что автократическому правлению Торквемады фактически пришел конец.

Абсолютное равенство полномочий каждого из пяти ныне существующих Великих инквизиторов было таково, что было недвусмысленно указано, что любой из них обладал властью единолично выносить решения по любому вопросу или единолично завершать любое дело, которое могло быть начато одним из четырех других.²⁶¹

Но из четырех назначенных помощников только двое приняли должность совместно с Торквемадой. Это были епископ Авилы и архиепископ Мессины, которые сразу приступили к своим обязанностям.

4 ноября следующего года папа Римский пошел еще дальше, когда дополнительным распоряжением он назначил Санчеса де ла Фуэнте (епископа Авильского) апелляционным судьей по делам Веры. И с этого момента именно Санчесу де ла Фуэнте папа адресует свои краткие сведения, касающиеся ведения дел Святой Канцелярии. Именно ему лично Александр отдал приказ, согласно которому, когда епископ не может или не желает совершить над провинившимся священнослужителем своей епархии церемонию унижения, это должен сделать сам епископ Авилы или назначенный им епископ.

Таким образом, может показаться, что Торквемада фактически был смещен, а Санчес де ла Фуэнте стал его начальником. Если так, то это превосходство не могло быть более чем номинальным. Несмотря на это, Торквемада оставался руководящим духом Святой Канцелярии в Испании, верховным арбитром и законодателем, как мы увидим, когда обратимся к его последним “Наставлениям”, опубликованным в 1498 году.

Несмотря на эти меры, принятые папой римским с целью смягчения строгости инквизиции и приведения ее в более разумные рамки, жалобы в Рим, похоже, не прекращались.

Фотография Дональда Макбета.

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ.

From Colmenar's “Délices d’Espagne.”

Назначение этих помощников Великих инквизиторов отнюдь не ограничило юрисдикцию инквизиции, как предполагалось, а, по—видимому, расширило ее. Теперь они зашли так далеко, что сами стали продавать и распоряжаться конфискованным имуществом — делом, которым до сих пор занимались служащие королевского казначейства. И это было больше, чем Фердинанд мог вынести. Там, где гуманитарные соображения, где аргументы политической целесообразности не смогли обуздать его фанатизм, стяжательство, похоже, легко принесло победу. Так что, наконец, мы видим, как сам король обращается к папе с апелляцией против этого придворного деспотизма, которому он дал власть стать могущественнее себя в своем собственном королевстве.

Ответом на его призыв стала булла от февраля 1495 года, предписывающая инквизиторам под страхом отлучения от церкви отказаться от своего курса и никогда больше не прибегать к нему, кроме как с королевской санкции. Правом возбуждать дело против инквизиторов в случае мошенничества или неправильных действий в этом вопросе был наделен знаменитый Франсиско Хименес де Сиснерос.²⁶²

Этот человек, которого называют испанским Ришелье, поднялся от очень скромного начала, от босоногого нищенствующего монаха, до великолепного положения примаса Испании - на этом посту он только что сменил кардинала Мендосу, умершего в том же году (1495).

В следующем году Торквемада покинул Двор, где в течение десяти лет он был фигурой, по значимости уступавшей только самим монархам.

Искалеченный подагрой, он удалился в свой монастырь в Авиле.²⁶³ Там он теперь жил в уединении, истощенный старик семидесяти шести лет, ослабленный и измученный телесными немощами, но сохранивший всю свою силу и энергичность ума, суровость, такую же бескомпромиссную, как и прежде, его совесть была совершенно спокойна в убеждении, что он отдал все, что в его силах, - фактически, все, что у него было, — служению своему Богу.

Но даже сейчас его уход на пенсию, возможно, был не более чем физическим. Его внимание по-прежнему было сосредоточено на инквизиции и поглощено ею. До последнего мы видим, что он активно руководил процедурой этого трибунала Веры.

Весной 1498 года он вызвал главных инквизиторов королевства в монастырь Святого Фомы Авильского, чтобы вместе с ним согласовать обнародование дальнейших указов по пресечению злоупотреблений, которые вкрались в отправление правосудия Святой канцелярией, доказав неадекватность его постановлений 1484, 1485 и 1488 годов.

Эти, четвертые “Инструкции” Торквемады, были опубликованы 25 мая 1498 года. В них содержится многое, что, по-видимому, рассчитано на смягчение суровости предыдущих указов, однако многое из этого более или менее иллюзорно.

Давайте очень кратко рассмотрим шестнадцать статей, из которых они состоят.

Первые три предусматривают: (I) что из двух инквизиторов, назначенных в каждый суд, один должен быть юристом, а другой - богословом, и что они не должны действовать иначе, как совместно для вынесения постановления о заключении в тюрьму, пытках или публикации показаний свидетелей; (II) что инквизиторы не должны разрешать своим офицерам носить

оружие в тех местах, где ношение оружия запрещено; (III) что никто не должен быть арестован, кроме как при наличии достаточных доказательств его вины, и что все дела должны рассматриваться незамедлительно, а не откладываться в надежде найти более веские основания для вынесения приговора.

Это последнее предложение просто повторяет предыдущее, которое мы уже видели, и из этого повторения мы приходим к предположению, что предыдущее выражение той же команды не получило должного внимания и повиновения. Условие о том, что арест не должен производиться иначе, как при наличии достаточных доказательств вины, не так великодушно, как кажется. Это зависит от того, что инквизиторы сочтут “достаточным доказательством”; это подтверждается юриспруденцией Святой Канцелярии: обвинение злобного человека или признание, вырванное у какого-нибудь негодяя под пытками, будет считаться “достаточным доказательством” для оправдания ареста и его продолжения. Чтобы устранить несправедливый характер этого, было бы необходимо отменить постановление, которое считало “полупленеральное доказательство” достаточным основанием для принятия мер.

Очень милосердной по своим условиям является статья IV, в которой говорится, что при разбирательстве дел против мертвых инквизиторы должны незамедлительно снимать грехи, если нет полных доказательств преступления, а не откладывать в надежде получить дополнительные доказательства, поскольку юридические задержки очень вредны для детей, которые не могут вступить в брак, пока такие вопросы находятся на *рассмотрении в суде*. Но это происходит немного позже. Это происходит, когда большой урожай с богатых умерших благополучно собран. Кроме того, никакие установленные условия не могли смягчить ужасную суровость постановления об эксгумации и сжигании костей умерших вместе с их изображениями и обрекать детей или внуков на нужду и позор, даже если было известно, что осужденный умер раскаявшимся и утешенным таинствами Церкви, вследствие чего инквизиторы по своей собственной Вере считали его спасенным.

Статья V предусматривает, что в случае нехватки денег для выплаты заработной платы трибуналу не налагаются никакие дополнительные денежные взыскания, кроме тех, которые были бы в случае, если бы у суда были средства на руках.

Представьте себе, если сможете, представления о справедливости, преобладающие в суде, которому необходимо было вынести постановление о том, что штрафы должны определяться совершенным правонарушением, а не нуждой суда в деньгах на тот момент!

Аналогичным образом разъясняется статья VI, в которой говорится, что тюремное заключение или другие телесные наказания не должны заменяться штрафами, и что только генеральные инквизиторы имеют право запретить преступнику носить *санбенито* и реабилитировать детей еретиков, чтобы они имели свободу в вопросах одежды и трудоустройства.

Как указывает Льоренте,²⁶⁴ само существование этого указа показывает, в каких злоупотреблениях властью были виновны инквизиторы с целью увеличения своей и без того значительной прибыли.

Статья VII насквозь пропитана инквизиторским духом беспощадности. Он предупреждает инквизиторов быть осторожными в вопросе признания к примирению тех, кто признает свою вину после ареста, поскольку, учитывая, сколько лет прошло с момента учреждения инквизиции, невиновность таких правонарушителей может считаться установленной.

Что касается статьи VIII, которая предписывает инквизиторам наказывать лжесвидетелей публичными муками, Льоренте особенно интересен в комментарии:

“Чтобы правильно понять эту статью, необходимо осознать, что существовало два способа стать лжесвидетелем: один - путем клеветы, другой - путем отрицания знания еретических слов или поступков, по которым лицо могло быть допрошено в ходе судебного разбирательства против обвиняемого. Я видел много протоколов судебных разбирательств против лиц этого второго класса, но очень редко (*rarissima vez*) - против лиц первого. Также нелегко было бы доказать, что клеветник дал ложные показания, поскольку несчастному обвиняемому пришлось бы угадывать, кто он такой, и, даже если бы он угадал правильно, суд не признал бы этого”.²⁶⁵

Статья IX предусматривает, что ни в одном суде не должно быть двух лиц, состоящих в родстве, или одного, который служит другому, даже если их соответствующие должности должны быть совершенно разными и раздельными.

Статьи X, XI и XVI рассчитаны на повышение секретности инквизиционных разбирательств. Первый предусматривает тайное хранение всех документов и наказание любого нотариуса, который предаст его доверие; второй предписывает, что нотариус не должен получать показания свидетелей, кроме как в присутствии инквизитора; последний предписывает, что после того, как свидетели будут приведены инквизиторами к присяге в присутствии фискала, последний должен удалиться, чтобы не присутствовать при оглашении.

Остальные четыре статьи касаются таких вопросов, как создание инквизиционных судов там, где они еще не созданы, передача сложных вопросов, которые могут возникнуть, на рассмотрение Верховного суда для принятия решения, предоставление отдельных тюрем для женщин и мужчин и положение о том, что судебные служащие должны работать по шесть часов в день.

В дополнение к предыдущим шестнадцати статьям, в том же году он обнародовал специальные инструкции, касающиеся *персонала* Священной канцелярии. Они говорят сами за себя и очень наглядно демонстрируют злоупотребления, которые они были созданы, чтобы подавить.

Начальникам тюрем и констеблям он постановил, что они не должны разрешать никому посещать заключенных, за исключением лиц, назначенных приносить им еду, и что они должны быть связаны клятвой сохранять “тайну” в неприкосновенности и проверять всю пищу, чтобы убедиться, что в ней не скрыто никаких письменных данных. Добавляется, что еда должна передаваться заключенным лицами, специально назначенными для выполнения этой обязанности, и никогда констеблем или тюремщиком.

Все офицеры должны принести присягу хранить в тайне все, что они могут увидеть или услышать.

Получателям предписывается, что в случае оправдания лица, чье имущество было арестовано, они должны восстановить имущество в соответствии с описью, составленной во время наложения ареста, но если есть долги, подлежащие погашению таким лицом, они могут быть выплачены по приказу инквизиторов без ожидания согласия должника.

Если среди конфискованного имущества должно быть что-либо, находящееся в процессе судебного разбирательства, вопрос подлежит судебному решению; и если будет установлено, что какое-либо имущество, которое должно было стать частью конфискации, перешло в руки третьих лиц, должны быть приняты меры по его возврату.

Конфискованное имущество должно быть продано через тридцать дней, и получатели не должны ничего приобретать под страхом еще большего отлучения от церкви и штрафа в размере 100 дукатов. Каждый получатель имеет право выдавать ваучеры на недвижимость стоимостью до 300 000 мараведи.

Для самих инквизиторов предусмотрено, что при вступлении в должность они должны быть связаны клятвой хорошо и добросовестно выполнять свои обязанности и соблюдать тайну; что ни один инквизитор или офицер инквизиции не должен получать от заключенного никаких подарков любого характера под страхом потери должности и штрафа в размере двойной стоимости подарка плюс 100 000 мараведи, в то время как любой, кто будет знать о таком вопросе и не разгласит его, будет подвергнут такому же наказанию.

Инквизиторы должны давать клятву никогда не оставаться наедине с заключенным, и ни инквизитор, ни какое-либо другое должностное лицо суда не должны занимать две должности или получать два оклада. Наконец, в любом округе, где учрежден трибунал инквизиции, инквизиторы должны сами оплачивать свое жилье и никогда не должны получать никакого гостеприимства от *conversos*.²⁶⁶

Мы видели, как Торквемада прилагал все усилия, чтобы получить максимально возможный контроль над субъектами инквизиционной юрисдикции в Испании и утвердить себя единственным арбитром в вопросах, касающихся совершаемых там ересей. И мы были свидетелями его частых конфликтов с Римом вследствие того, что он считал неоправданным вмешательством Святого Престола в дела, которые он рассматривал исключительно в пределах своей собственной провинции. Несмотря на неоднократные протесты, которые привели к аннулированию отпущений грехов, дарованных Апостольским судом, Святой Престол продолжал принимать тех, кто бежал туда из Испании в поисках примирения, которого можно было добиться в Риме на условиях, гораздо более легких, чем те, которые были предоставлены делегатами Торквемады.

Однако никогда беглецы в Рим не были так многочисленны, как сейчас, в царствование Александра VI. Никогда прежде так много иудействующих, которым, в случае обнаружения в Испании, грозила вечная тюрьма или костер, не просили у понтифика отпущения грехов, которое Святой Отец желал и готов был даровать им при условии покаяния.

29 Июля 1498 года в Риме на огромной площади перед собором Святого Петра состоялось торжественное мероприятие, на котором 180 испанских иудействующих пришли примириться с Церковью.²⁶⁷

Стоит взглянуть на это и отметить разницу между Актом Веры в самом сердце христианского мира и зрелищами, представленными под тем же названием испанским фанатизмом.

Присутствовали губернатор Рима Хуан де Картахена, испанский оратор в Ватикане, апостольские аудиторы и хозяин Священного Дворца, в то время как сам папа наблюдал за происходящим с балкона над ступенями собора Святого Петра.

Кающиеся получили *санбенитос*, которые были надеты поверх их обычных одежд, и, облачившись в них, вошли в собор Святого Петра. Там все были собраны и примирены, после чего их процессией отвели в церковь Санта-Мария-делла-Минерва. В этом храме они сняли свои *санбенитос*, и каждый удалился к себе домой, не нося больше знаков позора.²⁶⁸

Мнение Торквемады о папе, который так мало понимал, что первый считал обязанностями земного Наместника Христа, следует из позиции монархов по поводу этих примирений и их протестов — протестов, которые, без сомнения, были бы вдохновлены Великим инквизитором.

Александр уведомил монархов в ответном письме от 5 октября, что в соответствии с этими отпущениями грехов одним из наказаний, налагаемых на подвергшихся епитимье, было то, что они никогда не должны возвращаться в Испанию без особого разрешения католических монархов.²⁶⁹

Таким образом, очевидно, что понтифик не посягал на власть, переданную испанским инквизиторам, поскольку до тех пор, пока кающиеся оставались за границей, они находились вне юрисдикции Святой канцелярии Испании. Что касается запрета на возвращение, являющегося частью наложенной епитимьи, то он, несомненно, имел избыточную силу, поскольку мы не можем думать, что кто-либо из тех, кто так удачно получил отпущение грехов, легко подвергся бы риску оказаться в пределах досягаемости когтей суда, который проигнорировал бы римское примирение или же нашел бы способ отменить его или обойти.

Но к тому времени, когда дело дошло до Испании, Фрей Томас де Торквемада, заклятый враг евреев, испустил дух в своем прекрасном монастыре Святого Фомы в Авиле.

Он скончался с миром, сложив с себя бремя жизни и погрузившись в сон с облегчением и благодарностью земледельца в конце дня прилежного, кропотливого и добросовестного труда. Честность его намерений, его неподкупность, его беззаветная преданность делу, за которое он взялся, должны быть взвешены на весах исторического суда против зла, которое он с таким рвением творил в непоколебимой уверенности, что его работа была благой.

Его имя было одновременно проклято и почитаемо. Его поносили как воплощение жестокости и почитали чуть ли не как святого; и в обоих суждениях есть предвзятость — и то, и другое не лучше, чем удовлетворение предрассудков.

Возможно, Прескотт ближе всех к истине, когда говорит, что “рвение Торквемады носило настолько экстраординарный характер, что его можно почти назвать безумием”.²⁷⁰

Гарсия Родриго говорит о варварах девятнадцатого века, которые осквернили монастырь Святого Фомы и чьи “революционные молотки” разбили так много надгробий и других мраморных плит. Он переворачивает медаль перед нами, когда изливает свою яростную брань на антирелигиозный фанатизм и говорит об этих разбитых шариках как о доказательствах “извращенности, нетерпимости и недостатка просвещения”.²⁷¹

Необходимо признать антирелигиозный фанатизм и нетерпимость. Но следует признать, что они являются неизбежными плодами, которые порождают фанатизм и нетерпимость. Люди пожинают то, что сеют. И что, кроме чертополоха, даст семя чертополоха?

Тот же автор выступает против политического фанатизма испанского либерализма, который в час реакции яростно искал останки первого великого инквизитора. Он с негодованием осуждает это за нарушение мира погребения. В основном мы разделяем его чувства; и все же можем ли мы не усмотреть в этом мере карающей справедливости? Можем ли мы не увидеть в этом фанатичном акте месть человечества за почти непристойное осквернение тысячи могил тем же фанатизмом Великого инквизитора?

Он был похоронен в часовне своего монастыря, и на его могиле была сделана следующая простая надпись:

HIC JACET REVERENDUS P. F. THOMAS DE TURRE-CREMATA
PRIOR SANCTÆ CRUCIS, INQUISITOR GENERALIS
HUIUS DOMUS FUNDATOR. OBIIT ANNO DOMINI
MCDLXLVIII, DIE XVI SEPTEMBRIS.[272](#)

Но его работа пережила его. Его дух — через его постановления — продолжал в течение трех столетий после его смерти быть руководящим духом инквизиции, исполнителем сурового завещания, которое он оставил начертанным на стенах своего монастыря —

[PESTEM FUGAT HÆRETICAM.](#)

БИБЛИОГРАФИЯ

Ариз, Луйс: “История Авилы”. Alcalá, 1607.

Бабут, Чарльз Э.: “Присциллиан и присциллиантизм”. Париж, 1909.

Bernaldez, Andrés: “Historia de los Reyes Catolicos.” 1870.

Bleda, Jaime: “Coronica de los Moros de España.” Valencia, 1618.

Burchard, Johannes: “Diarium sive Rerum Urbanarum Commentarii” (Ed. Tyасне). Париж.

Castillo, Hernando del: “Historia General de Santo Domingo.” Valladolid, 1612.

Colmenar, Juan Alvarez de: “Delices d’Espagne.” Leyden, 1715

Colmenares, Diego de: “Historia de Segovia.” Madrid, 1640.

“Copilacion de las Instrucciones hechas, etc.” Madrid, 1576.

Didron, A. N.: “Iconographie Chrétienne.” Париж, 1835 год.

Douais, C.: “Les Hérétiques du Midi au XIII Siècle.”

Emeric, David: “Histoire de la Peinture.” Париж, 1842 год.

Eymericus, Nicolaus: “Directorium Inquisitorum.” Romæ, 1578-79.

Фита, Фидель: в “Книге о реальной академии истории”, тома V., vi., ix., xv., xvi., xvii. и xviii.

Фрейзер, Jas. Geo.: “Золотая ветвь”. Лондон, 1900.

Guidonis, Bernardus: “Practica Inquisitionis.” Париж, 1886.

Леки, У. Э. Х.: “Рационализм в Европе”. Лондон, 1865.

Limborch, Phillippi a: “Historia Inquisitionis.” Amstelodami, 1692.

Llorente, Juan Antonio: “Anales de la Inquisicion de España.” Madrid, 1812.

Llorente, Juan Antonio: “Historia Critica de la Inquisicion de España.” Madrid, 1822.

Llorente, Juan Antonio: “Memoria Historica.” Мадрид, 1812 год.

Леб, Исидор: в “Ревю юных этюдов”, тома xv, xviii, xix и XX

Mariana, Juan de: “Historia General de España.” Madrid, 1849-51.

Marin, Julio Melgares: “Procedimientos de la Inquisicion.” Мадрид, 1886.

Маринео, Л.: “Арагонская хроника”. Валенсия, 1524.

Mendoza, Salazar de: “Cronica de el Gran Cardinal.” Toledo, 1625.

Mendoza, Salazar de: “Monarquia de España.” Madrid, 1770.

Moreno, Martin Martinez: “Historia del Martirio del Santo Niño de La Guardia.” Madrid, 1786.

Paramo, Ludovicus a: “De Origine et Progressu Sanctæ Inquisitionis.” Madrid, 1598.

Pulgar, Hernando del: “Chronica de los Reyes Catholicos.” Валенсия, 1780 год.

Pulgar, Hernando del: “Claros Varones de Castilla.” Мадрид, 1789 год.

Rios, José Amador de los: “Estudios sobre los Judios de España.” Madrid, 1848.

Rios, José Amador de los: “Historia de los Judios de España y Portugal.” Madrid, 1875.

Rodrigo, Francisco Xavier Garcia: “Historia Verdadera de la Inquisicion.” Мадрид, 1877.

Рул, У. Х.: “История инквизиции”. Лондон, 1874.

St. Hilaire, Rosseeuw: “Histoire d’Espagne.” Париж, 1845 год.

Torrejuncillo, Francisco de: “Centinela contra Judios.” Памплона, 1720 год.

Trasmiera, Diego Garcia de: “Epitome de la Vida de Pedro de Arbués.” Мадрид, 1664 год.

Zuñiga, Diego Ortiz de: “Anales de Sevilla.” Мадрид, 1677 год.

Zurita, Geronimo: “Anales de la Corona de Aragon.” Мадрид, 1852 год.

*Напечатано в Великобритании издательством Hazell, Watson & Vincy, Ltd.,
Лондон и Эйлсбери.*

СНОСКИ:

¹ Paramo, “De Origine et Progressu Sanctæ Inquisitionis,” p. 588.

2 Возможно, образы Спасителя, распространенные в третьем веке, способствовали кажущейся уместности этого. Ибо в ту эпоху — и примерно триста лет спустя — эти изображения воплощали греческие представления о божественности; они представляли Христа как юношу с необычайной грацией и красотой, и, по-видимому, в значительной степени были основаны на представлениях Орфея. Действительно, на одном сохранившемся изображении мы видим Его безбородым подростком, сидящим на горе и держащим в руках инструмент, музыкой которого он очаровал собравшихся внизу диких зверей. На другой картине из катакомб (включенной в иллюстрации к книге Дидрона “Иконография Кретьена”), представляющей Его как Доброго Пастыря, изображен энергичный юноша, безбородый, с короткими волосами, в тунике, спускающейся до колен; левой рукой он поддерживает ягненка, который лежит у Него на плечах, в правой держит пастушью свирель.

То, что такие изображения принимались отцами церкви не как портреты, а просто как идеалистические представления, ясно из споров, возникших во втором веке (и все еще продолжавшихся в восемнадцатом) по поводу личного облика Христа. святой Иустин утверждал, что для того, чтобы сделать Свою жертву более трогательной, Он должен был принять самый жалкий из человеческих обликов; и святой Кирилл, также придерживаясь этой точки зрения, бескомпромиссно называл Его “самым уродливым из сынов человеческих”. Но другие, проникнутые древнегреческими представлениями о том, что красота сама по себе является признаком божественности, протестовали: “Если Он не красив, значит, Он не Бог”.

Святой Августин официально заявляет, что в его время (четвертый век) не существовало никаких сведений ни о чертах Спасителя, ни о Его Матери. “Nam et ipsius Dominicæ facies carnis, innumerabilium cogitationum diversitate variatur et fingitur, quæ tamen una erat, quæcumque erat.... Neque enim novimus faciem Virginis Mariæ. Nec novimus omnino, nec credimus” (“De Trinitate,” lib. viii. глава 4).

Таким образом, ясно, что два чудесных портрета не были известны в св. Время Августина —*т.е.* Вероника, или Святой Лик (который хранится в соборе Святого Петра в Риме), и другой портрет аналогичного происхождения, который, как утверждалось, Сам Христос запечатлел на ткани и отправил Абгару, принцу Эдессы (как рассказывал святой Иоанн Дамаскин в восьмом веке). Чтобы сохранить его, Абгарус приклеил ткань к дереву, и таким образом позже оно попало в Константинополь, а оттуда в Рим, где, как считается, до сих пор хранится в церкви святого Сильвестра на Капите.

Эти портреты, а еще больше письмо, якобы написанное римскому сенату Лентулом (который был проконсулом в Иудее до Ирода) и, как полагают, подделанное для борьбы с общепринятой теорией о том, что Христос был уродливым и деформированным (“sine decore et specie”), служат материалами для изображений, с которыми мы сегодня знакомы. Это письмо содержало следующее описание:

“В это время появился человек, который все еще жив и который одарен великой силой. Его зовут Иисус Христос. Его ученики называют его Сыном Божьим; другие считают его могущественным пророком.... Он высок ростом, и его лицо сурово и полно силы, так что смотреть на него - значит любить и бояться его. Волосы у него на голове цвета вина; до корней ушей они тусклые и прямые, но от ушей до плеч они вьющиеся и блестящие; от плеч они ниспадают на спину, разделенные на две части, на манер назарян. Лоб у него чистый и ровный; лицо без изъяна и с тонким оттенком; выражение лица мягкое и грациозное; нос и рот

совершенной красоты; густая борода, под цвет волос, раздвоенная. У него голубые и чрезвычайно яркие глаза. Его лицо обладает удивительной грацией и величием. Никто никогда не видел его смеющимся, скорее плачущим. У него прямое тело, длинные, прямые и красивые кисти. В речи он серьезен и весом, скуп на слова. Он прекраснейший из сынов человеческих (Pulcherrimus vultu inter homines satus)”.

Однако ясно, что никто не знал ни об этом описании, ни о чудесных портретах, упомянутых еще в четвертом и пятом веках, в течение которых Христа продолжали изображать гибким безбородым подростком. И, без сомнения, именно эти изображения вдохновили Микеланджело представить Христа на “Страшном суде” в манере, столь необычной и поразительной для современного глаза.

Точно так же не было портретов Девы Марии, и достоверно установлено, что ни один из них не появился на свет до Эфесского собора, и что около семи картин, приписываемых святому Луке, четыре из которых находятся в Риме, являются работой флорентийского художника одиннадцатого века по имени Лука.

По этому поводу можно добавить, что распятие как эмблема христианства появилось только в седьмом веке, когда оно было учреждено Квинсисекстским собором в Константинополе. Его природа делала его более раннее применение опасным, если не невозможным; поскольку — как и знакомая римская виселица — он мог вызвать презрение и насмешки народа.

Для получения дополнительной информации по этому вопросу см. Эмерика-Дэвида, “История искусства”, А. Н. Дидрона, “Иконография Кретьена”, и Марангони, “История капеллы Святых”.

3 IX Кодекса Феодосия.

4 Epist. clxvi.

5 “История рационализма в Европе”, том ii. стр. 8.

6 Декрет Сирия, принятый через пять лет после казни Присциллиана, строго предписал безбрачие всем лицам священного сана выше ранга иподьякона и расторг все браки духовенства, существовавшие в то время. Лев Великий в середине пятого века еще больше расширил это правило, включив в него иподьяконов, которых до сих пор не было. Во многом это стало причиной раскола, произошедшего между греческой и латинской церквями.

7 См. Е. С. Н. Бабут, “Присциллианство и присциллиантизм”.

8 “История инквизиции”, том i, стр. 14.

9 И все же заявление доктора Рула опасно похоже на неправду, поскольку дух преследования, являющийся сомнительным качеством Святой Канцелярии, присутствовал и в других церквях, помимо Римской, — *посмотрите* на Елизаветинские преследования всех, кто не был членами англиканской церкви.

10 See C. Douais, “Les Hérétiques du Midi au XIIIe Siècle.”

11 Eymericus, “Directorium Inquisitorum,” p. 58.

12 Concilium Avenionense, A.D. 1209.

13 Eymericus, "Directorium Inquisitorum," p. 60.

14 "Concilium Lateranense IV," A.D. 1215.

15 См. Цезарь, "О Белло Галлико", стр. 13., libca vi.

16 "Парадизо", С. xi. v. 37-39.

17

"Ma il suo peculio di nuova vivanda
E' fatto ghiotto sì, ch' esser non puote
Che per diversi salti non si spanda;

"E quanto le sue pecore remote
E vagabonde più da esso vanno,
Più tornano all' ovil di latte vote."

Данте, "Парадизо", С. xi. v. 124-9.

18 Лимборх, "История инквизиции", библиотека. i. глава. 12.

19 Лимборх, "История инквизиции", lib. i. глава 12.

20 1231, N. 14, 16-17.

21 Или, скажем, 1½ фута на 1, фут.

22 Llorente, "Historia Critica," i. p. 135. Raynaldus 1233.

23 Пулгар, "Хроника", часть II. глава i.

24 Пулгар, "Кроника", II. глава iv.

25 Пулгар, "Кроника", II глава

26 Иезуит Мариана относится к числу тех, кто сомневается в рассказе о визите святого Иакова в Испанию и нахождении его тела в Компостелле, но он считает, что "нежелательно такими спорами нарушать благочестие народа".—"Хист. General de España."

27 Кольменарес, "История Сеговии", глава xxxiv, §§ xii и xiii; Пулгар, "Кроника", II. глава первая.

28 Глава cc. Бернальдес был приходским священником Паласиоса на момент смерти королевы. Он оставил нам довольно интимную историю католических монархов, довольно богатую яркими деталями.

29 "Hizo corregir y castigar la gran disolucion y dishonestidad que habian en sus reinos quando comenzó de reinar entre los frailes y monjas de todas las ordenes, y fizo encerrar las monjas de muchos monasterios que vivian muy dishonestas, asi en Castilla como en los reynos de Aragon y Cataluña."—Bernaldez, "Historia de los Reyes Catolicos," cap. cc.

30 Память о Святой Елене как раз тогда привлекла внимание общественности благодаря обнаружению в Риме серебряной шкатулки, содержащей то, что предположительно было этикеткой, которая была прикреплена к кресту. Его возвращение из Святой Земли, конечно, приписывалось Святой Елене, и предполагалось, что она привезла его в Рим.

31 Дукат стоил 7 *шилл.* 6д. наших нынешних денег, что в пять раз превышало покупательную способность этой суммы; так что, грубо говоря, сегодня это было бы эквивалентно 200 000 фунтов стерлингов.

32 Salazar de Mendoza, “Cronica del Gran Cardenal,” I. cap. lii.

33 “Histoire d’Espagne,” tom. v. p. 432.

34 “Historia General de España,” lib. xxiv. глава xvii.

35 “Хроника Католикоса лос-Рейеса”, глава II. lxxvi.

36 Иудействовать (*Иудаизар*) означало принять закон Моисея, и этот термин применялся, в частности, к обращению в христианство тех, кто был обращен.

37 Толедо, по словам Мендосы, был основан Геркулесом, который приплыл в Испанию на корабле *Арго*.

38 Томас Тамайо де Варгас утверждает, что евреи в Толедо во время Распятия послали письмо с предупреждением и неодобрением своим братьям в Иерусалиме. Историк цитирует это письмо, которое, как утверждается, было переведено на кастильский, когда Толедо попал в руки Альфонсо VI. Амадор де лос Риос в своей компетентной и исчерпывающей истории евреев в Испании заявляет, что документ был сфабрикован для того, чтобы обмануть легкоеверие невежд, поскольку любому, кто знаком с ростом и развитием кастильского языка, достаточно одного взгляда, чтобы доказать его апокрифический характер.

Именно в этом письме берет свое начало легенда о вторжении евреев в Испанию после падения Вавилона. Оно заканчивается следующим заявлением: “... Ты знаешь, что твой храм наверняка скоро будет разрушен, и по этой причине наши предки, выйдя из вавилонского плена, не захотели возвращаться в Иерусалим, но с Пирром в качестве своего военачальника, посланного Киром, который дал им много богатств, вывезенных из Вавилона в 69 году пленения, они пришли в Толедо и построили здесь великую альджаму”.

39 “Historia de los Judios en España,” vol. i. pp. 28, 29.

40 В настоящее время в российских судах рассматривается дело, вытекающее из подобного рода обвинений, выдвинутых сотрудником полиции.

41 Риос“, Хист. de los Judios,” i. cap. x.

42 См. также “Сентинела против иудеев” Торрехонсильо.

43 Эта захватывающая тема исчерпывающе, с большой силой и внушительностью рассмотрена Дж. Дж. Фрейзером в “Золотой ветви”, bk. iii. глава iii., а также П. Вендландом в “Иисусе и Сатурналиене-Кениге”.

- 44 Указ цитируется Амадором де лос Риосом в “Истории правосудия Испании и Португалии”, том ii. стр. 571.
- 45 See Ortiz de Zuñiga, “Anales de Sevilla,” under *año* 1391.
- 46 См. Rosseeuw St. Илер, “Hist. d’Espagne”, liv. xix. глава I.
- 47 “Хроника”, II. глава. lxxvi.
- 48 See Gregorovius, “Geschichte der Stadt Rom,” bk. ix. cap. ii.
- 49 Пулгар, “Хроника”, II. глава. lxxvi.
- 50 В “Кларос Варонес де Эспанья” Пулгар говорит, что даже в жилах ее бывшего духовника Фрея Хуана де Торквемады, кардинала Сан-Систо, текла еврейская кровь. Но авторитета недостаточно, и Пулгар, сам новохристианин, возможно, стремится включить в ряды новохристиан как можно больше выдающихся людей своего времени. Зурита, с другой стороны, говорит, что племянник кардинала, отец Томас де Торквемада, великий инквизитор, был “чистой крови” — де лимпия линахе (lib. xx. cap. xlix.). Термин “чистый” в этой связи возник из популярного представления о том, что кровь еврея - это жидкость темного цвета, отличимая от ярко-красной крови христианина.
- 51 Bernaldez, “Historia de los Reyes Catholicos,” cap. xliii: “Modo de vivir de los Judios.”
- 52 “Anales,” lib. xii. año 1478.
- 53 “Хроника”, II. глава. lxxvii.
- 54 “De Origine et Progressu Sanctæ Inquisitionis,” lib. ii. tit. ii. cap. iii.
- 55 “рецидивистами”, о которых мы еще услышим, были те, кто, обратившись в христианство, были виновны в возврате в иудаизм.
- 56 Paramo, “De Origine,” lib. ii. tit. ii. cap. iii.; Zuniga, “Anales,” 1477.
- 57 “Анализы”, глава ii. 10.
- 58 “История Вердадеры инквизиции” Д. Ф. Дж. Г. Родриго, том ii. стр. 111. Эту историю следует читать с величайшей осторожностью. Это попытка оправдать инквизицию и бороться с трудами Льоренте; в своих попытках достичь этой цели автор немного опрометчив и пренебрегает точностью.
- 59 Paramo, p. 157, and Hernando de Castillo in “Historia de Santo Domingo y de su Orden,” part iii. cap. lxxiv.
- 60 “Coronica de los Moros de España,” p. 879.
- 61 Льоренте, “Анализы”, глава ii. § 14.
- 62 “Историческая Вердадера”, ii. стр. 71.
- 63 Mendoza, “Monarquia de España,” iii. p. 336. Бледа говорит, что в этой епархии было 100 000 отступников (“Короника-де-лос-Морос”, стр. 880).

64 Zuñiga, “Anales,” lib. xii. año 1480.

65 Бернальдес, капитан. xlv.; Гарсия Родриго, i. глава xx.; Амадор де лос Риос, “История правосудия”, lib. iii. глава v.

Амадор де лос Риос добавляет в примечании к рассказу об этой девушке: “Дон Реджинальдо Рубино, епископ Тибериадеса, узнав о случившемся и о состоянии Женской половины Фермозы, устроил так, что она должна была войти в один из монастырей города, чтобы принять постриг. Но, обуреваемая своими чувственными страстями, она покинула монастырь, не исповедуясь, и родила нескольких детей. Ее красота увяла с возрастом, нужда настигла неестественную дочь миллионера Диего де Сусана, и в конце концов она умерла под защитой бакалейщика. В своем завещании она распорядилась, чтобы ее череп был выставлен над дверью дома, в котором она вела свою порочную жизнь, в качестве примера и в наказание за свои грехи. Этот дом расположен на улице Атауд, напротив входа в него со стороны Алькасара, и там до наших дней сохранился череп Фермозы Фембы”.

66 Льоренте говорит “6 января”, что является очевидной ошибкой, учитывая, что инквизиторы опубликовали свой первый указ 2 числа того же месяца, и что преступление Съюзен произошло после этой публикации.

67 См. Garcia Rodrigo, том i, глава xx.

68 Бернальдес сообщает нам (глава xlv), что только в городе Арасена, где инквизиторы искали убежища от чумы, они учредили трибунал и сожгли заживо двадцать три человека в дополнение к количеству тел, которые они эксгумировали для этой цели.

69 Бернальдес, капитан. xlv.; Zuñiga, “Anales,” lib. xii. año 1481.

70 “Historia de los Reyes Catolicos,” cap. xlv.

71 См. Llorente, “Historia Critica”, том i. стр. 256 *и далее*.

72 Fidel Fita in “Boletin de la Real Academia de la Historia,” xxiii. p. 370.

73 “Хроника”, часть ii. lxxvii.

74 Однако это утверждение, в котором неправильное представление кажется очевидным. Если бы статуи были из гипса (а так утверждает сам Льоренте), они не выдержали бы жара расположенных под ними печей. Более того, поскольку смерть в таких печах была бы более длительной и болезненной, чем на костре, трудно представить, на каких возможных основаниях, когда все были одинаково виновны, кто-либо из осужденных должен был подвергнуться этой дополнительной степени мучений, или — наоборот — те, кто умер на костре, должны были быть избавлены от этого. Кроме того, следует помнить, что желалось и считалось желательным, чтобы жертвы страдали на виду у верующих. Но можно указать на допущенную ошибку. What Bernaldez actually says is: “Ficieron facer aquel quemadero en Tablado con aquellos quatro profetas de yeso en que los quemaban.” “en que” может относиться либо к Кемадеро в целом, либо к статуям в частности. Но не может быть никаких сомнений в том, что это относится к Кемадеро и что Льоренте ошибся, предположив, что это относится к статуям.

Любопытный пример изменения формы факта таким образом, чтобы он соответствовал передаваемой идее, приводит в этой связи доктор Рул, который спокойно изменяет сущность статуй, переводя его как “известняк”. “История. инквизиции”, том i, стр. 134.

75 Гарсия Родриго рассказывает нам, что архитектором этого сложного алтаря нетерпимости был новохристианин, отличавшийся таким рвением, что нашел работу в Святой Канцелярии в качестве одного из ее приемников, но, будучи уличенным в иудаизме, сам был сожжен на воздвигнутом им Кемадеро. Эта история не имеет никаких подтверждений, и Льоранте о ней не упоминает, и ее склонны отнести к категории басен, подобных той, в которой рассказывается о том, что первой головой, отрубленной гильотиной, была голова ее изобретателя, доктора Гильотена.

76 Paramo, “De Origine,” p. 133. Льоранте цитирует это краткое изложение Лумбрераса, добавляя, что оригинал находится в королевской библиотеке. Смотрите его “Историческую память”, стр. 260.

77 “... e fueron aplicados todos sus bienes para la Camara del Rey y de la Reyna, los cuales fueron en gran cantidad.”—Pulgar, “Cronica,” cap. xcv.

78 Paramo, “De Origine,” p. 136.

79 См. Письмо, цитируемое в приложении к “Исторической памяти” Льоранте.

80 Булла о назначении полностью цитируется Парамо, “De Origine”, стр. 137.

81 “История. Критика”, том i. статья i. § 2.

82 После Съюдад-Реаля.

83 “Copilacion de las Instrucciones hechas, etc.” Press-mark C. 61. e. 6.

84 Eymeric, “Directorium,” pars iii. Quæst. xli. et seq.

85 Краткий том, включающий эти весьма обширные аннотации и комментарии, был впервые опубликован в Риме в 1585 году.

86 “Королева Мария” Теннисона, Акт против sc. i.

87 См. Эймерик, “Директориум”, pars iii. стр. 315 и далее.

88 См. Фиделя Фиту в “Болетине о реальной академии истории”, том xi. стр. 296.

89 “Vida de Arbués,” p. 56.

Интересно обратиться к современным авторам, защищающим эту секретность, — таким, например, как преподобный Сидни Смит, S.J., в чьей добросовестности нет причин сомневаться. Он пишет следующее: “Оставляя в стороне вопрос о вреде, часто наносимом репутации третьих сторон, иногда внимание общественности привлекалось к тому, что преступления нельзя замать, потому что свидетели знают, что, давая показания, они подвергают себя большому риску, поскольку у обвиняемого есть влиятельные друзья, способные отомстить от их имени. Именно так обстояло дело с инквизицией. Марраны обладали огромной властью благодаря своему богатству, положению и тайным узам союза с

необращенными евреями. Они, несомненно, попытались бы нейтрализовать усилия Святой Канцелярии, если бы судебные процессы были открытыми. Торквемада в своих статутах 1484 года прямо заявляет об этой защите тайны и т.д.” — “Испанская инквизиция”, стр. 17, в “Исторических документах”.

Этот аргумент надуман, и он в корне верен. Но если учесть, что доносчик, столь тщательно огражденный от любой опасности, был защищен полностью за счет обвиняемого, становится ясно, что такая процедура должна свидетельствовать о безрассудном стремлении накопить обвинительные приговоры. Достаточно вспомнить, что, хотя все аргументы, выдвинутые в оправдание этой секретности, могли бы с равной справедливостью быть приведены современными гражданскими судами Европы, невозможно указать ни на один из них, который прибегал к столь несправедливой мере. Инквизиторская точка зрения может быть оценена, даже с определенной симпатией, людьми чрезвычайно терпимыми. Она не может быть оправдана.

90 “Directorium,” pars iii. p. 312.

91 “Критическая история”, том ii. стр. 15.

92 Pars iii. вопрос. cxiv. и cxv.

93 См. “Directorium”, pars iii. стр. 387.

94 См. “Критическую историю” Льоренте, I. глава xxviii.

95 “Las delaciones sobre solicitacion en el confessorario se deben recibir con gran cuidado, haciendo que la denunciante declare todas las circunstancias siguientes:

“En que día, hora y en que confessorario, si fué antes de la confession ó despues, ó ella mediante; si estaba de rodillas y se avia ya persignado, ó si simulaba confession, que palabras la dijo el confessor, ó que acciones ejecutó, poniendo las palabras como ellas se dixeron; quantas veces sucedió, y si despues la absolvió, si alguna persona lo pude oir ó entender, ó si ella se lo ha dicho a alguien, y si sabe que el dicho confessor ó otro aya solicitado a otras, ó si ella ha sido solicitada por otro. Y declare la edad y señas personales del dicho confessor, y tambien en caso de aver pasado tiempo del delito, porque no lo ha delatado antes al Santo Oficio, y si sabe la residencia del dicho confessor.”

“Орден процессии”, составленный о. П. Гарсией, опубликован издательством Святой канцелярии, Валенсия, 1736 год.

96 “Критическая история”, I. глава xxviii.

97 “История испанской инквизиции”, том iv. стр. 135.

98 “Критическая история”, I. глава xxviii.

99 Eymeric, pars iii. p. 286—“Modus interrogandi reum accustum.”

100 “Directorum,” pars. iii. Schol. xix.

101 Schol. xxvii (pars iii.).

102 “Директориум”, iii. стр. 293.

- 103 Schol. xxix. (библиотека iii.).
- 104 См. “Директориум”, iii. Schol. xxix.
- 105 “Directorium,” iii. Schol. xxvi.
- 106 Schol. xxvi. библиотека. iii.
- 107 Pars iii. quæst. lxi.
- 108 Schol. cxviii.; библиотека iii.
- 109 “Directorium,” pars iii. p. 313 *et seq.*
- 110 Schol. cxviii.; библиотека iii.
- 111 “История инквизиции”, стр. 332.
- 112 See, *inter alia*, Melgares Marin, “Procedimientos de la Inquisicion,” i. p. 253. Этот автор говорит, что иногда пациента оставляли висеть в подвешенном состоянии на целых три часа.
- 113 См. Мельгарес Марин, “Procedimientos”, i. стр. 256.
- 114 Schol. cxviii. библиотека. iii.
- 115 “Directorium,” pars iii. вопрос. lxxiii
- 116 “Directorium,” pars ii. quæst. xxxiv.
- 117 “Директориум”, iii. стр. 338.
- 118 “Sed si fortassis per iniquos testis est convictus, ferat id æquo animo ac lætatur quod pro veritatem patiatur.” “Directorium,” pars iii. Schol. lxvi.
- 119 Schol. lxxiii. pars iii.
- 120 Эймерик, lib. ii.; вопрос. lviii. и Пегна, lib. ii.; Schol. lxiv.
- 121 Lib. iii. стр. 331.
- 122 Глава ii. Schol. lxiv.
- 123 Эймерик, библиотека iii. стр. 331.
- 124 See “Essai sur les Mœurs.”
- 125 “Rogamus tamen et efficaciter dictam curiam sæcularem quod, circa te, citra sanguinis effusionem et mortis periculum sententiam suam moderetur.”—“Directorium,” pars iii.—“Forma Ferendi Sententiam,” p. 549.
- 126 “Vida de Arbués,” p. 57.
- 127 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 116.

128 Zurita, “Anales,” lib. xx. cap. lxx.; Amador de los Rios, “Historia Social,” lib. iii. p. 262; Garcia de Trasmiera, “Vida de Pedro Arbués.”

129 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 181.

130 “Vida de Arbués,” p. 82.

131 Льоренте, “Историческая память”, стр. 112, и “Критическая история”, том i, стр. 205.

132 “Критическая история”, том ii. глава vi.

133 “Критическая история”, том ii. глава vi.

134 Еще одним преимуществом было то, что любой член этого братства имел право ходатайствовать в пользу духовенства, так что ни один гражданский суд не мог возбудить против него дело.

135 See “Instrucciones hechas en 1485, etc.,” in the “Copilacion de las Instrucciones.”

136 “История Вердадеры”, том iii. стр. 165.

137 “Historia de los Judios,” vol. iii. p. 272.

138 See “Instrucciones hechas en 1488, etc.,” in “Copilacion de las Instrucciones.”

139 “Boletin de la Real Academia”, xi, стр. 296 *и далее*, которые см., а также Льоренте, “Анализы”, ii. 110 *и далее*.

140 “Quia si in virido ligno hæc faciunt, in arido quid fiet?” (Луки xxiii. 31). См. Гарсию Родриго, “Hist. Verdadera,” i. p. 373.

141 Позже стул заменили клеткой.

142 См. “Болетин”, xi. стр. 310 *и далее*.

143 Смотрите “Анализы” под указанными датами.

144 “Болетин из Академии и др.”, том xi. стр. 296 *и далее*.

145 Лумбрерас, цитируется Льоренте, “Анализы”, i. стр. 132. Булла полностью цитируется М. Фиделем Фитой, “Болетин”, xvi. стр. 315.

146 Льоренте, “Критическая история”, том ii, стр. 118.

147 Лумбрерас, цитируется Льоренте, “Анализы”, том i, стр. III.

148 Лумбрерас, цитируемый Льоренте в “Анализах”, том i, стр. 138.

149 “De Origine,” p. 276.

150 “Критическая история”, том ii, стр. 146.

151 Paramo, “De Origine,” p. 157.

152 See H. del Castillo, “Historia General de Santo Domingo.”

- 153 “Boletin de la Academia,” vol. xxiii. c. 413.
- 154 Castillo, “Historia de Sto. Доминго,” пт. i. стр. 486.
- 155 Ариз, “История Авилы,” том i, стр. 46.
- 156 Paramo, “De Origine,” p. 158.
- 157 “История веры,” том ii. стр. 115.
- 158 Дело о “Санто-Ниньо из Ла-Гуардии”.
- 159 Фидель Фита в “Болетине”, том xvi. стр. 315.
- 160 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 168, и Торрехонсильо, “Сентинела против иудеев”.
- 161 Фидель Фита в “Болетине”, том xi, стр. 160.
- 162 “Historia del Santo Niño,” p. 40.
- 163 “Рыться” - единственное слово, которое отдает должное оригиналу: “Эль джудии андаба бускандо эль корасон, революция лас энтранас с человеком-карнисьерой, но не халландо, ле прегунто: “Что за бускас, джудии?” Si buscas el corazon yerras buscandolo en esa parte, buscalo al otro lado y lo encontrarás.”—“Historia del Santo Niño,” p. 50.
- 164 “Historia del Santo Niño,” p. 95.
- 165 “Historia del Santo Niño,” p. 98 *et seq.*
- 166 Этого гораздо больше, но предполагаемые оскорбления становятся слишком непристойными для перевода.
- 167 Но они не нашли тела — обстоятельство, которое, по-видимому, здесь замалчивается.
- 168 Фидель Фита в “Болетине о настоящей академии”, том xi, стр. 35. “Mas de lo que sabia” - актуальная и довольно двусмысленная фраза. Это может означать либо то, что он рассказал больше, чем было ему известно во время пыток — *т.е.* больше, чем было на самом деле правдой; либо то, что он сказал больше, чем знал — *т.е.* больше, чем он мог вспомнить — сейчас, во время своего разговора с Юсе Франко.
- 169 Поверьте в это его собственным словам, изложенным в показаниях Юсе Франко (“Болетин”, xi, стр. 35 *и далее*) и признанным им самим.
- 170 “Болетин”, xi. стр. 60.
- 171 “... estava alli sobre una MITA de NAHAR que avido sido como de la manera de Otohays.”
- 172 См. Леба в “Ревю юных этюдов”, том xv. стр. 218.
- 173 Это содержится не только в показаниях Фрея Альфонсо Энрикеса и врача Авилы (“Болетин”, xi, стр. 56 и 57), но также признано и подробно подтверждено самим Юсе Франко при его обследовании 16 сентября 1491 г. (*там же.* стр. 58).
- 174 “Болетин”, том. xxiii. стр. 413.

- 175 “Болетин”, xi. стр. 9.
- 176 “Болетин”, xi. стр. 29.
- 177 Эймерика в “Директории”.
- 178 “Болетин”, том xi, стр. 13.
- 179 Таково последовательное, но явно неточное написание названия.
- 180 “Болетин”, xi. стр. 16.
- 181 “Болетин”, xi. стр. 21.
- 182 “Болетин”, xi. стр. 32.
- 183 Там же. стр. 46.
- 184 “Болетин”, xi. стр. 32 и далее.
- 185 “Болетин”, xi. стр. 46.
- 186 Там же. стр. 32.
- 187 Там же. стр. 46.
- 188 “Болетин”, xi. стр. 30-38.
- 189 Там же.
- 190 Там же. стр. 31.
- 191 “Болетин”, xi. стр. 39.
- 192 “E que lo diesen palabra e seguro de perdón e seguridad de todos sus errores e de su persona e de su padre.”
- 193 “Que les plasia con tanto que en todo dixiese enteramente la verdad, porque ellos bien conoscerian poco más ó menos si la diria.”
- 194 “Болетин”, xi. стр. 26.
- 195 “Revue des Etudes Juives,” vol. xv. p. 232.
- 196 “Болетин”, xi. 52.
- 197 “Болетин”, xi. стр. 55.
- 198 Там же. стр. 50.
- 199 “Болетин”, xi. стр. 52.
- 200 Там же.
- 201 Который был сформулирован в соответствии с вынесенным в конечном итоге приговором.

202 Всеу этому противоречит более позднее признание Хуана Франко в том, что он сам привез ребенка из Толедо и принес его в пещеру. Имя отца ребенка - такая же выдумка, как и все остальное в этих мстительных показаниях.

203 “Болетин”, xi. стр. 24.

204 “Болетин”, xi. стр. 26.

205 “Болетин”, xi. стр. 72.

206 Там же. стр. 78.

207 Там же. стр. 80.

208 “Болетин”, xi. стр. 80.

209 Там же. стр. 87.

210 “Болетин”, xi. стр. 91.

211 Там же. стр. 90.

212 Там же. стр. 91.

213 Там же. стр. 89.

214 “Болетин”, xi. стр. 97.

215 “Болетин”, xi. стр. 94.

216 Там же. стр. 421.

217 “Болетин”, xi. стр. 113.

218 “Болетин”, xi. стр. 421.

219 “Болетин”, xii. стр. 169.

220 “Revue des Etudes Juives,” vol. xv. p. 232.

221 См. “Болетин”, xiii, стр. 113.

222 “Y se halló la verdad y demonstracion de todo ello.”

223 Посмотрите фразы, приведенные в “Свидетельстве”.

224 “Historia del Martirio,” p. 83.

225 “История”, стр. 146.

226 Amador de los Rios, “Historia de los Judios,” vol. iii. p. 292.

227 “Кроника”, глава. xlv.

228 кастеллано стоил 480 мараведи.

- 229 “Анализы”, том i, стр. 199.
- 230 См. “Сентинела”, стр. 153.
- 231 См. Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 196, и “Сентинела”, стр. 86.
- 232 См. “Сентинела”, стр. 152.
- 233 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 182.
- 234 Paramo, “De Origine,” p. 143; Llorente, “Historia Critica,” ii. p. 114.
- 235 Указ цитируется полностью в Приложении IV. of Amador de los Rios’ “Historia de los Judios.”
- 236 Смотрите текст эдикта в “Истории правосудия” Риоса, Приложение IV.
- 237 Амадор де лос Риос (iii. стр. 310) весьма обоснованно ставит под сомнение то, что им разрешалось принимать деньги в переводных векселях, хотя это утверждение содержится в “Хронике” Бернальдеса и упоминается другими современниками.
- 238 “История”, том i, глава сх.
- 239 “Historia de los Judios,” vol. iii. p. 311.
- 240 Кольменарес, “История”. Сеговия, глава xxxv. § ix.
- 241 “История”, том i, глава сх.
- 242 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 190.
- 243 Бернальдес, “История”, том i. стр. 339.
- 244 “История”, том i, глава сх.
- 245 крузадо стоит флорин, но при этом покупательная способность по меньшей мере в пять раз превышает эту сумму.
- 246 “История”, том i. стр. 344.
- 247 Там же. стр. 338.
- 248 Zurita, “Anales,” lib. i. cap. iv.; Salazar de Mendoza, “Monarquia de España,” iii. p. 338.
- 249 “История”, библиотека. xxvi. глава первая.
- 250 See Amador de los Rios, “Historia de los Judios,” vol. iii. p. 316.
- 251 Парамо утверждает, что так оно и было. См. “О происхождении”, стр. 143, а также Салазара де Мендоса, “Монархия Испании”, iii. стр. 337.
- 252 Paramo, “De Origine,” p. 156.
- 253 “Критическая история”, том ii, стр. 125.

254 Кольменарес“, Hist. Сеговия”, глава xxxv., и Парамо “О происхождении”, lib. ii. глава iv. Парамо говорит, что у епископа были “собственные причины”, а также защита костей его деда, чтобы отвезти его в Рим.

255 Берчард, “Дневник” (изд. Туасне), ii. стр. 163.

256 Берчард, “Дневник” (изд. Туасне), ii. стр. 409 и 494.

257 Лимборч, библиотека. xiv. глава. 41; Льоренте, “Критическая история”, том. ii. стр. 126; Берчард, “Дневник”, ii. 494, iii. 13—.

258 Льоренте, “История. Критика”, ii. стр. 126. Против Аранды выдвигались обвинения в том, что в ходе своего иудаизма во время молитвы он всегда произносил “Gloria Patri”, намеренно опуская “Filio et Spiritu Sancto”, что он принимал пищу перед началом мессы, что он ел мясо в Страстную пятницу и другие дни воздержания, что он отрицал эффективность индульгенций и не верил в Ад или Чистилище, и многое другое. См. Берчард, “Дневник”, iii. стр. 14.

259 “Анализы”, том i., стр. 214.

260 Paramo, “De Origine,” p. 156.

261 Лумбрерас, цитируется Льоренте, “Анализы”, том i. i., стр. 215.

262 Льоренте, “Анализы”, том i., стр. 222.

263 Paramo, “De Origine,” p. 159.

264 “Критическая история”, том ii, стр. 77.

265 Там же. ii. стр. 78.

266 Смотрите “Сборник инструкций” под датой.

267 Эта цифра, приведенная Берчардом, является наиболее авторитетной (“Диарий”, ii. 492). Льоренте говорит “250”, а Сануто (“Диарио”, 1029) - “зерча 300 маррани”.

268 Льоренте, “Анализы”, том i, стр. 238; Берчард, “Дневник”, ii, стр. 491-2. Венецианский автор дневников Сануто сообщает об этом из писем, полученных из Рима, с характерным сарказмом: “Понтифик отправил около 300 *маррано* в знак покаяния к Минерве, одетых в желтое, со свечой в руке: это было их публичное покаяние; тайное должно было быть из их денег” (“Diario”, i. col. 1029).

269 Лумбрерас, цитируется Льоренте, “Анализы”, том i., стр. 238.

270 “История Фердинанда и Изабеллы”, том i, стр. 286.

Льоренте оценивает число жертв Торквемады в 8 800 сожженных, 6500 сожженных изображений и 90 000 наказанных в различной степени. Эти цифры, однако, ненадежны и, несомненно, преувеличены, хотя сами по себе они являются поправкой к его более ранней оценке, которая фиксирует количество сожженных на уровне более 10 000 человек — оценке, которой явно отдают предпочтение доктор Рул и другие пристрастные авторы по этому вопросу.

271 “Ист. Verdadera,” vol. ii, стр. 113.

272 Paramo, “De Origine,” p. 159.

Примечание переписчика:

Непоследовательное написание и расстановка переносов такие же, как в оригинале.